

II-10.
D. 141.

ОП

РЕШЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

=

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1844.

=

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ДУРНАЧАРСКОГО
ТЕАТРА ДРАМЫ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

7948. 7000.
7967

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. 1844 года, января 1-го дня.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ.

1844.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Философія и исторія музыки. <i>Il dissoluto punito ossia il Don Giovanni</i> (Донъ-Жуанъ, опера Моцарта). Статья г-на <i>Улыбышева</i>	1
II. Мъщавинъ-Дворянинъ. Комедія Мольера. Перев. <i>В. З.</i>	60
III. Любовь въ уздномъ городѣ. Повѣсть <i>М. Г. Романовича</i>	104
IV. Пзъ «Вильгельма Мейстера». Стихотвореніе ***	133
V. Не бывать-бы счастью, да несчастье помогло. Водевиль <i>П. С. Ое-дорова</i>	135
VI. <i>Други, не впрте людлмъ коварнымъ.</i> Стих. <i>М. Г. Романовича</i>	170
VII. Матеріалы для исторіи русскаго театра. Екатерина Вторая, Императрица русская, на поприщѣ драматическомъ. <i>М. Н. Макарова</i>	172
VIII. Мой теска или Страдавія Джона Броуна, рассказанныя имъ самимъ. <i>Перев. съ англійскаго</i>	180
IX. Взглядъ на современное состоявіе музыки въ Европѣ	203
X. Юмористика. Отрывки изъ писемъ театральной мыши. — Комедія во-время комедіи	214
XI. Смѣсь. Нѣсколько словъ о сценическомъ искусствѣ. — Кто богаче — Мейерберъ или Ротшильдъ. — День одного изъ нашихъ писателей. — Пѣвецъ въ затруднительномъ положеніи. — Неисправимый пѣвецъ (сцена въ полиціи). — Кричтонъ. — Происхожденіе Полишинеля. — Казиміръ Делавинъ. — Новаго рода должность при театрѣ. — Аретинъ, такъ-называемый «Бичъ сильныхъ». — Наполеонъ, какъ эстетикъ. — Банкиръ и поэтъ. — Анекдоты и мелочи	228—256

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. *Иностранныя театры.*

Стр.

I. ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ. <i>Il fantasma</i> , мелодрама. — <i>L'esclave de Camoëns</i> , опера. — <i>La tutrice</i> , комедія. — <i>Tibérog</i> , трагедія. — <i>Les Battons flottans</i> , комедія. — <i>Une fête de Néron</i> , трагедія. — <i>Le médecin de son honneur</i> , драма. — <i>Les reparations</i> , водевиль. — <i>L'homme blasé</i> , водевиль. — <i>Daniel le tambour</i> , водевиль. — <i>L'Italien et le Bas-Breton</i> , водевиль. — <i>Manon</i> , водевиль. — <i>Une invasion de grisettes</i> , водевиль. — <i>Les mémoires des deux jeunes mariées</i> , водевиль. — <i>L'ombre</i> , балетъ. — <i>Le Vengeur</i> , драма.	1—18
II. ВЪЕНСКІЕ ТЕАТРЫ	19
III. ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ	19

2. *Русскіе театры.*

I. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ. (Екатеринбургскій театръ, Э. Сибирякова. — Харьковскій театръ, Рымова)	21
II. ТЕАТРЫ МОСКОВСКІЕ. Бенефисъ г. Ферзинга. — Бенефисъ г-жи Сабуровой. — Второй дебютъ г. Алерма. — Живель (г-жа <i>Андреянова</i>). — Бенефисъ г. Живокини. — Тереза, женевская сирота	30
III. ТЕАТРЫ ПЕТЕРБУРГСКІЕ. (Большой театръ, Итальянскія оперы: <i>Пирратъ</i> . — <i>Севильскій цирюльникъ</i> . — <i>Отелло</i> . — <i>Лючия</i> . — <i>Невѣста мулатикъ</i> . — <i>Норма</i> . — <i>Велисарій</i> . — <i>Донъ-Жуанъ</i> . — Александринскій театръ: Мѣщанинъ-дворянинъ, комедія <i>Мольера</i> . — Не бывать-бы счастью, да несчастье помогло, водевиль П. С. <i>Ододорова</i> . — Складчина на ложу въ итальянскія оперы, водевиль П. <i>Григорьева</i>	34
IV. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ	41

Подписка на «Репертуаръ и Пантеонъ» принимается: Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторахъ изданія, состоящихъ при книжныхъ магазинахъ А. А. Ольхиной, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ арсенала Аничковского Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суворовской линіи, № 13.

Въ Москвѣ, въ конторахъ изданія: между Дмитровкою и Петровкою на валу въ прежде-бывшей книжной лавкѣ А. С. *Ширлева*, а нынѣ *Свѣшников* и *Базунова*; въ ихъ-же книжныхъ лавкахъ, на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, въ домѣ подлѣ № 4 и 5; равно въ книжныхъ магазинахъ О. И. *Хрусталева*, В. В. *Лошинова*, А. В. *Глазунова* и К. А. *Полеваго*.

Сверхъ-того, въ Газетной Экспедиціи С.-Петербуржскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе десять рублей серебромъ. За пересылку и доставку на домъ полагается полтора рубля серебр.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ знаменитаго пѣвца **ЛАБЛАША**, въ роли Фигаро, въ каррикатурѣ (*Charge*), рисованный и литографированный въ Парижѣ.

ФИЛОСОФІЯ И ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

=

IL DISSOLLUTO PUNITO OSIA IL DON GIOVANNI (Донъ Жуанъ, опера Моцарта) *.

=

Въ письмѣ отъ 4-го апрѣля 1787 года, къ больному отцу своему, Моцартъ, между-прочимъ, писалъ слѣдующее:

«Считаю излишнимъ говорить вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я отрадной вѣсти о вашемъ здоровьѣ, и увѣряю васъ, что, несмотря на привычку свою — предвидѣть во всемъ одно только дурное, я все-таки утѣшаю себя надеждою получить это извѣстіе скоро! Смерть, если разобрать хорошенько, составляетъ истинную цѣль нашего существованія, и въ-продолженіе многихъ лѣтъ, я свылся съ мыслию объ этой лучшей и истинной подругѣ нашей, такъ, что видѣ ея не только не пугаетъ, но, на-противъ-того, даже успокоиваетъ и утѣшаетъ меня. Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силы сознать въ смерти источникъ нашего истиннаго счастья. *Я никогда не ложусь спать безъ мысли, что, быть-можетъ, завтра, хоть я еще и очень-малодѣ, меня не станетъ.* Между-тѣмъ никто изъ знакомыхъ моихъ не скажетъ, чтобы я былъ скучнаго и угрюмаго нрава; и за эту милость ежедневно благодарю Создателя, желая отъ всей души, чтобъ Всевышній ниспослалъ ее и каждому ближнему моему».

---

* Статья эта взята изъ вышедшей въ 1843-мъ году превосходной книги нашего соотечественника, г-на Улыбышева, «Nouvelle biographie de Mozart». И именно теперь, когда «Донъ Жуанъ», въ числѣ прочихъ представлений итальянской оперы, является на нашей сценѣ, именно теперь, кстаті помѣстить эту занимательную для всякаго статью, и тѣмъ самымъ познакомить публику со взглядомъ глубокаго знатока музыки на твореніе Моцарта. — Съ своей стороны мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣнія г-на Улыбышева, и надѣемся, что если книга его у насъ не обратила на себя особеннаго вниманія, то за границею рано или поздно будетъ оцѣнена по достоинству и станетъ въ ряду лучшихъ сочиненій по части исторіи и философій музыки.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, Моцартъ взялся написать оперу для пражскаго театра. Отець его умеръ 28-го мая, того-же 1787 года.

Молодой человекъ, 30-ти лѣтъ отъ роду, вполне обладающій жизнью и искусствомъ, любящій удовольствія и распространяющій ихъ вездѣ, гдѣ только вздумаетъ онъ показаться, веселый почти до шутовства и даже вольнодумный,—ежедневно мечтаетъ о смерти! И эта-то двойственность природы, вполне высказанная, собственными признаніями Моцарта, иногда дѣлала изъ него человека, противорѣчившаго самому-себѣ. Въ последнемъ письмѣ къ умирающему отцу, Моцартъ не все открылъ ему. Известно, что онъ боялся смерти, и она не всегда являлась ему въ образъ прекрасно-грустнаго ангела, который одною рукою опускаетъ свѣтильникъ, а другою указываетъ въ вѣчность. Это самое послужитъ къ лучшему объясненію разбираемой нами партіціи.

Идея о смерти, неразлучная съ идеей о невзвѣстномъ будущемъ и вѣчномъ, преобладаетъ во всемъ, что только ни создается великаго и бессмертнаго человекомъ. Потому-ли, что гений, объемля поле настоящаго, засѣиваетъ его на отдаленныя времена грядущаго, потому-ли, что онъ слишкомъ-глубоко погружается въ бездну метафизическихъ отвлеченностей,—но только смерть вездѣ является посредницей между планомъ и его отдаленнымъ исполненіемъ, между умозрѣніемъ и конечнымъ, къ которому онъ стремится.—Идея о смерти богата великими результатами; больше всего въ изящныхъ искусствахъ и преимущественно въ музыкѣ, которая, породившись въ христіанствѣ, никогда не существовала и не существуетъ вне его сферы.—Облекая въ свою воздушную матерію тѣ неопредѣленно-таинственныя побужденія души, для выраженія коихъ нѣтъ словъ ни на какомъ языкѣ (и которыя, по видимому, связуютъ земное съ безъизвѣстнымъ—будущимъ), музыка изъ того, что въ поэзіи и въ искусствахъ проявляется только, какъ призракъ, идеалъ или очарованіе, образуетъ *реальность*—дѣйствительность. А потому, чудесное и сверхъестественное, обитанная земля души нашей, населенная безчисленнымъ роемъ обольстительныхъ призраковъ и вмѣстѣ ужасныхъ вымысловъ,—страна чудеснаго, къ которому непрерывно стремится душа наша, составляетъ и исключительную область музыки, которая здѣсь дышитъ неподдѣльною роскошью и полнотою. Но кто хранитель этой области? И вотъ опять, хранителемъ является, тотъ ужасающій призракъ, который, на какую-бы точку умственнаго горизонта вы ни навели взоръ вашъ, смотритъ вамъ прямо въ очи.—Ключъ къ тайнамъ, которыя ты тщетно рвешься разгадать, у меня въ ру-

какъ, говоритъ смерть философу.—Миръ идеальный, возглашаетъ она поэту и живописцу, который вы стараетесь создать идеями и словами, формами и красками, заимствованными на землѣ, будетъ болѣе или менѣе развѣчоннымъ отраженіемъ земныхъ предметовъ; одна я могу поднять завѣсу, скрывающую иные типы.—Ты, гласитъ смерть музыканту избранному: ты будешь счастливѣе своихъ соперниковъ, въ открытіи пути къ неизвѣстному, ты обрѣтешь его въ самомъ источникѣ. Гармонія, которую твое, вполне христіанское искусство, извлекло изъ глубли физическихъ законовъ, въ коей она тавлась со временъ созданія, составляетъ въ существенномъ миръ ту единственную реальную форму неизвѣстнаго, которая только можетъ принадлежать вашему подлунному міру. Итакъ, пусть дуновеніе вѣчности потрясетъ струны лиры твоей; пусть эхо божественныхъ созвучій раздастся въ твоихъ пѣсняхъ.— Испытай,—тебѣ все это возможно, если только меня послушаешь. Гласъ мой, преждевременно раздавшійся, разрушитъ твое тѣло; но что до этого: Увѣренная, что не буду долго слышать тебя, я и свыше продвѣкую тебѣ мелодіи и ты напишешь ихъ.—Моцартъ подписалъ договоръ, по которому отдавалъ свою жизнь въ замѣнъ *двухъ дивныхъ партій* *. Онъ быль не въ силахъ отказать отъ такого договора.

Три предмета требуютъ и должны занять наше полное вниманіе: *біографическія подробности и нравственные факты, имѣвшіе вліяніе на сочиненіе Донъ-Жуана; личные качества слушателей и исполнителей, для которыхъ предназначалась эта опера; наконецъ, поэтическія данныя, служившія ей основаніемъ.*—Начнемъ съ послѣднихъ.

Разсматривая, по-одиночкѣ, сцены либретто, мы находимъ въ немъ такую несвязность и пестроту, что, кажется, будто-бы всѣ разнородные элементы драматической поэзіи были положены и перемѣшаны въ мѣшкѣ, и потомъ, какъ нумера въ лото, вынимались изъ него по жребію. Въ-самомъ-дѣлѣ, чего въ немъ нѣтъ? веселая процессія и окровавленный трупъ на пути ея; любовь, у которой вырывается ея первое признаніе, и тоска, изливающаяся въ ея последнемъ вздохѣ; оргія въ жилищѣ живыхъ, и говорящій гробъ въ обители мертвыхъ; повсюду грубые фарсы смѣшиваются съ изнасилованьемъ, съ убійствами, съ криками отчаянія, съ клятвами мести и замогильными привидѣніями; пиршество, гдѣ разливное море шампанскаго, восхитительная музыка и—мертвецъ вмѣсто гостей; Мельпо-

* «Донъ-Жуанъ» и «Реквиемъ».

мена и Арлекинъ, люди и демоны—приглашены и тавцуютъ на одномъ праздникѣ! И потомъ, когда весь этотъ сбродъ успѣлъ на-вертѣться до изнеможенія въ этомъ фантазмагорическомъ кругу, когда всѣ эти противоположности рода человеческого истощились, въ этихъ сатурналіяхъ воображенія,—каждый удаляется, не понимая и не зная куда,—за исключеніемъ героя-оперы, который управляется въ адъ,

Понятно-ли, при взглядѣ на эту піесу, напоминающую собою мистеріи среднихъ вѣковъ, и которая, разсматриваемая-вне въ всѣхъ условій драматическаго искусства XVIII-го вѣка, можетъ почтеться годною только для одного кукольнаго театра; понятно-ли, что сочинитель ея Дапонтэ (Da Ponte), послѣдователь Метастазія, официальный поэтъ вѣнскаго двора, поэтъ, вскормленный млекоу самыхъ здравыхъ классическихъ ученій,—что этотъ самый Дапонтэ съ 1787-го года вдался въ выпренность романтизма!.. Много лѣтъ прошло со-времени постановки на сцену «Донъ-Жуана», какъ критики возстаютъ еще противу нелѣпости поэмы, соглашаясь въ тоже время, что одна она могла ввухнуть композитору такую музыку, которой онъ самъ никогда не ожидалъ. Хотя критики не объяснили этой случайности, ибо случайность необъяснима; но за всѣмъ тѣмъ они были правы. Либретто безъ музыки точно нелѣпо до крайности, а между-тѣмъ этотъ нелѣпый текстъ и гениальная музыка составляютъ здѣсь одно тѣло и единую душу.—Но несмотря на это, не найдется однакожь никого, кто-бы не понялъ, во сколько разъ картины композитора превосходятъ очерки поэта, и даже какъ часто и рѣзко разнятся они между собою; не найдется никого, кто-бы не открылъ въ исторіи Донъ-Жуана, высказываемой партиціею, порядка вещей совершенно-новаго и чуждаго содержанію либретто!

Мы хотимъ дать почувствовать читателямъ, и заставить ихъ, такъ-сказать, осязать разницу между взглядами музыканта и поэта, которые, различные и даже часто противоположные по намъренію, если будемъ ихъ разсматривать отдѣльно, тотчасъ-же начинаютъ вполне во всемъ согласоваться и сходиться, если возьмемъ ихъ вмѣстѣ. Чтобъ достигнуть предположенной цѣли, мы представимъ, на подобіе историческаго романа, но нисколько не увлекаясь воображеніемъ, разговоръ, въ которомъ авторы «Донъ-Жуана» будутъ разсматривать свой предметъ,—однѣмъ, слѣдуя сущности своей поэмы; другой—духу своей партиціи. Мнѣнія ихъ такъ ясны и просты, что мы надѣемся передать ихъ, безъ большихъ погрѣшностей.

моцартъ. Ну, любезный аббатъ, мнѣ нуженъ текстъ для оперы; но прошу тебя, не напиши мнѣ опять какую-нибудь французскую комедію. На этотъ разъ опера моя готовится не для Двора и не для Вѣны, а для прагской публики, которая вполне понимаетъ меня; для прагскаго оркестра, который не приготовляясь разыгрываетъ мои сочиненія. — Труппа тамъ превосходная и пѣвцы выполнять все, что я захочу. Следовательно, это почти все равно, что Моцартъ будетъ трудиться для самого-себя. Дѣло идетъ о томъ, чтобы составить себѣ славу. — Но мнѣ-бы хотѣлось чего-нибудь особеннаго. Помогите, аббатъ!

дапонтѣ. Твоя просьба очень кстати. Я теперь — же обрабатываю текстъ. Сюжетъ взять изъ старой испанской комедіи Тирса-де-Молина, которая называется: *Каменный Гость* или иначе *Севильскій Писемщикъ*. Мольеръ и Гольдони сдѣлали изъ нея комедію; а мнѣ пришла мысль составить оперу. — Это будетъ самая ужаснѣйшая чертовщина. Ничего подобнаго никогда даже не грезилося дилетантамъ; я боюсь одного, что никакой композиторъ за нее не возьмется.

моцартъ. Ну-ка, расскажи мнѣ эту чертовщину?

дапонтѣ. Сначала, каменный всадникъ, приглашенный къ ужину, слезаетъ съ коня, потому-что, согласись, довольно-неучтиво являться въ залу — верхомъ. Статуя не хочетъ кушать, а въ-замѣнъ читаетъ весьма-назидательное правоученіе хозяину, рѣдкому негодяю, послѣ чего тащить его въ адъ. На сценѣ, увѣрю тебя, будетъ чудесно. Всадника сыграетъ актеръ, выпачканный мѣломъ, въ шлемъ, въ бѣлыхъ лошачьихъ перчаткахъ и полнымъ римскомъ вооруженіи изъ стараго хлама (*смѣется*). Потомъ, у насъ, изъ особеннаго отверзтія будетъ выходить пламя фосфора и вылезать черти всѣхъ цвѣтовъ. Одно только затрудняетъ меня, — это рѣчь мертвеца; хотя я и надѣюсь, что понимаю свое дѣло не хуже другаго, — но все-таки, я еще не совсѣмъ Шекспиръ, чтобы могъ заставить привидѣніе говорить, какъ слѣдуетъ.

моцартъ. Пужды нѣтъ, что-бы оно ни сказало. Увидишь, что смерть заговоритъ въ моемъ оркестрѣ такъ, что ее по-неволю поймутъ. Я хорошо, слишкомъ-хорошо знаю, какъ гласитъ она. — Покуда прекрасно, но довольно о статуѣ. Что тамъ дальше?

дапонтѣ. Дальше, у насъ есть хорошенькая дѣвушка, отецъ которой, онъ-же и статуя, былъ убитъ на дуэли однимъ негодяемъ — героемъ пьесы. Синьйорина, какъ водится, плачетъ и отчаявается, тѣмъ-болѣе, что злодѣй едва не сыгралъ и съ нею довольно-дурной шутки, — съ нею, дочерью командора и, что всего важнѣе, невѣ-

стою красивѣйшаго Андалузца.— Она клянется отмстить за себя! Пока все идетъ хорошо для тебя, маэстро, но вотъ что худо: молодой человекъ женихъ ея, на котораго возложено мщеніе, страшно клянется наказать дерзкаго и даже обнажаетъ шпагу; но въ присутствіи дерзновеннаго, который рѣшителенъ и силенъ, какъ бѣсъ, онъ теряется, и шпага его, пользуясь этой минутой, спокойно возвращается въ ножны.— Признаюсь, влюбленный нашъ прежалкая птица. Онъ вѣчно слѣдитъ за своей любовницей, словно шлейфъ ея чорнаго платья. Иначе его и нельзя представить. Итакъ слезы, отчаяніе синьйоры, ея планы о мщеніи, не произведутъ ровно ничего!

моцартъ. Молчи,—они произведутъ невѣроятное, они ускорятъ правосудіе небесъ! они поднимутъ изъ гробовъ мертвецовъ! О, тогда поймутъ, что только одинъ грозный—нечеловѣчскій гласъ мщенія (vendetta) могъ призвать статую. Эти двѣ вещи очевидно соединены между собою.—Я восхищенъ, аббатъ, твоей примадонной; повѣрь, я избралъ-бы ея изъ тысячи. Что-жъ касается до жениха, то и онъ не заслуживаетъ твоихъ упрековъ. Какъ-же ты хочешь, чтобъ бѣдняга (poverino) затѣялъ ссору съ этимъ воплощеннымъ чортомъ, который преспокойно предлагаетъ стаканъ вина твои убитаго имъ старика! Зять послѣдовалъ-бы за тестемъ, и мы снова, какъ въ Фигаро, остались-бы безъ тенора. Что-жъ за выгода! Саго ашисо, ты еще нисколько не подозреваешь, какъ важенъ подобный человекъ; я говорю о твоёмъ негодяѣ... но, терпѣніе! Когда ты увидишь его на сценѣ, наединѣ съ статуей, съ дерзостью въ глазахъ, съ ироніей и ругательствомъ на устахъ, между-тѣмъ-какъ у всѣхъ зрителей волосы становятся дыбомъ (это мое дѣло); когда онъ будетъ говорить: Parla! che chiedi? che vuoi? * тогда ты его узнаешь! Нѣтъ, нѣтъ, такой ужасный негодяй не можетъ быть наказанъ рукою человека: дьяволу стало-бы отъ этого завидно. — Чортъ возьми, онъ весь долженъ принадлежать ему. И такъ прости-же бѣднаго любовника. Онъ общается, онъ хотѣлъ-бы исполнить, онъ даже начинаетъ свое мщеніе,—что-же болѣе можетъ требовать, въ подобныхъ обстоятельствахъ, примадонна отъ своего вѣрнаго тенора! Нашъ любовникъ живетъ только жизнью внутреннею: вся она—въ одной его любви, которая, увѣрю тебя, будетъ высока и прекрасна (*заглядывая въ рукопись*). Ты заставляешь его клясться глазами своей дульциней, кровью убитаго старика. О, какой дивный дуэтъ!

дапонте. Да, маэстро, ты правъ. — Надобно-же быть такимъ

* Говори, что тебѣ угодно?

глупомъ, чтобъ не замѣтить, что все это я написалъ такъ хорошо и умно; — о, подобная ошибка рѣдко случается съ нашимъ братомъ, сочинителемъ! Но будешь-ли ты также доволенъ и остальнымъ? Нашъ негодяй — страшный любитель женщинъ: въ одной только Испаніи попользовался онъ mille é tre *; да, сверхъ-того, этотъ воплощенный дьяволъ много путешествовалъ. Ты хорошо понимаешь, что, не имѣя возможности наполнить сцену цѣлой ордой женщинъ, — мнѣ нужно было вывести хоть одну, которая была бы представительницею всѣхъ остальныхъ жертвъ, И вотъ является у меня эта одна, къ которой подѣхалъ герой нашъ въ Бургосъ и потомъ неизвестно гдѣ и какъ бросилъ. Итакъ это Didona abandonnata **, замужняя, вдова или дѣвушка, этотъ пунктъ еще не рѣшонъ; но только она не можетъ снести этой измѣны. Она бѣгаетъ по горамъ и долинамъ, требуя у всѣхъ проходящихъ своего невѣрнаго. Наконецъ она находитъ его и, увъ! уже ухаживающаго за другою. — Въмѣсто того, чтобъ рассыпаться предъ нею въ извиненіяхъ, нашъ негодяй еще смѣется въ глаза надъ легковѣрною и оставляетъ ее съ лакеемъ. Красотка не отчаевается. — Ее заставляетъ ночью скитаться по улицамъ съ тѣмъ же самымъ лакеемъ переодѣтымъ въ шитый плащъ своего господина. И что-жь? Она все-таки упорно любитъ своего измѣнника, и когда ей не остается уже никакой надежды, она хочетъ заставить, по крайней-мѣрѣ, раскаяться того, отъ обладанія которымъ она должна отказать навсегда. — Между нами, маэстро, я считаю ее сумасшедшею и надѣюсь, она порядочно позабавитъ галерею. — Не правда-ли, что она ни къ чему больше не годится?

моцартъ, О чудное, прекрасное лицо! Сумасшедшая, говоришь ты, сумасшедшая? да, развѣ только для васъ поэтовъ, смотрящихъ на одніе дѣйствія лицъ и слова, которыя безъ-разбора влагаете вы въ уста ихъ. — Но что значать слова, что значать и самыя дѣйствія, подлежащія столькимъ толкованіямъ? — Ихъ надобно разсматривать въ глубинѣ души, а, послѣ Бога, на это способенъ только одинъ музыкантъ. — Сумасшедшая! годная только къ возбужденію однихъ грубыхъ насмѣшекъ! Пожалуй, заставьте ее говорить, что только вамъ вздумается; но я вполне надѣюсь, что когда эта великодушная и преданная душа отразится, какъ въ зеркалѣ, въ моей музыкѣ, тогда друзья мои увидятъ въ ней болѣе, чѣмъ сумасшедшую. — (*Разсматривая рукопись*). Она является на его послѣдній пиръ, умоляетъ его сжаться надъ самомъ собой.

* Тысяча три.

** Оставленная Дидона.

О, какъ дивно это! то гласъ ангела — хранителя, раздающійся прежде глагола Судін. (*Немного подумавъ*). Притомъ-же это страстное, живое лицо составляетъ необходимую связь между другими лицами, изъ коихъ обоимъ главнѣйшимъ назначены, по-видимому, уже страдательныя роли. — *Didona abandonnata* будетъ главнымъ дѣятелемъ драмы, — а въ музыкѣ связью всѣхъ *morceaux d'ensemble*. — Она доставитъ намъ случай написать тріо, квартетъ, и даже, быть-можетъ, секстетъ — если будетъ изъ кого составить. — Я полюбилъ секстетъ-съ-гѣхъ поръ, какъ сдѣлалъ первый опытъ въ немъ въ Фигаро, хотя лирическое содержаніе его очень-плохо. — Нестранно-ли, что чѣмъ ты лучше напишешь, тѣмъ меньше это воображаешь?

дадите. Согласенъ съ этимъ, потому-что ты такъ думаешь. — Что-же касается до секстета, то его будетъ изъ кого составить; еще мы не кончили перечень всѣхъ дѣйствующихъ лицъ; вотъ одно изъ нихъ, которое, вѣроятно, тебѣ понравится: это молодая крестьянка, невѣста, невипная, чувствительная, однако отчасти кокетка и даже плутовка, но только по необходимости, какъ ты сейчасъ увидишь. — Эга пташка по васъ, мой милый маэстро!

моцартъ. И по васъ, почтенный аббатъ. Васъ всѣ знаютъ...

дадите. Итакъ, негодяй встрѣчаетъ ее въ свадебной процессіи. Хотя онъ и мерзавецъ, однакоже, надо отдать ему справедливость, знатокъ въ своемъ дѣлѣ, и въ головѣ его всегда готовъ какой-нибудь адскій замыселъ; ему довольно минуты, чтобъ удалитъ всѣхъ, вмѣстѣ съ повобрачнымъ, — болваномъ и живымъ подобіемъ клячи. — Крестьянка, бѣдная примапенная пташка, уже почти попадаетъ въ раставленную для нея сеть; но вдругъ ее кто дергаетъ за рукавъ. — Это наша *Didona abandonnata*, которая, весьма кстати, какъ шляпой покрываетъ *Briccone* (негодяя). Господину обольстителю побой ни-по-чомъ; онъ рѣшается употребить силу, что, по-счастію, ему не удастся. Тогда женихъ, не смотря на то, что похожъ на клячу, начинаетъ однако сердиться и хотеть отплатить; но, не зная какими судьбами, дѣло кончается тѣмъ, что вмѣсто того, чтобъ побить *Briccone*, его самого важно отгузили. Онъ воетъ, какъ шальной. На эти неистовые крики прибѣгаетъ невѣста несчастнаго и разсматриваетъ синяки и царапины, нанесенные ей дражайшему женишку, прикладомъ его-же ружья. Бездѣлица! пустяки! Невѣста знаетъ лекарство, которое его тотчасъ же исцѣлитъ. — Не забудьте, маэстро, что наступающая ночь — есть ихъ брачная ночь. — Вы угадываете лекарство, ха, ха, ха! Положеніе немного соблазнительное... Можетъ-быть, поэту съ

моими достоинствами не должно-бы вводить его; но что прикажете дѣлать, вѣдь изъ любви къ вамъ, саго маэстро, я поступилъ такимъ образомъ и написалъ кусочекъ каватинны...

МОЦАРТЪ. Посмотримъ. (*Читаетъ*) Vedrai, carino * etc. Гмъ! Неблагопристойность довольно-дурно прикрыта. Впрочемъ, лучше ты и не могъ сдѣлать. Что же касается до моей обязанности, понимаешь-ли ты ее? Мнѣ нужно выразить музыкаю отраднѣйшую минуту жизни, торжественнѣйшее состояніе души! Другой поэтъ, стараясь выразить все это по-своему, только помѣшалъ-бы мнѣ; но ты, которымъ я дорожу, какъ зеницей моего ока, ты, преданнѣйшій товарищъ мой, мой вѣрный Пиладъ, — ты прямой поэтъ-композиторъ, ты берешь меня за руку, ты кладешь ее на мое сердце, трепещущее сладострастіемъ, и говоришь мнѣ: senti lo battete **. О да, я долженъ почувствовать и передать это трепетанье. — Въ этой каватинѣ будетъ выражено все блаженство любви; а любовь эта, на зло тексту, будетъ и горяча, и цѣломудренна. Текстъ — это рѣчь крестьянки, она ей прилична; — музыка-же будетъ ея душою, душою Моцарта, когда вель онъ Констанцію къ брачному ложу. Видишь-ли, я уже до безумія влюбленъ въ нашу крестьянку!

ДАПОНТЕ (*немного смущенный*). Я зналъ, что она тебя понравится.

МОЦАРТЪ (*подумавъ снова*). А что, аббатъ, къ какому роду піесъ будетъ принадлежать наша? Очевидно, она не будетъ опера-seria. Великій негодяй, лакомка до женщинъ; Didona abbandonata — надъ которой смѣются; простофиля, котораго сперва дурачатъ, а потомъ колотятъ; даже самая статуя, принимающая приглашеніе на ужинъ, — все это, по-моему, мало подходитъ къ героическому роду. Итакъ, одна только дочь командора да ея любовникъ годились-бы въ трагедію; но и то, блаженной памяти, вашъ предшественникъ, свѣтлѣйшій синьоръ Метастазіо, съ презрѣніемъ отвергнулъ-бы ихъ, потому-что они не Греки и не Римляне, не короли и не принцы. Съ другой-же стороны опять, піеса, оканчивающаяся смертью главнѣйшаго лица и послѣдняя декорация которой представляетъ адъ, конечно, не можетъ быть комическою оперой. Что-же она будетъ, если не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ?

ДАПОНТЕ (*почти съ сердцемъ*). Cogro di Vasco! да неужели вы меня принимаете, просто, за болвана, когда могла подумать, что я

* Увидишь, дружокъ.

** Слышишь-ли, какъ оно бьется.

изъ такихъ матеріаловъ хотѣлъ составить оперу-*seria*! Я имѣлъ въ виду написать *dramma giocoso*, и конечно, въ томъ, что я имѣлъ удовольствіе разказать вамъ, нѣтъ недостатка въ комическомъ; но вы принимаете вещи ..

моцартъ. Ну, полно-же сердиться, любезный аббатъ. Развѣ я не вполне доволенъ всѣмъ, что только ты предложилъ мнѣ? Изволь, пиши *dramma giocoso*, — какое мнѣ дѣло до названія? быть-можетъ, послѣ насъ, произведенію нашему найдутъ болѣе соответственное заглавіе. Что касается до меня, я забочусь только объ одномъ, о томъ, чтобъ въ этой оперѣ были соединены всѣ контрасты; чтобъ всѣ ея лица были одинаковы по достоинству. Не должно, чтобы въ ней безуміе было слабѣе порока, и любовь блѣднѣе негодованія и мщенія. — Иначе, послѣднее лицо, смерть — подавить собою всѣхъ. О, какъ отрадно смѣяться! Въ Фигаро я смѣялся только сквозь зубы, здѣсь-бы мнѣ хотѣлось посмѣяться отъ-души, до-сыта; но я до-сихъ-поръ не понимаю, надъ кѣмъ и какъ? Я уже сказалъ тебѣ мое мнѣніе о твоей мнимой безумной. Чтожъ касается до жениха-клячи, то онъ насмѣшитъ публику своею ролюю, а для партиціи онъ не можетъ составить большаго значенія. Кляча въ музыкѣ совершенно тоже самое, что и въ свѣтъ, т. е. *rosos* или *piante* *. А что, нѣтъ-ли у тебя въ запасъ еще какого-нибудь лица? Ты смѣешься?

дапонте. Видно, мнѣ по-неволѣ приходится открыть тебѣ то, что я поберегалъ до времени, чтобы порадовать тебя неожиданно. Да, пріятель, у насъ есть еще въ запасъ шутъ *ex-officio*, и я готовъ потерять мѣсто поэта при императорской королевской труппѣ въ Вѣнѣ, — болѣе, я готовъ отказаться отъ имени Итальянца, чтобъ сдѣлаться *tedesco* **, въ полномъ и настоящемъ смыслѣ этого слова, если только мой шутъ не понравится тебѣ.

моцартъ. Я не сомнѣваюсь. Вы, Итальянцы, способнѣе всѣхъ къ шутству.

дапонте. «Вы, Итальянцы!» А позвольте узнать, вы-то кто, господинъ композиторъ «Сватѣбы Фигаро»?

моцартъ. Я доволенъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похожъ на васъ. — Но слышите-ли, только въ нѣкоторыхъ?

дапонте. Неужели вы думаете, что въ музыкѣ вы выше Итальянца?

* Мало или ничего.

** Нѣмецъ.

моцартъ. Объ этомъ мы поговоримъ тогда, какъ наше настоящее дѣло будетъ покончено.—Теперь дѣло идетъ, кажется, о шутъ, и я, если только онъ того стоить, постараюсь какъ-можно лучше создать вашего соотечественника.

дапонтъ. Поверь, что самъ Поэзіелло поцѣловаль-бы у меня руку за такого товарища. Но впрочемъ суди самъ: шутъ нашъ—слуга, секретарь, дворецкій и полный управитель Виссоне. Однако сюда нейдетъ пословица: каковъ баринъ, таковъ и слуга, потому что нашъ похожъ столько-же на своего господина, сколько могла походить обучающая обезьяна на Люцифера, въ то время, какъ падшій ангелъ не имѣлъ еще ни козлиныхъ ногъ, ни хвоста. Что же касается до его нравственныхъ свойствъ, то вотъ онъ: онъ трусъ, прожора, резонеръ и подлый насмѣшникъ, впрочемъ безъ этого онъ былъ-бы добродѣтельнѣйшимъ изъ смертныхъ. Онъ искренно осуждаетъ повеленіе своего *padrone**; онъ отъ-души жалуетъ пташекъ, которыхъ его господинъ полонилъ своими ласкательствами и подмигиваньями; однакожь эта ловля, въ которой на его долю не падаетъ ни крошки, ему кажется до такой степени забавною, что онъ не можетъ не помогать всеми средствами своему господину, искусство котораго въ этомъ дѣлѣ внушаетъ ему глубочайшее удивленіе.—Всякой день онъ клянетъ труды, долгіе посты и опасности, которымъ подвергаютъ его продѣлки его *padrone*; всякой день онъ проситъ отпуска, и всякой день глупое любопытство, какая-то страсть къ приключеніямъ, а болѣе всего привязанность къ этому господину, который въ глазахъ его ужасный плутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно-удивительный человекъ, все это во-влекаетъ его въ самыя скверныя дѣла. Гдѣ только дойдетъ дѣло до щелчковъ, тамъ ужъ онъ, на вѣрное, съ носомъ. Но еслибъ дѣло дошло до потасовки, то этотъ плутъ, гибче угря, ускользнетъ изъ рукъ твоихъ, и въ ту-самую минуту, когда ты надѣялся удержать его. Увидѣвъ чорта, онъ сначала зажмурилъ-бы оба глаза; потомъ открылъ-бы до половины одинъ, потому-что чорта, какъ сами знаете, не всегда увидишь! Короче, его характеръ — смѣсь простодушія и хитрости, трусости и дерзкой неосмотрительности, неловкаго подражанія и истинктивной ловкости; природнаго и оригинальнаго невѣжества и чего-то заимствованнаго... Гмъ! Что вы на это скажете, господинъ маэстро? Развѣ я не обдумалъ нашего шута?

моцартъ. Чудно! Вотъ единственный, мастерски-понятый тобой характеръ. Мнѣ остается только выказать всѣ его отъѣнки, и на

* Покровитель, господинъ.

этотъ разъ, я почту себя счастливымъ, если сумью выполнить твои намѣренія.

депонтѣ. Я забылъ еще сказать, что шутъ мой—редакторъ журнала, статьяма для котораго снабжаетъ его самъ господинъ.— Смѣшной этотъ журналъ составляетъ курьезную хронику, въ которой помѣщаются, въ хронологическомъ и географическомъ порядкѣ, имена, прозванія, лѣта и полное описаніе всѣхъ красотокъ, которыхъ почтеннѣйшій *radgone* удостоилъ своимъ вниманіемъ. Я предполагаю, что въ журналъ находились также историческіе очерки каждаго дѣла, ибо онъ составляетъ уже препорядочное *in-folio*. Какъ-бы то ни было, редакторъ чрезвычайно гордится своимъ твореніемъ и читаетъ его встрѣчному и поперечному. Что-же касается до выбора времени и слушателей, такъ въ этомъ отношеніи, какъ ты сейчасъ увидишь, онъ превосходитъ всѣхъ своихъ журнальныхъ собратій. *Didona abbandonata* ожидаетъ объясненія.— Теперь или никогда, думаетъ исторіографъ нашего оберъ-негодяя; весьма-естественно, ее ничто такъ не займетъ и не утѣшитъ, какъ чтеніе такого сочиненія, въ которомъ, исключительно ей посвящена цѣлая глава, и вотъ, въ-слѣдствіе этого разсужденія, онъ уже читаетъ ей все назидательное повѣствованіе. Развѣ въ этомъ нѣтъ комизма?

моцартъ. Есть, согласенъ, но злой и даже жестокой комизмъ. Впрочемъ, мое дѣло будетъ постараться, чтобъ зрители простили тебѣ эту шутку, ибо она, въ-сущности, извинительна. *Дидона*—лицо совершенно страдательное въ драмѣ; и для нея, уже привыкшей ко всевозможнымъ несчастіямъ, свести еще одну обиду болѣе или менѣе ничего не значитъ? О, сколько злодѣйствъ тяготеетъ надъ главою *Grissone*; но, тѣмъ-лучше: чѣмъ-больше будетъ воплей противъ него въ-продолженіе пьесы, тѣмъ-выгоднѣе цѣлое будетъ гармонировать съ развязкой. Но, кстати, во сколькихъ дѣйствіяхъ будетъ опера?

депонтъ. Въ двухъ, которые однакожъ будутъ стоить добрыхъ четырехъ.

моцартъ. Какой будетъ у насъ финалъ перваго дѣйствія?—Мнѣ-бы хотѣлось огромнаго финала, съ хорами и большимъ сценическимъ движеніемъ.

депонтѣ. О, если дѣло только въ этомъ, то всего будетъ довольно.— У тебя будетъ величественный праздникъ, на который *Grissone* приглашаетъ всѣхъ проходящихъ; у тебя будутъ крестьяне, крестьянки, замаскированные, балъ, музыка, — пышный пиръ.— И вотъ плутъ господинъ задумываетъ самыя мошенническіе планы,

а плутъ слуга прокладываетъ ему дорогу; прочіе заняты планомъ мщенія; толпа пьетъ и пляшетъ, включая сюда же и клячу жениха, котораго также заставили танцовать, хотя сердце его занято другимъ. Все перемѣшано, — однимъ словомъ, говоря технически, — въ поэтическомъ безпорядкѣ. Вдругъ, среди этой бесѣды, въ соседственной комнатѣ раздаются пронзительные крики. — Чтò такое? Осматриваются и замѣчаютъ, что въ бесѣдѣ не достаесть новобрачной — вѣтъ также и *briccone*. О, измѣнникъ! О, архи-бестія! вы понимаете..... Толпа кричитъ, клянется, гремитъ, ломаетъ двери; двери летятъ, и *briccone*, со шпагою въ рукѣ, тащитъ за волосы слугу. Вотъ виноватый. Извините, господинъ обманщикъ, не надуете! На него бросились, окружили, стѣснили, разругали, изумили. — Сто палокъ поднимаются надъ его головою; теноръ обнажаетъ шпагу; женщины, словно гуси, когда гусенята собираются драться, удерживаютъ его своимъ крикомъ; музыканты перепрыгиваютъ чрезъ свои уроненные попитры и убѣгаютъ, — всѣ обиженные присоединяются къ шумящимъ, надѣясь выместить свою злость... Шумъ и суматоха страшная! А, господинъ негодяй, наслу-то вы попались! Повздится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. — Но не безпокойтесь, — видитъ око да зубъ нейметъ. — Нашъ *briccone*, страшно поводя глазами, какъ тигръ, съ обнаженною шпагою въ правой рукѣ, опрокидывая лѣвой все, чтò встрѣчается ему на пути, колотитъ всѣхъ гостей, — не получивъ въ свою очередь ни царапины, скрывается за кулисами, съ адскимъ хохотомъ. — Занавѣсъ опускается. Аплодируй-же.

моцартъ, (съ восторгомъ нѣсколько разъ обнимая Аббата). Другъ! братъ! благодѣтель! Какой демонъ или какое божество вложило все это въ твою бѣдную поэтическую голову? Знаешь-ли, что за этотъ финалъ міръ долженъ воздвигнуть тебя статую! Не говори мнѣ больше ничего: я теперь лучше тебя повижаю въ чомъ дѣло. Ты гениальный человекъ! Ты чертовски мучишь музыканта; но повѣрь, что отроду никогда не сочинила и не сочинитъ болѣе величественнаго сюжета оперы, ни одна поэтическая голова. Позволь-же поцѣловать тебя еще разъ, *miò carissimo amico*, * и поблагодарить отъ лица всѣхъ композиторовъ, пѣвцовъ, инструментистовъ и дилетантовъ, какъ настоящаго, такъ и грядущаго времени.

дапонте, (огонь-довольный). Oh, oh, troppo di bontà, caro maestro. — Пощади мою скромность. По твоимъ словамъ я, кажется, написалъ гениальное произведение?

* О, много милости, любезный маэстро.

моцартъ, *(вдохновенно)*. Безъ всякого сомнѣнія;— ты раскроешь будущность Моцарту. Теперь намъ остается сравнить *nosseaux d'ensemble*. Сверхъ-того, ты получишь отъ меня самыя полныя и точныя наставленія, въ родъ тѣхъ, какими снабдилъ я тебя при сочиненіи «Фигаро». Я пришлю тебѣ сущность арій, которыя должны характеризовать лице такъ-какъ я ихъ себя представляю. Чтò жъ касается до дѣйствій, то о нихъ мнѣ ни остается сказать ни слова.

дапонте. Я весь къ твоимъ услугамъ, и напишу все, чтò ты только захочешь сдѣлать. Итакъ ты думаешь, что наша опера будетъ *alle stelle* *.

моцартъ. Я ничего не знаю; но думаю, что рано или поздно «*Il dissoluto punito ossia Don-Giovanni*», прогремить въ свѣтъ.

Мы хотѣли представить разборъ поэмы въ менѣе сухой и многословной формѣ, чѣмъ обыкновенный анализъ; а также доказать, что слова либретто не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ музыки. Чѣмъ чудеснѣе кажется намъ громадное знаніе, воздвигнутое Моцартомъ, чѣмъ болѣе удаляется оно, въ своихъ фантастическихъ размѣрахъ, отъ всѣхъ произведеній сценической музыки, явившихся до него и послѣ; тѣмъ-болѣе оно превосходитъ ихъ разнообразіемъ расположеній, богатствомъ матеріаловъ и обиліемъ украшеній, и тѣмъ болѣе чудною и странною должна казаться намъ отдѣльно-взятая сущность этого творенія. Дапонте нельзя обвинять нисколько за то, какъ сознавалъ онъ дѣйствующихъ лицъ своей *dramma giocoso*. Онъ хотѣлъ написать, по просту, комическую оперу «*dramma giocoso*», какъ онъ самъ говорилъ, почему счолъ необходимымъ ввести въ нее всѣ аномаліи сюжета, въ которомъ шутки начинались убійствомъ, а кончились явленіемъ говорящей статуи, дивнаго чудака, назначеннаго для увесеченія праздныхъ зъвакъ, которые приходятъ *видѣть* оперу, а *не слышать*. Принявъ однажды эти положенія, спрашиваемъ, чтò другое могъ видѣть авторъ комическаго либретто въ героѣ піесы, какъ не отвратительнаго развратника; въ Эльвирѣ—безумную, бѣгающую по улицамъ; въ Оттавіо—волоки-ту слишкомъ-слабодушнаго и глупаго, чтобъ не сказать труса; въ Церлинь—деревенскую кокетку, которая впрочемъ уже готова сдѣлаться еще хуже кокетки; въ Аннѣ—невѣсту, мало раздвляющую

* Превознесена до небесъ.

** «Наказанный безбожникъ или Донъ-Жуанъ.» Моцартъ и Дапонте могли создать произведеніе, но не умѣли дать ему приличнаго названія. Драма, гдѣ является сама смерть въ финальной сценѣ, написанной, какъ-бы по ея внушенію, называлась и нынѣ называется *комическою оперою*.

любовь своего парченнаго жениха, и вполне преданную мщенію, котораго она не можетъ совершить? Обильныя слезы, пустой, ничего неприводящій гнѣвъ—по смыслу либретто. Но, какъ уже сказали прежде, нѣтъ ни одного слушателя, одареннаго хоть малѣйшимъ понятіемъ о поэтической изящности и истинѣ, который не замѣтилъ-бы въ этихъ лицахъ *чего-то* другаго, совершенно чуждаго тому, чѣмъ они кажутся; нѣтъ ни одного слушателя, который-бы, въ продолженіе всего хода пьесы, не ощутилъ таинственнаго и идеальнаго дѣйствія, безконечно превышающаго дѣйствіе матеріальное, находящееся предъ глазами; потому-что, въ основаніи этой полуразвратной пьесы и полублуды, таился, подобно Фаусту и Гамлету, всемірный гуманный сюжетъ, но сюжетъ доступный только одному музыканту.—Когда критика разбираетъ оперное произведеніе какого-либо композитора, то составляетъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ свѣрять съ указаніями поэмы все тѣ, что касается до характеровъ. Отчего—же вся многочисленныя комментаторы «Don Giovanni» нашли необходимымъ отстранить, до известной степени, это естественное основаніе ихъ критической оцѣнки и изыскивать объясненіе главнѣйшаго характера въ текста, на которомъ онъ основывается? Потому, отвѣчаемъ мы, что все они сознали ту психологическую и драматическую двойственность, ту противоположность и сходство, какую мы старались проявить въ разговоръ обоихъ авторовъ «Don Giovanni».

Объясненіе или, лучше сказать, истолкованіе идеальнаго характера Донъ-Жуана было предметомъ многихъ писателей. Толкованія ихъ являлись во всѣхъ возможныхъ формахъ: въ разборахъ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ романахъ, въ фантастическихъ повѣстяхъ, не считая статей, которыя говорятъ о немъ мимоходомъ. Между этими объясненіями, нѣкоторыя—очень-замѣчательны, а повѣсть Гофмана—образцовое произведеніе; однакожъ ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ вполне нашимъ требованіямъ. По нашему мнѣнію, все эти истолкованія болѣе или менѣе отвлеченны и болѣе или менѣе ложны; отвлеченны, когда они не утверждаются ни на сочиненіи Дарюнте, ни на произведеніи Моцарта;—ложны, когда они относились прямо къ музыкѣ. Такъ, въ одномъ немецкомъ романѣ, который носитъ одинакое названіе съ оперою и въ которомъ авторъ хотѣлъ ее истолковать, Жуанъ, подобно Фаусту, заключаетъ договоръ съ чортомъ:—вѣльное измѣненіе, вполне отвергаемое и словами и духомъ Моцартова произведенія.—Другой способъ истолковать Донъ-Жуана, пользующійся авторитетомъ знаменитаго писателя и оригинальнаго композитора, въ лицѣ Гофмана, кажется намъ болѣе поэтическимъ, нежели истиннымъ. Гофманъ даруетъ

прототипу развратниковъ привилегированную организацію, пылкую и восторженную душу, высокій и обширный разумъ; но все эти достоинства истопились въ изысканіи несуществующаго счастья.— Въ отчаяніи, Giovanni вдается въ развратъ и въ немъ ко-свѣтъ, но не только не становится оттого счастливѣе, напротивъ, мизантропія его усиливается и вынуждаетъ вымещать на женщинахъ все то зло, которое онъ причинилъ самому себѣ.— Наконецъ онъ видитъ Донну-Анну. Вотъ она! вотъ его давнишняя мечта, его идеалъ; вотъ то счастье, за которымъ онъ такъ долго гонялся. Но Анна является слишкомъ поздно; Giovanni можетъ только погубить ее и не въ состояніи обладать ею. Въ этомъ жалкомъ убѣжденіи, онъ поетъ «*Fin s'han dal vino calda la testa*», и страшнѣе обыкновеннаго хмуритъ брови. Признаемся, этотъ характеръ, выкроенный по байроновскому образцу, не лишонъ величія и въ свое время былъ довольно-оригиналенъ; онъ еще и теперь занимаетъ, какъ все палшіе ангелы, все демоны иппохондрии, все глубоко-разочарованные люди, которыхъ губитъ послѣдняя ихъ мечта.— Жаль только, что ни Дарюге, ни Моцартъ, не сказали обо всемъ этомъ ни полслова и что все это тавлось единственно лишь въ нѣсколькихъ бутылкахъ, которыя, прежде чѣмъ идти въ театръ, въ три часа по полудни, осушены были путешественникомъ-энтузіастомъ.— Если у путешественника-энтузіаста, Теодора Гофмана, предметы тогда и не доволись въ глазахъ, то все-таки они казались ему на оборотъ. Во-первыхъ уже потому, что въ жилахъ Моцартова Донъ-Жуана нѣтъ ни капли нѣмецкой или англійской крови; у него нѣтъ ни спина, ни угрызевій совѣсти, ни иппохондрии, никакихъ мечтаній, развѣ кромѣ тѣхъ, которыя пригрезятся ему во-спнѣ. Въ либретто Донъ-Жуанъ необузданный гуляка, безъ страха и заботъ: *giovine cavaliere estremamente licenzioso**,—такъ названъ онъ въ исчисленіи дѣйствующихъ лицъ.— Въ музыкѣ является онъ намъ попеременно, то высококомѣрнымъ, то исполненнымъ жалкаго состраданія съ Командоромъ; обольстителемъ и въ-половину обольщеннымъ съ Церлиною; чуднымъ, по комическому нахальству въ квартетъ; дивнымъ, по разгульному жару, въ аріи *Fin s'han dal vino*; удивительнымъ, по смѣлости, въ финаль перваго дѣйствія; высокимъ предъ статуей, и незль, въ прочихъ мѣстахъ, беззаботнымъ о прошломъ и будущемъ, всегда управляемымъ настоящимъ, артистомъ-поэтомъ по-своему; музыкантомъ въ душѣ, и что-бы ни было, но вѣчнымъ, нестоющимъ весельчакомъ. Таковъ-ли Гофмана Донъ-Жуанъ?

* Молодой кавалеръ, чрезвычайный гуляка.

Что же касается до дочери Командора, то, среди поэтическихъ предположеній, нѣтъ никакой возможности открыть между ею и Жуаномъ никакихъ другихъ отношеній, кромѣ того, что Giovanni хотѣлъ обладать Анной, также, какъ и всѣми женщинами, которыя ему нравились; но не успѣвъ въ этомъ въ первой-же сценѣ, онъ о ней болѣе не думалъ и старался даже избѣгать той, которая, не зная еще настоящаго убійцы Командора, требовала отъ него, чтобъ онъ отменилъ за смерть отца. Потомъ, всѣ его нападенія обратились на Церлину. Если онъ и любитъ Анну болѣе, чѣмъ кого-нибудь и когда-нибудь, то, по-крайней-мѣрѣ, глубоко хранить свою тайну — и никогда нисколько слово, нисколько движеніе не измѣняетъ ей. Мы теперь спрашиваемъ, какимъ тайнымъ путемъ Гофманъ, съ своими послѣдователями, дошелъ до заключенія, что Донна-Анна была погублена? Дапonte оставилъ честь при ней, а Моцартъ создалъ изъ нея высокую героиню. Къ чему-же, такъ изъ ничего, сказать лучшей, когда-либо созданной музыкаю характеръ?

Безъ-сомнѣнія каждый имѣетъ право создавать Донъ-Жуана по-своему; но въ такомъ случаѣ его не должно выдавать за Моцартова Донъ-Жуана!..

Намъ, вѣроятно, позволятъ, въ свою очередь, приступить къ разбору характера столь-мало понятнаго, но столь-удобопонятнаго для всякаго, кто приметъ на себя трудъ отыскать его тамъ, гдѣ онъ находится, даже въ самой оперѣ. Идѣю Донъ-Жуана мы возьмемъ отъ Херубино, (пажъ въ «Свадьбѣ Фигаро»).

Въ юношескихъ и цвѣтущихъ лѣтахъ чловѣка, въ лѣтахъ счастливыхъ, которыми исключительно обладаетъ поэзія, творя изъ нихъ, подъ-часъ, то дивные очаровательные дни, то наполняя ихъ муками страшными, тоской невыразимой, — въ этихъ-то лѣтахъ находится всегда общій неизмѣнный центръ, къ которому, прямо или тайно, стремятся всѣ наши планы и всѣ желанія. Пока сердце еще юно, мечта о счастіи, кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній, является всегда въ образѣ женщины, часто даже въ образѣ нѣсколькихъ женщинъ. Хотя, по-большой-части, эта мечта, самая общая и самая увлекательнѣйшая, исчезаетъ быстро, подобно легкокрылому снеговидѣнію, не оставляя по себѣ ничего другаго, кромѣ того, что можетъ оставить мечта, то-есть тягостное пробужденіе, хозяйственные хлопоты и неудовольствія или унижительное воспоминаніе о какихъ-нибудь постыдныхъ связяхъ. Правда, она осуществляется, иногда, для нѣкоторыхъ баловней любви, въ суммѣ болѣе или менѣе очевидныхъ наслажденій; но они никогда не достигаютъ тѣхъ пропорцій, до которыхъ, на-примѣръ, въ пылу мечтаній, можетъ достигнуть эгоизмъ и чудовищная гордость, соединенныя съ пылкой

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.

Ленинградская Театральная

БИБЛИОТЕКА

організаціей и необузданнымъ воображеніемъ. Предположите теперь, что все эти качества соединились въ одномъ индивидуумъ; прибавьте къ этому все тѣлесныя и блистательнѣйшія умственныя совершенства и нѣкоторыя высшія душевныя способности; присоедините магнетическій взглядъ, который смущаетъ и сводитъ съ ума, покоряетъ и околдовываетъ, и,—подобно взору змѣи, устремленному на свою добычу,—невольнo къ себѣ притягиваетъ; придайте къ этому волю, управляемую только одною страстью, и страсть, которая считаетъ весь полъ за одну женщину; соедините все это вмѣстѣ, и получите идеальный типъ Донъ-Жуана, новѣйшее измѣненіе мѣва—столь-же древняго, какъ самый міръ. Сказаніе о Титанахъ, въ разные возрасты челоуѣчества, облекалось въ различныя, но соответственныя имъ краски. Сначала существовали Титаны честолюбія и гордости; Прометей былъ Титанъ дѣятельнаго разума; Фаустъ—философскаго умствованія; Жуанъ—Титанъ чувственности, олицетвореніе сенсуализма. Въ томъ или другомъ смыслѣ, но всегда развязкой горделивому возстанію творенія противу своего Творца служить наказаніе; ибо поэзія, всюду предшествуя философія, въ истолкованіи высокыхъ философскихъ истинъ, всегда назначала кару—преступленію геніевъ, дерзавшихъ противопоставлять Богу то дивное могущество, которое сами отъ него получили.

Вѣроятно, Дапонтѣ, сочиняя свое либретто, вовсе не думалъ вести это высокое преданіе въ сферу музыкальной поэзіи; однакожъ, въ нѣкоторыхъ сценахъ, дѣйствіе расположено такимъ образомъ, какъ-будто онъ неявно сомнѣвался въ этомъ. Прометей и Фаустъ (я разумю здѣсь Гётева Фауста) Титаны мысли, не были предметомъ музыки; но между всеми формами поэзіи, одна музыка могла воспроизвестъ Донъ-Жуана, Титана плоти.

Описанная нами организація Жуана, и проявляющаяся уже очень-ясно въ Херубино, чудно гармонируетъ его съ матеріальнымъ міромъ, который вскорѣ становится для него однимъ истиннымъ міромъ, потому-что его желанія не выходятъ изъ предѣловъ этого міра, и потому-что его способности соответствуютъ его желаніямъ. Земное, одно только земное, но за-то все земное! При этомъ взглядѣ, религіозное и нравственное начало исчезаютъ въ немъ болѣе логически, чѣмъ въ Фаустѣ. Оба они, Жуанъ и Фаустъ, чувствуютъ себя, хотя и въ совершенно-разныхъ отношеніяхъ, безконечно-совершенные прочихъ людей, — хотятъ надъ ними властвовать;—но какой родъ власти изберетъ себѣ Жуанъ? Онъ слишкомъ-чистосердечно презираетъ людей, чтобъ гордиться ихъ удивленіемъ, — а потому, въ его глазахъ, наука, занимающая и

истощающая жизнь, никогда не приводя притомъ къ конечному результату, — есть только смѣшной обманъ; слава — бессмысленное слово; могущество, доставляемое значеніемъ въ обществѣ — напрасный, потерянный трудъ. — Нѣтъ, Жуанъ займетъ поприще болѣе реальное, болѣе индивидуальное, болѣе льстящее его титанической гордости; поприще это, сосредоточенное въ эгоизмъ и презирающее мольбами, и болѣе выгодно и болѣе согласно съ его логикой. — Мужчины, говорить онъ самъ-себѣ, гоняются за мечтою потому только, что они неспособны вполнѣ обладать дѣйствительностью; я-же могу достигнуть до этого. Они мечтаютъ Богъ знаетъ о какомъ раѣ, и не видятъ, что рай вездѣ, гдѣ только грѣетъ солнце, гдѣ есть голубое небо; гдѣ шумятъ студеныя и прозрачныя ручьи, гдѣ воздухъ благоухаетъ, гдѣ зрѣютъ виноградныя грозды, — а за невѣніемъ всѣхъ этихъ второстепенныхъ элементовъ счастья, рай вездѣ, гдѣ только находятся женщины. Женщины! одво это слово не объясняетъ-ли мнѣ, лучше всякихъ многоглаголаній пустыхъ мечтателей, — обмечовныхъ въ званіе философовъ, — цѣль, для которой я здѣсь существую? Если вся идея жизни заключается въ удовольствіяхъ, то не всѣ-ли удовольствія выражаются словомъ «женщина»? О, какъ жалки тѣ безтолковые мечтатели и тѣ разслабленные, которые, вкусивъ доставляемаго наслажденія, покидаютъ васъ, прелестныя существа, единственныя, признаваемыя и обожаемыя мною божества. Женщины! зачѣмъ-же вездѣ и всегда не наслаждаться этимъ высшимъ блаженствомъ, также, какъ я наслаждаюсь солнцемъ, природою, благовопіями и музыкой? Но весь свѣтъ, за это, возстанетъ на меня. Тѣмъ-лучше, истинно говорю я тѣмъ-лучше, и если-бы все принадлежало мнѣ, какъ говорятъ они, законно, то я ничево не захотѣлъ-бы, и мнѣ оставалось-бы только умереть. Но ежедневно испытывать могущество своихъ способностей, противу препятствій, поставляемыхъ обществомъ людямъ моего характера; изобрѣтательностью и гениемъ разрушать вся преграды; мужествомъ и ловкостью спастись отъ всѣхъ опасностей; — имѣть душу, непрестанно наполненную восторгомъ и гордостью торжества, и за всякую побѣду вкушать упонительное блаженство, — о, вотъ это, по-моему, значить — жить! Конечно, дураки и трусы скажутъ, что для такой жизни надобно, сначала, свести дружбу съ чортомъ; но я съ презрѣніемъ отвергнулъ-бы подобный союзъ, еслибы даже и вѣрилъ въ его возможность. Я и безъ него могу обойтись подлѣ красотокъ и врага; — подобный союзъ лишилъ-бы меня возможности ощущать опасность, а такое ощущеніе составляетъ наслажденіе мое. Еслибы дьяволъ вздумалъ поднести мнѣ какой-нибудь чортовъ напитокъ, я сказалъ-бы ему: премного благода-

рю васъ, почтеннѣйшій сатана, мѣфистофель или всячески, какъ вамъ будетъ угодно назваться, — напрасенъ трудъ вашъ, какъ напрасно лить воду въ рѣку, или подбрасывать золы въ вулканъ! Поберегите-ка лучше вашу антечку для дорогаго нашего брата Фауста, глупѣйшаго доктора, который до-смерти напивается, потагивая изъ чаши науки, и призываетъ васъ, чтобъ вы протрезвили его, увѣчнаго старика, который надеется посредствомъ магіи получить то, въ чемъ отказывается ему природа. Что же касается до меня, то я, какъ неучовый, повѣрьте, не отдамся вамъ за приобретение лишнихъ познаній. Вы мнѣ, господишъ чортъ, ровно ни на что не годитесь, даже и на то, чтобъ напугать меня, еслибъ вамъ понадобилось, когда-нибудь, явиться ко мнѣ въ парадномъ костюмѣ, надушонномъ съроу, въ сопровожденіи цѣлаго легіона рогатыхъ и нечистыхъ духовъ. — Я съ удовольствіемъ приму васъ, господа! милости просимъ!

Вотъ Донъ-Жуанъ Дапонтѣ и Моцарта, обрисованный точь-в-точь по либретто, истолкованный и расгрозотраненный по партитиву. Если допустимъ эти основы главнѣйшаго характера, весь ходъ драмы весьма-естественно отъ него истекаетъ и въ немъ сходится. Все, что только коснется до этой околдованной и сумасбродной сферы, — центромъ которой Giovanni, — все увлекается въ вихрь ея. Появится-ли человекъ, любящій наслажденія, блестящій красотой и ловкостью, и при видѣ его все приходитъ въ движеніе, все принимаетъ праздничную физиономію; блескъ, его окружающій, привлекаетъ рой бабочекъ, которыя порхаютъ вокругъ пламени, пока не обожгутся. Приготавливаются пиршества, украшенныя розами; дурачество потрясаетъ своими гремушками; стаканы чокаются и бьются; руки ловятъ, сжимаютъ другъ-друга; воздухъ наполняется огненными искрами; — чувственность выходитъ изъ границъ. И ты, музыка, безъ которой нѣтъ полного наслажденія на землѣ, ты божество, равно драгоценное для счастливыхъ и несчастныхъ, ты, музыка, также, какъ и вѣчная твоя подруга, пляска, ты не могла не быть на этой всеобщей сходкѣ всѣхъ земныхъ наслажденій! Могъ-ли Моцартъ вообразить счастье безъ музыки! Вотъ половина картины, одни ея очерки; тыни-же сами-собою налегаютъ на полотно.

Всякое безпорядочное и насильственное дѣйствіе, совершаемое противу массы общества, требуетъ противудѣйствія, которое соответствовало-бы величинѣ безпорядка. Чѣмъ-болѣе человечество было оскорбляемо въ своихъ драгоценнѣйшихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, тѣмъ съ болѣею силою оно должно возставать противъ этого, чрезъ посредство тѣхъ-же самыхъ вѣрованій и убѣ-

жденій; чѣмъ-болѣе безконечное, заключенное въ насъ и внѣ насъ, было святотатственно непризнаваемо, тѣмъ съ блистательнѣйшею очевидностью должно оно проявиться, какъ въ насъ-самихъ, такъ и извнѣ. Такимъ-образомъ, грубая, неумолимая любовь Жуана, возвышаетъ, какъ-бы чрезъ отраженіе, нѣжную любовь, страстное, во цѣлоуаренное обожаніе, олицетворенныя въ Донъ-Оттавіо; совершенный эгоизмъ проявляетъ и приводитъ въ дѣйствіе полную преданность, олицетворенную въ Эльвирѣ; дикая отважность, происшедшая отъ горячности крови, должна бороться съ героизмомъ души, олицетвореннымъ въ Аниѣ, и торжество перока умирается предъ дивною нравственною энергіей, которую развили въ молодой дѣвушкѣ несчастія. Наконецъ, странное чудо противодействуетъ богохульству, и подавляетъ его.

Такимъ-то образомъ сюжетъ „*Dissoluto punito*“, проявляясь во всей своей глубинѣ, чрезъ посредство музыки, измѣняется, возвышается, обобщается и передается душѣ, какъ дѣло необходимое, общеміровое, какъ космогонія музыкальная, въ которой поэтически и логически соединены, во всѣхъ своихъ видахъ, высокочеловѣческое съ низкимъ, трагическое съ шутовскимъ, изящное съ смѣшнымъ, сенсоализмъ съ спиритуализмомъ, жизнь со смертью.

Если-бы Донъ-Жуанъ былъ вымышленнымъ изящнымъ произведеніемъ, въ родѣ нѣкоторыхъ романовъ, то какимъ свойствомъ наделили-бы автора этой музыкальной космогоніи, осуществленной, во всѣхъ своихъ частяхъ, съ полнымъ совершенствомъ и истиной? Тогда Моцартъ не представлялся-ли-бы челоѣкомъ, одареннымъ двойственной и противорѣчащей индивидуальностью, который смотритъ на жизнь и на искусство съ противоположныхъ крайностей, и погружается, попеременно, то въ потоки чувственныхъ удовольствій, то въ пропасть меланхоліи; челоѣкомъ, въ которомъ самое энергическое чувство существованія безпрестанно подавляется яснѣйшими предчувствіями разрушенія? И непременно нашли-бы въ немъ еще другія противоположности, хотя и совершенно неправдоподобныя. Но Донъ-Жуанъ существуетъ, и въдѣ Моцартъ, котораго точно такъ-бы описали, не призракъ.

Только-что Моцартъ избралъ поэму для своего творенія, какъ получаетъ письмо съ черною печатью. Оно извѣщало его о смерти отца, который былъ и его наставникомъ, и его руководителемъ, въ продолженіе 20 лѣтъ, и неразлучнымъ товарищемъ его юношескихъ торжествъ. Это событіе, хотя весьма-естественное и даже предвидѣнное, должно было произвести сильное впечатлѣніе въ любящей душѣ Моцарта и въ его умѣ, съ раннихъ лѣтъ привыкшемъ къ самымъ страннымъ думамъ. Но посмотрите на него, въ-

сколько мѣсяцевъ спустя, когда возвратился онъ въ добрую Прагу, которая поклоняется ему;—посмотрите на Моцарта, непрерывно приглашаемаго съ праздника на праздникъ, съ концерта на концертъ, одушевляемаго вливающимъ имъ энтузіазмомъ, болѣе, чѣмъ когда-либо страннаго, въ отношеніи себя, болѣе дивнаго, чѣмъ когда-либо, у фортепіано. Его окружаетъ сотня, можетъ-быть, тысяча друзей; его искренній другъ — весь городъ. Онъ проводитъ время въ обществѣ итальянскихъ пѣвцовъ, веселыхъ со товарищей и молодыхъ аматеровъ высшаго общества; всѣ они ежедневно толпятся вокругъ него, словно кругомъ оси, въ которой сосредоточены всѣ дѣйствія и удовольствія, пробуя наперерывъ новое его произведеніе и привѣтствуя тостами шампанскаго новорожденныя піесы;—представьте все это и согласитесь, что крещеніе Донъ-Жуана вполне его достойно. Моцартъ не отказывается отъ полныхъ стакановъ, подставляемыхъ ему дружбою, и, также, безъ всякаго сомнѣнія, отъ какой-нибудь интриги. Весь день его проходитъ среди скачекъ, пикниковъ, музыкальныхъ вечеровъ, открывенныхъ бесѣдъ за чашей пуншевой, и наконецъ среди репетицій. Одна только ночь остается ему для сочиненій. И вотъ наконецъ она наступаетъ. Тогда декорация перемѣняется; всѣ отрадныя картины дня исчезаютъ; всѣ веселые и буйные клики затихаютъ; Моцартъ одинъ, подлѣ него столъ съ двумя свѣчами и неокончанная партія. Осенній вѣтеръ завываетъ и шелестъ опавшихъ листьевъ вторитъ его вою. Онъ чувствуетъ со страхомъ, что мигута его ежедневныхъ превращеній приближается. Луна, которой вращеніе предшествуетъ его умственной жизни, уже обращаетъ на него свой ясный, неизмѣнный ликъ. Ему становится страшенъ этотъ неизмѣнный ликъ,—онъ готовъ бѣжать отъ него,—а между-тѣмъ изливаются свои веселыя, эротическія или гротескныя вдохновенія, которыя зародились и созрѣли въ головѣ его среди буйнаго, разгульнаго дня. Онъ пишетъ, и въ это время ему приходитъ на мысль, что герой сочиненія, живая эмблема всѣхъ земныхъ наслажденій, не взятъ отъ вѣчнаго закона — смерти, къ которой онъ самъ стремится со всею силою своего пагубнаго, но славномъ-обольстительнаго генія. Но геній этотъ — не геній-ли самого музыканта, достигшаго своей апогеи? Не долженъ ли онъ (геній), достигнувъ высочайшихъ размѣровъ и пройдя всѣ извѣстные предѣлы, также пагубно подѣйствовать на композитора, какъ и на героя его созданія? Не одинаковая-ли участь ожидаетъ ихъ обоихъ? Во-время этихъ мрачныхъ мыслей, которыя, быть-можетъ, превращались въ образы дремотой, наведенной на него усвоенными бѣднѣями, уединенная комната музыканта напомя-

лась призраками. То тѣнь отца голосомъ командора звала его; то мнилось, что муза, такъ сильно привязывавшая его къ жизни, являлась ему, въ видѣ Анны, блѣдная, съ распущенными волосами, въ длинной траурной одеждѣ, и шопотомъ прощалась съ нимъ; но этотъ шопотъ, это прощанье слышалъ онъ одинъ и онъ одинъ могъ пересказать его: *Lascia almen alla mia pena* и пр. (секстеттъ). Такимъ-образомъ, вдохновенія, свисшедшія на него двѣмъ, снабжали его картину свѣтлыми частями; вдохновенія ночи — развертывали предъ нимъ ея мрачную сторону.

Какъ не прійдти въ чрезвычайное удивленіе, раскрывая это чудное соотношеніе всѣхъ данныхъ поэмы, не только съ самыми глубокими и специальными чертами Моцартовой индивидуальности, но и съ другими случайными причинами, которыя поставляли самого композитора въ такія обстоятельства и такъ настраивали его душу, что всѣ ощущенія его строго сходствовали съ столь многочисленными и противоположными требованіями его сочиненія? Постараемся теперь разобрать другія, не менѣе важныя обстоятельства.

Публика пражская, одна, въ цѣлой Европѣ, вполне понимала музыку Моцарта, одна она смотрѣла на него взоромъ потомства. «Что написано Моцартомъ, то, навѣрно, понравится Богемцамъ», говорилъ герою нашему капельмейстеръ Стробахъ. И Моцартъ отвѣчалъ: «Если Богемцы такъ хорошо понимаютъ меня, то я постараюсь нарочно для нихъ написать оперу». Оркестръ, который, при полномъ одобреніи маэстро, разыгрывалъ *à livre ouvert* увертюру Донъ-Жуана, былъ такой оркестръ, какого вѣтъ теперь въ мірѣ. Последнею и странною милостью судьбы для Моцарта было то, что она посылаетъ ему труппу итальянскихъ виртуозовъ, знающихъ музыку. Примадонной въ то время была *Тереза Сапоретти*; она, вѣроятно, имѣла чрезвычайно-замѣчательный голосъ и ловкость, ибо партія Анны, камень преткновенія для многихъ пѣвицъ, была написана для нея. Теноромъ былъ сеньоръ *Бальдиони* (*Baglioni*); занимаемая имъ роль Оттавіо показываетъ также, что онъ обладалъ значительными средствами. Сверхъ-того, мы должны заключать, что пражская труппа была столько-же учена, какъ и хорошо составлена, потому-что въ партіи вѣтъ мѣста, въ которомъ-бы драматическая истина и выраженіе были пожертвованы какой-нибудь второстепенной цѣли. Моцартъ былъ любимецъ публики, маэстро на содержаніи: следовательно, его желанія служили закономъ. Главнѣйшая роль возложена была на молодого человека, лѣтъ 22, съ прекрасною наружностью, который, смотря

по обстоятельствамъ, былъ актеромъ и цвѣцомъ. Если вѣрить преданію и портрету *синьора Басси (Bassi)*, который изображонъ въ костюмъ Донъ-Жуана, то можно смѣло сказать, что демоиъ соблазна никогда не находилъ себя лучшаго представителя въ оперѣ. Счастливы, очень-счастливы тѣ дилетанты, которымъ судьба дозволила видѣть въ роли Донъ-Жуана Басси или Гарція, вѣстаго Испанца, также, какъ лицо имъ представляемое. Чтò касается до меня, то лишенный этого счастья, я долженъ былъ всегда создавать роль эту въ своемъ воображеніи, чтобъ вознаграить себя за тò, чтò видѣлъ на сценахъ русской, итальянской и нѣмецкой, какъ за-границей, такъ и въ обѣихъ нашихъ столицахъ. По-крайней-мѣрѣ, *двадцать человекъ* старались передъ моими глазами выполнить или спародировать роль Жуана, и каждый изъ нихъ, въ своемъ родѣ, былъ невыносимо-дуренъ; всѣ они не имѣли не только ни малѣйшаго понятія о своей роли, но даже, если можно такъ выразиться, не подозревали ее.—Одинъ дѣлалъ изъ Донъ-Жуана, какого-то шумилу, привыкшаго жить въ непристойныхъ домахъ; другой, какого-то глухого и безпечнаго деши; третій, какого-то болтува сантиментальныхъ, любовныхъ пошлостей; четвертій принималъ его за паяца, скакалъ по сценѣ и, глупый, выплясывалъ, антрша въ allegro—*La ci darem*. Были между ними и такіе, которые, чтобъ имѣть болѣе испуганный видъ, во время появленія статуи, уходили за-кулисы и намазывали себѣ лицо мукою, а между-тѣмъ оркестръ и статуя дожидались, и партеръ громкими криками выражалъ свое нетерпѣніе. Кромъ-того мы видѣли Донъ-Жуана одержимаго подагрой, лысаго и слабоногого,—чѣмъ, вѣроятно, глава гулякъ былъ-бы весьма-недоволенъ, если-бы даже небо дозволило ему прожить и семьдесятъ лѣтъ.—Однажды, наконецъ,—это было въ Петербургѣ,—намъ было громогласно возвъщено, что мы увидимъ настоящаго Донъ-Жуана,—перваго Донъ-Жуана Германіи.—Велика была радость меломановъ. Всѣ вполнѣ надѣялись на Жуана германскаго—никому и въ голову не пришло, хотя немного, остеречься отъ восторженныхъ ожиданій.—Настала роковая минута, занавѣсъ поднялся и,—предъ нами толстый, неуклюжій мужичина, голосъ котораго похожъ на звуки, выходящіе изъ бочки.—Манеры его жеманны, развязность—пошлая, казарменная любезность—кабачная, и, ктò-довершенію всего, кромъ того, что пѣлъ раздирательно,—онъ дошелъ наконецъ до того, что въ срединѣ піесы, вдругъ началъ завывать похвальный гимнъ Моцарту, на голосъ одной вакхической пѣсни, прибавляя къ нему строфу своего издѣлія. Ah, le brave homme! Ah! l'honnête homme! Таковъ былъ *первый* Донъ-Жуанъ пѣлой Германіи! Судите-же те-

перъ о другихъ.—Я могъ бы наименовать всѣхъ этихъ господъ, но въкоторые изъ нихъ уже умерли, а потому—миръ праху ихъ!—остальные состарѣлись и сошли со сцены, — миръ ихъ дряхлости!

Надо быть лишоннымъ и души и ума, чтобы до такой степени высказать роль, въ коей каждое движеніе должно быть граціозно, каждая поза—живописна, каждый взглядъ обольстителемъ или отваженъ, а цѣлое должно тщательно означиться въ мелодіи и ритмѣ. Жуанъ долженъ быть такимъ, чтобы одно его приближеніе заставляло трепетать за спокойствіе женщины и за жизнь мужчины; такимъ, чтобы демонское его величіе, въ присутствіи самой смерти и ада, пришедшаго за нимъ, — казалось-бы естественнымъ. — Если гистріоны наши не въ силахъ постичь этого, то они, по-крайней-мѣрѣ, должны понять, что Донъ-Жуанъ рыцарь, что онъ дворянинъ высшаго круга, у котораго нѣтъ ничего общаго ни съ шутами-школьниками, ни съ посѣтителями Луэрбахскаго погребя, которыхъ столь чудно поподчивалъ Мефистафоль.

Да простятъ это отступленіе за горестныя воспоминаія стараго диллетанта, который, перечитывая въ-продолженіе 20 лѣтъ разбираемое имъ произведеніе, въ жизнь свою ни разу не видалъ ни Донъ-Жуана, ни Оттавіо, ни Анны, ни Эльвиры, ни Церлины, и собственно, по одному чтенію партіціи, составилъ себѣ понятіе обо всемъ этомъ народѣ. Только однажды намъ показалось, что мы узнали Лепорелло въ лицѣ Замбони; но увь, этотъ дряхлый Лепорелло родился, кажется, прежде своего отца, и пѣлъ негромче рыбы.

Однакоже меня и тысячу другихъ любителей, видѣвшихъ Донъ-Жуана не больше того, сколько досталось это мнѣ, должна утѣшить трудность и даже, можетъ-быть, невозможность исполнъ хорошо обставить эту оперу. Относительно условій сценической обстановки, опера эта имѣетъ важный недостатокъ: въ ней нѣтъ второстепенныхъ ролей. Всѣ ея роли и партіціи, выключая Мазетто, — чрезвычайно-важны; требуютъ, для совершеннаго выполненія, первостепенныхъ драматическихъ и музыкальныхъ талантовъ, и если къ этому присоединить превосходную наружность и сложеніе Жуана, громовой теноро-басъ и колоссальный ростъ Командора, качества совершенно-необходимыя для пользы чувственнаго обмана и нравственнаго правдоподобія,—то мы спрашиваемъ, гдѣ найдти трехъ актеровъ и столькихъ-же актрисъ, которые, хотя-бы приблизительно, соответствовали идеѣ шести лицъ оперы, изъ коихъ каждое составляетъ типъ своего рода?

Читатели, вѣроятно, захотятъ разсмотрѣть въ совокупности всѣ тѣ чрезвычайныя обстоятельства, которыя споспѣшествовали Моцарту,

къ созданію оперы изъ оперъ, геніальнѣйшаго произведенія между всеми геніальными произведеніями, богатѣйшей и счастливѣйшей сюжетъ между всевозможными лирико-драматическими сюжетами; сюжетъ міровой, какъ и геній, его олицетворившей; стеченіе обстоятельствъ, которыя индивидуальнымъ образомъ помещаютъ музыканта подъ удары тѣхъ многочисленныхъ и противоположныхъ впечатлѣній, для организаціи и истолкованія коихъ онъ былъ призванъ? Итальянская труппа XVIII вѣка, довольно-смѣлая для того, чтобъ взяться за самую ученѣйшую драматическую партицію и довольно-хорошо знающая музыку, чтобы съ честію выдти, хоть-бы и нынѣ, изъ выполненія столь-труднаго этюда; пѣвцы и пѣвицы, которые, казалось, нарочно были созданы для своихъ ролей; несравненный оркестръ, и, къ довершенію всего, аудиторія, составленная изъ друзей энтузіастовъ, опередившихъ цѣлыми тридцатью годами Европу, въ оцѣнкѣ этого чуднаго, во всѣхъ отношеніяхъ, произведенія.—Никогда и ниоднѣ композиторъ не былъ ни менѣе стѣсняемъ трудностями и мѣстными соображеніями,—ни болѣе вдохновляемъ, и ниоднѣ не могъ пользоваться болѣею свободою—слѣдовать своимъ вдохновеніямъ: никогда стеченіе обстоятельствъ не было и, можно думать, не будетъ такъ благопріятно никакому сочиненію. Громадное превосходство «Don Giovanni» надъ всеми существующими древними и новѣйшими операми признано издавна; мы приняли на себя обязанность изыскать причины этого превосходства; и, если взгляды наши будутъ признаны за столь-же истинныя, сколько изслѣдованія наши совѣстливы, то поймутъ, почему всякая оперная музыка, выключая однакоже, какъ и слѣдуетъ, модныя произведенія (1), поставленная подлѣ «Донъ-Жуана», блѣднѣетъ предъ намъ.

Строго говоря, мы могли-бы, подъ предлогомъ, что больше ничего новаго сказать нельзя, избавить себя отъ обязанности разбирать партицію. Но кто-же выскажетъ все о «Донъ-Жуанѣ»? Критическая жатва, собираемая «Жуаномъ», еще далеко не окончится нашимъ разборомъ, и мы, принимаясь за это дѣло послѣ тысячи другихъ критиковъ, боимся только одного, чтобъ статья наша не показалась длиною, длиннѣе статей всѣхъ нашихъ предшественниковъ. Въ партиціи, отъ начала до конца представляющей, почти безъ всякаго исключенія, совершеннѣйшіе образцы всѣхъ стилей и характеровъ театральной музыки, и даже, какъ-то увидимъ послѣ, нѣсколько мѣстъ высоко-драматической музыки,—въ такой партиціи нельзя ничего выбирать особенно,—и намъ остается представить полный обзоръ произведенія.

Въ какой-нибудь легендѣ или поэтической сказкѣ, подобной «Донъ-

Жуану», больше всего поражает воображеніе—самая развязка. Почему напомнить ее, тотчасъ-же, при самомъ началѣ разсказа—было-бы весьма-естественно и обыкновенно. Я разскажу вамъ приключенія и страшную кончину сѣлаго, неболшагося ни Бога, ни людей, грѣшника, къ которому явилась тѣнь убитаго имъ старика, и котораго въ-живъ былъ повергнуть нечистыми духами въ адское пламя. Сказка могла-бы очень удачно начинаться эти словами, —точно таково вступленіе, избранное Моцартомъ:—Внимайте! внимайте! вопіютъ къ вамъ первые аккорды увертюры—производимые съ силою цѣлымъ оркестромъ.—Ритмъ, раздѣленный на двѣ равныя половины, какъ-бы вздрагиваетъ, въ таинственной, сопровождающей его модуляціи; полутакты (*des notes blanches*), превращаемые духовыми инструментами въ похоронныя октавы, появляясь отовсюду, будто лики мертвецовъ, которые устремляютъ на васъ свой взоръ, тусклый и неподвижный,—постепенно исчезаютъ и замѣщаются другими. По временамъ, словно громъ подземный, раздается гулъ литавръ. Но что говорятъ эти плачевныя сянкопы первой скрипки, и этотъ, столь слабо появляющійся голосъ второй скрипки, свивающійся, подобно придавленному червяку, который силится подняться, но не можетъ, —здесь слышится человѣческой голосъ, голосъ изнемогающій. Ему вторитъ привидѣніе, и лишь только оканчивается его страшная рѣчь,—изъ-подъ земли выходитъ черная огромная рука и схватываетъ грѣшника.—Мѣдные инструменты, окончательнымъ аккордомъ усиленной *сексты*, довершаютъ агонію, а *tremolo* скрипокъ выражаетъ ея послѣдніе вздохи.—Послѣ этого дивнаго вступленія, напоминающаго смерть Донъ-Жуана, начинается самый разсказъ, *Allegro* увертюры, который объясняетъ событія аванцены, т. е. какъ жилъ герой пьесы. Разбирая поэтическій характеръ *Giovanni*, мы вложили въ уста его фразу, которая начиналась такими словами: «Ежедневно испытывать силу своихъ способностей, противу безчисленныхъ препятствій, поставляемыхъ обществомъ людямъ моего характера, и проч. и проч.» Фраза эта, взятая изъ сущности увертюры, становится точнѣйшею ея программю. Въ началѣ *Allegro*, гѣ дѣзъ скрипокъ, звуча противъ басоваго гѣ, выражаетъ непріязненное расположеніе Жуана къ роду человѣческому, или скорѣе къ роду мужскому. Хищный волкъ тихохонько подкрадывается; прыжокъ—и онъ похитилъ свою жертву,—и трубы, своими торжественными звуками (*fanfares*), * привѣтствуютъ удачное

* *Fanfare* — собственно значитъ родъ военнаго мотива, короткаго и блестящаго, исполняемаго трубами.

преступленіе. Въсть о похищенной овць раздается и всюду распространяется; вездь слышится кличъ къ оружію, вездь собираются, чтобы убить волка (отъ 16 до 46 такта). Отсюда начинается рядъ очаровательныхъ обмановъ, дѣлающихъ увертюру — единственныимъ произведеніемъ, подобно самой оперѣ, съ которою Моцартъ сдѣлалъ ее нераздѣльною, связавъ интродукціей. Какъ-же были произведены эти обманы? Средствами, которые теперь очень рѣдко употребляются, — двумя небольшими фигурами, о которыхъ нынѣшніе великіе люди не рѣшались-бы подумать, даже не обратили-бы на нихъ вниманія, если-бы онѣ имъ и представились. — Фигура № 1-й содержитъ въ себѣ что-то безответное и угрожающее; она сосредоточена въ унисонъ всѣхъ силъ оркестра. Фигура № 2-й легка, забавна и шутлива; — ее выполняетъ одинъ только инструментъ — первая скрипка. И вотъ съ одной стороны является Донъ-Жуанъ, а съ другой (въ 1-й фиг.) — отцы, братья, мужья, любовники, кузены и чичисбей, Св. Германдада и ея сбирры, — ожесточенная толпа, которая поетъ въ одномъ тонѣ. Два раза весь этотъ народъ массою бросается преслѣдовать похитителя и два раза онъ, издѣваясь, ускользаетъ отъ нихъ. — Тогда считаютъ за лучшее раздѣлить свои силы. Квартетъ начинаетъ мѣрно; гобой и фаготы въ $\frac{5}{4}$ -мъ тактѣ; флейты въ слѣдующемъ. Во-время этого маневра, раздѣленный такимъ образомъ № 1-й не остается въ прежнемъ положеніи; — № 2-й убѣжалъ. Его преслѣдуютъ; сначала все идетъ хорошо; канонико-стратегическія движенія выполняются съ совершенною точностью и правильностью; но вотъ скрипки сбиваются; вмѣсто sol диезъ, они берутъ простое sol, и тѣмъ переимчиваютъ модуляцію и совершенно измѣняютъ порядокъ дѣйствій. Какъ-бы устыдился своей ошибки, скрипки оставляютъ свою партію; остальные инструменты, лишась главы, не наблюдаютъ больше ни порядка, ни дисциплины, каждый передаетъ фразу по-своему, и вся эта атака, веденная такъ хорошо сначала, разрѣшается самымъ восхитительнымъ мнорнымъ кадансомъ. Непрiятель вознагражденъ любовью за свою храбрость. Вездь веселье, торжество, — музыка шумная, игривая. Въ срединѣ сочиненія контрапунктная игра возобновляется, однако иначе, съ большимъ разнообразіемъ и еще большимъ искусствомъ. На этотъ разъ воюющія фигуры раздѣлены такимъ образомъ, чтобы могли быть слышны въ совокупности; нападающая фигура подкрѣпляется вспомогательнымъ корпусомъ — кларнетами, а № 2-й раздѣляется между первою и второю скрипками. Отсюда происходятъ совершенно-разныя соединенія. Быстрота модулированныхъ дѣйствій № 2-го, не позволяетъ болѣе № 1-му, продолжать свой каноническій

ходъ унисономъ и октавою; и онъ принужденъ отстраниться къ минорнымъ и мажорнымъ секундамъ, терціямъ, секстамъ и септимамъ, — атаковать врага на всѣхъ пунктахъ; — но всюду встрѣчаетъ сильный отпоръ. — Кажется, видишь шнагу, которая сыплетъ кругомъ себя искры, или блудящій огонекъ, который носится предъ вами въ фантастическомъ вальсѣ. Слухъ, заблудясь въ этомъ гармоническомъ лабиринтѣ, не будучи въ состояніи найти нити, которая вывела бы его, передаетъ полному дѣйствию этихъ звуковъ, погружая въ глубокое очарованіе. Въ этой дивной увертюрѣ нѣтъ окончанія. Лишь только вторая часть произвела въ тоникъ тѣ, что первая совершила въ доминантѣ, модуляція обращается къ *fa* мажору; оркестръ затихаетъ, — за шумной энергіей наступаетъ сладострастная тишина, и увертюра нѣсколько замираетъ въ выдержкѣ, отъ которой начинается интродукція. Быть-можетъ Моцартъ хотѣлъ этимъ соединить раздражательныя формы чистой музыки съ формами музыки прикладной и перенести насъ отъ музыкальнаго разсказа къ драматическому дѣйствию, также незаметно, какъ мысли пробужденнаго челоука соединяются и смѣшиваются съ видѣніями чудаго сна. —

Занавѣсъ поднимается, и я прошу читателей посвятить это идеальное представленіе Донъ-Жуана, въ которомъ критикъ нечего будетъ осуждать. Актеры и актрисы съ лицами своихъ ролей составлять, какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ отношеніи, одно цѣлое, нераздѣльное. Одаренные чудными голосами и классическою методою, они будутъ пѣть такъ хорошо, какъ только можно вообразить. Оркестръ, весь составленный изъ виртуозовъ, которые, по странному стеченію обстоятельствъ, будутъ также и превосходными ривіенистами и прекрасными симфонистами, этотъ оркестръ никогда не ошибется ни на $\frac{1}{4}$ тона, ни на $\frac{1}{3}$ супира. Декораціи будутъ лучше и истиннѣе природы. Наконецъ, вы найдете во мнѣ одного изъ тѣхъ услужливыхъ и болтливыхъ соседей, которые, иногда случается, понимаютъ тѣ, о чомъ говорятъ.

Начинается; предъ нами садъ испанской виллы; съ-права рѣшотка, съ-лѣва фасадъ дома, въ глубинѣ сцены павильонъ, окруженный померанцовыми деревьями и цвѣтами. Заря начинаетъ чуть-чуть облекать розовымъ цвѣтомъ края неба; кто-то стоитъ у павильона. Сначала, одинъ только слуга посылаетъ своего отсутствующаго барина ко всѣмъ чертямъ, въ замѣнъ получасмыхъ имъ ежедневныхъ въжливостей: *Noite e giorno faticar* * и мелодія, которая грубо, безъ всякой гармоніи, выдается въ интервалахъ аккорда. — Нашъ негодийъ начинаетъ важничать и корчить дво-

* День и ночь трудись.

рлячка, а между-тѣмъ оркестръ.—надѣется уллучшиться во время этого смѣшнаго проявленія независимости.—О, какъ хорошъ этотъ лѣнливый, упрямый, болтливый, хвастливый даже съ самимъ собою лакей! Какъ вѣрно изображена здѣсь лакейская натурал Раздаются шаги, оселъ измѣняетъ или лучше понижаетъ тонъ, стараясь только, какъ-бы припрятать уши. При сильномъ взрывѣ цѣлаго оркестра, изъ дверей навильйона являются Жуанъ и Анна. Какъ чудно хороши они оба! онъ, скрывал лицо свое и въ тоже время измѣняя своему инкогнито благородствомъ позы и величіемъ жеста, — долженствующій бѣжать и удерживаемый маленькой ручкой, которая считаетъ себя въ силахъ удержать его;—она, дрожащая, съ распущенными волосами, полуодѣтая, но вооруженная взглядомъ ангела истребителя и влекомая какимъ-то судорожнымъ движеніемъ къ этому чудовищному существу, одно дуновеніе котораго можетъ ее уничтожить... «Non spera se non t'uccide,» * прекрасное тріо! Сколько глубины и сколько мужества въ мелодіи, какое энергическое движеніе въ самомъ ритмѣ, какъ эта музыка горячитъ и волнуетъ кровь слушателя! Но вотъ, изъ двери, что на лѣвой сторонѣ, выходитъ отецъ Анны. — Онъ не въ халатъ, не въ ночномъ калпакъ, какъ обыкновенно являются у насъ на театрахъ, но въ испанскомъ плащѣ, съ непокрытою головою, неся передъ собою факелъ, свѣтъ коего озаряетъ его почтенное лицо, проникнутое благороднымъ негодованіемъ. — Изъ-гордости или изъ состраданія, только Донъ-Жуанъ первый разъ въ жизни отказывается драться. Командоръ называетъ его подлецомъ. Подлецъ!.. Донъ-Жуанъ!.. О, поверьте, чтобы выразить всё музыкальное величіе его отвѣта, — не достанетъ ни словъ, ни движеній. Misero! ** — вотъ то долгое, проникнутое презрѣніемъ и состраданіемъ, восплицаніе, которое сопровождается ужаснѣйшимъ взрывомъ негодованія: At-ten-di, двѣ *** однозвучныхъ полтакты, сопровождаемыхъ паузой; потомъ заунывный минорный кадансъ въ se vuoi morir. **** Этими словами несчастный старецъ исключается изъ числа живыхъ. — Шпаги скрещиваются; въ оркестръ раздаются быстрые, какъ молнія, гаммы; руки дерущихся попеременно то удлиняются, то сжимаются, шпага ударяетъ о шпагу, и изъ гремящаго оружія сыплются искры. Но увы! борьба слишкомъ неровна для того,

* Развѣ убьешь меня, тогда только вырвешься.

** Несчастный.

*** Стойже.

**** Если хочешь умереть.

чтобы могла долго длиться. Рука Жуана (звуки, traits * скрипокъ) мятитъ прямо въ сердце, удары удваиваются и каждый изъ нихъ становится ближе къ цѣли. Ударъ, другой, третій—и шпага наноситъ смертельную рану; басъ, подавшись несколько назадъ, падаетъ на раздрающую сердце выдержку, возбуждаемую его послѣднимъ движеніемъ. Нѣтъ, подражательная музыка не можетъ быть лучше, ибо должно признаться, что въ этомъ случаѣ аналогія производитъ гораздо-сильнѣе очарованіе, чѣмъ дѣйствительное изображеніе предмета, подражательнымъ образомъ, которое въ тоже время находится передъ вашими глазами.— Два актера, какъ-бы они искусно не фехтовали, если только не захотятъ попросту убить другъ друга, никогда не будутъ такъ естественно драться, какъ естественно подражаетъ этому оркестръ.

Тонъ и движеніе измѣняются; изъ *se-tino*гъ совершенно неуловимымъ, хотя-чрезвычайно-внезапнымъ переливомъ, перешли въ *fa tin*oгъ; тріоли, мало-по-малу отставая, слѣдуютъ за шумвыми тридцать вторыми (*triples croches*);— октава трубъ все еще тянется, — какъ отголосокъ етеваній, выходящихъ изъ груди поверженнаго старца. Ah, *soccorso!* ** Здѣсь сценическая картина оспариваетъ красоту музыкальной картины. Важная фигура Жуана рисуется въ партиціи, неподвижною величественною, задумчивою, — разжалобленною, но все еще презирающею. На чель его, какъ на чель Кайна, кажется, видишь печать проклятія. — У ногъ его командоръ, поверженный во прахъ, опираясь одной рукой о землю, другою, обогрвеною кровію, закрываетъ рану; — онъ силится, все болѣе и болѣе ослабѣвающимъ голосомъ, призвать кого-нибудь на помощь, чтобы спасли его отъ смерти, въ то время, когда члены его дышатъ и смертный холодъ разливается по тѣлу. На второмъ планѣ видно выразительное лицо Лепорелло, на которомъ, съ страшнымъ преувеличеніемъ, изображается удивленіе, испугъ, ужасъ и состраданіе. — Эти три, другъ другу противоположныя, басовыя мелодіи образуютъ чудную группу, среди ровнаго аккомпанеймента. Вокальное пѣніе окончилось, и послѣднія остатки жизни исчезаютъ въ ритурнели.

Мы приказали режиссеру и капельмейстеру нашей труппы, послѣ этого печальнаго тріо, тотчасъ-же перейти къ сценѣ № 2, которая такимъ-образомъ соединится съ интродукціей. Жуанъ и Лепорелло, вмѣсто того, чтобъ обмѣняться нѣсколькими пустыми и со-

* Traitъ собственно означаетъ нотную фигуру, состоящую изъ послѣдованія одного звука къ другому, отъ полутона до квинты, — восходящимъ или нисходящимъ порядкомъ.

** Ахъ, помогите!

вершенно-неумѣстными словами, удаляются молча, и въ это самое время является Донна-Анна съ Оттавіо и прислужгой. Она находитъ одинъ только трупъ своего отца. Внезапные звуки альтовъ, на которые, какъ-бы вдругъ пробудившійся оркестръ отвѣчаетъ ужасными воплями, подобно свѣту свѣтильниковъ, озаряютъ эту сцену ужаса. *Padre! caro padre!* * Намъ-ли изобразить эту энергію, которая въ печали еще изыщше того, чѣмъ она была въ негодованіи; эти слова, исполненные огня, который потухаетъ въ слезахъ, это превращеніе душевныхъ страданій, которыя, ежеминутно, мнитсся, доходятъ до крайняго предѣла страданій, какъ ежеминутно, кажется, должны пресѣчься, а между-тѣмъ, каждое мгновеніе открываетъ намъ еще высшія нравственныя муки! *Quel sangue, — Quella piaga, — Quel volto — tinto e coperto del color di morte;* ** а потомъ это сердце, которое внезапно перестаетъ биться и леденеетъ, подобно остывшему сердцу трупа: *E non respira più... Fredde le membra* ***. Не ощутили-ли вы сами этихъ жестокихъ наслажденій, и неужели вы потребуете отъ насъ описанія речитатива Донны-Анны? Анна — это последнее и высшее усиліе генія въ изображеніи трагическихъ страстей; она сосредоточиваетъ въ себѣ все высоко-трагическое, облеченное въ плоть. Вполнѣ представить Анну можетъ одна только ваша воображаемая примадонна, женщина прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, первая трагическая актриса и первая въ свѣтѣ пѣвица...

Речитативъ, который читатели слышали, для всякаго другаго, кромѣ Моцарта, былъ-бы не только затрудненіемъ, но почти бѣдою. Сцену оканчиваетъ дуэтъ, — а если конецъ не вычаетъ дѣло, то онъ его портитъ. Моцартъ его не испортилъ. Поэтъ далъ ему въ распоряженіе блестящій планъ, и съ него этого было достаточно; и весьма-естественно, что гениальнѣйшій дуэтъ послѣдовалъ за гениальнѣйшимъ речитативомъ. Прежде, чѣмъ выслушаемъ этотъ дуэтъ, скажемъ несколько словъ о товарищѣ Анны, который долженъ въ немъ дебютировать. Оттавіо, одно изъ тѣхъ лицъ, которое, какъ мнѣ кажется, критики хуже всего поняли, потому-что они его, въ особенности, олицетворяли въ драматическомъ его значеніи. Истинной любви, чувства, которое такъ возвышаетъ насъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ мнѣніи любимой нами женщины, еще недостаточно, чтобъ равно возвысить и въ глазахъ свѣта. Въ романъ и даже драмъ любовь создаетъ своихъ героевъ только помощью развиваемыхъ и приводимыхъ въ дѣйствіе, нрав-

* Батюшка, милый батюшка!

** Кровь — рана — лицо, покрытое смертною блѣдностью.

*** Дыханіе отлетѣло — члены охолодѣли.

ственныхъ способностей ихъ. Въ дѣйствительности, какъ и въ поэзіи, чтобы быть чѣмъ-нибудь, надобно или произвести что-нибудь — прекрасный поступокъ, прекрасную книгу, прекрасную партію, прекрасную картину и ужъ, по-крайней-мѣрѣ, прекрасное платье; или имѣть что-нибудь, на-примѣръ — сто тысячъ дохода; или наконецъ, сдѣлаться чѣмъ-нибудь — генераломъ, министромъ, или, по-крайней-мѣрѣ, агрономомъ, который, по недостатку собственныхъ земель для разработки, началъ-бы пахать и боронить для газеты. Иначе, сколько-бы прекраснѣйшихъ чувствъ ни наполняло душу человека, но если они не выходятъ наружу, или если и проявляются, но только въ необдуманнѣйшихъ поступкахъ, или въ рѣчахъ, разносимыхъ вѣтромъ, то такой смертный всегда останется героемъ посильнымъ, человекомъ непонятнымъ, т. е. лѣнтяемъ, и чаще человекомъ съ большими требованіями, но съ малыми средствами. Такія лица, даже въ чтеніи, не завлекутъ разсудительнаго читателя. Оттавіо тоже не дѣлаетъ или, что все-равно, не можетъ сдѣлать ничего, а потому остается тѣмъ-же, чѣмъ и былъ — женихомъ своей возлюбленной; итакъ, для романа и для словесной драмы, Оттавіо былъ-бы самымъ жалкимъ лицомъ. Самые краснорѣчивые разборы и объясненія такого лица, занимающаго не чувства, не выкупили-бы ничтожности его поступковъ. Онъ любитъ; это его единственный талантъ, его единственная добродѣтель, но добродѣтель, которой намъ невозможно по-справедливости оцѣнить въ либретто, за неимѣніемъ другихъ свидѣтельствъ и доказательствъ, кромѣ словъ, ничего недоказывающихъ. Одишь только композиторъ могъ снабдить насъ мѣриломъ этому таланту и этой добродѣтели; одинъ онъ могъ осуществить это чувство въ дѣйствіи, т. е. въ аріей или дуэтомъ, и снабдить дѣйствіе всею возможною очевидностью и нравственною красотою. Съ-тѣхъ-поръ, жалкій Оттавіо, не-смотря и на свою страдательную роль, и на свое бесплодное усиліе, и на свои выходы съ толпой, — съ-тѣхъ-поръ Оттавіо, если этого хотѣлось музыканту, былъ надѣленъ лучше всѣхъ теноровъ. Музыка пояснила непонятнаго человека, и изъ посильнаго героя сдѣлала героя дѣйствующаго на всѣ души, которыя были приводимы могуществомъ любви, открытой въ своемъ внутреннемъ принципѣ, въ соприкосновеніи съ его душою. Теперь посмотримъ на него въ дѣлѣ, — въ дуэти.

Анна, которую поэтъ, послѣ жестокихъ ощущеній речитатива, искусно умѣлъ заставить на минуту забыть, думаетъ, что видитъ убійцу своего отца: *Fuggi, crudele, fuggi* *. *Allegro, ré-minor.*

* Бѣги, жестокой, бѣги!

Пѣніе Оттавіо, дивно модулированное въ минорномъ тонѣ квинты и мажорномъ тонѣ терціи, — проникнутое невыразимою нѣжностью, — приводитъ его милую въ себя. *Guarda mi un solo istante* *. Она смотритъ на него, узнаетъ его. *Ma il padre mio dov'è? *** И оркестръ тотчасъ-же овладѣваетъ вокальной фразой и истолковываетъ и по-мрачаетъ ее; — ужасная истина проявляется изъ-за духовнаго мрака, ее скрывавшаго. *Ma i sposo e padre in me ****, отвѣчаетъ Оттавіо. Какимъ покровительствомъ любви, какою горячею преданностью, какою утѣшительною прелестью дышетъ переходъ на септиму, начальную ноту котораго берутъ гобой; какъ былъ-бы готовъ вѣжливый Оттавіо, какъ-бы онъ былъ счастливѣе отдать свою жизнь и свою душу, и, если-бы возможно, еще больше, чтобы осушить слезы Анны. — Клянись отмстить за моего отца, говоритъ она, въ нѣсколькихъ нотахъ повелительнаго речитатива: *Giùgo *****, въ этой торжественной и важной клятвѣ воспроизведенъ весь законъ любви — *adagio*. Пламя вспыхиваетъ въ сердцѣ Анны; (*tempo primo*) фигуры въ двухъ нотахъ скрипки, отражаемая октавою флейты, блестятъ, какъ молніи на бурномъ горизонтѣ страстей; голоса присоединяются; аккорды невыразимо-очаровательные, инструментальныя реплики, заимствованныя изъ самыхъ плачевныхъ гармоній души, прерываютъ и сопровождаютъ ихъ пылкія фразы. Когда снова наступаютъ слова клятвы, Моцартъ воспроизводитъ ту же идею, но совершенно другимъ образомъ. Онъ болѣе не замедляетъ движенія, и самыя поразительныя модуляціи сряду слѣдуютъ одна за другою. Сколько сначала въ клятвѣ было торжественности, столько теперь въ ней влеченія и энтузіазма. Дивная женщина минутно возводитъ своего любовника до собственнаго своего величія, ибо въ Оттавіо рѣшимость и героизмъ не иное что, какъ только отблескъ души Анны. Собственно ему принадлежитъ одна любовь. Если къ столькимъ красотамъ мы прибавимъ совершенства финальныя этого мѣста, выразительный и подражательный пассажъ: *Fiamme ondeggiando il cor ******, энергическіе синкопы слѣдующей фразы и взрывъ инструментовъ, который гремитъ во время окончанія рѣчи, то получимъ довольно-точный критеріумъ изящнѣйшаго изъ всѣхъ когда-либо сочиненныхъ и пѣтыхъ дуэтовъ. Моцартъ никогда не создавалъ не только подобнаго, но даже такого, кото-

* Посмотри на меня одну минуту.

** Но гдѣ мой отецъ?

*** Во мнѣ явѣшь ты супруга и отца.

**** Клятва.

***** Пламенѣсть растерзанное сердце.

рый былъ-бы близокъ къ нему. Однакожь пора музыкальной трагедіи на-время прекратиться и дозволить, въ свою очередь, проявиться комической оперѣ.

Въ спорѣ классиковъ и романтиковъ, мы всегда были одного мнѣнія съ Скарментадо, который, когда отъ него потребовали, чтобы онъ сказалъ, какую изъ овецъ предпочитаетъ, черную или белую, отвѣчалъ, что онъ предпочитаетъ нѣжнѣйшую. — Какая, въ самомъ-дѣлѣ, нужда до цвѣта овцы, лишь-бы только мясо ее было вкусно? Равнодушные, невнимательные ко всему, что могли говорить и мыслить Лагарпъ и Шлегель *, мы держали и держимъ сторону того, что насъ занимаетъ, намъ нравится и насъ трогаетъ — прекрасныхъ сценъ и Шекспира, и Корнеля, и Расина, и Шиллера, и Байрона, и Гёте, и Шатобриана, и Вальтеръ-Скотта, и Пушкина, и Жуковского, по съ условіемъ — читать всѣхъ этихъ господъ въ подлинникъ, на языкъ, которымъ они писали, исключая однакожь Вальтеръ-Скотта, котораго прочтутъ съ одинаковымъ наслажденіемъ на всѣхъ европейскихъ нарѣчіяхъ. — Между-тѣмъ, въ нѣкоторыхъ драмахъ романтической школы одна вещь постоянно казалась и будетъ казаться намъ несообразною, не по всенародной литературной исповѣди, которой мы никогда не дѣлали, но въ-слѣдствіе невольнаго, страдательнаго впечатлѣнія, совершенно-независящаго ни отъ какихъ литературныхъ сужденій. Эта вещь — смѣшеніе трагическаго съ комическимъ, котораго, для насъ, такъ ослабляли другъ-друга, что, не будучи въ-состояніи ни тронуться, ни посмѣяться отъ-души, мы впадали въ безчувственность — считая себя счастливыми, если дѣйствіе еще сколько-нибудь поддерживалось слабымъ участіемъ любопытства. Шиллеръ, величайшій драматургъ послѣдняго и нашего вѣка, наблюдая за дѣйствіемъ этого смѣшенія надъ публикой, совершенно исключилъ его изъ своихъ трагедій, не-смотря на то, что употреблялъ его въ молодости, въ своихъ прозаическихъ драмахъ. — Шиллеръ такой авторитетъ, котораго романтики не отвергнутъ.

Но если смѣшеніе двухъ, совершенно-разнородныхъ элементовъ, каковы трагическій и комическій, производитъ во всѣхъ зрителяхъ, свободныхъ отъ вліянія литературныхъ школъ, отвращеніе непреодолимое, потому-что оно инстинктивно; то смѣшеніе это въ музыкальной драмѣ имѣетъ совершенно-другіе результаты. — Эффекты, чисто драматическіе, требуютъ, какъ все относящееся къ разуму, приуготовленій и поддержки: необходимо нѣкоторое время и

* Изъ которыхъ послѣдній очень худо-зналъ по-французски, а первый вовсе не зналъ ни по-нѣмецки, ни по-англійски.

много искусства, чтоб нравственныя расположенія слушателей приняла предлагаемое имъ блюдо.—Смѣшивать противоположности значить портить произведенный и уничтожить будущій эффектъ, если только эти противоположности не будутъ связаны продолжительными и учеными переходами, которые почти всегда не совместны съ быстрымъ ходомъ театральнаго произведенія. Но даже и въ этомъ случаѣ, авторъ отказывается отъ драгоценнѣйшей своей выгоды—отъ увеличенія однороднаго интереса. Совершенно-иные условія оперы. Музыкантъ обращается прямо къ душѣ и дѣйствуетъ на нее безъ всякихъ логическихъ приготовленій. Простаго измѣненія ритма, противопоставленія мажорной гаммы—минорной, уже ему достаточно, чтобъ тотчасъ же сроднить насъ съ новымъ психологическимъ измѣненіемъ, какъ-бы ни было оно отлично отъ предыдущаго.—Еще болѣе: внезапная послѣдовательность самыхъ противоположныхъ эффектовъ основана, независимо отъ всякихъ приложений, на естествѣ музыкальнаго искусства. Сколько квартетовъ скрипки и симфоній, или пѣсь веселыхъ и быстрыхъ, слѣдуютъ съ найвозможно-лучшимъ успѣхомъ за пѣсами характера противоположнаго! Что же касается до оперы, то въ ней смѣшеніе серьезнаго и комическаго болѣе, чѣмъ позволительно; такая смѣсь для нея въ высшей степени выгодна. Такъ-какъ впечатлѣнія, производимыя музыкаю, несравненно-сильнѣе всѣхъ впечатлѣній словесной драмы, то они, еслибъ ихъ не разнообразили, истощились-бы за-то гораздо-скорѣе. Лучшія лирическія трагедіи: «Идоменей», обѣ «Ифигеніи», «Весталка», были-бы немного утомительны безъ развлеченій, производимыхъ танцами, интермедіями и другими вспомогательными средствами представленія. Лучшія оперы—буффы съ перваго-же дѣйствія перестали-бы быть занимательными, еслибъ въ нихъ шутки не были перемѣшаны съ чувствительными мѣстами. И вотъ почему «Донъ-Жуанъ», соединяющій въ себѣ сущность всѣхъ музыкальныхъ эффектовъ, — высшее трагическое и высшее комическое, изъ всѣхъ оперъ нравится болѣе всего знатокамъ и, вѣроятно, менѣе всѣхъ утомляетъ.

Живымъ, пѣвучимъ переходомъ отъ высокаго къ комическому, служить прекрасная дама, которая, въ ту самую минуту, какъ мы говоримъ, вышла на сцену, и на которую прошу посмотреть. Эльвира представляетъ двѣ совершенно-различныя стороны,—смотря потому какую изъ нихъ будутъ олицетворять—въ ея роли или въ ея партіи, и относительно-ли самаго-себя или относительно ее самой, какъ объектъ или какъ субъектъ. Съ объективной точки зрѣнія, которая принадлежитъ и къ роли, лицо это не болѣе какъ приятно, особенно въ глазахъ мужчинъ, которые уже такъ да-

вно его знаютъ. Это *stroke-mitaine* * или оборотень, который всюду слѣдилъ за вами въ ваши молодые годы, въ видѣ любовницы — уже надѣвшей, и который, смотря съ той-же точки, въ послѣдствіи, подѣ еще болѣе-ужаснымъ видомъ законной и добродѣтельной супруги, каждый разъ мѣшаетъ вашимъ невиннѣйшимъ увеселеніямъ и пріятнѣйшимъ препровожденіямъ времени. Но если будемъ смотреть на Эльвиру съ субъективной или музыкальной точки, то увидимъ въ ней свойства исключительныя и избранныя, женщину великую и благородную. Въ ней музыкантъ олицетворилъ полную преданность, любовь, торжествующую надъ отрицаніемъ и забвеніемъ, переживающую униженія, оскорбленія и самую надежду. — Ритурнель начинающейся аріи выкажетъ вамъ внѣшнее значеніе женщины, волнуемой великою страстью. Тонъ важный, *mi* бемольный; ритмъ твердый, величественный и рѣшительный; фигуры мелодическія, которыя знаютъ свою цѣну и говорятъ вамъ: посмотрите на меня; прекрасная осанка, благородная ловкость, тѣнь кокетства, но кокетства утонченнѣйшаго... Прелюдія оркестра такъ положительна, такъ блестяща, такой характеристической мелодіи, такъ похожа на главную тему аріи, что никакъ не думаешь предпочесть ей другой мотивъ. Но что же? едва только она кончается, какъ композиторъ начинаетъ ее сызнова — вотъ въ ноту, чтобъ сдѣлать изъ нея аккомпанементъ вокальной части. И первіе мелодическое рисуется на мелодическомъ и раздвѣчонномъ фонѣ съ такою естественностію и точностію, что оно тотчасъ-же врѣзывается въ слухъ. — Это Моцартовскія штуки. *Ah che mi dice mai, quelle barbare dov'è? *** Эльвира думаетъ представиться чрезвычайно-изступленною. Она готова пронзить сердце невѣрному, если только найдетъ его, и нарочно для этого приѣхала по почтѣ изъ Бургоса. Опять трагическое! Идти не совсѣмъ. Нашего маэстро не обманывали ни женщины, ни поэты — ихъ соучастники. Слышите-ли вы, какъ онъ переводитъ, во второй половинѣ аріи: *gli vo salvar il cor ****. Онъ такъ переводитъ: я хочу броситься въ его объятія, лишь-бы только онъ захотѣлъ принять меня. Но что значать эти подражательные звуки (*traits*), которыми, какъ-будто сигналами, обмѣниваются то первая скрипка, то альтъ, то басъ, и которые, поражая слухъ, возбуждаютъ нетерпѣливое ожиданіе? Звуки эти говорятъ, что Донъ-Жуанъ здѣсь, въ глубинѣ театра, незамѣченный Эльвирою. Вы едва можете узнать злополучна-

* Лѣшій.

** Ахъ, кто мнѣ скажетъ, гдѣ этотъ злодѣй?

*** Я хочу пронзить его сердце.

го челоуька, который появился и исчезъ во мракъ, оставивъ трупъ, какъ-бы доказательствомъ своего произхожденія. Донъ-Жуанъ умылъ себѣ руки; онъ бодръ, легокъ, прекрасно одѣтъ, съ запасомъ обольщеній и въ хорошемъ раположеніи духа, что необходимо для его утренней охоты. Его двуногая ищейка съ нимъ. Охота, по-видимому, начинается счастливо. Женщина, одна, и, кажется, очень-хорошо понимаетъ, что женщины, также какъ и мужчины, негодится быть одной, вотъ что чудно здѣсь проявляется. *Proverinal proverinal!* говоритъ Жуанъ. *Cerchiam di consolar il suo tormento* *. А Лепорелло: *Così ne consol'mille e ottocento* **. Замѣчайте фигуру инструментальную, безпокойную и насмѣшливую, которая протягиваетъ свою двойную ноту, во-время этого назидательнаго разговора. Едва Донна-Эльвира заключила свое пѣніе бравурнымъ пассажемъ, и лишь только классическій кадансъ присовокупилъ къ нему обыкновенное дополненіе, Жуанъ зоветъ даму такимъ-же голосомъ, какимъ приманиваютъ птичекъ: *Signorina! Signorina!* Рѣзвая фигура снова появляется, выражая еще большее безпокойство. И вотъ, на пятомъ тактѣ пѣвецъ и оркестръ вдругъ смущаются, оставаяются, какъ-будто увидѣли голову Медузы. Здѣсь это мѣсто оканчивается, т. е. оно не оканчивается. Волокита и дама узнали другъ друга. Станемъ наслаждаться и удивляться, сколько-намъ позволить возможность, но не будемъ терять времени на похвалу.

Донъ-Жуанъ, очень-мало заботившійся о новой побѣдѣ надъ Эльвирой, оставляетъ ее одну съ Лепорелло. Наша актриса имѣетъ довольно расудка для того, чтобы не походить, какъ многія другія, во время аріи *перечисленія*, на начальника отдѣленія, слушающаго по обязанности бумагу, которую читаетъ ему подчиненный. Эльвира не слушаетъ; она большими шагами ходитъ по сценѣ, потомъ, погруженная въ размышленіе, падаетъ на скамью. Лепорелло, принимающій молчаніе своего слушателя за вниманіе, ошибка довольно-общая авторамъ—начинаетъ свое чтеніе *riap riapino*, съ однимъ квартетомъ. Дѣло не въ томъ, чтобы пробѣжать всю книгу,—она *in folio*,—но чтобы показать общій итогъ цифръ, который вкратцѣ посвящаетъ для Жуана статистику Европы. Скрипка и басъ аккуратно поворачиваютъ страницы, обозначая королевства и провинціи, и вѣрно указывая на такой-то параграфъ или такую-то главу, и Лепорелло мѣрно читаетъ, какъ вдругъ находитъ то, что онъ искалъ: «*In Italia sei cento e quaranta*» ***. Вотъ видите-ли, сударыня,

* Бѣдняжка! постараемся утѣшить ее въ печали.

** Такъ утѣшали мы тысячу восемь-сотъ другихъ.

*** Въ Италіи шесть-сотъ сорокъ.

крупными буквами... И скрипки, вмѣстѣ съ флейтами, пораженные, бьютъ и вскрикиваютъ отъ удивленія, между-тѣмъ—какъ гобой и трубы, народъ веселый, спорять, усмехаясь, о значительности числа. Дойдя до статьи—Испанія, нашъ исторіографъ, читавшій до сихъ-поръ съ монотоніей приходскаго дьячка, съ очками на концѣ носа, возвышаетъ голосъ, потомъ понижаетъ его, и еще понижаетъ, потерявъ мѣру на томъ же слогѣ—«*та-та-та in Ispagna*». Онъ испугался того, что долженъ сказать; онъ останавливается. Искусство стѣля, состоящее въ томъ, чтобъ прервать разсказъ въ самую ту минуту, когда слушатели, разинувъ рты, стараются на лету поймать великое слово, долженствующее раздаться. Приготовивъ такимъ-образомъ ударъ, къ вамъ подходятъ и говорятъ голосомъ важнымъ и таинственнымъ: «*Ma in Ispagna, son già mille e trè*» *. Гмъ! какъ вамъ это кажется? «*Mille e trè*» повторяютъ скрипки; «*Mille e trè*» повторяютъ, послѣ нихъ, фаготъ и гобой. Теперь, когда уже увѣрились, что услышали это невѣроятное число, разсказъ становится быстрее и продолжается силлабическими нотами: «*V'han fra queste contadine, cameriere, citadine, v'han contesse, baronesse, marchesine, principesse*» **. Да, вотъ всѣ онѣ, по-старшинству, проходятъ въ оркестръ.—Эта свита огромна и вся состоитъ изъ однихъ только женщинъ, которыя до такой степени говорятъ всѣ вдругъ, болтаютъ и лепечутъ, трещать и пустословятъ, кричатъ и разсуждаютъ, что не знаешь, кого слушать. Заключение.—Чтеніе окончилось, Лепорелло хочетъ присовокупить къ нему нѣсколько наставленій и правилъ, извлеченныхъ изъ моральнаго уложенія, практическое примѣненіе которыхъ онъ въ кратцѣ уже показалъ намъ. Отъ *allegro* переходятъ къ *andante* и отъ декламации къ мелодіи. Въ афоризмахъ Донъ-Жуана такъ много очевидности и ума, что оркестръ не можетъ удержаться, чтобъ не дать довольно-откровеннаго одобренія тому, кто передастъ съ большею любезностію вокальное пѣніе, или перескажетъ его съ большею назидательностію, или подкрѣпитъ его самыми убѣдительными доводами. Мы предъ этимъ остановились на портретахъ *grande maestasa* и *piccina* ***, послѣ которыхъ слѣдуетъ портретъ *vecchia* ****. — Посмотрите, какъ дорого обходится желаніе казаться молодою въ 60 лѣтъ! Старая дура оступилась,—и вотъ она и парикъ ея падаютъ на пре-

* Но въ Испаніи уже тысяча три.

** Между ними были крестьянки, горничныя, горожанки; между ними графини, баронессы, маркизы и княгини.

*** Знатная госпожа и незначительная.

**** Старуха.

рванный кадансъ, въ тонѣ зі бемоль-мажорномъ. Фаготъ, сжалившись надъ нею, подаетъ ей руку и ведетъ, сказавъ (не безъ того, чтобъ не сказать) въсколко весьма-значительныхъ словъ о необходимости написать духовное завѣщаніе. Я кончилъ сударыня. Такъ-какъ вамъ извѣстно теперь все, то вы должны совершенно утѣшиться. Отъ-душн желаю вамъ всякаго благополучія. Арія перечисленія составляетъ самый совершенный образецъ стиля комическаго, съ чѣмъ согласны даже Италійцы, самые законные и настоящіе судьи въ этомъ дѣлѣ, ибо стиль комическій отчасти принадлежитъ ихъ языку.

Вниманіе! Вотъ являются предъ нами добрые люди, и чрезвычайно весело, въ sol мажоръ и въ $\frac{6}{8}$ -мъ тактѣ Привѣтъ деревенской сватьбы! Это ни эклога, ни идиллія, это кляча Мазетто, сопровождаемый своими друзьями.—толпа крестьянъ и крестьянокъ, съ своими праздничными платьями и лицами, идущая плясать и пить: хоръ очень-веселый, но веселость его такого рода, которую приятнѣе видѣть, какъ стадо въ ландшафтѣ—въ группѣ и въ перспективѣ. Это вполне простонародная пѣсня, которую гораздо приятнѣе слушать издали, чѣмъ вблизи. Небольшой дуэтъ новобрачныхъ заключается, весьма-эффектно, шумными унасонами tutti: «Trallala! Trallala!»

Посреди этого, столь наивно-мужиковатаго хора, находится кто-то и сейчасъ-же пропоетъ намъ совершенно-другія гаммы. Это новобрачная Церлина, въ которую, кажется, Моцартъ влюбился, какъ и Пегмаліонъ въ свою статую. Случалось-ли вамъ когда-нибудь, читатель-соотечественникъ, и, подобно мнѣ, сельскій житель, бывать на храмовомъ праздникѣ въ сосѣдней деревнѣ, и тамъ, въ толпѣ крестьянокъ, найдти такое лицо, предъ которымъ-бы всѣ другія блѣднѣли и уничтожались, такое лицо, которое, увидѣвши однажды, уже не легко позабыть. Безъ-сомнѣнія, въ такомъ случаѣ вы говорили про себя, что это или жестокая ошибка судьбы, или что подъ этимъ платьемъ скрывается какал-нибудь переодѣтая княжна, вы предполагали въ ней и душу, и умъ, и характеръ, и честолюбивыя желанія, и что вѣчно оставаться крестьянкой для нея ужасно. Можно держать большой закладъ, что, познакомившись по-короче съ вашимъ идеаломъ, вы должны были-бы перемѣнить многія изъ своихъ предположеній,—и въ этомъ-то отличается Церлина отъ бѣльшей части крестьянокъ, сходныхъ съ нею наружностію. Церлина совершенно то, чѣмъ только захотятъ чтобы она была. У ней и душа, и умъ, и много тщеславія. Въ одинъ мигъ Жуавъ постигъ, что она обладаетъ всеми этими качествами. И такой дивной красоткѣ быть женою презрѣннаго мужика! И онъ, благородный рыцарь, допустилъ это! Ну-же, красавица!

остаётся только переменить жениха, избравъ Жуана вмѣсто Мазетто, — обмѣнъ, кажется, не дуренъ. Между-тѣмъ еще колеблются, положенія лицъ созрѣваютъ для музыки, и прелестнѣйшее *duettino* начинается. Многие аматёры находятъ, что *allegro* въ «*Là ci darem*», музыка нѣсколько тривиальная и далеко не соответствуетъ *andante*. Мы согласны съ этимъ мнѣніемъ, но прежде, нежели обратимъ это замѣчаніе въ упрекъ, посмотримъ, не имѣли ли композиторъ основательной причины къ тому, чтобъ заставить довольно-обыкновенную мелодію слѣдовать за пѣніемъ высшаго разряда. Невинность, находящаяся въ схваткѣ съ обольщеніемъ и ослабляющая болѣе и болѣе въ этой борьбѣ, составляетъ, если и не весьма-назидательную, то, по-крайней-мѣрѣ, очень-музыкальную картину. Чтобы она была истинна, то обольщеніе должно отозваться въ душѣ слушателей, въ то самое время, какъ оно проникало въ душу Церлины, ибо, пока слова и музыка выражали сопротивление, нравственное достоинство этого лица еще существовало. Но съ той минуты, когда Церлина сказала *andiam*, она упала, и такъ низко, какъ не падала ни одна изъ всѣхъ женщинъ, наполняющихъ каталогъ, и если ея имя не увеличитъ ихъ числа, то этому обязана она единственно, — употребляя судебное выраженіе, — обстоятельствомъ, совершенно независѣвшимъ отъ ея воли. — «*Andiam, andiam, mio bene, a ristorar le pene d'un innocente amor*» **. *Innocente* хорошо; остальное также не дурно. — Создать на такихъ словахъ обольстительную мелодію, замаскировать льстивыя и изысканныя фразы, положеніе болѣе нежели обыкновенное, не значить ли допустить, въ некоторомъ отношеніи, разстройство между дѣйствующими лицами и — стараться скрасить порокъ? Моцартъ однако принялъ предосторожность въ этомъ случаѣ. Пѣніе его *allegro* выражаетъ одну только плебейскую веселость; оно выказываетъ намъ, что бѣдная крестьянка, при видѣ прекраснаго рыцаря, покрытаго золотомъ и перьями, и при мысли о платьяхъ, брилліантахъ и коляскахъ, которыя онъ ей обѣщалъ, совершенно потеряла голову. Она даже мечтаетъ уже о балѣ. Слышите-ли вы рѣзвое *pizzicato*, которое, подобно ловкому танцору, балансирующему передъ своею дамой, заставляетъ модуляцію перейти въ тонъ кварты и обращается потомъ къ тоникъ? Россини не сдѣлалъ бы лучшаго; но Моцартъ не остановился на этомъ. Среди мелодіи, самой плавной и исполненной самой естественной гармоніи, основанной на басѣ, который гудитъ, подобно волынкѣ, онъ помѣстилъ хроматическій пассажъ,

* Тамъ мы соединимся.

** Пойдемъ, я вознагражу тебя за страданія невинной любви.

эффектъ котораго замѣчательнъ такъ-же, какъ желаніе произвести его кажется разсчитаннымъ и глубокимъ (7 и 8 такты *allegro*).— Это стеченіе гармоній, продолжающееся съ-минуту, не составляетъ ли знака, которымъ музыкантъ хотѣлъ показать намъ все, что только есть страшнаго и опаснаго въ основѣ вышеннѣйшаго положенія, которое, по пути, усыпанному цвѣтами, ведетъ прямо къ пропасти. А потому въ *allegro* «*Là ci darem*», неоспоримо, слабѣйшее въ оперѣ мѣсто, все-таки составляетъ по-истинѣ образцовое произведеніе пустой, но очень-выразительной музыки, не-смотря на разность съ текстомъ, который только пустъ.

Неизбѣжная Эльвира вырываетъ голубку изъ когтей коршуна и объясняетъ молодой крестьянкѣ грозившую ей опасность.

Вѣроятно, нѣкоторые изъ моихъ читателей не слышали, на театрѣ, той музыкальной клятвы, съ которою оставленная любовница обращается къ новой фавориткѣ, въ *aria*: «*Fuggi il traditor*» *, которую хотя и признаютъ прекраснымъ произведеніемъ, но всегда выпускаютъ при представленіи.—И хорошо дѣлаютъ. Любопытно-бы узнать, почему Моцартъ счелъ приличнымъ вставить въ такую партицію, каковъ Донъ-Жуанъ, *aria*, въ которой онъ подражалъ Генделю и которая отдѣляется отъ всего остальнаго древностью формъ пѣнія и аккомпаньемента, отсутствіемъ духовыхъ инструментовъ и драматической выразительности; мѣсто, на которое нельзя иначе смотрѣть, какъ на очень-хорошій этюдъ въ контрапунктѣ, написанный на слова, взятые на удачу? Что это такое, фантазія, капризъ или неумѣстная почестъ Генделю, которому Моцартъ подражалъ въ духовныхъ хорахъ, но который никогда не служилъ ему образцомъ для театральнхъ *арій*? Можетъ-быть, на этотъ вопросъ можно будетъ отвѣтить другимъ-же вопросомъ: для чего въ последнемъ финалѣ, послѣ сцены явленія привидѣнія, сцены, для оцѣнки которой самыя высококлязачныя слова покажутся слабыми, мы находимъ дуетъ стародавней итальянской школы, въ которомъ Донъ-Оттавіо и Донна-Анна соединяютъ любовно терцію и сексту: *Oh che tutti, o mio tesoro?* ** Не примуть-ли этого за любимыя композиціи позабытыхъ 50 лѣтъ—Гульельми, Паччини, Саккини или Паэзіелло.— Въ-самомъ-дѣлѣ, ничто столько не походитъ на шутку, или даже на мистификацію. И что, если герой нашъ, предвидя по какому-нибудь случаю, что произведеніе его будетъ разыграно и въ Прагѣ, имѣлъ дѣйствительно намѣреніе омистифировать своихъ слушателей? Глубоко-оскорбленный въ своемъ самолюбіи, въ своихъ арти-

* Бѣги отъ прелателя.

** Теперь все, о мое сокровище.

стическихъ убъжденіяхъ, въ своемъ благосостояніи, невѣжественностію современниковъ, Моцартъ какъ-бы взывалъ къ потомству: Судьи, которыхъ я не увижу, вотъ съ одной стороны великій Гендель, мой наставникъ въ духовной музыкѣ, по который, безъ сомнѣнія, поступилъ-бы гораздо лучше, пересоздавъ свой драматическій стиль по образцу Глюка, чѣмъ сравнивать Глюка съ своимъ поваромъ; вотъ съ другой стороны мои соперники, которыхъ, въ настоящее время, предпочитаютъ мнѣ. Выслушайте англо-германскую арію и итальянскій дуэтъ; вотъ труды искуснѣйшихъ и знаменитѣйшихъ композиторовъ до меня; потому, выслушайте конецъ оперы, сочиненія вашего покорнаго слуги.—Судите и произнесите приговоръ!—Приговоръ оконченъ и всякое сравненіе дѣлается безполезнымъ: нынѣ уничтожаютъ и аріе и дуэтъ, которые прежде служили предѣлами музыкальнаго совершенства.

День дурно начался для Донъ-Жуана, и не лучше проходитъ. Анна и Оттавіо приходятъ къ нему съ просьбой, помочь имъ отыскать убійцу Командора; Эльвира является снова, и обвиняетъ его не въ томъ, что онъ убійца, нѣтъ, она объ этомъ и не знаетъ, но что онъ взмѣнникъ и вѣроломный относительно всего прекраснаго пола, а это обвиненіе гораздо важнѣе.—Жуанъ, не зная, какимъ образомъ отдѣлаться отъ этой Немезиды въ цепцѣ, которая привязывается къ нему, подобно воплощенному несчастію, и упрекаетъ его въ злодѣяніяхъ, столь дерзокъ, что рѣшается назвать ее помѣшавною. Онъ бѣсится, а между-тѣмъ долженъ показывать состраданіе. Анна и Оттавіо борются между сомнѣніемъ и живымъ участіемъ, какое внушаетъ имъ эта незнакомая женщина. Вотъ содержаніе для квартета, подобнаго которому, по фактурѣ и выразительности, напрасно было-бы искать; одна изъ тѣхъ сценъ, какую каждому изъ насъ, вѣроятно, случалось видѣть въ свѣтъ, когда одинъ изъ актеровъ, увлеченный страстію, отбрасываетъ отъ себя маску приличій, между-тѣмъ какъ другіе, смущенные или растроганные, стараются не снимать ея. Эльвира играетъ въ ней первую роль, ибо у нея одной выказывается душа. Мелодія Эльвиры всегда нѣжныя ея словъ: «Non ti fidar, o misera, di quel ribaldo cor: mi già tradi quel barbaro, te vuol tradir ancor» *. Фраза, заключающаяся въ двухъ послѣднихъ тактахъ соло: «te vuol tradir ancor», есть главнѣйшій мотивъ, долженствующій сильнѣе всего занять и воображеніе и слухъ зрителей. Фраза сія дѣлается необходимымъ окончаніемъ другихъ, весьма-различныхъ вокальных періодовъ и, такъ-

* Не вѣрайся, несчастная, этому вѣроломному сердцу. Меня уже обманулъ злодѣй этотъ, и тебя хочетъ также обмануть.

какъ оркестръ повторять ее всякой разъ, то новое пѣніе начинается изъ этого повторенія, которое такимъ-образомъ служитъ мелодіей и аккомпаньементомъ, окончаніемъ и связью разнымъ частямъ квартета. Сколько сцена эта представляла разнообразія и вѣжныхъ отрывковъ въ чувствованіяхъ и взаимныхъ положеніяхъ лицъ, столько-же композиторъ употребилъ и соединилъ въ ней музыкальныхъ пособій. Порывъ страсти Эльвиры, благословное, но смѣшанное съ нѣкоторою осторожностію участіе Оттавіо и Анны; смѣлый и полукомическій обманъ въ рѣчахъ Донъ-Жуана, обращенныхъ къ послѣднимъ, и его худо-скрываемую злость въ словахъ, въ сторону сказанныхъ Эльвирѣ—все эти особенные отрывки Моцартъ сумѣлъ отчетливо выразить; все эти противорѣчія сумѣлъ онъ дивно основать въ единствѣ общаго эффекта. Тамъ господствуютъ вмѣстѣ самая выразительнѣйшая мелодія и самая выразительнѣйшая декламація; модуляція, которая каждой фразѣ сообщаетъ индивидуальный отпечатокъ того лица, кто ее произноситъ; инструментальный конкурсъ, часто разнообразный, и всегда выразительный и непосредственный; тамъ съ трудомъ найдете вы нѣкоторые изъ тѣхъ параллельныхъ ходовъ, которые составляютъ наслажденіе необразованныхъ аматѣровъ;—но въ замѣнъ того, исполненный строгости и прелести контрапунктъ; періоды различныя и по длинѣ, и по рисунку, и по ритму, силетевые другъ съ другомъ такимъ-образомъ, что ихъ чудно и видѣть, чудно и слушать; четыре голоса, стремящіяся со всей свободой и со всемъ равенствомъ къ поддержанію гармоническаго, когда-либо бывшаго, существованія. Какъ жаль, что подобнаго рода задача можетъ быть рѣшена только въ музыкѣ! Моцартъ хотѣлъ, чтобъ въ этой оперѣ оперѣ все было въ высшей степени оригинально и разнообразно, все, до формы кадансовъ и финальныхъ заключеній мѣстъ. Итакъ, квартетъ оканчивается начальной, основною фразой; кларнетъ и флейта запечатлѣваютъ ее въ слухъ, въ послѣдній разъ *pianissimo*, во-время двухъ аккордовъ, производимыхъ *pizzicato*. *Te vuol tradir ancor*. Запомните хорошенько совѣтъ Эльвиры; она даетъ его вамъ на свой счетъ.

Мнимая помѣшанная удаляется. Такъ-какъ ее опасно оставлять одну, то Жуанъ берется проводить ее, и, простившись съ своими друзьями, повторяетъ снова свою готовность имъ помогать.—Эти послѣднія слова, обращенные болѣею частію къ Аннѣ, возбуждаютъ въ умѣ ея ужасныя воспоминанія. Голосъ Жуана, его пламенный взглядъ, устремленный на нее, открываютъ Аннѣ убійцу Командора. Мы доходимъ до высоко-трагическаго—речитативомъ, не такъ-богато инструментованнымъ, какъ первый,—но не менѣе его исполненнымъ выразительности. Фигура оркестра, открываю-

щая этотъ речитативъ и раздѣляющая его фразы, прерывается и повторяется, подобно продолжительному крику отчаянія и ужаса.— Все это является въ страшномъ разстройствѣ въ мелодіи, конвульсивномъ синкопѣ, сопровождаемомъ задержками и пронзительными диссонансами, — ибо, за исключеніемъ скрипокъ, остальные инструменты слѣдуютъ естественному ритмическому теченію, безъ нотъ съ точками и безъ нотъ вязанныхъ. — Въ паузахъ, Анна произноситъ глухимъ голосомъ: O Dei! — O Dei!, взявъ потомъ верхнее la, съ торжествующей энергіей, которая укрощаетъ порывы печали: *Quegli è il sacrificio del padre mio!* * Совершенный кадансъ речитатива. Клянусь небомъ, вотъ ораторскій дебютъ, въ которомъ краснорѣчіе и поэзія вѣчно будутъ завидовать музыкѣ! Все остальное въ разсказѣ соотвѣтствуетъ этому дивному вступленію. Принимая въ соображеніе множество образовъ, наполняющихъ текстъ речитатива, Моцартъ употребилъ для него грубую, частую и смѣлую модуляцію.

Or sai chi l'opone ** показываетъ апогею той роли, которая сама-собою, въ своемъ цѣломъ, составляетъ высшее трагическое созданіе Моцарта. Арія эта, нѣкоторымъ образомъ, приуготовляетъ и оправдываетъ вмѣшательство сверхъ-естественнаго;— она доставляетъ ему имовѣрность и правдоподобіе, она гармонируетъ и согласуетъ эту будущую основу съ прочими основами оперы. Анна находится въ одной изъ тѣхъ минутъ, когда кажется, что могущество воли должно измѣнить законы природы и какъ-бы подѣйствовать на самое прошедшее. — Увлеченная преобладающей ею восторженностью, Анна коснулась предѣловъ той таинственной власти, которая разрушаетъ печати гробницъ и ужасающая энергія ея желаній дѣлаетъ ее на минуту ихъ хранительницей. Это уже не слабая, доведенная до тщетныхъ слезъ и неизлечимаго отчаянія женщина; это ужасная волшебница, которая своими чарами заставитъ нарушить молчаніе вѣчности, и вытребуешь отъ нея отвѣтъ. — Уже слова производятъ неизвѣстные отголоски. — При одушевленномъ не-человѣческими измѣненіями голосѣ Анны, оркестръ трепещетъ, пропасть колеблется, огненные тѣни носятся и пламенѣютъ въ пространствѣ; невидимые возстаютъ: Царица, мы здѣсь, чего ты хочешь отъ насъ? звуки (*traits*) гобоевъ — *Vendetta io chiamo!* *** и это царственное повелѣніе, это таинственное призваніе, отъ котораго трепещетъ

* Вотъ убійца моего отца.

** Теперь ты знаешь, кто послыгалъ на мою честь.

*** Взываю о мщеніи!

на своей неподвижной лошади мраморный рыцарь, тотчас-же, громовыми звуками, передается эхомъ въ бездну (подражательные звуки, traits, баса). Но внезапно могущественныя заклятія обращаются въ рыданія; слезы наполняютъ голосъ, повелѣвавшій судьбою. *Ramonta la piaga del' misero seno.* * Къ чему, среди сверхъ-естественнаго героизма, составляющаго характеръ этого мѣста, глубокомеланхолическая перемѣна? Анна увѣрена, что ее услышали; ея ясновидящій взоръ проникъ во мракъ, скрывающій развязку; она знаетъ, что будетъ отмщена, но равно угадываетъ и какоудѣною.— Твоя жизнь за его, таковъ приговоръ невидимыхъ. ** Дочь командора повинуется ему,—сила ея воли увеличивается; вопль мщенія раздается снова; онъ слышится безпрестанно, подобно грому, и постоянно сопровождается гремящимъ подземнымъ гуломъ. Тщетно въ окончаніи рѣчи задрожали другія струны, говоря о печали невыразимой, ранѣ смертельной, о какомъ-то несчастіи — ужаснѣе самаго ночнаго приключенія, о тайнѣ, которую Анна хотѣла-бы скрыть отъ самой-себя, даже отъ Бога..... Но героиня не торгуется о побѣдѣ; она рѣшилась принести себя на жертву.— Мщеніе тому, кто убилъ отца ея! Мщеніе на главу того, кто покушался на честь ея! Мщеніе на того, котораго, не-смотря на всю ненависть, она боится, несчастная, чѣмъ и значить, что она еще не совсѣмъ его ненавидитъ! Оркестръ, въ короткомъ ритуарнелѣ, торжественно обѣщаетъ выполнить такое мщеніе, и предпоследній аккордъ, тихо продолженный въ цѣлыхъ нотахъ (*rondes*), какъ бы набрасываетъ таинственную завѣсу на эту сцену, отъ которой начинаются самыя высокія таинства оперы.

Между-тѣмъ-какъ погибель Жуана приближается, самъ онъ веселъ и занимается приуготовленіемъ празденства. Въ ари: «*Fin ch'han dal vino calda la testa*»***, онъ достигаетъ крайняго предѣла своего естества-высшей энергіи чувственности, противоположной высшей энергіи чувствительности. — Въ самыхъ наслажденіяхъ, есть, какъ то извѣстно всякому, основа поэзіи, которая живѣе всего въ насъ возбуждается и опаснѣе всего привлекаетъ.— Упоеніе наслажденій дѣйствуетъ постоянно на человѣка, подобно нектару олимпійскому, смѣшанному съ водою Леты. Оно молодитъ

* Вспомни страданія бѣднаго сердца.

** Многіе изъ критиковъ, наши предшественники, поняли, подобно намъ, что Анна, по совершеніи мщенія, должна умереть. Такова была, очевидно, мысль Моцарта, и мы увидимъ тому доказательство въ продолженіи разбора.

*** Пока у насъ голова разгорячена виномъ.

сердца и чувства, безмѣрно воспаляетъ воображеніе, и освобождаетъ память отъ всякой тягостной ноши сущности. Въ этомъ упоеніи самыя мечтательныя надежды, самыя неудобноисполнимыя желанія наши, — какъ-бы на минуту осуществляютъся. Всѣ мужчины—въ тоже время и женщины, говоря, какъ Лафонтенъ; взглядъ красоты приобретаетъ невыразимую привлекательность; веселая музыка пиршества слышится, какъ будто выходитъ изъ насъ самихъ; вихрь бала уносить насъ въ фантастическія пространства, которыя, совершенно по волѣ, проходишь, какъ повелитель, и сонъ наконецъ продолжаетъ это упоеніе, до часу, когда, пробужденный, готовъ увидѣть себя, какъ Іовъ, по-прежнему, на кучѣ навоза, съ отяжелѣвшей головой, отяжелѣлымъ разсудкомъ, съ угрюмымъ и мрачнымъ расположеніемъ духа, съ истомленнымъ и болѣзненнымъ тѣломъ. Таковы дѣйствія этой проклятой поэзіи, сущность которой представляетъ намъ арія *Fin ch'han dal vino*, ибо она дышетъ тройнымъ упоеніемъ вина, любви и ритмическаго хода. Нечего было бояться, что подобная музыка не произведетъ дѣйствія на бѣдныхъ грѣшниковъ, наполняющихъ партеръ и ложи, а потому посвященіе Европы въ чудеса нашей оперы началось съ этого мѣста, которое, долгое время, предпочитали всему остальному и которое даже нынѣ, во всѣхъ классахъ публики находятъ, безъ всякаго сравненія, самыя многочисленныя цѣнители. — Ритмическіе эффекты чувствуются даже и тѣми, которые одарены наименьшею музыкальною организаціею, и Моцартъ, даровавъ имъ здѣсь самую положительную часть, которой требовалъ текстъ, не впалъ однакоже, подобно Россиніевой школѣ, въ собственно-плясовую музыку. Донъ-Жуанъ удивительно расположенъ и вдохновенъ къ балу; но онъ еще не танцуетъ, и притомъ-же его занимаетъ не одинъ балъ. Онъ создаетъ въ воображеніи оглушительную вакханалію, бѣшеную оргію и любовныя похождения, — къ какимъ только одинъ онъ способенъ. Весь восторгъ пѣвца, выраженный въ мелодіи, неотразимо сообщается оркестру. Нѣтъ ни одного инструмента, который-бы не былъ въ движеніи и не потрясался; самый басъ, повинувъ общему побужденію, выдѣлываетъ неистовые скачки. Отъ времени до-времени раздается верхняя нота флейты, весельчака общества, съ ритмическою соотвѣтственностью, которая усиливаетъ быстроту движенія и безъ того столь быстрого, что его не возможно вполне выполнить. — Послѣ танцманій, которую съ такою пріятностью и образностью выражали фразы: «*ch'il minu etto farai ballar; che la folia farai ballar*» * и проч., слѣдуетъ

* Пусть одинъ кружится въ минуэтѣ, а другаго пусть кружить одурь.
Т. V. — Отд. I.

дивный миноръ, прекрасно характеризующій упоеніе другаго рода: «Ed io frà tanto dall'atigo canto и проч.» *. И какое увлеченіе, какое возбужденіе горячности, въ частыхъ повтореніяхъ мотива, окончаніе котораго приводитъ къ финальной и капитальной мысли этого мѣста: «Ah la mia lista, doman matina, d'una decina devi augmentar» **. Мы искренно вѣримъ Жуану въ его атлетической надеждѣ: ниоднѣ хвостунъ не спѣлъ—бы такъ.

Такой анализъ произведенія, какой дѣлаемъ мы, разбирая сцену за сценой, мѣсто за мѣстомъ, несравненно легче, чѣмъ анализъ всякой другой оперы, исполненный по тому-же плану.—Причиною сему непрерывная цѣль образцовыхъ шѣсъ, изъ коихъ каждая такъ высоко стоитъ въ ряду музыкальныхъ произведеній, что избавляетъ насъ отъ необходимости хвалить ее, и столь различнаго между собою характера, что нельзя опасаться повторять нѣсколько разъ свои мысли и слова. Кромѣ-того, каждое мѣсто отличается ясностью чувствъ и вѣрностью абсолютныхъ аналогій, кои никакъ не допускаютъ сомнѣваться въ томъ, что онѣ должны выразить.—При каждомъ отрывкѣ, хочется воскликнуть: О это такъ! О! это совершенно такъ! Моцартъ истощилъ въ этой партіи всѣ формы стіля. Мы недавно слышали арію, чудный эффектъ которой зависѣлъ единственно отъ мелодіи и ритма, арію весьма—обыкновенной гармоніи, и инструментовка которой почти тождественна съ вокальной частью.—Теперь же вотъ другая арія: «Batti, batti o bel Masetto», которая похожа на концертанку для оркестра, совершенно противоположна предыдущей фактурой и равна ей по четинѣ выраженій. Вы увидите и услышите женщину, въ присутствіи ея судьи, лишонную, всякихъ средствъ къ оправданію, въ смущеніи и слезахъ, которая старается скорѣе уговаривать, нежели побѣдить, скорѣе убѣждать нежели уговаривать.—Обязанность Церлины прекрасна для музыканта, но не слишкомъ ли онъ ею занялся? спросить какой-нибудь критикъ, строгій блюститель нравственности. Какъ—будто все это роскошное кокетство, вся эта женская вкрадчивость для того, чтобы заставить о себѣ много думать Мазетто, глупѣйшаго изъ мужей! Какъ—будто Венеринъ поелъ съ умомъ развернуть, во всю его длину для того, чтобы сдѣлать изъ него намордникъ медвѣдю! Вы объ этомъ и не подумали, маэстро Вольфгангъ; въ

* А я между тѣмъ въ сторонѣ пою.

** А мой реэстръ завтра утромъ долженъ пополниться цѣлымъ дѣткомъ.

вашей аріи больше, чѣмъ сколько нужно, чтобы вскружить голову самому Жуану. Безъ сомнѣнія; но развѣ не должно равнымъ образомъ обольстить и слушателей? Полноте, за излишество въ этомъ отношеніи никто не пожалуется.

Здѣсь у насъ сперва необходимая партія віолончеля, которая господствуетъ безъ всякаго перерыва, отъ начала до конца. Вы слышите этотъ лукавый басъ, какъ онъ обращается и извивается, какъ онъ жужжитъ и гнуситъ, какъ онъ неопредѣленно увеличиваетъ кругъ обольщеній около бѣдной дурочки. Во-время этой обольстительной гармоніи, скрипки, обращенныя въ молодыхъ голубокъ, воркуютъ; флейта соединяетъ свои иѣжившіе вздохи съ ихъ влюбленными трелями; — когда голосъ смолкаетъ, то его союзники и помощники, инструменты, говорятъ за него. Обратите вниманіе, прошу васъ, на тотъ четырехъ-тактный пассажъ, который вводитъ опять въ вокальную часть мотивъ аріи, варіированный въ полуосьмушкахъ, дабы онъ точнѣе приладился къ рисунку ритурнеля. Въ немъ находится пять инструментовъ: фаготъ, идущій вмѣстѣ съ віолончелемъ, часть необходимая и непрерывная; флейта, которая имъ подражаетъ, но въ противномъ смыслѣ; валторна, обязанная поддерживать ноту баса, и гобой, который, нисходя гамму синкопическихъ осьмушекъ, услаждаетъ общность диссонансами бѣглыми, которые, едва сдѣлавшись ощутительными, становятся тотчасъ же смѣлыми. Ничто не потрясаетъ такъ приятно слуха, какъ этотъ пассажъ. Что-же касается до мелодіи вокальной, то это чистая деревенская наивность и цѣломудріе, это невиненбкая Церлина, расточающая самыя иѣжившія ласки своему милому Мазетто и спрашивающая у него самымъ простодушнымъ образомъ, что такое она сдѣлала, за что съ ней обращаются такъ грубо. Смиранный, но слишкомъ вѣрный представитель мужскаго пола, въ этомъ случаѣ, дорогой Мазетто, потерялъ охоту драться и съ трудомъ удерживается отъ желанія обнять плутовку. — Увы, кто изъ насъ для одной не былъ *masetto* и *masettissimo* тысячу разъ въ жизни! *Allegro* провозглашаетъ великую побѣду женщины. «*Rase, rase, o vita mia*»*. Съ этой минуты искусство и искусство, выказанныя въ *Andante*, становятся бесполезными; віолончель, оставивъ свой извильный ходъ, продолжаетъ въ легкихъ гаммахъ и въ живыхъ арпеджіяхъ; оркестръ только ему аккомпанируетъ; Церлина предается безумной радости, и арія кончается въ звукахъ (*traits*) баса, которые переживаютъ нѣсколькими тактами голосъ,

* Помирися, жизнь моя.

и берутъ въ полголоса, на нижней струнѣ, *pianissimo*, будто отдаленный смѣхъ.

Мы достигли до финала перваго дѣйствія-образцоваго произведенія, какъ музыканта, такъ и поэта. Въ этомъ финалѣ, который останется навсегда образцомъ, дѣйствіе ведется такимъ образомъ, что отъ него не отойдетъ ниодинъ изъ учонѣйшихъ драматическихкихъ писателей. Въ немъ положенія лицъ происходятъ естественно одно изъ другихъ; важное смѣшивается съ приятнымъ, веселое съ строгимъ, комическое съ трагическимъ, безъ всякаго усилія и затрудненія; каждый говоритъ своимъ языкомъ и дѣйствуетъ, какъ ему должно дѣйствовать; дѣйствующія лица соединяются и группируются отнюдь не для занятія публики, дѣло которой слушать ихъ пѣніе, но для своихъ дѣлъ, которыя состоятъ въ томъ, чтобы пѣть, по-возможности, лучше; и наконецъ, среди всего этого, удивительное, постепенное приращеніе, — рядъ картинъ, все болѣе и болѣе одушевленныхъ, занимательныхъ, которые, требуя всехъ средствъ музыканта, приводятъ въ дѣйствіе, такъ-сказать, полное напряженіе таланта и помещаютъ въ заключеніи, какъ на послѣдней ступени лѣстницы, тахішм эффектовъ, до которыхъ онъ, превосходя безпрестанно самого-себя, можетъ достигнуть.

Такое великолѣпное и постепенное развитіе заставило обоихъ авторовъ финала начать его также, какъ начинаютъ гамму, съ нижней ноты. Сначала является новая ссора, происшедшая между новобрачными; супружескій дуэтъ, въ которомъ Мазетто, досихъ-поръ не пѣвшій, обнаруживаетъ лирическій характеръ, вполне соответствующій его роли. Моцартъ, вѣроятно, слышалъ, какимъ тономъ говорятъ мужики съ своими лошадьми и женами, когда они сердиты, и какъ женщины, крестьянки то или нѣтъ, отвѣчаютъ своимъ мужьямъ, когда они не знаютъ больше что имъ сказать. Дуэтъ исполненъ оригинальности и тонкости. На этотъ разъ дѣйствительный властитель семьи долженъ исполнить волю властителя только по имени. Является Донъ-Жуанъ и съ нимъ весь праздникъ, перенесенный на сцену великолѣпными аккордами. «*Su corragio, o buona gente*» *. Веселись сволочь, ѣшь, пляши, пей до-сыта. И добрые люди не наклоняются, не накричатся въ благодарность за такія щедрія предложенія. Движеніемъ полуовелительнымъ и полуласковымъ Жуанъ приглашаетъ ихъ войти въ домъ. Толпа мало-по-малу удаляется, хоръ теряется въ отдаленіи и отъ него остается только одно *ut*, переби-

* Сявлѣй, смѣлѣй, друзья.

ваемое легкими ударами второй скрипки, составляющее тоняку въ послѣднемъ тактѣ хора, и доминанту слѣдующаго такта, — *ut*, которое приводитъ насъ къ другому дуэту, немного отличному отъ перваго. *Andante, fa* мажоръ, $\frac{3}{4}$. Жуанъ, оставшись наединѣ съ Церлиною, получаетъ опять подлѣ нея голосъ и выраженіе, какъ въ *Là ci darem*. Напрасно Церлина поетъ: «*ah lasciate mi andar via*» *; ея мелодіи измѣняютъ ей; сердце ея еще очень-нѣжно трепещетъ при видѣ прекраснаго рыцаря. Но вотъ модуляція, которая, какъ помѣха, поражая слухъ, нарушаетъ удовольствіе этой бесѣды. «*Masetto! Si Masetto*» ** составляетъ это досадное лицо. — Да ну-же, иди, злодѣй: «*La rovelina non può più star senza di te*» ***. Это благосклонное привѣтствіе Жуана заключается въ кадансѣ съ трелями самой комической важности, и которое Мазетто передаетъ ему нота въ ноту: «*Carisco, si Signore*» ****. Нельзя ничего вообразить себѣ болѣе столь чудно-комическаго. Въ эту минуту эхо бала (*allegretto, 2/4*) раздается изъ внутренности дома, фасадъ котораго, по мѣрѣ того, какъ на сценѣ темнѣетъ, освѣщается. Веселый пиръ и крещендо въ оркестрѣ драматическомъ. Новобрачные соединяются съ своимъ плебейскимъ обществомъ и уступаютъ мѣсто обществу лучшему. Анна, Эльвира и Оттавіо являются замаскированными, въ черныхъ домино. Тонъ минорный, возвѣщая о прибытіи ихъ, выказываетъ, что эти лица пришли на праздникъ не для танцовъ. О, какъ легко узнать дочь Командора съ первыхъ-же словъ, произнесенныхъ ею въ музыкальномъ разговорѣ: «*Il passo è periglioso*» *****. Всегда высокая, всегда патетическая! Отголосокъ бала снова достигаетъ до слушателей;—играютъ знаменитый менуэтъ, во время котораго начинается восхитительная болтовня, комическая съ одной стороны и серьезная съ другой, — между Жуаномъ и Лепорелломъ, показывающимися въ окнѣ, и замаскированнымъ обществомъ, которое внизу. Послѣднее приглашено на праздникъ, и принимаетъ приглашеніе. Еще не касаясь этого гибельнаго порога, за который невинность никогда безнаказанно не переступаетъ, маски умоляютъ небо, чтобъ оно ихъ поддержало и сохранило.—*Adagio si* бемоль-мажоръ, $\frac{4}{4}$, — общее молчаніе квартета. Помѣщенные въ аккордахъ духовыхъ инструментовъ голоса возвышаются и блестятъ въ этой прозрачной гармоніи. Влеченіе этихъ трехъ

* Ахъ, пустите меня, мнѣ надо идти.

** Мазетто, да Мазетто.

*** Бѣдняжка не можетъ болѣе быть безъ тебя.

**** Понимаю, понимаю, сударь.

***** Опасный шагъ.

душъ, сближенныхъ сходными, но столь-различныхъ по сущности и происхожденію желаніями, соединяется въ молитвѣ и не смѣшивается въ ней. У Эльвиры высренніе порывы; по одна Анна въ состояніи удерживать себя въ высокихъ областяхъ восторженности, съ которыми душа ея сроднилась. Она-то управляетъ воззваніемъ, съ полною надеждою на правосудіе Божіе, и составляетъ центръ группы и фокусъ свѣта. Партиція Оттавіо выдается менѣе прочихъ и расположена такимъ образомъ, чтобъ доставлять самый выгодный отблескъ двумъ другимъ. — Ни одинъ композиторъ, подобно Моцарту, не обладалъ въ такой степени тайною въ соединеніи періодовъ и въ сплетеніи частей для разныхъ цѣлей; искусство, къ которому въ особенности должно отнести невыразимый эффектъ тріо масокъ, — свѣтящееся волненіе, приливъ и отливъ мелодіи, которая выказываетъ намъ картину музыканта, какъ совершенство картинъ съ движущимися фигурами, зыблемыхъ въ воздухѣ, среди тройственного арсеола. Аккомпаниментъ, состоящій изъ аккордовъ пространныхъ, какъ сводъ неба, не имѣетъ другихъ фигуръ, кромѣ арпеджіи кларнета, въ низкихъ нотахъ инструмента, смѣшанныхъ, тамъ-и-сямъ, съ фразами вокальнаго пѣнія. Какое очарованіе въ этомъ столь-простомъ аккомпаньментѣ. Во-время ригурнели мы слышимъ, какъ переходитъ изъ устъ въ уста конецъ воззванія въ оркестръ, восходя все выше и выше, какъ-будто невидимая іерархія смѣнялась въ воздухѣ, дабы принести жертву сердець къ подножію Всевышняго. Сцена эта составляетъ новый успѣхъ идеальнаго дѣйствія, которое скрывается за матеріальнымъ дѣйствіемъ драмы; — второе пособіе для чудесъ, долженствующихъ совершиться.

Декорація перемѣняется; мы въ домѣ Доцъ-Жуана, среди праздника. Прежде нежели посмотримъ, что тамъ происходитъ, слѣдуетъ бросить взглядъ на мѣстныя обстоятельства и сказать нѣсколько словъ о сценическомъ расположеніи, которое составляетъ здѣсь весьма-важную вещь. Это расположеніе на нашихъ петербургскихъ театрахъ было столь противно тому, какъ должно быть, и тому, что предписалъ, во всѣхъ своихъ письмахъ, Моцартъ, что самые оригинальные эффекты бала совершенно терли для глазъ, и точно также для ушей. Моцартъ помѣстилъ на сценѣ три балльныхъ оркестра; у насъ не было ниодного; все заключалось въ оркестръ драматическомъ, т. е. что все въ немъ кыло смѣшано. Моцартъ заставляетъ выполнять три танца вдругъ, менуэтъ, кадрили и вальсъ, что необходимо предполагается уже три залы, соединенныя между собою, ибо было-бы ло-

вольно трудно танцовать въ одно и тоже время, въ одной и той же залѣ, въ $\frac{3}{4}$, въ $\frac{2}{4}$ и въ $\frac{3}{8}$ такта. Музыканты и танцующіе, вѣроятно, сбились—бы съ такта. У насъ театръ представлялъ только одну комнату и, чтобы избѣжать вышеозначеннаго затрудненія, въ ней танцовали одинъ менуэтъ, не выпустивъ однакоже изъ оркестра англесъ и вальсъ, отчего происходила чепуха, ничего необьяснявшая слушателю. Кромѣ-того, для каждаго изъ этихъ танцовъ была только одна или двѣ скрипки, меньше главныхъ басовъ, назначенныхъ для нихъ композиторомъ. Ниодной ясной ноты этихъ инструментовъ, затерянныхъ въ оркестрѣ, не доходило до слуха. Они только портили менуэтъ. Мы думаемъ, что для того, чтобы имѣть понятіе о мелодическомъ и ритмическомъ соединеніи, которое такъ удивительно и естественно изображаетъ суматоху оргіи, достигшей до крайняго предѣла, численныя силы втораго и третьяго оркестровъ должны состоять изъ половины музыкантовъ, играющихъ въ главномъ оркестрѣ; — четыре скрипки съ большимъ контробасомъ для каждаго, еслибъ, на-примѣръ, двадцать инструментистовъ занимались менуэтомъ. Теперь послѣдуюмъ за уместнымъ представленіемъ нашей оперы, которое на-минуту прервано было паденіемъ занавѣса послѣ тріо масокъ, чтобъ избавить насъ отъ непріятностей видимой перемѣны декораций. Зала, великолѣпно—убранная и освѣщенная, сообщается, заднею декорацией, съ двумя другими залами или галлерейми, представленными въ перспективѣ, равномерно освѣщенными и наполненными народомъ. У каждой двери, ведущей въ нихъ, находится толпа музыкантовъ; главный оркестръ помещенъ впереди сцены. Это оркестръ хорошаго общества; онъ полный: двѣ скрипки, альтъ, басъ, фаготъ и гобой, все порядочные господа, въ парадномъ костюмѣ прошлаго вѣка, напудренные, со шпагой на боку. Es sind «Musici», какъ-бы сказалъ кто-нибудь про артистовъ. Побочные оркестры назначены для увеселенія черни. Партія скрипки и баса составляютъ каждый изъ нихъ; басъ, какъ водится, импровизированный. Здѣсь, ни съ-права, ни съ-лѣва нѣтъ господъ, но по полудюжинѣ гротескныхъ фигуръ съ прорванными локтями, съ болѣе чѣмъ сомнительнымъ бѣльемъ, съ видными подтяжками и съ красными носами. Передъ каждой труппой музыкантовъ столъ, уставленный попитрами для формы, и бутылками вина, безъ стакановъ, для дѣйствительныхъ потребностей при игрѣ. Dies sind Musicanten, какъ сказалъ-бы дурной скрипачъ кабачнаго бала. Группы, разсыяныя по сценѣ, представляютъ живописный безпорядокъ Теньеровой картины. Здѣсь дружеское собраніе питуховъ; тамъ пѣжный пантомимный дуэтъ; далѣе, нѣ-

сколько лицъ играютъ въ карты; другіе философски переходятъ изъ объятій Бахуса въ объятія Морфея; нѣкоторые перешли уже и лежатъ подъ столами; еще далѣе, щегольскіе танцоры, покрытые перьями и шнѣемъ, прогуливаются вдоль и поперекъ съ своими дамами—крестьянками, ожидая возобновленія танцевъ; лакеи, обшитые по всѣмъ швамъ галунами, разносятъ прохладительное, и прислуживаютъ мужикамъ со всѣми знаками глубочайшаго почтенія.

Дамы и кавалеры вполне пользуются предложеннымъ имъ гостепріимствомъ. Въ центрѣ оргіи появляется тотъ, кто составляетъ ея душу, блестящій красотою и одеждой, отдающій, съ неподражаемою прелестью Амфитріона, приказанія Лепорелло, своему дворецкому. Вся эта картина развертывается въ воображеніи сама-по-себѣ, во время Allegro *ti*-бемоль-мажорнаго, $\frac{6}{8}$, которое вводитъ насъ въ большія покои Жуана. Въ нашей оперѣ есть мѣста, которыя величайшіе композиторы признаютъ, гласно или въ тихомолку, стоящими внѣ всѣхъ усилій соревнованія и соперничества; напротивъ-того есть также и такія, которыя, кажется, всякій напишетъ. Спрашиваемъ, какія изъ нихъ было труднѣе написать? Мы узнаемъ это тогда, когда однѣ и другія будутъ сравнены. Чтò-же касается до легкой музыки, то ничто не кажется столь-легкимъ, какъ слѣдующее послѣ высоко-изящнаго и учонаго тріо масокъ allegro въ $\frac{6}{8}$, музыка котораго, не будучи чисто танцомъ, могла-бы играть въ антрактахъ бала, и играется совершенно одна, ибо она какъ-будто не зависитъ отъ вокальной части. Съ-своей-стороны голоса поютъ и декламируютъ во-время этой полной мелодіи, связанной отъ начала до конца во всѣхъ своихъ фразахъ, какъ-будто они столько-же думаютъ объ оркестрѣ, какъ и онъ объ нихъ. Духъ бала одушевляетъ инструментовку, а въ партіяхъ пѣнія переданы маленькія дѣлишки и маленькія интриги, которыя всегда случаются въ продолженіе бала. Передъ нами ревнивецъ, слѣдящій за своею женою, и холостякъ, который, равномерно, незамѣтно, волочитъ за ней. Жуанъ и Лепорелло, очевидно, заняты однимъ угощеніемъ: «Ehi caffè! cioccolato! sorbetti! confetti!» Это много значитъ для Мазетто. «La briconna fa festa» *, вотъ чтò и занимаетъ его; и мучитъ, и причина того, что куски останавливаются у него въ горлѣ. Видя разстроенную фізіономію бѣдняка, Церлина не можетъ удержаться, чтобы не улыбнуться и не повторить за Донъ-Жуаномъ: Quel Mazetto mi par stralunato **. Уже

* Негоднѣе даетъ праздникъ.

** Мазетто мнѣ кажется сумасброднымъ.

этотъ балъ довольно ему солонъ. Тѣмъ хуже для того, кто имѣлъ глупость привести его сюда. Мы не знаемъ мелодіи болѣе округленной, граціи болѣе легкой, естественности болѣе совершенной, веселости болѣе веселой, драматическаго обмана болѣе обманчиваго, каковъ ходъ этой части финала.

Maestoso, $\frac{2}{4}$, *ut*-мажоръ, оркестръ полный; трубы и литавры. Съ торжественною важностію церемоніи мейстера, обязаннаго размѣщать по мѣстамъ сановниковъ, долженствующихъ находиться при дворцовомъ праздникѣ, Лепорелло идетъ къ маскамъ. — «*Venite più avanti, vezzose mascherette*» *. Жуанъ не-надѣялся принимать дамъ въ полномъ смыслѣ, узнаетъ однако въ пришедшихъ особъ своего званія. Онъ дѣлаетъ имъ приемъ отчасти съ высокоумнымъ достоинствомъ знатнаго вельможи, который очень желалъ забыться съ простымъ народомъ, и по при причинѣ, а не съ равными собой? «*E aperto a tutti quanti, viva la libertà*» **. И хоръ съ звучной ясностью повторяетъ: «*Viva, viva la libertà!*» Известно уже, что коль скоро крики свободы съ такою силою раздаются въ толпѣ, то изъ этого невыходитъ никогда ничего хорошаго. Вы увидите. Жуанъ приказываетъ возобновить балъ, танцоры размѣщаются; драматическій оркестръ кладетъ оружія, и первый бальный оркестръ начинаетъ менуэтъ, который мы уже издали слышали. — Въ этотъ разъ его играютъ тономъ выше, въ *sol'* номъ. Пары, находящіяся въ передней залѣ, приходятъ въ движеніе и производятъ благородныя и важныя *па*, въ которыхъ старикъ Вестрисъ находилъ предметъ къ столь глубокимъ размышленіямъ. Не кстати-ли намъ закричать, съ этимъ великимъ человекомъ, скромно помѣщавшимъ себя среди современныхъ знаменитостей, между Фридрихомъ и Вольтеромъ: «*Que de choses dans un menuet!*» (чего вътъ въ менуэтъ!) Въ-самомъ-дѣлѣ, вся вещь, входящая въ менуэтъ Моцартовъ, дѣйствительно невѣроятна. Ни Атласъ, ни даже Рапо, знаменитый геркулесъ нашей нижегородской ярмарки, не могли-бы сдержать столько на своихъ плечахъ. Между-тѣмъ, какъ фигуранты выводятъ на полу классическое Z, въ которомъ развѣтывались дѣвственныя прелести нашихъ бабушекъ, въ это время отношенія между лицами все болѣе-и-болѣе запутываются. Жуанъ, въ ожиданіи лучшаго, танцуетъ съ Церлиной и говоритъ съ нею. Мазетто, въ особенности вѣранный заботамъ Лепорелло, хочетъ быть участникомъ разговора. Эта борьба съ плутомъ похожа на ту, какая происходитъ между упрямымъ козломъ и человекомъ, ведущимъ его за рога. Ан-

* Пожалуйте впередъ, любезныя маски.

** Здѣсь праздникъ для всѣхъ, да здравствуетъ свобода!

на, свидѣтельница этихъ продѣлокъ, не можетъ удержать своего негодованія; она выражаетъ его въ энергической фразѣ: «Resister non poss'io»¹. Эльвира и Оггавіо умоляютъ ее удержать себя. Въ то же самое время желаніе танцовать овладѣваетъ, равнымъ образомъ, и тѣми, которые были въ залѣ на-право; но тамъ не хотятъ менуэта; требуютъ контроданса. Оркестръ № 2 настраиваетъ: sol—gè, la—mì. Басъ беретъ свое sol, чтобъ понизить его, потомъ производитъ необходимую кабачную прелюдію, послѣ чего, веселыя $\frac{2}{4}$. Въ залѣ на-лѣво—требуютъ вальса. Тогда оркестръ № 3, точно также настроивъ, взявъ и прелюдировавъ, начинаетъ адекое движеніе; пары летаютъ въ вихрь $\frac{5}{8}$; нѣкоторые падаютъ на полъ, опрокинутыя противными силами такта и вина. Если зрители увидятъ, что танцуютъ контрдансъ, то они услышатъ также и музыку. А что-же случилось съ менуэтомъ? Менуэтъ, котораго испанская важность ни разу не нарушилась въ пользу драмы, насколько не нарушается для скачковъ сосѣднихъ залъ.—Менуэтъ, это горацѣевская *juste*, — міръ обрушится кругомъ его, а онъ ничего не измѣнитъ въ своихъ поступкахъ. А дѣла дѣйствующихъ лицъ? Дѣла дѣйствующихъ лицъ идутъ, какъ и всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, т. е., что ходъ тройственнаго бала имъ покровительствуетъ, ни причиняя ни малѣйшаго препятствія.

Совокупить подобнымъ образомъ три различные ритма не составляетъ въ композиціи чрезвычайно-трудной вещи, почему и главное дѣло заключается не въ томъ. Великій признакъ генія въ этомъ музыкальномъ содомѣ, есть изобрѣтеніе мелодіи менуэта, которая сначала, въ качествѣ главнаго пѣнія, должна быть простою, ясною, приятною для слуха, вполнѣ хорошо раздѣленною по стопамъ и вполнѣ хорошо примѣненною къ характеру *па*, которымъ она управляетъ. Во-вторыхъ, нужно было, чтобъ она, съ чудною гибкостью, согласовалась съ мелодическими и декламаторскими фразами пѣвцовъ, т. е. съ языкомъ самыхъ разнообразныхъ страстей. Наконецъ, въ-третьихъ, эта мелодія должна произвестъ двѣ другія инструментальныя мелодіи, разнящіяся съ менуэтомъ и между собою, не только ритмомъ, но и выборомъ фигуръ, и эстетическимъ характеромъ каждаго изъ трехъ танцовъ. Раздѣлите эти мелодіи и послушайте ихъ отдѣльно. Ничто столько неблагопріятно къ обнаруживанію благородныхъ грацій, и округлостей полныхъ ногъ, какъ менуэтъ; ничто такъ не разохочиваетъ къ прыганью какъ — контрдансъ, и ничто такъ не усиливаетъ желанія къ вальсированію, какъ вальсъ. Ходъ перваго подобенъ скорости шестивія процессіи;

¹ Не могу удержаться отъ негодованія.

второй — быстръ, не будучи торопливымъ; третій — скоростью подобенъ вѣтру. Эта чрезвычайная быстрота происходитъ оттого, что вальсъ, въ отношеніи къ другимъ ритмамъ, не точно въ $\frac{5}{8}$ тактъ. Его четвертная нота съ точкой равна въ общемъ движеніи, простой четвертной нотѣ, такимъ-образомъ, что одинъ тактъ мещуэта равняется тремъ тактамъ вальса. После этого не имѣли-ли мы права сказать: «Que de choses dans un menuet!»

Но вдругъ изъ-за кулисы раздаются пронзительные крики. «Gente aiuto»! Три оркестра и группы танцующихъ мгновенно останавливаются и драматической оркестръ, свободный во время бала, съ силою беретъ *allegro assai* $\frac{1}{4}$ ми-бемоль мажорное, которое начинается страшнымъ унисовомъ, извлеченнымъ, нота въ ноту, изъ одной изъ сценъ Иломенея. Все бросаются въ боковую дверь, чрезъ которую была похищена Церлина. «Ora grida da quel lato». Ah gittio mo giù la porta». Съ этими угрожающими фразами хора, смѣшиваются, чудные по модуляціи, жалобные крики жертвы. Скрипки ударяютъ, усиленными ударами, по аккордамъ тоники и доминанты-ге-миворъ; дверь не выдерживаетъ. Фа мажоръ, $\frac{1}{4}$, *andante maestoso*. Церлина спасена; Донъ-Жуанъ является съ нею, таща Лепорелло за волосы: «Ecco il bigbo» ***! Плохая шутка, которая, безъ сомнѣнія, никого не одурачитъ. Онъ хорошо это понимаетъ, ибо на всякій случай вооружился пистолетами. Замаскированныя лица снимаютъ маски; Жуанъ, узнавъ ихъ, нѣсколько смущается. — Прекрасныя фразы, въ кавоническомъ подражаніи, слова, дышащія гнѣвомъ, односложные слоги, произносимые одни за другими, какъ-будто для того, чтобъ больше тяготѣть надъ совѣстью преступника. Tutto tut-to-gia-si-sa ****. Каждый индивидуально изъясняетъ свое неудовольствіе. Но вскорѣ негодование всѣхъ соединилось; наконецъ раздражается эта дивная буря, въ хоръ: «Trema, tréma scelerato» *****, въ послѣднемъ и блистательнѣйшемъ вѣнцѣ, какимъ когда-бо увѣнчивались финалы. Ut-мажоръ *allegro*. Первый ударъ такъ силенъ, что самъ Жуанъ смущенъ имъ: «E confusa la mia testa» *****. Его партія, расположенная въ отзывныхъ или возражательныхъ фразахъ, чтобъ переговариваться съ хоромъ, выказываетъ намъ дѣйствующее лицо въ новомъ свѣтѣ. До-сихъ-поръ Жуанъ только

* Помогите.

** Это крикъ оттуда, съ той стороны, выломаемъ дверь.

*** Вотъ злодѣй.

**** Все уже извѣстно.

***** Трепещи, трепещи, злодѣй.

***** Я смущенъ.

издѣвался надъ человѣчествомъ; одно убійство, два покушенія къ изнасилствованію было ни почомъ. Теперь онъ поднимается, чтобы подавить его всею высокою своею титанической натуры. Нѣтъ ни одного отчаяннаго усилія, котораго-бы не употребилъ онъ, чтобы поколебать человѣчество; нѣтъ ни одного элемента ненависти и мщенія, разрушительную власть которыхъ не-испытали-бы противу него; нѣтъ ни одного проклятія, которое не было-бы призвано на преступную голову. — Сперва эта вся раздраженная толпа сосредоточивается въ унисонъ, который сначала судорожно упирается на грубый, негармоническій интервалъ уменьшенной терціи: «*Fie-ga sig-delta*» *; потомъ, подобно грому, ударяетъ на октаву—*trema*; послѣ сего, взобравшись наконецъ на восходящую хроматическую гамму, борется съ неистовымъ упрямствомъ, противу педали (*pedale*) ** баса: *Trema, trema, trema, o, scelerato*. Но мало одного проклятія рода человѣческаго; само небо возстаетъ противъ негодья. Гроза смѣшиваетъ свою гремящую гармонію съ гармоническими неистовствами хора и оркестра, молвія блещитъ и скрещивается въ тріоляхъ скрипокъ. Этотъ ураганъ голосовъ и инструментовъ, безпрестанно ускоряясь скачками терціи и квинты, съ помощію модуляціи, болѣе и болѣе возвышается, какъ-будто-бы онъ хочетъ взобраться на тучи и соединиться въ нихъ съ громомъ. Недостаетъ похвалъ автору такой музыки, но мы должны благодарить и поэта, который, въ свою очередь, какъ-бы внушилъ ее Моцарту.

Odi il tuon della vendetta,
Che ti fischia intorno?
Sul tuo capo in questo giorno
Il suo fulmine cadrà ***.

Донъ-Жуанъ, смущенный или, лучше сказать, обезкураженный сначала, успокаивается, когда опасность наступила. Видъ неистовой толпы, посягающей на его жизнь, блескъ обнаженной шпаги, перекаты грома—приводятъ его въ себя; по мърь того, какъ все окружающее его, кажется, колеблется, онъ принимаетъ настоящее свое положеніе и вскрикиваетъ въ полномъ сознаніи своихъ силъ, одинъ потрясая и хоръ, и оркестръ, и бурю: «*Se cadesse ancora il mondo, nulla mai ti temer mifa*» ****. Сколько надо было величія, чтобы

* Превосходящее мѣру злодѣйство.

** То-есть противъ звука баса, выдерживаемаго имъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ тактовъ.

*** Слышишь ли голосъ мщенія, который раздается вокругъ тебя? На твою голову нынѣшній день падутъ его удары.

**** Если міръ разрушится, то и тогда я ни сколько не устрашусь.

осуществить изображение того, что заключается въ этой фразѣ, которая, сама-по-себѣ, не больше, какъ общее мѣсто героизма, довольно-обыкновенная метафора, имѣющая большое значеніе, для стихотворной поэзіи. Но когда раздастся этотъ громовый голосъ, проходя сквозь маесы хора и соперничая съ бурю, увлекаетъ за собою весь хоръ и кружитъ его въ ускоренномъ и каноническомъ движеніи, сообщаемомъ имъ предъ заключительной части финала, тогда вышеупомянутый текстъ перестаетъ быть метафорическимъ. Шпага сверкаетъ въ рукахъ Жуана; взглядъ его подобенъ взгляду живой Медузы; смущенная толпа невольно разступается предъ нимъ и даетъ ему дорогу. — Достигнувъ до глубины сцены, онъ вкладываетъ шпагу въ ножны, разряжаетъ свои пистолеты, выстреливъ на воздухъ, и удаляется, испустивъ, какъ говорилъ Дапонтъ, адскій смѣхъ. Музыкантъ даруетъ ему, за эту пантомиму, девять тактовъ ритурселя.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МЪЩАНИНЪ-ДВОРЯНИНЪ .

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СОЧ. МОЛЬЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Господинъ Журденъ, мѣщанинъ	Г-нъ Мартыновъ.
Госпожа Журденъ, жена его	Г-жа Лиская.
Люсилла, дочь ихъ	Г-жа Мартынова.
Клеонтъ, любовникъ ея	Г-нъ Смирновъ 2.
Доримена, маркиза	Г-жа Самойлова.
Дорантъ, графъ, ея любовникъ	Г-нъ Максимовъ 1-й.
Жакъ, слуга Клеонта	Г-нъ Марковецкій.
Учитель музыки	Г-нъ Григорьевъ 2-й.
Ученикъ	Г-нъ Исаковъ (восп).
Танцовальный учитель	Г-нъ Петровъ 1-й.
Фехтовальный учитель	Г-нъ Михайловъ.
Учитель философіи	Г-нъ Григорьевъ 1-й.
Портной	Г-нъ Васильевъ 2-й.
Мальчикъ его	Г-нъ Фальевъ.
Два лакея.	
Николета, служанка г-на Журдена.	Г-жа Сосницкая.
Нотариусъ	Г-нъ Евлевъ.
Друзья Клеонта.	

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ домъ господина Журдена.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Учитель музыки смотритъ, какъ Ученикъ его пишетъ ноты.
Танцовальный учитель дѣлаетъ батمانы.

учитель музыки (ученику). Ну что, готово-ли?
ученикъ. Кончилъ! (подаетъ ему ноты).

* Представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ, на Александринскомъ Театрѣ, 14-го декабря 1843 г., въ бенефисъ г-на Мартынова.

учитель музыки. Посмотримъ! А!.. хорошо, прекрасно.

танцовальный учитель. Что это?.. что-нибудь повенское?..

учитель музыки. Это небольшая арія, на которую я поручилъ ему написать музыку... Сюриризь для господина Журдена.

танцовальный учитель. Да! надобно признаться! У насъ съ вами теперь немало занятій.

учитель музыки. О, конечно! Мы нашли здѣсь человека такого, который намъ очень-полезенъ. Порядочный доходъ получаемъ мы отъ этого господина Журдена, съ его страстью казаться дворяниномъ, ловкимъ и образованнымъ. Право, не мешало-бы, чтобъ и всѣ на него походили.

танцовальный учитель. Ну, вѣтъ! Мнѣ-бы хотѣлось, чтобъ онъ немножко побольше имѣлъ познаній въ тѣхъ благородныхъ занятіяхъ, которыя мы ему преподаемъ.

учитель музыки. Правда, что онъ дурно знаетъ ихъ, но за то хорошо за нихъ платитъ. А въ этомъ искусства наши гораздо-болѣе нуждаются.

танцовальный учитель. Что касается до меня, то я забочусь нѣсколько и о моей славы. Приятно выказать свои познанія передъ людьми, которые могутъ чувствовать и понимать малѣйшія тонкости искусства. Что можетъ быть лѣстнѣе громкихъ аплодисментовъ, которыми осыпаютъ люди со вкусомъ и умомъ просвѣщеннымъ!

учитель музыки. Я съ этимъ согласенъ; аплодисменты вещь хорошая, но вѣдь ими однимъ пельзя жить. Самая лучшая награда для меня та, которую я могу взять въ руки и положить въ карманъ. Люди, которые хотятъ казаться знатными, гораздо-щедрѣ самихъ знатныхъ, и этотъ мешанинъ, которому рекомендовалъ насъ графъ, для насъ гораздо-прибыльнѣе, чѣмъ его сѣятельство.

танцовальный учитель. Во всемъ, что вы сказали, есть частица истины, но мнѣ кажется, что вы ужъ слишкомъ-много придаете важности деньгамъ. Слишкомъ-большая привязанность къ нимъ унижаетъ благороднаго человека.

учитель музыки. Вы однакожъ берете доньги, которыя вамъ даетъ господинъ Журденъ.

танцовальный учитель. Конечно, но снѣ для меня не главная награда. Вмѣстѣ съ деньгами я желалъ-бы немножко и славы.

учитель музыки. Повѣрьте, что черезъ деньги мы и ее достигнемъ.

танцовальный учитель. Тсъ! вотъ нашъ ученикъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

Двери отворяются настежь. Изъ нихъ горло выступаетъ Журдень, въ халатъ и кошакъ, за нимъ два лакея. Учителя низко кланяются.

Журдень. А! это вы, господа? Зачѣмъ пожаловали? Показывать мнѣ ваши штучки?

Танцовальный учитель. Какія штучки?

Журдень. Ну, да такія... ваше пѣвье и танцованье?

Танцовальный учитель. А! вы это называете штучкамъ?...

Учитель музыки (*перебивая*). Мы ждали только вашего прихода.

Журдень. Да! я заставилъ васъ не-много подождать. Чтò жь дѣлать? Порядочные люди всегда очень долго-одьваются, а мой портной прислалъ мнѣ такіе шелковые чулки, надъ которыми я порядочно попотѣлъ.

Учитель музыки. Помилуйте! Мы готовы жлать, сколько вамъ угодно.

Журдень. Я прошу васъ обоихъ не уходить до-тѣхъ-поръ, покаместъ мнѣ не принесутъ моего платья, чтобъ вы могли на меня полюбоваться.

Учитель музыки. Намъ будетъ очень-лестно.

Журдень. Вы увидите, какъ я расфранчусь! Съ ногъ до головы.

Учитель музыки. Мы не сомнѣваемся въ этомъ.

Журдень. Посмотрите-ка! Каковъ мой индѣйскій халатъ!

Учитель музыки. Удивителепъ!

Журдень. Мой портной сказалъ мнѣ, что всѣ знатныя дамы, по утрамъ, точно такъ бываютъ одѣты.

Учитель музыки. Къ вамъ все идетъ, какъ нельзя лучше.

Журдень. Лакей мой! гей! другой лакей!... Гдѣ мои двое лакеевъ.

два лакея (*подходя*). Чтò прикажете?

Журдень. Ничего! я хотѣлъ только узнать, тутъ ли вы! Чтò вы скажете про мою ливрею?

Учитель танцовальный. Она удивительна.

Журдень (*распахивая халатъ и показывая штаны красную бархата и камзолъ зеленаю*) Каково мое утреннее дезабилье?

Учитель музыки. Превосходно.

Журдень. Лакей!

первый лакей. Чтò прикажете?

журдень. Другой лакей.

второй лакей. Что прикажете?

журдень. Держите *(даетъ каждому держать полу своего халата)*! Хорошъ—ли я въ такомъ видѣ?

танцевальный учитель. Лучше и быть нельзя.

учитель музыки. Позвольте вамъ представить небольшую арию, сочиненную мною нарочно для васъ.

журдень. Арию! да, то есть—музыку.

учитель музыки. Точно такъ.

журдень. Ну, вы-бы такъ и сказали... Что это у васъ подъ ногами написано.

учитель музыки. Это слова арии.

журдень. Слова? А! я въ музыкѣ очень люблю слова! Прочтите ка мнѣ ихъ.

учитель музыки. Прикажете — я спою...

журдень. Нѣтъ, сперва прочтите! При музыкѣ слова дѣлаются не такъ понятны, какъ просто безъ музыки.

учитель музыки. О! конечно. *(Читаетъ)*.

Не столько для меня удары стрѣлъ опасны,

Какъ всеразаящія глаза твои прекрасны.

Но, поразивъ меня губительной стрѣлой,

Ты поцѣлуемъ жизнь отдай мнѣ, ангелъ мой.

журдень. Гмъ!.. Что-же это хорошіе стихи?..

учитель музыки. Я надѣюсь.

журдень. Да я это и самъ вижу!.. Только это не изъ самыхъ лучшихъ. Самые лучшіе для меня такіе, вотъ подъ которые-бы такъ и хотѣлось плясать, а это очень—длинные стихи. По-короче, право, лучше.

учитель музыки. Есть разные роды стиховъ.

журдень. Вотъ, постойте! я вспомнилъ тоже одни; мнѣ ихъ пѣла моя кормилица... Они мнѣ гораздо—больше нравятся.

учитель музыки. Я съ нетерпѣніемъ желаю ихъ услышать.

журдень. А вотъ сейчасъ! Я даже вамъ спою ихъ, по-тому-что моя кормилица тоже ихъ пѣла. *(Поетъ)*.

Какъ въ деревнѣ-то у насъ,

Изъ смазливенькихъ милашекъ,

Есть одна—хоть на-показъ,—

Что твой бѣленькой барашекъ!..

(Щелкая пальцами.) Фить какъ, вотъ какъ,

Что твой бѣленькой барашекъ!

Въ ней жену, кажись, сыскалъ
 Тише травки, глаже шолка,
 А женившись увидалъ: —
 Мой барашекъ хуже волка.
 Фить какъ, вотъ какъ!
 Мой барашекъ хуже волка!

Не правда-ли прекрасная пѣсня?

учитель музыки. Я ничего лучше не слыхалъ.

танцовальный учитель. И какъ вы хорошо ее поете...

журдень. И еще не учившись музыкѣ?..

учитель музыки. Надѣюсь, что подѣ моимъ руководствамъ вы скоро съ нею ознакомитесь.

танцовальный учитель. Да, танцы и музыка необходимы для всякаго образованнаго человѣка.

журдень. А! и всѣ вельможи также учатся пѣть и танцовать

танцовальный учитель. Это составляетъ главное ихъ отличие отъ другихъ классовъ общества?

журдень. Да! да! и я, какъ вы видите, очень-прилежно учусь! Я всему учусь. Кромѣ васъ ко мнѣ ходитъ еще учитель фехтованія, и сегодня, кромѣ-того, долженъ придти въ первый разъ учитель философій.

танцовальный учитель. О! чтѣ философій передъ танцами!

учитель музыки. И музыкой!

танцовальный учитель. Танцы поддерживаютъ государства.

учитель музыки. Музыка возвышаетъ умъ человѣка.

танцовальный учитель. Всѣ несчастія въ мѣрѣ произошли оттого, что люди не умѣли танцовать.

учитель музыки. Еслибы каждый человѣкъ учился музыкѣ, то въ свѣтѣ не было-бы дураковъ.

танцовальный учитель. Я совѣтовалъ-бы вамъ почаще давать танцовальные вечера.

журдень. А у знатныхъ часто бываютъ они?..

танцовальный учитель. Почти всякій день.

журдень. А! ну и я тоже сдѣлаю.

учитель музыки. Вамъ необходимо также давать концерты.

журдень. Концерты? а развѣ вельможи даютъ ихъ?

учитель музыки. Почти всякій день.

журдень. Ну и я дамъ концерты.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ. Оркестръ я самъ берусь вамъ представить. Его будутъ составлять: 8 скрипокъ, 2 альты, 2 баса, 2 флейты...

ЖУРДЕНЬ. Пожалуста не забудьте турецкій барабанъ, знаете погромче! хорошій инструментъ. Въ немъ очень-много... какъ это говорится... гармоніи.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ. Положитесь во всемъ на меня, я устрою все, какъ нельзя лучше.

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. Позвольте вамъ напомнить, что сегодня мы хотѣли пройти съ вами менуэтъ.

ЖУРДЕНЬ. Ахъ да! я очень люблю менуэтъ... Прекрасный танецъ! Говорятъ его все при дворѣ танцуютъ. Я готовъ!..

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. Извольте надѣть шляпу (*Журдень надѣваетъ шляпу сверхъ колпака*) Разъ, два! (*Беретъ его за руки и, напльвая менуэтъ, заставляетъ его танцевать*) Тралала, разъ два! Наблюдайте кадансъ! Трала! Тралалала. Вытяните ногу... Не шевелите плечами... Тралала! Шоссе! ассамбле! Выворачивайте ноги!.. Не опускайтесь на пятки...

ЖУРДЕНЬ. Уфъ...

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. Прекрасно! Теперь дальше.

ЖУРДЕНЬ. Нѣтъ, ужъ на сегодня будетъ. Мнѣ некогда. Выучите-ка меня поскорѣе, какъ надобно кланяться маркизѣ. Я скоро буду кланяться одной маркизѣ.

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. Маркизѣ?

ЖУРДЕНЬ. Да, маркизѣ Дорименъ.

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. Извольте замѣчать. Шагъ назадъ... Отдвинуть ногу въ правую сторону и поклониться, три шага впередъ и поклонъ, шагъ въ лѣво и поклонъ. (*Дѣлаетъ все это, Журдень ходитъ по его слѣдамъ и повторяетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛАКЕЙ, потомъ Фехтовальный учитель.

ЛАКЕЙ. Фехтовальный учитель пришолъ.

ЖУРДЕНЬ. А! Позови его! Я васъ прошу остаться и посмотреть, какъ я фехтую.

УЧИТЕЛЬ ТАНЦОВАЛЬНЫЙ и УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ. Съ большимъ удовольствіемъ.

ФЕХТОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ (*входитъ съ двумя рапирами*). Я къ вашимъ услугамъ—съ. Извольте взять рапиру! Сдѣлайте реверансъ. En garde!.. Тѣло прямо, опуститесь на лѣвую ногу, руку вверхъ. Кончикъ шпаги на—равнѣ съ вашимъ плечомъ. Голову прямо (*Журдень дѣлаетъ все это*). Вы падайте и не тащите ногу! Сдѣлай-

картъ, покажите тьерсъ... Разъ, два!.. Отпаряруйте картъ. En garde!.. скорѣе, en garde!.. (колетъ его)

Журдень. Ой! ой!

танцовальный учитель. Ахъ, какъ вы прекрасно владѣете шпагою.

фехтовальный учитель. Все искусство фехтованія состоитъ въ томъ, чтобы отклонить шпагу противника отъ прямой линіи и не допустить до себя дотронуться. Для этого нужно только небольшое движеніе кисти руки, въ-право или въ-лѣво.

Журдень. Стало-быть и, не имѣя никакого расположенія къ храбрости, можно всегда убить своего противника.

фехтовальный учитель. Непремѣнно. Вы изъ этого можете заключить, какъ важно мое искусство, и какъ всѣ остальные искусства, и даже науки ничто въ сравненіи съ фехтованіемъ.

танцовальный учитель. Позвольте вамъ однакоже замѣтить, что танцы...

учитель музыки. Не забудьте между-прочимъ, что музыка...

фехтовальный учитель. Танцы!.. Музыка!.. Все это такіе пустяки, о которыхъ не стоить и говорить...

учитель музыки. Сами вы не стоите того, чтобы объ васъ говорить.

танцовальный учитель. Каковъ! Какъ онъ важничаетъ тѣмъ, что умѣетъ владѣть своей шпажонкой.

фехтовальный учитель. Вы, вѣрно, сами принадлежите къ числу пѣвуновъ и скомороховъ, что такъ горячо за нихъ вступаетесь. Я васъ заставлю танцовать и пѣть подь мою музыку.

Журдень. Чтò вы, чтò вы, господа! Не спорьте съ нимъ! вѣдь онъ какъ-разъ убьетъ васъ разными манерами — картомъ и тьерсовъ.

учитель музыки. Я его отдѣлаю безъ всякихъ картовъ и тьерсовъ.

Журдень. Господинъ учитель музыки!

танцовальный учитель. Я покажу ему!

Журдень. Господинъ учитель танцованія!

фехтовальный учитель. Я васъ проучу!

Журдень. Господинъ учитель фехтованія!.

(Всѣ вмѣстѣ кричатъ и шумятъ. Журдень старается разнять ихъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Учитель философіи (входитъ.)

Журдень. Ахъ! господинъ философъ! Вы пришли очень-кста-

ти. Помогите имъ помирить этихъ господъ. Они изъ себя выходятъ.

учитель философии. Чтò же такое случилось!

журдень. Да они спорятъ о томъ, какое искусство выше, танцванье, музыка или фехтованье.

учитель философии. Какъ не стыдно, господа, прибѣгать къ подобнымъ неприличнымъ докозательствамъ. Развѣ вы не читали трактата Сенеки о гнѣвѣ. Чтò-же можетъ быть постыднѣе этой страсти, которая изъ человѣка дѣлаетъ лютаго звѣря? Развѣ разумъ нашъ не долженъ укрощать сильныхъ движеній нашей души?

танцевальный учитель. Помилуйте! Онъ оскорбилъ насъ, униживши искусства, которыя мы преподаемъ.

учитель философии. Благоразумный человѣкъ долженъ пренебрегать всѣми оскорбленіями, и отвѣчать на нихъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ.

фехтовальный учитель. Они смѣютъ сравнивать себя со мною.

учитель философии. Люди должны отличаться только добродѣтелями и мудростью.

фехтовальный учитель. Но, наука фехтованія...

учитель философии. Наука? Какая это наука?.. Развѣ можно называть это наукой? Вы спорите о такихъ пустякахъ...

танцевальный учитель. Пустяки? Танцы пустяки?

учитель музыки. Музыка пустяки?

фехтовальный учитель. Фехтованіе пустяки?

танцевальный учитель. Я вамъ скажу, что если есть на свѣтѣ пустяки, такъ это ваша философія.

учитель философии. Философія пустяки?.. Да знаете-ли, что ваши ничтожныя ремесла...

фехтовальный учитель. Ничтожныя! Да я васъ такъ попотчую моею рапирою, что вы узнаете, ничтожна ли она?

учитель философии. Попробуй-ка! Я тебя и безъ рапиры такъ отпотчую.

журдень. Господинъ философъ! Чтò это вы, господа!

учитель музыки. Проучимъ-ка этого учонаго барана!

журдень. Господа! помилуйте, господа!..

(Всѣ вмѣстѣ кричатъ: Неучъ, невѣжда, скоморохъ, болванъ. Философъ плтится къ дверямъ и убѣгаетъ въ нихъ. Учитель музыки, танцевальный учитель и фехтовальный учитель за нимъ.)

журдень, *(лакеймъ)*. Ступайте скорѣе! Разнимите этихъ людей, а то они у меня весь домъ вверхъ дномъ поставятъ *(лакеи уходятъ.)* Фу! какой горячій народъ... Этакъ они раскричались! И

господинъ философъ тудаже! Какъ это ему нестыдно! Я хорошо сдѣлалъ, что не пошолъ разнимать ихъ. Тутъбы и мнѣ досталось...

ЯВЛЕНИЕ V.

Учитель философиі входитъ, поправляя свой парикъ.

учитель философиі. Возвратимся теперь къ философиі.

журдень. Какъ? послѣ драки?

учитель философиі. Это ничего! Истинный философъ умѣетъ получать и отдавать. Въ случаѣ нужды, я отдѣлываю своихъ противниковъ не одними сатирами... Но оставимте все это. Съ чего прикажете начать?

журдень. Разумѣется, съ начала... Съ самаго начала. Мнѣ очень хочется быть учонымъ, и я очень жалѣю, что меня мало сѣкли въ молодости. То-то-бы я былъ учоный!

учитель философиі. Да! наука главная вещь въ жизни. *Nam sine doctrina, vita est quasi mortis imago.* Вы, вѣроятно, понимаете по-латыни?

журдень. Да, понимаю, конечно понимаю. Но все-равно, дѣлайте такъ, какъ-будто-бы я ничего не понималъ.

учитель философиі. Это значить, что безъ науки жизнь была-бы подобіемъ смерти.

журдень. Совершенно-справедливо. Эта латынь правду говорить. Безъ жизни наука была-бы подобіемъ смерти.

учитель философиі. Нѣтъ! нѣтъ! Вы не такъ...

журдень. Ахъ, да! извините, я сбился. Безъ жизни смерть была-бы подобіемъ науки! Вотъ теперь такъ, не правда-ли?

учитель философиі. Не совсѣмъ. Но латынь въ сторону. Мы ею еще успѣемъ заняться. Имѣете-ли вы какія-нибудь предварительныя познанія въ наукахъ?

журдень. Какъ-же! Я умѣю читать, хоть не совсѣмъ бѣгло, и писать, хоть не совсѣмъ чотко, но умѣю.

учитель философиі. А! Ну такъ мы начнемъ съ логики.

журдень. А что это такое логика?

учитель философиі. Логика учить насъ разсуждать посредствомъ трехъ способовъ мышленія.

журдень. Какіе-же это три способа?

учитель философиі. Первой, второй и третій. Въ первомъ мы составляемъ сужденіе общности, посредствомъ субъекта, объекта и предика; во второмъ — посредствомъ категоріи; въ третьемъ —

по логическимъ схемамъ. Barbara, Celarent, Darii, Ferio, Kapa-lip-ton...

журдень. Ухъ, какая это трудная наука! Нѣтъ-ли тамъ у васъ чего-нибудь полегче?

учитель философи. Легче всего — нравственная философія.

журдень. Нравственность!.. Нѣтъ, ужъ мы лучше займемся тѣмъ, чтò не такъ нравственно...

учитель философи. Примемтесь за физику.

журдень. А физика что такое?

учитель философи. Физика объясняетъ свойства тѣлъ въ природѣ и причину всѣхъ явленій, всѣ феномены радугу, кометы, громъ, молнію, дождь, снѣгъ, градъ...

журдень. Ну, какое мнѣ до всего этого дѣло?

учитель философи. Чтò-же, наконецъ, угодно вамъ знать?

журдень. Одну очень-важную науку, которую я еще плохо знаю — правописаніе.

учитель философи. Правописаніе, то-есть орфографію. Съ удовольствіемъ.

журдень. Потомъ вы выучите меня по календарю, какой день какого святаго и когда бываетъ мѣсяць, и когда нѣтъ.

учитель философи. Очень-хорошо. Мы начнемъ прямо съ философіи правописанія. Чтобы узнать въ точности, чтò такое правописаніе, надобно узнать сначала свойства буквъ и ихъ произношеніе. Буквы раздѣляются на гласныя, потому-что онѣ гласны, и на согласныя, потому-что онѣ согласны. Гласныхъ пять: А, Е, И, О, У.

журдень. Понимаю.

учитель философи. *А* произносится съ чрезвычайнымъ открытіемъ рта: *А*.

журдень. *А, А*, да?

учитель философи. *Е* произносится сближеніемъ челюстей: *А, Е*.

журдень. *Е, А, Е*. Точно! Скажите! я никогда объ этомъ не думалъ.

учитель философи. *И* произносится раздвиженіемъ рта къ ушамъ. *А, Е, И*.

журдень. *И, А, Е, И*. Правда, правда!.. Удивительная наука!

учитель философи. *О*, сдуживая губы и сдвигая ихъ правую и лѣвую сторону: *О*.

журдень. *О! О! О, А, Е, И, О*. Это точно удивительно.

учитель философи. Замѣйте, что когда мы произносимъ *О*, то отверзтіе рта принимаетъ форму этой-же буквы.

журдень. О... Въ-самомъ-дѣлѣ... О. Да здравствуетъ наука!
учитель философи. У, сжимая губы совершенно и вытягивая ихъ впередъ — У.

журдень. У, У, У. Какъ я радъ, что выучился всему этому. У.
учитель философи. На первый разъ довольно. Ученіе православанію требуетъ обдуманности и постепенности. Завтра я растолкую вамъ теорію образованія согласныхъ, а теперь...

журдень. Теперь позвольте мнѣ васъ попросить еще объ одномъ... Я-бы хотѣлъ написать маленькую любовную записочку къ одной знатной особѣ, и попрошу васъ помочь мнѣ въ этомъ. Я хочу эту записку уронить какъ-будто нечаянно къ ея ногамъ. Не правда-ли, это очень-ловко придумано?

учитель философи. О! очень! И вы хотите написать ей въ стихахъ?

журдень. Нѣтъ! нѣтъ! не въ стихахъ.

учитель философи. А! такъ стало-быть въ прозѣ. Хорошо.

журдень. Нѣтъ! нѣтъ! и не въ прозѣ.

учитель философи. Какъ не въ прозѣ? Вѣдь надобно-жъ однако, чтобъ это была проза, если не стихи.

журдень. Отчего-же надобно?

учитель философи. Оттого, что мы можемъ выражать наши мысли только стихами или прозою.

журдень. Только стихами или прозою?... Ну, а ужъ другимъ манеромъ никакъ нельзя?

учитель философи. Никакъ. Все то, что не стихи — проза, а все то, что не проза — стихи!

журдень. Ну, а я какъ теперь говорю съ вами?

учитель философи. Прозой!

журдень. Прозой..? Такъ это проза, когда я говорю—«Лакей, принеси сапоги!» Это проза»? «Ты скотина!» Это тоже проза?

учитель философи. Проза.

журдень. Вотъ чудо! Болѣе сорока лѣтъ говорю я прозой, и никогда и не думалъ, чтобъ это была проза. Я вамъ очень-благодаренъ, что вы мнѣ сказали это. Теперь я буду знать, что и я тоже говорю прозой. Очень-пріятно! Такъ и записочку надо будетъ написать тоже прозой. Видите-ли, я уже который день думаю все о томъ, что-бы написать въ запискѣ, и придумалъ... Скажите мнѣ, хорошо-ли будетъ написать такъ: «Прекрасная маркиза! ваши хорошенькіе глазки заставляютъ меня умирать отъ любви.»

учитель философи. Хорошо! Но можно приискать выраженія еще лучше.

журдень. Нѣтъ! нѣтъ! вы ужъ оставьте меня написать такъ, какъ я самъ сочинилъ. Скажите только, хорошо—ли это будетъ?

учитель философи. Хорошо, но...

журдень. Очень вамъ благодаренъ. Больше мнѣ ничего не нужно.

учитель философи. Итакъ, позвольте мнѣ вамъ откланяться до-завтра.

журдень. Пожалуйста, приходите пораньше!

учитель философи. Непремѣнно! (*Уходитъ*).

журдень. Я поставилъ—таки на своемъ. Самъ сочинилъ, самъ и напишу! Онъ сказалъ хорошо! Каково! И не учившись! О, я увѣренъ, что скоро сравняюсь со всѣми вельможами нашего двора.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Лакей, потомъ портной и мальчикъ его.

лакей. Портной принесъ платье, сударь.

журдень. Наконецъ! Я такъ долго дожидаясь. Зови его сюда!.. (*Портному*) Помилуйте, какъ вы поздно принесли.

портной. Я не могъ кончить его раньше. Двадцать человекъ работали надъ нимъ.

журдень. А! Послушайте, я тоже хотѣлъ вамъ сказать: вы мнѣ прислали такіе узкіе чулки, что я насилу надѣлъ ихъ, и то три петли лопнули.

портной. Они раздадутся.

журдень. Ну, и потомъ башмаки мнѣ очень жмутъ ноги.

портной. Это не можетъ быть.

журдень. Какъ не можетъ быть? Я это чувствую.

портной. Вы ошибаетесь.

журдень. Да какъ ошибаюсь! Вѣдь они на мнѣ надѣты.

портной. Это ничего не значитъ. Я отвѣчаю за то, что онѣ вамъ впору! Это все неправда! Посмотрите-ка лучше, каковъ этотъ кафтанъ! Ручаюсь, что лучше этого вамъ никто не сошьетъ.

журдень. Отчего—же онъ безъ цвѣточковъ? Я васъ просилъ сшить съ цвѣточками.

портной. Люди высшаго общества не носятъ цвѣточковъ, но если вы хотите, я вамъ сдѣлаю ихъ.

журдень. Нѣтъ, нѣтъ не нужно! я только такъ спросилъ. (*Надъсая*) Чтò—же, идетъ ко мнѣ?

портной. Еще—бы не идти! Васъ надобно срисовать въ этомъ костюмѣ.

журдень. Вы думаете? Поиду, надѣну парикъ и шляпу и пройду-ся по городу.

портной. Всѣ будутъ останавливаться и смотрѣть на васъ.

журдень. Постоите-ка, господинъ портной, если я не ошибаюсь, то на васъ кафтанъ сшить точно изъ такого-же бархата, какой я вамъ прислалъ для моего параднаго платья!

портной. Да! Мнѣ онъ такъ понравился, что я отрѣзалъ и себѣ немного.

журдень. Но однако... мнѣ кажется...

портной. Ручаюсь вамъ, что вы въ этомъ платьѣ сведете съ ума всѣхъ дамъ.

журдень. Вы думаете?

мальчикъ. Пожалуйте на водку, ваше сіятельство.

журдень. Чтò такое? Какъ ты меня назвалъ?

мальчикъ. Ваше сіятельство, пожалуйста на водку!

журдень. Какой умненькій мальчикъ!.. Ну, на вотъ тебѣ.

мальчикъ. Покорно благодарю, ваше превосходительство!

журдень. И превосходительство! Ну постой, постой, вотъ тебѣ и еще!.. Пойди мнѣ однако, этакъ я ему отдамъ всѣ деньги. (*Уходитъ къ себѣ въ комнату; портной и мальчикъ въ главную дверь.*)

=

ДѢЙСТВІЕ II.

(*Таже декорация.*)

ЯВЛЕНІЕ I.

Журдень выходитъ изъ своей комнаты, въ шляпѣ и шпагѣ, за нимъ два лакея, потомъ Николета.

журдень (*лакеямъ*). Ступайте за мною! Какъ-можно ближе, и не отставайте ни на шагъ, чтобы всѣ видѣли, что вы за мной идете.

лакеи. Слушаю-съ.

журдень. То-то-же! Постоите! Мнѣ нужно отдать кой-какія приказанія Николетѣ. Николета!

Николета (*входитъ*). Что прик... ха, ха, ха, ха!

журдень. Послушай, Николета, я хочу... да чему ты смѣешься?

Николета. Какъ чему? ха, ха, ха!

журдень. Чтò ты нашла смѣшнаго?

Николета. Чтò смѣшнаго? ха, ха, ха! Чтò смѣшнаго?

журдень. Замолчишь-ли ты?

Николета. Я-бы и рада не смѣяться, да вы... ха, ха, ха!

журдень. Чтò-жъ я?

Николета. Ха, ха, ха! Такъ смѣшно разряжены! ха, ха, ха!

журдёнъ. Смѣшно!.. Чѣмъ смѣшно? Дура ты! Перестань!

николета. Ха, ха, ха! право не могу! ха, ха, ха!

журдёнъ. Этакая дерзость! Уймешься-ли ты? Я тебя прогону, если ты станешь смѣяться!..

николета. Ну, ну, я не смѣюсь. Чтѣ вамъ нужно?

журдёнъ. Я пойду теперь гулять, а ты должна безъ меня...

николета. Ха, ха, ха!

журдёнъ. Опять!.. Ты должна безъ меня...

николета (падая на стулъ отъ смѣха). Воля ваша, не могу! ха, ха, ха! хотъ убейте! Вы такъ уморительны сегодня! ха, ха, ха!

журдёнъ. Это просто хотъ кого выведетъ изъ терпѣнія. Я хочъ ей сказать, чтобъ она хорошенько все прибрала въ домѣ, потому что у меня сегодня будутъ гости, а она смѣется мнѣ въ глаза.

николета. Гости!.. одно это слово приводитъ въ досаду! Гости! Знаете-ли, что мнѣ теперь не до смѣху, что ваши гости всегда дѣлаютъ такой безпорядокъ, что я терпѣть не могу всѣхъ вашихъ гостей. И зачѣмъ собираются они, эти гости?

журдёнъ. Ну вотъ и пошла! Развѣ мнѣ уже нельзя ни съ кѣмъ и знакомиться? Развѣ я никого не долженъ принимать къ себѣ?

николета. По-крайней-мѣрѣ не тѣхъ лицъ, которыя у васъ бываютъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Госпожа Журдёнъ.

госпожа журдёнъ. Ахъ, Господи! вотъ новая исторія! Да чтѣ это съ вами сдѣлалось, любезнѣйшій муженекъ? Чтѣ вы на старости-то лѣтъ съума сошли, чтѣ-ли? Чтѣ это вы на себя навьючили? Или хотите, чтобъ на васъ всѣ люди пальцами показывали?

журдёнъ. Только дуры да дураки могутъ смѣяться надо мною, моя возлюбленная супруга!

госпожа журдёнъ. Право! Стало-быть, кромѣ васъ— всѣ дураки на свѣтѣ, потому-что всѣ смѣются надъ вами, всѣ.

журдёнъ. А позвольте узнать, чему?

госпожа журдёнъ. Какъ чему? Да всему, чтѣ у насъ дѣлается въ домѣ. Помилуйте! Здѣсь съ самаго утра Вавилонъ какой-то. Играютъ на скрипкахъ, да на дудкахъ, пляшутъ, поютъ, рубятся да колются. Срамъ да и только!

николета. Да, а подѣ вечеръ наберется гостей сюда, сброду всякаго, чуть не съ висѣлицы.

журдёнъ. Николета! ты слишкомъ-дерзка.

госпожа журдёнъ. Николета говоритъ правду. Она гораздо умнѣе васъ. Ну какъ вамъ не стыдно танцовать въ ваши лѣта?

НИКОЛЕТА. Да, и драться на спичкахъ съ этимъ долговязымъ. Повѣрите-ли, сударыня, если бы и дрались-то еще тихонько, а то вѣдь они такъ стучать ногами, что я каждую минуту боюсь, чтобъ у насъ въ кухнѣ потолокъ не провалился.

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ. Развѣ танцованье поможетъ вамъ, когда у васъ отнимутся ноги?

НИКОЛЕТА. Ужъ не собираетесь-ли вы убить кого-нибудь?

ЖУРДЕНЬ. Жена моя и служанка—вы обѣ очень-глупы.

НИКОЛЕТА. Глупы? Да мы, сударь, своимъ умомъ очень-довольны и съ насъ будетъ того, что мы знаемъ. А вотъ вы, вѣрно, собираетесь поумнѣть, потому-что взяли еще какого-то философа, чтобъ онъ васъ уму училъ.

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ. Ужъ вы-бы, мой любезный муженекъ, начали опять въ школу ходить съ ребятами: попросила-бы я тогда, чтобъ васъ тамъ хорошенько высѣкли.

ЖУРДЕНЬ. Вы обѣ не знаете, что говорите. Мнѣ стыдно видѣть ваше певъжество. Наука, это такая вещь... Наука, что... ужъ другой нѣтъ такой науки? Знаете-ли вы, на-примѣръ, что вы теперь со мною говорите?

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ. Я говорю дѣло.

ЖУРДЕНЬ. Нѣтъ! не то! Что на-примѣръ такое я говорю теперь.

НИКОЛЕТА. Пустяки.

ЖУРДЕНЬ. Вы не понимаете меня. Я не то хочу сказать... Отвѣчайте мнѣ, какъ вы думаете, чѣмъ я теперь говорю съ вами?

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ. Какъ чѣмъ?.. языкомъ.

ЖУРДЕНЬ. Языкомъ? нѣтъ не языкомъ, а прозой!

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ и НИКОЛЕТА. Прозой?..

ЖУРДЕНЬ. Да, прозой! Вотъ что значить наука! Изъ нея я узналъ, что все то, что не проза—стихи, а все то, что не стихи—проза!.. Вотъ что!

НИКОЛЕТА. Ну, что-же, вы умнѣе, что-ли отъ этого стали? Какая польза вамъ отъ того, что вы узнали эту прозу, какъ она тамъ называется. Учоныя нарочно придумываютъ только названія похитрѣе. То, чѣмъ вы говорите, называется у насъ языкомъ, а они называли прозой—вотъ и все тутъ. Какая-жъ въ этомъ разнища?

ЖУРДЕНЬ. О! Господи! Ничего не понимаютъ! Рѣшительно ничего! Ну знаешь-ли ты, на примѣръ, что ты дѣлаешь, когда хочешь сказать У.

НИКОЛЕТА. Какъ, что дѣлаешь? Говорю У, да и все тутъ?

ЖУРДЕНЬ. Говорю! да какъ говоришь? Скажи-ка У.

НИКОЛЕТА. Ну, У.

ЖУРДЕНЬ. Что ты теперь съѣлала?

НИКОЛЕТА. Сказала У.

ЖУРДЕНЬ. Такъ, сказала У. Но когда ты говоришь У, что ты дѣлаешь?

НИКОЛЕТА. Дѣлаю то, что вы мнѣ приказываете?

ЖУРДЕНЬ. Фи! какая безтолковая. Когда ты говоришь У, то сжимаешь губы совершенно и вытягиваешь ихъ впередъ... У.

НИКОЛЕТА. Вотъ что? и этому—то вы учитесь?

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ. Господи! какая галиматья. Да что тебя въ этомъ прибили?

НИКОЛЕТА. Ну не все-ли равно, по ученому-ли *укать* или такъ, какъ я, просто, не учившись! Тоже самое выходитъ.

ЖУРДЕНЬ. Нѣтъ! онъ меня собьютъ совершенно съ толку...

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ. Вы-бы должны были выпроводить отсюда всю эту сволочь, которая учитъ васъ такимъ пустякамъ.

НИКОЛЕТА. А особливо этого урода съ своими шпильками.

ЖУРДЕНЬ. Тебѣ не нравится фехтованіе? А знаешь-ли ты, какая это великая наука. Возьми-ка, возьми-ка рапиру.

НИКОЛЕТА (*беретъ ее*). А на что мнѣ она?

ЖУРДЕНЬ. А вотъ увидишь. Я сейчасъ покажу тебѣ, что знаю средство никогда не быть убитымъ. Еслибъ вмѣсто тебя, напалъ теперь на меня разбойникъ со шпагой, я-бы не испугался и, поворачивая только руку, вотъ такъ или этакъ, никакъ-бы не позволилъ себя заколотъ. Ну, становись! становись противъ меня! Коли меня! коли, не бойся! Увидишь, что не попадешь ни разу...

НИКОЛЕТА. Какъ не попаду! Что за вздоръ. (*Колетъ нѣсколько разъ Журдена, который напрасно старается отпарировать удары*). Вотъ вамъ! вотъ вамъ! Еще! еще!

ЖУРДЕНЬ (*сгибался и бѣгалъ отъ нея*). Стой! Ай! погоди! Николета! отстань! сумасшедшая... Довольно! Ой!

НИКОЛЕТА (*останавливалась*). Вы сами сказали, чтобъ я васъ колола.

ЖУРДЕНЬ. Да ты не умѣешь колоть! Ты колешь безъ всякаго толку. Ты должна дожидаться, покаместъ я отпарирую твои удары.

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ. Я просто вижу, мой любезнѣйшій муженекъ, что вы сошли съума. И это именно съ-тѣхъ-поръ, какъ вздумали корчить вельможу?..

ЖУРДЕНЬ. Вельможу? А что жъ, по вашему, мнѣ надобно было походить на какого-нибудь мѣщанина.

госпожа журдень. Да, ужъ всякій мъщанинъ, мнѣ кажется, гораздо-получше этого графа, который у васъ бываетъ чуть не каждый день.

журдень. Вы не знаете сами что говорите. Графъ Дорантъ одинъ изъ первыхъ вельможъ нашего двора. Онъ говоритъ съ королемъ точно такъ-же, какъ я говорю съ вами. И это дѣлаетъ мнѣ честь, если онъ у меня всякій день бываетъ въ домѣ. Онъ такъ ласковъ со мною.

госпожа журдень. Такъ мило занимаетъ у васъ деньги.

журдень. Называетъ меня своимъ другомъ!

госпожа журдень. Объявляетъ и опиваетъ насъ на славу. Вы для него, кажется, готовы на все, а скажите, что онъ для васъ дѣлаетъ.

журдень. Очень много. Вамъ нельзя и не должно всего знать.

госпожа журдень. Много! кромѣ отдачи долга!

журдень. Онъ далъ мнѣ честное слово дворянина и этого довольно.

госпожа журдень. Какъ? съ васъ довольно слова вмѣсто денегъ?

журдень. Я говорю вамъ, что онъ мнѣ отдастъ ихъ.

госпожа журдень. А я говорю, что не отдастъ. Вотъ кстати и онъ самъ, посмотримъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Дорантъ.

дорантъ (*входя*). А! мой любезный другъ, господинъ Журдень, какъ вы поживаете?

журдень. Очень-хорошо-съ. Къ вашимъ услугамъ.

дорантъ. А здоровье почтенной госпожи Журдень?..

госпожа журдень. Слава Богу-съ. Ей и хворать-то не отъ чего?

дорантъ. А! да какъ вы прекрасно сегодня одѣты. Поздравляю васъ.

журдень. Въ-самомъ-дѣль?

дорантъ. У насъ и при дворѣ немногіе такъ хорошо одѣваются.

журдень. Вы шутите?

госпожа журдень (*въ-сторону*). Знать вѣдь чѣмъ подмазать его, разбойникъ!

дорантъ. Еслибъ вы знали, какъ я васъ уважаю. Я еще сегодня-же утромъ говорилъ объ васъ съ королемъ.

журдень. Помилуйте! такая честь! Стою-ли я? (*Женя тихо*). Жена! слушай! Каково!

дорантъ. Надѣньте однако вашу шляпу! Мы не должны между собою церемониться?..

журдень. Помилуйте! мое уваженіе къ вамъ, ваше сіятельство.

дорантъ. Я просилъ уже васъ, въ разговоръ со мною забыть о моемъ званіи и считать меня только вашимъ другомъ.

журдень (*раскланивался*). Много чести-съ! Если вы позволите! (*Надѣваетъ шляпу*).

дорантъ. Кстати! Вѣдь я еще вашъ должникъ!

журдень. Помилуйте, стѣитъ-ли вспоминать объ этомъ. (*Женъ*).
Слышите, госпожа Журдень?

госпожа журдень. Слышу, слышу, что-то будетъ дальше?

дорантъ. О! я никогда не забываю ни тѣхъ денегъ, которыя даютъ мнѣ въ долгъ, ни тѣхъ людей, которые меня ими ссужаютъ. Я пришелъ именно для того, чтобъ свести наши счеты. Я вамъ долженъ всего восемнадцать тысячъ ливровъ, не такъ-ли?

журдень. Точно такъ-съ. (*Женъ*). Что-жь твои подозрѣнія, а?

госпожа журдень. Положемъ конца.

дорантъ. Восемнадцать тысячъ, да двѣ, которыя я попрошу у васъ въ займы сегодня, составятъ ровно двадцать тысячъ ливровъ. Я возвращу ихъ вамъ въ самомъ скоромъ времени.

журдень. Помилуйте! я не сомнѣваюсь?..

госпожа журдень (*ему тихо*). Что, получимъ? Сіятельный-то мошенникъ просто водитъ васъ за носъ.

журдень. Тсъ? что ты... Съ-ума сошла.

дорантъ. Если вамъ трудно исполнить мою просьбу, то я займу у другаго...

журдень. О, какъ можно! напротивъ!.. Ни сколько...

дорантъ. У меня есть много друзей, которые съ удовольствіемъ ссудятъ меня этой ничтожною суммою. Я думалъ, что вы обидитесь, если я обращусь къ кому-нибудь другому, а не къ вамъ.

журдень. Конечно! Вы мнѣ дѣлаете очень-много чести. Я сейчасъ-же доставлю вамъ...

госпожа журдень (*ему тихо*). Какъ, вы таки и еще ему даете денегъ?

журдень. Нельзя-же отказать человѣку, который сегодня говорилъ обо мнѣ самому королю. (*Уходитъ*).

госпожа журдень. Онъ, просто, погибшій человѣкъ, мой муженецъ.

дорантъ. Вы, мнѣ кажется, сегодня не совсемъ въ духѣ, госпожа Журдень?

госпожа журдень. Надуешься по неволю, видя все, что здѣсь дѣлается.

дорантъ. Я не вижу вашей прекрасной дочери?

госпожа журдень. Съ чего-же вы взяли, батюшка, что я вамъ стану ее на-показъ выводить?

дорантъ. Я хотѣлъ только узнать изъ учтивости, какъ ея здоро-
вье?

госпожа журдень. А вамъ-то что до него? Докторъ вы, что-ли?

дорантъ. Я не знаю, чѣмъ заслужилъ я ваше верасположеніе...

Но если я могу вамъ въ чемъ-нибудь быть полезенъ...

госпожа журдень. Да за кого вы меня, сударь мой, принимаете.

Чтобъ я стала услуги принимать отъ посторонняго чловѣка? А мужъ-то мой у меня на что, батюшка. Съ меня и его довольно! Что вы ко мнѣ-то пристааете?

дорантъ (*отходл въ сторону*). Ну! съ ней не сговоришь?

журдень (*выходл съ деньгами*). Вотъ, тутъ ровно двѣ тысячн ливровъ.

дорантъ. Я вамъ очень-благодаренъ, мой добрый другъ, и надѣ-
юсь, что вы сами въ пуждѣ ни къ кому, кромѣ меня, не прибѣ-
гнете.

журдень. Такая честь...

дорантъ, (*ему тихо*). Ваша прекрасная маркиза, какъ я желалъ
вамъ, согласилась наконецъ у васъ позавтракать и принять отъ
васъ подарокъ.

журдень. Отойдемте, пожалуйста, немного подальше.

дорантъ. Она приняла наконецъ драгоценный перстень и не
снимаетъ его ни на минуту. Я далъ ей почувствовать цѣнность та-
кого подарка и всю силу вашей любви.

журдень. О! я не знаю, какъ васъ благодарить. Вы такъ обо
мнѣ заботитесь.

дорантъ. Я сдѣлалъ для васъ то, что дѣлается для друга. Усту-
пилъ вамъ маркизу, когда узналъ, что она вамъ понравилась.

госпожа журдень (*Николетт*). О чемъ они тамъ шепчутся?..

николета. Богъ вѣсть, сударыня. Можетъ-быть, и этотъ графъ
тоже чему-нибудь учить барина.

дорантъ. Женщины любятъ подарки, и вы поступаете прекра-
сно. Ваши частыя серенады, всегдашніе букеты, этотъ блистатель-
ный фейерверкъ, который вы дали ей недавно, все это, какъ мнѣ
кажется, очень расположило ее въ вашу пользу.

журдень. О, какъ я чрезмѣрно счастлива!

дорантъ. Она будетъ сюда черезъ нѣсколько часовъ.

журдень. Такъ я какъ-нибудь устрою, чтобъ жена моя ушла
объдать къ своей сестрѣ и осталась у ней весь вечеръ... я ужъ за-
казалъ превосходный завтракъ.

дорантъ. Прекрасно, супруга ваша разумеется тутъ будетъ лишняя...

журдень. Тсъ... Онъ кажется насъ подслушиваютъ. Пройдемте ко мнѣ въ кабинетъ, ваше сіятельство.

дорантъ. Съ удовольствіемъ. (*Уходитъ*).

николета. Ну! не быть тутъ доброму. Они что-то очень долго сговаривались.

госпожа журдень. И при мнѣ? это ужъ черезъ-чуръ обидно. Но я въ-просакъ не дамся, и буду вотъ-какъ смотреть за мовмъ муренькомъ, ни на шагъ отъ него не отстану.

николета. И прекрасно съѣлаете. Дай только мужьямъ потачку, такъ они совсѣмъ отъ рукъ отобьются.

госпожа журдень. Что Клеонтъ еще не былъ сегодня?

николета. Нѣтъ, сударыня.

госпожа журдень. Не правда-ли, какой прекрасный молодой человекъ. И какъ я хорошо съѣлала, что согласилась отдать за него Люсилю.

николета. Да вотъ еще господинъ Журдень-то на это не согласился.

госпожа журдень. Мы его умолаемъ. Сходи отъ меня къ Клеонту и скажи ему, чтобъ онъ пришелъ сейчасъ-же. Мы вмѣстѣ приступимъ къ мужу и онъ, радъ или не радъ, а долженъ согласиться, отдать за Клеонта нашу дочь. (*Уходитъ*).

николета. Слушаю-съ, я этому очень рада, тѣмъ больше, что Жакъ, слуга Клеонта, очень-видный мужчина (*идетъ съ дверь и сталкивается съ Клеонтомъ и Жакомъ*). Ахъ, Боже мой, да вотъ и они сами—легки на поминъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клеонтъ и Жакъ (*входятъ*).

николета. Я очень-рада, что вы пришли сами. А меня только-что послали къ вамъ сказать..

клеонтъ. Оставь меня, обманщица. Я не хочу ничего слышать, если ты прислана отъ той, которую я ненавижу.

николета. Чтò съ вами съѣзилось?

клеонтъ. Оставь меня, говорю я, и скажи своей коварной госпожѣ, что между-нами все кончено.

николета. Да расскажете-ли вы мнѣ наконецъ, чтò такое случилось? Ну, скажи хоть ты, мой милый Жакъ.

жакъ. Милый Жакъ? Оставь меня, скорпіонъ! И не смѣй горить со мною.

НИКОЛЕТА Какъ, и ты тоже?

ЖАКЪ. Оставь меня, говорю я, и скажи... сама-себя, что между нами все кончено?

НИКОЛЕТА. Просто, вы оба блынены объылись. Пойду скажу барышнямъ, что сдѣлалось съ нашими женишками. (*Уходитъ*).

КЛЕОНТЬ. Я не могу еще придти въ себя!

ЖАКЪ. И я тоже!

КЛЕОНТЬ. Поступить со мною такимъ образомъ? Это ужасно!

ЖАКЪ. И со мною... ужасно!..

КЛЕОНТЬ. Я люблю ее больше всего на свѣтъ, думаю только объ ней, живу только для нея... Два дня я не вижу ее, встрѣчаюсь съ нею на третій, спѣшу выразить ей мой восторгъ, мою радость, и что-же? Отъ меня отворачиваются, не отвѣчаютъ на мой поклонъ, проходятъ мимо, какъ-будто не замѣтили меня, какъ-будто никогда не знали меня.

ЖАКЪ. И меня тоже!

КЛЕОНТЬ. Можетъ-ли кто-нибудь быть коварнѣе Люсиллы?

ЖАКЪ. И Николеты, прибавьте, пожалуйста.

КЛЕОНТЬ. Послѣ всѣхъ моихъ пожертвованій услугъ, которыя я вездѣ ей оказывалъ—на прогулкахъ, на вечерахъ, у нея въ домѣ!..

ЖАКЪ. Послѣ всѣхъ моихъ пожертвованій, услугъ, которыя я вездѣ ей оказывалъ: на кухнѣ... въ погребу, въ лакейской.

КЛЕОНТЬ. Послѣ столькихъ слезъ, которыя она заставляла меня проливать.

ЖАКЪ. Послѣ всѣхъ ведеръ воды, которыя она заставляла меня таскать изъ колодца.

КЛЕОНТЬ. За весь огонь страсти, пылавшей въ моемъ сердцѣ.

ЖАКЪ. За весь жаръ отъ очага, на которомъ я варилъ за нее кушанье.

КЛЕОНТЬ. И вдругъ! отворотиться при встрѣчѣ со мною!

ЖАКЪ. Обернуться ко мнѣ спиною!

КЛЕОНТЬ. Жакъ! съ-этихъ-поръ не смѣй мнѣ говорить про нее ни слова!

ЖАКЪ. Слушаю-съ!

КЛЕОНТЬ. Не смѣй защищать ее!

ЖАКЪ. Слушаю-съ!

КЛЕОНТЬ. Я ненавижу ее!

ЖАКЪ. Слушаю-съ!

КЛЕОНТЬ. И потомъ, любовь ослѣпила меня! Въ ней рѣшительно нѣтъ ничего хорошаго!

ЖАКЪ. Рѣшительно ничего! Руки красныя... толста, какъ бочка... говорить, какъ драгунъ.

клеонтъ. Что ты врешь?

жакъ. Я говорю про свою Николету.

клеонтъ. О! какое мнѣ дѣло! я говорю про мою Люсиллу.

жакъ. Да и она тоже рѣшительно никуда не годится! Во-первыхъ, у нея глаза ни черные, ни голубые.

клеонтъ. О! какое дѣло! Они такъ милы, такъ выразительны. Въ нихъ такъ много огня и души.

жакъ. Она мала ростомъ!

клеонтъ. Но за то какъ хорошо сложена, какъ стройна и роскошна!

жакъ. Лицо безъ всякаго выраженія!..

клеонтъ. О! каждая черта въ немъ дышетъ любовью и чувствомъ.

жакъ. Голосъ ея рѣзокъ и невзвученъ.

клеонтъ. Онъ льется мнѣ прямо въ душу, заставляетъ меня дрожать когда я его услышу. Въ немъ есть какое то особенное магическое свойство.

жакъ. Но она не умѣетъ ни о чомъ говорить, необразованна, глупа...

клеонтъ. Она умѣетъ придать вѣсъ и значеніе самому обыкновенному слову; самый ничтожный разговоръ ея дышетъ непритворной веселостью и остроуміемъ. Она невыразимо мила въ простодушныхъ вопросахъ. А умъ... О! къ чему женщинъ умъ, когда Богъ ей далъ сердце?...

жакъ. Ну, я теперь вижу, что вы ее терпѣть не можете. Этакъ вы ее бѣдную осмѣяли! Ужасъ да и только.

клеонтъ. Не думай Жакъ, чтобы я показалъ ей, что до-сихъ-поръ еще люблю ее. Чѣмъ дороже она для моего сердца, чѣмъ труднѣе будетъ вырвать изъ него и память о невѣрной, тѣмъ мщеніе мое будетъ отраднѣе и сильнѣе.

жакъ. Вотъ и наши измѣнницы.

ЯВЛЕНІЕ V.

Люсилла и Николета.

николета. Я говорю вамъ, что они на насъ и смотрѣть не хотятъ.

люсилла. О, это не можетъ быть, Николета! Я слишкомъ-хорошо знаю Клеонта. Вотъ онъ!

клеонтъ. Я не стану даже отвѣчать ей!..

люсилла. Клеонтъ? это вы? какъ я рада! Скажите, что съ вами?

николета. Что съ тобою, мой милый Жакъ?

люсилла. Отчего вы такъ печальны?

николета. Что ты сдѣлалъ такую кислою рожицу?

люсилла. За что вы на меня сердитесь?

николета. За что ты на меня дуешься?

люсилла. Вы не хотите говорить со мной, Клеонтъ?

николета. Онѣмѣль ты что-ли Жакъ?

люсилла. Не сегодняшняя-ли наша встрѣча заставляетъ васъ поступать со мною такъ дурно и несправедливо.

николета. Уже и ты не оттого-же-ли такъ пѣтушишься?

клеонтъ. А! такъ вы догадались наконецъ, сударыня, что такъ не поступаютъ съ тѣми, кого любятъ? Вы хотѣли этимъ поступкамъ дать мнѣ знать, что все между нами кончено. Я понялъ васъ и постараюсь исполнить ваше желаніе.

люсилла. Такъ вотъ изъ за-чего произошло все это? Какъ вы будете раскаиваться въ вашихъ словахъ, когда узнаете причину моего поступка.

клеонтъ. Я не хочу ничего слышать!

николета. Я расскажу тебѣ, мой котеночекъ, въ чемъ дѣло было.

жакъ. Я не хочу ничего слышать!

люсилла. Узнайте-же, что...

клеонтъ. Я сказалъ ужъ вамъ, что не хочу ничего знать!..

николета. Да послушай-же ты наконецъ.

жакъ. Ничего не хочу слышать.

люсилла. Клеонтъ!

клеонтъ. Оставьте меня!

николета. Жакъ!

жакъ. Отвяжись, пожалуйста!..

люсилла. Выслушайте меня!

клеонтъ. Нѣтъ!

николета. Да послушай.

жакъ. Не хочу. (*Переходятъ на другую сторону, женщины ихъ преслѣдуютъ.*)

люсилла. (*останавливаясь.*) Впрочемъ, если вы не хотите слушать моихъ оправданій, то можете дѣлать что вамъ угодно. Я сама не скажу больше ни слова!

николета. Дура я, что ухаживаю за тобою. Можешь думать все, что тебѣ угодно.

клеонтъ. Любопытно послушать, что вы скажете, чтобы оправдать себя?

жакъ. Ну-ка докажи, что ты ни въ чемъ не виновата.

люсилла. Вы не хотѣли слушать меня, теперь и я не хочу говорить вамъ.

НИКОЛЕТА. Ты что-то все давеча отмалчивался. Теперь и я буду дѣлать тоже.

КЛЕОНТЬ. Но если я прошу васъ объ этомъ.

ЖАКЪ. Если я тебя за это ручкой съдлаю.

ЛЮСИЛА. Я не скажу ни слова.

НИКОЛЕТА. Я буду вѣма, какъ рыба.

КЛЕОНТЬ. Люсила!

ЖАВЪ. Николета!

ЛЮСИЛА. Оставьте меня!

НИКОЛЕТА. Отвяжись отъ меня!..

КЛЕОНТЬ. Я прошу у васъ прощенія...

ЖАКЪ. Я виноватъ передъ тобою.

ЛЮСИЛА. Я ничего не хочу слышать.

НИКОЛЕТА. Не трудись понапрасну.

КЛЕОНТЬ. Умоляю васъ!

ЖАКЪ. Сжался надо мною.

ЛЮСИЛА. Нѣтъ!

НИКОЛЕТА. Ни за что на свѣтъ! *(Переходятъ на другой конецъ сцены, мужчины ихъ преслѣдуютъ.)*

КЛЕОНТЬ. О! въ такомъ случаѣ, если вы не хотите простить меня, все кончено! вы видите меня въ послѣдній разъ! Я не переживу вашей холодности. Я умру, любя васъ.

ЖАКЪ. И я тоже! *(Хотятъ уйти.)*

ЛЮСИЛА. Клеонтъ!

НИКОЛЕТА. Жакъ! *(Они останавливаются.)*

ЛЮСИЛА. Куда вы?

НИКОЛЕТА. Куда ты?

КЛЕОНТЬ. Я иду—умереть!

ЖАКЪ. Мы идемъ—умереть!

ЛЮСИЛА. Вы хотите умереть, Клеонтъ?

НИКОЛЕТА. Ты хочешь на тотъ свѣтъ отправиться?

КЛЕОНТЬ. Да! потому-что вы этого хотите.

ЖАКЪ. Ты сама хочешь этого!

ЛЮСИЛА. Я?.. Какъ вы несправедливы, Клеонтъ!..

НИКОЛЕТА. Съ чего ты взялъ это, жизнь моя?

КЛЕОНТЬ. Но вы не хотите простить меня?

ЛЮСИЛА. Вы сами виноваты, Клеонтъ. Какъ можно такъ подорывать меня и потомъ еще не слушать моихъ оправданій. Все дѣло объяснилось-бы очень-просто, еслибы вы дали мнѣ сказать хоть одно слово. Развѣ вы не видѣли, что сегодня утромъ я шла съ моею старой тетушкой, которая запрещаетъ мнѣ даже смотреть на мужчину, считая это величайшимъ грѣхомъ.

клеонтъ. Это правда, и я... О, Люсилла! простите-ли вы меня? жакъ. Николета! душа мол! Бѣй меня по щекамъ! но не серлись на меня. (*Становятся на колѣна.*)

люсилла. Вы-бы стовили того, чтобы васъ порялочно помучить, но я васъ прощаю.

николета. Надобно было-бы тебя за это хорошенько поцотчивать, ну да ужъ такъ и быть! Цѣлуй ручку!

клеонтъ. О! какъ я счастливъ!

жакъ. Богиня моя!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ, ПОТОМЪ ГОСПОДИНЪ ЖУРДЕНЬ.

госпожа журдень. Вы здѣсь, Клеонтъ? Я очень-рада: мой мужъ идетъ за мною, — теперь самое удобное время. Вы можете попросить у него руку Люсилли.

клеонтъ. Ахъ, суларыня, я не знаю, какъ благодарить васъ за вашу доброту, но не смѣю надѣяться...

журдень (*входя.*) А! у меня есть гости, очень-пріятно. Господинъ Клеонтъ, всегда радъ васъ видѣть. У меня сей-часъ былъ другъ мой графъ Дорантъ, мы съ намъ... большіе друзья. Какъ ваше здоровье?

клеонтъ. Благодарю васъ, господинъ Журдень, и прошу извинить меня, если я прямо и откровенно объясню вамъ цѣль моего посѣщенія. Я давно люблю дочь вашу, любимъ ею взаимно и, съ согласія вашей супруги, обращаюсь къ вамъ съ просьбою, отдать мнѣ руку вашей прекрасной дочери.

журдень. Прежде, чѣмъ я дамъ отвѣтъ на ваше предложеніе, котораго, признаюсь вамъ, я никогда не ожидалъ, потрудитесь отвѣчать на мой вопросъ—дворянинъ-ли вы?

клеонтъ. Въ нашъ вѣкъ есть множество людей, которые безъ стыда присвоиваютъ себѣ названіе дворянина, потому-что въ этомъ самозванствѣ уличить довольно трудно. Но я никогда не приму на себя того, что не принадлежитъ мнѣ. Отецъ мой былъ честный мѣщанинъ, и я, хотя служилъ въ военной службѣ и имѣю достаточное состояніе, остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ мой отецъ.

журдень. Вы благородный человекъ. Вотъ вамъ рука моя, но дочери моей я не могу вамъ отдать.

клеонтъ. Но почему-же?

журдень. Потому-что вы не дворянинъ.

госпожа журдень. Что вы тамъ бредите о дворянствѣ! А мы-то съ

вами отъ французскихъ королей что-ли происходимъ? Да развѣ мать моя не содержала магазина? развѣ отецъ вашъ не торговалъ быками?

журдень. Знаю! все знаю! Пожалуста замолчите, а дочь—моя все таки будетъ за дворяниномъ.

клеонтъ. Я ничего не смѣю говорить въ защиту себя и своего званія, но никогда не соглашусь промѣнять моего честнаго имени мѣщанина на графскіе титулы многихъ изъ нашихъ дворянъ.

николета. И конечно! Человѣкъ, который почитаетъ своего отца и мать свою никогда не будетъ стыдиться званія, въ которомъ они родились...

журдень. Знаю! все знаю! а дочь моя все-таки будетъ за дворяниномъ.

люсилла. Батюшка! Не дѣлайте меня несчастною!

клеонтъ. Я такъ люблю дочь вашу!

госпожа журдень. Господинъ Клеонтъ такой прекрасной человѣкъ.

николета. Почтище вашихъ общинныхъ дворянчиковъ.

журдень. Знаю! все знаю! а дочь моя все-таки будетъ за дворяниномъ.

госпожа журдень. Ну такъ я же не хочу этого! Я этого не позволю! Я не хочу, чтобы надъ моею дочерью смѣялся весь нашъ кварталъ, чтобы онъ говорилъ объ ней: «Смотрите, вотъ дочь старой Журдень; она и важна, и маркиза, и въ перьяхъ, и въ брилліантахъ, а мать ея продавала сукновъ улицъ Сентъ-Оноре». Я хочу такого зятя, который не стыдился-бы называть меня своею матерью, которому—бы я могла сказать безъ церемоніи: Садитесь-ка сюда, добрый зятюшка, да потолкуйте со старухой!

журдень. Вы мнѣ жалки съ вашими мѣщанскими понятіями. Дворянство — такая вещь, которая выше всего на свѣтъ. Дочь моя будетъ маркизой, а если вы мнѣ еще станете противорѣчить — я слылаю ее герцогиней (*Уходитъ.*)

госпожа журдень. Просто оцъ съ-ума сошолъ на старости лѣтъ. Но не отчаявайтесь, Клеонтъ. Мы найдемъ средство уломать моего муженька. Я пойду за нимъ, а ты, Люсилла, ступай въ свою комнату и не плачь такъ, милое дитя мое.

люсилла. Клеонтъ!

клеонтъ, (*бросаясь къ ней.*) Люсилла!

люсилла. Если батюшка не выдастъ меня за вась, я ни за кого не выйду за-мужъ. (*Уходитъ.*)

жакъ. Ну, вотъ далеко ушли вы съ вашей деликатностью.

клеонтъ. Ты хочешь, чтобы я унижилъ себя въ ея глазахъ.

жакъ. Но развѣ вы не видите, что это, просто, сумасшедшій человѣкъ? развѣ можно позволить ему дѣлать подобныя глупости?

клеонть. Ты правъ, но я никакъ не думалъ, что нужно быть дворяниномъ, чтобы съязвить зятемъ господина Журденя.

жакъ. Постойте! знаете-ли что? Мнѣ пришла въ голову удивительная мысль... Можно сыграть прекрасную комедію съ этимъ чулакомъ.

клеонть. Комедію?

жакъ. Да! ваши друзья помогутъ намъ. Мы посмѣемся надъ Журденемъ и отдадимъ вамъ Люсиллу.

клеонть. Но объясни мнѣ...

жакъ. Пойдемте скорѣе обдумать хорошенько нашъ планъ. Я вамъ все разсажу дорогою. (*Уходитъ*)

ДѢЙСТВІЕ III.

(*Таже декорация.*)

ЯВЛЕНІЕ I.

журденъ (*За нимъ слуги вносятъ столъ и ставятъ его въ глубинѣ.*)

журденъ. Поставьте покамѣсть подальше, и ждите моихъ приказаній. (*Слуги уходятъ.*) Я обдѣлалъ все какъ нельзя лучше. Прекрасная маркиза будетъ сію минуту. Я успѣлъ уговорить жену мою, и она отправилась обѣдать къ своей сестрѣ и останется у нея до вечера, а я буду завтракать съ графомъ и маркизою! Каково!.. О! что можетъ быть лучше вельможи и дворянина! Я-бы теперь далъ отрубить себѣ два пальца, лишь-бы только съязвить маркизомъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

СЛУГА, ПОТОМЪ ДОРАНТЬ И ДОРИМЕНА.

СЛУГА. Васъ спрашиваютъ графъ съ какой-то дамою!..

журденъ. Графъ... съ дамою!.. Боже мой!.. Это они!.. Сердце у меня такъ и хочетъ выскочить!.. Не знаю, что со мною дѣлается... Все-ли у меня готово?.. Пойти взглянуть, оправиться, приготовить-ся!.. Скажи, что баринъ будетъ сей-часъ и проситъ подождать. (*Убѣгаетъ.*)

СЛУГА (*Доранту*). Баринъ просилъ васъ подождать и сказалъ, что сей-часъ будетъ. (*Уходитъ*)

дорантъ. Подождать. Это очень-учтиво.

Доримена. Я, право, не знаю, Дорантъ, хорошо-ли я сдѣлала, что приняла ваше приглашеніе.

Дорантъ. Помилуйте, милая Доримена, что-жь вы нашли въ немъ неприличнаго? Вы вдова, ни отъ кого не зависите, ждете только конца траура по вашей теткѣ, чтобы выдти за меня замужъ. Я хочу угостить васъ, не смѣю звать къ себѣ, выбираю для этого домъ моего пріятеля, мимоходомъ сказать, большаго чудака, но человѣка семейнаго. Мы будемъ завтракать втроемъ, потому-что я пригласилъ и хозяйна, чтобы не подать повода къ злоязычію. Я даже просилъ его говорить, если только его спросятъ, что это онъ давалъ завтракъ и пригласилъ меня и васъ, какъ своихъ знакомыхъ. Вы видите, что тутъ нѣтъ и тѣни неприличнаго.

Дорантъ. Я давно знаю, что вы очень-краснорѣчиво защищаете ваши идеи, но положимъ, что въ вашемъ приглашеніи нѣтъ ничего дурнаго, но завтракъ этотъ, вѣроятно, стоить вамъ большихъ издержекъ. Я и такъ нѣсколько разъ уже выговаривала вамъ за вашу расточительность. Всѣ подарки, которые вы мнѣ дѣлаете, ваши серенады, фейерверки — все это должно стоить дорого. И нынче, этотъ брилліантовый перстень, который вы мнѣ подарили...

Дорантъ. Стоить-ли говорить объ этомъ, милая маркиза? Еслибъ подарки мой могли хоть нѣсколько равняться моей любви, вы были-бы богаче всѣхъ на свѣтѣ. Но вотъ, кажется, и хозяйнѣ дома.

ЯВЛЕНІЕ III.

Журдень.

Журдень (*входитъ и кланяется такъ, какъ его учили танцеваль- ный учитель, но, сдѣлавши два поклона, подходитъ слишкомъ- близко къ Дорименѣ*). Отступите немножко, сударыня.

Доримена. Отступить?

Журдень. Да-съ, шага на два не болѣе.

Доримена. На два шага? зачѣмъ это?

Журдень. Вы увидите! (*Доримена отступаетъ, Журдень дѣ- лаетъ еще шагъ впередъ и кланяется*). Это для того, что мнѣ не было мѣста сдѣлать вамъ третій поклонъ.

Доримена (*смыслъ*). О, вы напрасно безпокоились.

Дорантъ. Господинъ Журдень знаетъ, какъ надобно жить въ свѣтѣ, маркиза.

Журдень. Маркиза! Это для меня такая честь, что вы сдѣлали мнѣ честь... удостоить меня честью вашего посѣщенія. Я такъ

счастливъ, что получилъ это неожиданное счастье такимъ счастливымъ случаемъ, такъ случайно изъяснить чувства, которыя я чувствую и, такъ-сказать, ощущаю въ душѣ и сердцѣ питаемое уваженіе...

дорантъ. Довольно, довольно, господинъ Журдень. Маркиза не любить комплиментовъ, хотя и отдастъ полную справедливость вашему умѣнью выражаться. (*Доримень тихо*) Вы видите, что это простой мѣщанинъ и очень-добрый малый, но глупъ немножко.

журдень. Онъ, вѣрно, говоритъ ей обо мнѣ.

дорантъ (*Доримень*). Маркиза! рекомендую вамъ одного изъ лучшихъ друзей моихъ.

журдень. Много чести, ваше сіятельство.

дорантъ. Умнаго, образованнаго и свѣтскаго человѣка.

доримена. Я это вижу.

журдень. Помилуйте! Я еще ничего не сдѣлалъ такого, изъ чего-бы можно было заключить что-нибудь такое...

дорантъ. Довольно взглянуть на васъ, чтобы узнать васъ совершенно.

журдень. Много чести. Не смѣю думать, чтобы я могъ расположить васъ къ себѣ заочно, моими под...

дорантъ (*ему тихо*). Тсъ!.. Чтò это вы! Не говорите ей ни слова о вашихъ подаркахъ, въ-особенности о брилліантовомъ перстнѣ.

журдень. Отчего-же это?

дорантъ. Это будетъ неучтивость въ высочайшей степени. Женщины любятъ брать, но не любятъ, чтобы имъ напоминали объ этомъ. Это поспоритъ васъ навѣки. Это неприлично дворянину.

журдень. Нѣтъ! нѣтъ! Не скажу ни слова, право, не скажу!.. (*Громко*) Итакъ, сударыня... я льщу себя надеждою, я смѣю обнадеживать себя, что я, т. е. что вы...

дорантъ. Любезный Журдень! Мы, однако, можемъ разговаривать и за столомъ. Прикажите подавать завтракъ.

журдень. Если прикажете! (*Даетъ знакъ, слуги придвигаютъ на аван-сцену столъ.*)

доримена. Какая роскошь, съ какимъ вкусомъ все это убрано! Какъ вамъ не стыдно, Дорантъ, дѣлать для меня такія издержки?

журдень (*кланяясь*). Помилуйте, маркиза! я счастливъ, если могу чѣмъ-нибудь заслужить ваше вниманіе.

дорантъ. Маркиза, прошу садиться. Надѣюсь, что и вы не откажетесь позавтракать съ нами, господинъ Журдень.

ЖУРДЕНЬ. Ни за что на свѣтъ! Я такъ счастливъ, потому—что имѣю счастье... (*Садятся. Лакеи прислуживаются*)

ДОРАНТЬ. Позвольте предложить вамъ крылышко фазана, маркиза.

ДОРМЕНА. Благодарю васъ.

ЖУРДЕНЬ. Ахъ, какія прелестныя ручки!..

ДОРМЕНА. Вы шутите, господинъ Журдены. Вы, вѣрно, хотите сказать объ этомъ брилліантовомъ перстнѣ.

ЖУРДЕНЬ. Боже меня сохрани, сударыня. Я знаю приличія свѣта, и ни слова не скажу вамъ объ немъ. Это такая малость...

ДОРМЕНА. Нѣтъ! мнѣ онъ очень нравится.

ЖУРДЕНЬ. Вы слишкомъ добры, маркиза... Я не знаю, какъ благодарить васъ...

ДОРАНТЬ. Господинъ Журдены, потрудитесь налить мнѣ вина.

ЖУРДЕНЬ. Съ большимъ удовольствіемъ!

ДОРМЕНА. Такъ вы находите дурнымъ мой перстень?

ЖУРДЕНЬ. Красота его хозяйки помрачаетъ его сіяніе.

ДОРМЕНА. О, какой комплиментъ!..

ДОРАНТЬ. Вы еще не знаете господина Журденя, маркиза. То-ли еще онъ въ состояніи сказать!

ЖУРДЕНЬ. Ахъ, еслибы я смѣлъ сказать то, что я чувствую...

ДОРМЕНА. Какъ вы тяжело вздохнули, господинъ Журдены.

ЖУРДЕНЬ. Это потому, сударыня, что вздохъ мой... что слова мои... что ваша красота... Что тамъ за шумъ!..

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ (*за сценой*). Постой, я покажу ему, разбойнику!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Госпожа Журдены.

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ. Ага! какая веселая компанія. Наше почтеніе!.. Я вижу, что здѣсь меня не ждали!.. Такъ за этимъ—то, любезный муженекъ мой, вы посылали меня къ моей сестрѣ, чтобы остаться здѣсь дебошничать. Что у васъ сегодня за праздникъ? а? Гостей назвали, батюшка? Славно! Это честь вамъ дѣлаетъ?..

ЖУРДЕНЬ. Госпожа Журдены! уйметесь—ли вы!

ГОСПОЖА ЖУРДЕНЬ. Какъ уйметесь?.. Не прикажете—ли мнѣ молчать, глядя на проказы моего муженька? Вотъ на что тратитъ онъ достоянье, нажитое его честнымъ отцомъ. И чтобъ я это позволила, и чтобъ я молчала! Погляжу, кто зажметъ мнѣ ротъ?.. кто? а?..

доримена. Скажите пожалуйста, что это за женщина, и что ей нужно?

госпожа журдень. Что мнѣ нужно? Каково! И она еще меня объ этомъ спрашиваетъ? Да знаете-ли вы, сударыня, что я...

дорантъ. Я не понимаю, госпожа Журдень, что съ вами сдѣлалось, и изъ чего вы горячитесь? Съ чего вы взяли, что мужъ вашъ расточаетъ свое имѣніе? Завтракъ даю я, а господинъ Журдень уступилъ мнѣ только свои комнаты! вотъ и все... (*Журденю тихо*) Каково я придумалъ?..

журдень. Вы, просто, сумасшедшая женщина, госпожа Журдень: приходите кричать Богъ знаетъ съ чего? Вы прежде лучше бы разспросили. Я самъ здѣсь въ гостяхъ у его сіятельства.

госпожа журдень. Да, рассказывайте тамъ! Какже! Не-бойсь я такъ и повѣрила. Я вижу своими глазами и не такъ глупа, какъ вы думаете.

доримена. Дорантъ! потрудитесь, пожалуйста, объяснить мнѣ, что это за комедія и какую роль должна я играть въ ней?

госпожа журдень. Въ этой комедіи, сьдариныя, ваша роль не слишкомъ завидная и не всякая женщина согласилась-бы играть ее. Вы сговорились вмѣстѣ съ этимъ господиномъ, чтобъ дурачить моего, и безъ того глупаго, мужа, вы вносите раздоръ въ семейство, позволяете мужу моему влюбляться въ васъ и строить вамъ куры...

доримена (*вставал*). Это уже слишкомъ. Развѣ вы затѣмъ пригласили меня сюда, Дорантъ, чтобъ слушать обидныя слова этой женщины? Хотя я и не понимаю хорошенько, что все это значить, но не желаю долѣе присутствовать при этой занимательной сценѣ, (*Уходитъ*).

дорантъ (*уходя за нею*). Маркиза!.. Сдѣлайте милость! Выслушайте меня! Я объясню вамъ. (*Уходитъ*).

журдень. Маркиза!.. Ваше сіятельство... Убѣдите ее!.. Просите ее остаться...

госпожа журдень. Постыдитесь! Помните, что вамъ шестой десятокъ и что вы отецъ семейства...

журдень. А! такъ вы достигли своей цѣли! Вы выгнали вашимъ поведеніемъ изъ моего дома такихъ важныхъ людей!..

госпожа журдень. Что мнѣ до нихъ за дѣло, до вашихъ важныхъ людей?..

журдень. А то, сударыня, что теперь со мной вѣкто не захочетъ знакомиться, что на меня будутъ пальцами показывать, что я потеряю всю мою карьеру, не буду ни дворяниномъ, ни маркизомъ, ни графомъ...

госпожа журдень. Ну! ну! ну! Кажется, на васъ опять находить...

Съ вами теперь нечего толковать... Подожду, покамѣсть вы образумитесь. (*Уходитъ, слуги убираютъ столъ*).

журдень. Сударыня! вы хорошо сдѣлали, что ушли! Я-бы съ вами сдѣлалъ чортъ знаетъ что такое!.. Это ужасно! И въ какое время нужно было ей явиться, когда я только-что начиналъ разсыпаться въ учтивостяхъ и тонкихъ намѣкахъ. Я никогда не былъ такъ остроуменъ!.. и вдругъ... У, это ни на что не похоже!..

ЯВЛЕНИЕ V.

Жакъ (*въ турецкомъ костюмѣ*).

жакъ. Мое нижайшее почтеніе господину Журденю! Вы, какъ кажется, не узнаете меня?

журдень. Нѣтъ-съ.

жакъ. Немудрено. Я имѣлъ счастье знать васъ, вотъ таквмъ. (*Показываетъ рукою отъ полу*).

журдень. Меня?

жакъ. Да-съ! Вы были самымъ хорошенькимъ ребенкомъ и всѣ дамы брали васъ на руки, чтобъ только поцѣловать васъ.

журдень. Поцѣловать меня?..

жакъ. Дасъ-съ. Я былъ лучшимъ другомъ вашего покойнаго ба-тюшки.

журдень. То-есть моего отца.

жакъ. Да-съ. Это былъ настоящій дворянинъ: честный, прямой, умный, благородный.

журдень. Какъ! какъ вы сказали? Повторите! Что онъ былъ такое?

жакъ. Я говорю, что онъ былъ честный, умный и благородный дворянинъ.

журдень. И вы такъ его и звали дворяниномъ?..

жакъ. Какъ-же иначе? Онъ всегда былъ дворяниномъ.

журдень. Какъ? такъ рѣшительно всю жизнь дворяниномъ?

жакъ. Всю жизнь дворяниномъ...

журдень. Скажите, пожалуйста! Какіе-же есть скверные люди на свѣтъ!

жакъ. Да, есть скверные люди на свѣтъ.

журдень. Вообразите, что многіе глупцы, не шутя, увѣряютъ меня, что помнятъ, какъ отецъ мой былъ купцомъ.

жакъ. Купцомъ! Какая низкая клевета! Онъ никогда не былъ купцомъ... Онъ былъ настоящій дворянинъ, даже больше, чѣмъ дворянинъ. Эту клевету, вѣроятно, основали на добротѣ его души.

Онъ, видите-ли, былъ очень-услужливый человекъ и зналъ хорошо толкъ въ разныхъ товарахъ; покупалъ ихъ у купцовъ, приносилъ къ себѣ въ домъ и потомъ отъ себя дарилъ своимъ друзьямъ — за деньги. Вотъ и все.

журдень. Я очень-радъ, что познакомился съ вами. Вы открыли мнѣ глаза. Я вамъ чувствительно за это благодаренъ. Отецъ мой былъ дворянинъ! каково! а я никогда не зналъ этого!.. Но позвольте... Если отецъ мой былъ дворяниномъ, отчего-же я не дворянинъ?

жакъ. Ну, это оттого, что вы можете еще имъ сдѣлаться. Я собственно вѣдь за этимъ и приѣхалъ, чтобъ объявить вамъ важную новость, которая сдѣлаетъ васъ вдругъ гораздо выше всякаго дворянина.

журдень. Говорите! говорите, пожалуйста! Я слушаю васъ съ такимъ нетерпѣніемъ...

жакъ. Послѣ того, какъ я познакомился съ вашимъ батюшкой, я поѣхалъ путешествовать по всему свѣту.

журдень. По всему свѣту? Это должно быть далеко отсюда?

жакъ. Очень-далеко? Тамъ познакомился я съ сыномъ турецкаго султана, и мы вмѣстѣ сюда съ нимъ и приѣхали. Вы, впрочемъ, вѣрно объ этомъ уже слышали.

журдень. Нѣтъ! ничего не слышалъ!

жакъ. Какъ можно! Весь Парижъ только и бредитъ, что сыномъ турецкаго султана. При дворѣ только объ немъ и говорятъ.

журдень. При дворѣ? я слышалъ, слышалъ...

жакъ. Онъ живетъ совершеннымъ царемъ, сыплетъ золото и раздаетъ разныя должности. Вездѣ его принимаютъ, все ему кланяются. И я являюсь къ вамъ по его приказанію, посланникомъ, а у него на службѣ.

журдень. Сынъ турецкаго султана прислалъ васъ ко мнѣ?

жакъ. Да! онъ хочетъ жениться на вашей дочери.

журдень. Сынъ турецкаго султана хочетъ жениться на моей дочери?

жакъ. Онъ призвалъ меня сегодня и сказалъ, разумѣется, на Турецкомъ языкѣ, потому-что онъ другаго не знаетъ. *Не видентибусъ дочерумъ парижевумъ дворянумъ Журденя?* Чтò значить: Не выдалъ-ли ты дочери одного парижскаго дворянина Журденя?

журдень. Какъ? Сынъ турецкаго султана сказалъ обо мнѣ: дворянина Журденя.

жакъ. Точно такъ?

журдень. Скажите однако, какъ турецкій-то языкъ похожъ на нашъ!

жакъ. Не очень! Но вы, съ своею пронципальностію, тотчасъ замѣтили нѣкоторыя довольно сходныя слова. Вотъ я и отвѣчалъ ему, что видѣлъ. Тогда онъ опять сказалъ мнѣ: *Ага люблющемъ*, что значитъ: ахъ, какъ я влюбленъ въ нее!

журдень. Это значитъ, какъ я влюбленъ въ нее! Какой удивительный языкъ! Я почти все понимаю. *Ага люблющемъ*... Удивительной

жакъ. Это еще паче. Знаете-ли вы на-примѣръ, что значитъ *Кракакикараколпакъ*?

журдень. Нѣтъ! это даже довольно-трудно выговорить.

жакъ. *Кракакикараколпакъ*, значитъ—будьте здоровы!

журдень. Скажите! Кто-бъ могъ это думать?..

жакъ. Но это въ-сторону. Сынъ турецкаго султана послалъ меня за тѣмъ, чтобъ просить руки вашей дочери. Но для этого онъ хочетъ возвести васъ сперва въ достоинство *Мамамуши*, чтобъ вельможи не упрекали его за то, что онъ вошелъ въ родство съ человекомъ, неимѣющимъ никакого званія.

журдень. Что это за чинъ *Мамамуши*?

жакъ. Да! это особенное достоинство турецкой имперіи, то-же самое, что дворянинъ, графъ и маркизъ, взятыя вмѣстѣ.

журдень. Какъ, я буду и дворянинъ и графъ и маркизъ? и все это въ одвомъ *Мамамуши*?

жакъ. Точно такъ. Для этого вамъ пужно будетъ только вступить къ нему въ службу!..

журдень. Разумѣется! О, какое неожиданное счастье!

жакъ. Такъ вы согласны отдать сыну турецкаго султана руку вашей дочери, и принять санъ *Мамамуши*?

журдень. Отъ всего сердца! И теперь-же иду благодарить сына турецкаго султана за его предложеніе.

жакъ. Это ненужно, потому-что онъ самъ сейчасъ сюда будетъ.

журдень. Сынъ турецкаго султана самъ будетъ сюда?

жакъ. Онъ былъ заранѣе увѣренъ въ вашемъ желаніи, и явится сюда, чтобъ возвести васъ въ достоинство *Мамамуши*.

журдень. Какая поспѣшность!.. Какъ я ему обязанъ! Меня безпокоить немвожко любовь моей дочери къ одному Клеонту.

жакъ. Какая-же женщина не согласится промѣнять какого-нибудь Клеонта на сына турецкаго султана? Я увѣренъ, что она только-что увидитъ его, тотчасъ-же согласится выйти за него за-мужъ. Впрочемъ тутъ есть странная игра природы: я знаю Клеонта; онъ немвожко походить на сына турецкаго султана, и дочь ваша легко можетъ вообразить себѣ, что выходитъ за Клеонта. Вотъ и сынъ турецкаго султана. Поклонитесь ему поучтивѣе, сложа руки на груди и согнувшися сколько можно. Онъ входитъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

КЛЕОНТЬ (*въ турецкомъ костюмѣ*), передъ нимъ четыре пажа, за нимъ четверо Турокъ.

КЛЕОНТЬ (*Журденю*). Саламалекумъ боровъ Журдень.

ЖАКЪ. Это значитъ: Привѣтвую васъ, благородный Журдень.

ЖУРДЕНЬ. Поблагодарите отъ меня его турецкое высочество за милость, которую онъ мнѣ оказываетъ.

ЖАКЪ. *Глупписсимусъ колпаки согласентибусть.*

КЛЕОНТЬ. *Благодарентумъ Жакамъ.*

ЖАКЪ. Онъ говоритъ, что желаетъ вамъ имѣть мужество львовъ и мудрость змѣй. Это турецкая учтивость.

ЖУРДЕНЬ. Я не въ силахъ выразить всю мою признательность, все мое благополучіе, все мое счастье!..

КЛЕОНТЬ (*забывшись*). Какой дуракъ!

ЖУРДЕНЬ. Что это такое сказалъ сынъ турецкаго султана?

ЖАКЪ. Онъ сказалъ: *Какадарракъ*.. Это значитъ: скажи господину Журденю, что я сейчасъ возведу его въ *Мамамуши*, и что свадьба моя съ его дочерью должна быть сегодня-же.

ЖУРДЕНЬ. Какъ, столько вещей сказалъ онъ однимъ словомъ?

ЖАКЪ. Да! ужъ это такой языкъ, сокращенный. Приготовьтесь-же къ принятію царскаго достоинства *Мамамуши*.

ЖУРДЕНЬ. Что-жь я для этого долженъ дѣлать?

ЖАКЪ. Во-первыхъ не говорить ни слова, а во-вторыхъ дѣлать все, что я ни скажу вамъ. Вниманіе и благоговѣніе! церемонія начинается. Становитесь по-серединѣ. (*Подаетъ знакъ, одинъ изъ Турокъ подноситъ широкій турецкій балахонъ и надъвѣваетъ на Журденя сверхъ кафтана, подъ музыку*). Становитесь на колыни! Молитесь! (*Журдень становится на колыни. Одинъ изъ Турокъ подаетъ Жаку огрольную книгу, которую тотъ кладетъ на спину Журденю и поетъ по ней, съ хоромъ, ударяя иногда по книжкѣ: Га-ба-ла, му-ба-ра ба-ра-ка-ку осла па-ра-ка-ра-ку-на ба-ла-ку ду-ра-ка. Потомъ третій Турокъ подноситъ тюрбанъ, который Жакъ надъвѣваетъ на голову Журденю. Четвертый подаетъ Клеону саблю, которою онъ бьетъ Журденя по спицѣ. Во все это время Жакъ и Турки поютъ: Га-ла-ба, би-ра тпруши! Бу-ра-ба мамамуши!..*

ЖАКЪ. Теперь все кончено! Поздравляю васъ, великій Мамамуши! (*Журдень раскланивается, Турки хоромъ поютъ*):

Га-ла-ба бира тпруши!

Бу-ра-ба мамамуши!

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ IV.

(Таже декорація).

ЯВЛЕНІЕ I.

Журдень, потомъ госпожа Журдень.

Журдень (*выходитъ важно и медленно. Онъ одѣтъ по-турецки, въ огромномъ тюрбанѣ, съ саблею*). И такъ я *Мамамуши!* Каково! И дворянинъ, и графъ, и маркизь, все вмѣстѣ! И какъ неожиданно! А главное — тесть сына турецкаго султана! Воображаю, какъ будутъ все мнѣ завидовать!

госпожа Журдень. Господи! Что это такое? Создатель! Что это за фигура? Въ какой это маскарадъ вы собираетесь?.. Помилуйте! Что это вы нарядились такой чучелой?

Журдень. Скажите пожалуйста, какая дерзость! Можно-ли такъ говорить съ *Мамамуши*?

госпожа Журдень. Какое тамъ *мамамуши!* Я васъ спрашиваю, къ чему это вы такъ дурачки нарядились? Что это значитъ?

Журдень. Это-то и значитъ, что я *Мамамуши!*..

госпожа Журдень. *Мамамуши*? что это за звѣрь *мамамуши*?

Журдень. Это я *Мамамуши*, понимаете-ли вы? Это такой чинъ *Мамамуши*. Это значитъ, что я и дворянинъ, и графъ, и маркизь, все вмѣстѣ. Вотъ что.

госпожа Журдень. Ахъ, Господи! Что это еще за новости! Это просто, надо сойти съ-ума.

Журдень. Понимаете-ли вы, какъ теперь высоко стоитъ вашъ мужъ? Я въ службѣ усына турецкаго султана, я—*Мамамуши!* Я знаю по-турецки, знаю что такое *кракакикаракалпакъ*, *агалюблигемъ*, какъ-бывъ тамъ еще!

госпожа Журдень. Что это? что это? На какомъ это тарабарскомъ языкѣ вы говорите? Нѣтъ! это уже, просто изъ рукъ вонъ! Да какой это разбойникъ васъ дурачить!

Журдень. Жаль, что я не вздумалъ, что значитъ все то, что они пѣли. (*Поетъ*) *галабамубара, баракакула*.

госпожа Журдень. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Теперь я вижу, что онъ рѣшительно помѣшался. (*Плачетъ*) Что теперь будетъ со мной? Ахъ, я бѣдная!

Журдень. Имѣйте почтеніе къ *Мамамуши* и не забудьте, что

эта неожиданная честь падаетъ и на васъ. Вы теперь тоже госпожа *Мамамуши*. (*Уходитъ*.)

госпожа журдень. Помѣшался! рѣшительно помѣшался! Это ужасно! Кто-то идетъ. Опять давишніе гости. Но я не въ-силахъ даже браниться: такъ убило меня это ужасное происшествіе. Пойду, разузнаю, что тутъ такое съдѣлалось съ моимъ мужемъ. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Дорантъ и Доримена.

дорантъ. Вы можете войти смѣло, маркиза. Увѣряю васъ, что ничего нѣтъ смѣшнѣе этой исторіи. Трудно даже повѣрить, чтобы человѣкъ былъ глупъ до такой степени. Какъ просилъ меня помочь имъ подурочить этого Журдень и я обѣщалъ, но хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вамъ доставить удовольствіе видѣть эту комедію.

доримена. Я согласилась на ваше предложеніе только для того, чтобы доказать вамъ, что не сержусь на васъ за сцену, которую намъ съдѣлала госпожа Журдень; но признаюсь вамъ, мнѣ даже неприятно смотрѣть, когда человека дурачатъ, а онъ и не замѣчаетъ этого.

дорантъ. Это общая наша участь. Мы все такъ доверчивы, особливо, если тѣ, которые дурачатъ, принадлежатъ къ тому полу, которому мы должны слѣпо вѣрить.

доримена. Я понимаю, что вы хотите этимъ сказать, и если откладывала такъ долго нашу свадьбу, то причиною этому были различныя обстоятельства. Чтобы доказать вамъ однако, что сердце мое не участвовало въ этихъ отговоркахъ — я назначаю свадьбу нашу на будущей недѣль.

дорантъ. О, какъ я счастливъ! Какъ благодарить васъ...

доримена. Это положить, между-прочимъ, конецъ всемъ издержкамъ, которыя вы для меня дѣлаете. Въ последнее время вы столько растратили денегъ, для того, чтобы дѣлать мнѣ сюрпризы и праздники.

дорантъ. О, теперь и сердце мое и имѣніе принадлежатъ вамъ совершенно.

доримена. И я постараюсь сохранить и то и другое.

дорантъ. Вотъ и нашъ чудакъ. Постарайтесь удержаться отъ смѣха.

ЯВЛЕНИЕ III.

ЖУРДЕНЬ.

Дорантъ (кланяясь). Государь мой! Мы пришли засвидѣтельствовать вамъ наше глубокое уваженіе и поздравить васъ съ полученіемъ новаго высокаго званія.

Журдень (кланяясь по-турецки). Я желаю вамъ имѣть мудрость львовъ и мужество змѣй.

Доримена. Я съ своей стороны поздравляю васъ съ блестящею участью, которая ожидаетъ вашу дочь въ замужствѣ за сыномъ турецкаго султана.

Журдень (кланяясь). Я очень-благодаренъ вамъ, маркиза, что вы и послѣ глупой выходки жены моей удостоили посѣтить меня. Это показываетъ, что вы нисколько на меня не сердитесь.

Доримена. Я давно уже все позабыла и извиняю поступокъ госпожи Журдень. Онъ очень-понятенъ. Какая-же женщина на ея мѣстѣ не стала-бы ревновать такого мужа, какъ вы? Кто-бы не боялся потерять такое сердце?

Журдень. Которое все принадлежитъ вамъ, маркиза.

Дорантъ. Величіе и важный санъ, который онъ занимаетъ, нисколько не перемѣнили господина Журдена: онъ все также милъ и любезенъ.

Доримена. Это знакъ просвѣщеннаго и благороднаго сердца.

Дорантъ. Гдѣ-же его турецкое высочество?.. Мы-бы хотѣли и ему засвидѣтельствовать наше почтеніе.

Журдень. Вотъ онъ. Я послалъ уже за дочерью, чтобы объявить ей, что свадьба будетъ сыграна сегодня-же.

ЯВЛЕНИЕ IV.

КЛЕОНТЪ, (въ турецкомъ костюмѣ).

Дорантъ (Клеонту). Ваше высочество! Удостоите принять наше глубокое почтеніе и поздравленіе съ предстоящимъ бракомъ: мы близкіе друзья вашего благороднаго тестя.

Журдень. Позвольте, позвольте! вѣдь онъ васъ не понимаетъ, что вы ему ни говорите. Онъ знаетъ одинъ турецкій языкъ. Гдѣ-же нашъ переводчикъ? Какъ я объясню ему. *Бимъ, бумъ, брамъ, шомъ...* Ничего не понимаетъ. Это графъ... графъ! Это маркиза!.. Друзья мои!.. Нѣтъ, не понимаетъ... А!.. Нашелъ средство!.. (Подводитъ Клеонта и показываетъ на Доримену). Это французскій мама-

муши, а это французская мамамуши. Кажется, теперь очень-ясно... Слава Богу! вотъ и переводчикъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Жакъ, одѣтый Туркомъ.

журдень. Гдѣ-же это вы пропадаете? Безъ васъ нѣтъ никакой возможности объясниться съ его высочествомъ. Растолкуйте ему, пожалуйста, что друзья мои, люди знатной и благородной фамилиі, пришли засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Послушайте-ка, чтò онъ будетъ отвѣчать.

жакъ. *Дорантъ и Доримена согласитибусъ намумъ помога-
тенторомъ.*

клеонтъ. *Благодаримумъ за-то всемамъ.*

жакъ. Онъ говоритъ: чтобы дождь мудрости упалъ на пустыни вашего ума.

журдень. Это турецкая учтивость. Удивительный языкъ. Кажется вѣдь уже и перевели, а все ничего не понимаешь.

доримена. Въ-самомъ-дѣлѣ престранный языкъ!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Люсилла.

журдень. А! наконецъ вы явились, сударыня! Неудобно-ли вамъ подойти сюда и подать вашу руку вотъ этому господину, который дѣлаетъ вамъ честь жениться на васъ.

люсилла. Боже мой! батюшка, неужели вы думаете, что я не пойму, чтò это все шутка, хотя и не знаю, къ чему ведетъ это переодѣванье и эта комедія?

журдень. Это совсѣмъ не комедія, сударыня. Извольте дѣлать чтò вамъ приказываютъ. Это такая честь, которой вы недостойны. Вотъ вамъ мужъ.

люсилла. На-время маскарада, понимаю. Но позвольте, батюшка: вы видите, что я не по-турецки одѣта.

журдень. Опять! этакая упрямица. Говорятъ тебѣ, что это твой настоящій мужъ, на все время, на всю жизнь, навсегда. Слышишь ли?

люсилла. Слышу — и не вѣрю.

журдень. Это, просто, изъ рукъ вонъ... А вотъ, какъ прійдетъ, потаріусь, тогда ты увидишь, чѣмъ кончится эта шутка, а пока-мѣсть въ знакъ согласія извольте дать ему вашу руку.

люси́лла. Но неужели это правда?

жу́рдень. А, наконецъ ты догадалась.

люси́лла. И вы точно хотите выдать меня за-мужъ за этого господина?

жу́рдень. Непременно.

люси́лла. Но я не хочу этого.

жу́рдень. А я хочу. Я отецъ твой.

люси́лла. Я ни-зачто за него не выйду.

жу́рдень. О, посмотримъ. Сію же минуту дайте вашу руку.

люси́лла. Ни за что на свѣтъ. Если вы такъ безжалостны ко мнѣ, что не отдадите меня за Клеонта, котораго я люблю, то я скорѣе соглашусь умереть, чѣмъ выдти за другаго, скорѣе... (*Узнавъ Клеонта, который подаетъ ей знаки*) Впрочемъ, ваша воля, батюшка, для меня выше всего на свѣтъ, вы можете располагать мною, и я согласна выдти за жениха, котораго вы мнѣ предлагаете.

жу́рдень. А! я очень-радъ, что вы наконецъ вспомнили о нашемъ долгѣ. Ваша покорность мнѣ очень-приятна. Итакъ теперь остается только сыграть свадьбу.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Госпожа Жу́рдень.

госпожа жу́рдень. Чтò? свадьбу?.. Выдать дочь мою за какого-то гаера? И вы думаете, что я позволю это, что я соглашусь на это?

жу́рдень. Замолчите-ли вы?.. Чтò за страсть у васъ вмѣшаваться не въ свои дѣла?

госпожа жу́рдень. Развѣ это не мое дѣло? Дочь мою хотѣть выдать за перваго скомороха съ улицы, а я должна молчать!

жу́рдень. Тсъ, вы забываетесь!..

госпожа жу́рдень. Нѣтъ, я очень-хорошо помню, что вы сошли съ ума, и что я обязана смотрѣть за вами и не допускать васъ дѣлать глупости. Люси́лла точно также моя дочь, какъ и ваша. Я не хочу этого, я не позволю этого.

жу́рдень. Да опомнитесь-ли, наконецъ? Узнайте сперва, кто дѣлаетъ честь намъ своимъ предложеніемъ.

госпожа жу́рдень. Знать ничего не хочу!

жу́рдень. Это сынъ турецкаго султана.

госпожа жу́рдень. Точно также, какъ вы сынъ китайскаго императора.

журдень. Госпожа Журдень, вы выводите меня изъ терпѣнiя.
госпожа журдень. Я давно потеряла его, смотря на ваши глупости.

дорантъ. Сударыня, не противьтесь счастию вашей дочери. Она сама согласна выдти за сына турецкаго султана.

госпожа журдень. Люсила согласна выдти за Турка?

дорантъ. Да, сударыня.

госпожа журдень. Она разлюбила Клеонта?

дорантъ. Да, сударыня.

госпожа журдень. Все это пустяки! И если даже наконецъ и она сошла съ-ума, то все-таки я еще въ полномъ разсудкѣ, и свадьбѣ этой не бывать.

журдень. Свадьба эта будетъ сегодня-же!

госпожа журдень. Не будетъ!

журдень (*крича*). Будетъ!

люсила. Матушка, но выслушайте...

госпожа журдень. Я ничего не хочу слушать.

жакъ. Я увѣренъ, что госпожа Журдень тотчасъ-же согласится на свадьбу, если я только скажу ей нѣсколько словъ.

госпожа журдень. Ты что еще за птица, чтобъ заставить меня перемѣнить мое намѣренiе?

жакъ. Удостоите только выслушать меня.

госпожа журдень. Да что мнѣ тебя слушать?

журдень. Господи, какая женщина! Да согласитесь-же, вѣдь васъ отъ этого не убудетъ.

госпожа журдень. Ну, ну, слушаю.

жакъ (*ей тихо*). Мы вамъ сударыня съ которыхъ поръ дѣлали знаки, но вы не хотите примѣтить ихъ. Вся эта комедiя служитъ только къ тому, чтобы вылечить вашего мужа отъ страсти его къ дворянству и знатности. Сынъ турецкаго султана — Клеонтъ, а я вашъ и его покорнѣйшiй слуга — Жакъ.

госпожа журдень. Стоить онъ, стоитъ этого, и я очень-рада что вы вздумали хорошенько его подурочить. (*Громко*) Ну, ужъ въ такомъ случаѣ и я согласна! Дѣлать нечего. Жаль мнѣ тебя, а все-таки согласна.

журдень. Ну, вотъ видишь-ли! Ты-бы прежде подумала, а послѣ кричала-то. Я былъ увѣренъ, что ты согласишься. Это такая честь, такая честь...

дорантъ. А для того, чтобы вы, госпожа Журдень, вполне убѣдились въ неосновательности вашихъ подозрѣнiй о невѣрности

вашего мужа, маркиза Доримена согласилась отдать мнѣ свою руку, и тотъ-же самый нотариусъ напишетъ и нашъ контрактъ.

Журдень (*ему тихо*) Послушайте... какъ-же это? вы женитесь?.. а я то что?..

Дорантъ. Въ такомъ высокомъ санѣ вы должны волочиться, по-крайней-мѣрѣ, за герцогинею, если еще не выше.

Журдень. Въ-самомъ-дѣлѣ?.. Ну, такъ я уступаю вамъ маркизу.

Жакъ. Вотъ и нотариусъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Нотариусъ.

Дорантъ. Я посылаю сказать вамъ, чтобы вы у себя дома приготовили оба контракта.

Нотариусъ. Они готовы. Остается только подписать ихъ.

Дорантъ. Начнемте съ моего. Вы, господинъ Журдень, съ вашимъ благороднымъ зятемъ, вѣроятно, не откажетесь подписаться свидѣтелями.

Журдень. Съ большимъ удовольствіемъ! (*Всѣ подписываютъ*).

Дорантъ. Доримена! я теперь счастливѣйшій изъ смертныхъ.

Жакъ. Теперь не угодно-ли вамъ подписаться вотъ на этомъ, господиновъ Журдень?

Журдень. Какъ же это? прежде жениха и невесты?

Жакъ. Помилуйте! кто-же прежде васъ смѣетъ написать хотя одно слово?

Журдень. Да, точно! Чтожь мнѣ такъ и подписать: *Мамамуша Журдень?*

Жакъ. Нѣтъ! нѣтъ! подпишитесь просто Журдень.—Закону и церкви нѣтъ дѣла до вашей должности... къ тому-же это будетъ такая благородная скромность.

Журдень. Извольте. (*Подписываетъ*).

Жакъ. Теперь женихъ и невеста.

ЛЮСИЛЛА. (*подписывая*) т. е. Люсилла.

КЛЕОНТЬ (*также*). И Клеонтъ.

Журдень. Какъ Клеонтъ? Что это? (*Видя, что Клеонть снимаетъ тюрбанъ, накладные усы и бороду*) Клеонтъ?

Клеонтъ. Да, сударь, Клеонтъ, который этой невинной шуткой хотѣлъ васъ принудить согласиться на свадьбу его съ вашей дочерью.

Журдень. Какъ! Такъ стало-быть, сынъ турецкаго султана?..

клеонтъ. Никогда и не существовалъ!..

журдень. А чинъ мой?..

госпожа журдень. При тебѣ остается такой, который носить очень многіе — самъ знаешь, какой!

журдень. Что же такое?... Значитъ, что я осмѣляю, одурачивъ.

госпожа журдень. Ты самъ-себя дурачилъ. Ну можно-ли было повѣрить такой глупости?..

журдень. Молчите, сударыня! Это не ваше дѣло! Я не позволю себя дурачить, я не согласенъ на эту свадьбу.

люсила. Батюшка!

клеонтъ. Господинъ Журдень!

журдень. Отстаньте! Это, просто западня! Отъ такой шутки могутъ выдти очень-дурныя послѣдствія. Я не знаю, что со мною дѣлается... Этой свадьбѣ не бывать!

дорантъ (*ему тихо*) Я долженъ сказать вамъ, господинъ Журдень, что и у знатныхъ часто случаются подобныя мистификаціи; но тамъ обманутый смѣется надъ этимъ больше тѣхъ, которые его обманули. Если же онъ не-шутя разсердится, то насмѣшки сыплются на него градомъ и его нигдѣ не называютъ иначе, какъ смѣшнымъ человѣкомъ, непонимающимъ шутокъ.

журдень Въ-самомъ-дѣль?

дорантъ. Спросите объ этомъ, кого угодно, и если шутка съ вами окончится не такъ, какъ бы мы все желали, то извините меня: я сегодня-же вечеромъ въ присутствіи короля, расскажу объ ней всему двору, и тогда уже не пейайте, если на васъ будутъ вездѣ показывать пальцами и смѣяться вамъ въ-глаза.

журдень. Но послушайте, господинъ Дорантъ... вѣдь и безъ того могутъ узнать, что я повѣрилъ-было сначала тому, что я, что вы...

дорантъ. Во-первыхъ я даю вамъ слово, что это останется между нами, а во-вторыхъ, еслибы и узнали объ этомъ, то одно извѣстіе, что господинъ Журдень самъ смѣялся надъ этой шуткой и выдалъ дочь свою за того, кого она любитъ, заставитъ замолчать всѣхъ насмѣшниковъ.

журдень Такъ вы думаете, что я долженъ...!

дорантъ Первый смѣяться надъ этимъ!

журдень. (*смѣясь принужденно*) Хе, хе! хе! Дѣти мои! я благодарю васъ!

люсила. Батюшка!

клеонтъ. Какъ мы благодарны вамъ, господинъ Журдень.

госпожа журдень. Насилу-то за умъ хватился.

жакъ. Позвольте уже и мнѣ, на общей радости, жениться на Николетъ.

журдень. Женись хоть на чортъ.

жакъ. Покорно благодарю.

люсила и клеонтъ. Какъ мы счастливы!

журдень. *(отходя въ сторону)* Осмѣянь!... одураченъ!... *(Подумавъ)* Чтожь, все-таки если я не могъ быть турецкимъ Мама-маши, то могу съдѣлаться французскимъ дворяниномъ!..

(Занавѣсъ опускается.)

Перев. В. З.

ЛЮБОВЬ ВЪ УЪЗДНОМЪ ГОРОДѢ.

повѣсть.

(Посв. Петру Александровичу Кослицову).

=

Было утро. Я только-что напился чаю и, зывая, да поглядывая то на часы, то на облачное октябрьское небо, лъниво собирався духомъ къ предстоящему путешествію по грязнымъ улицамъ въ Уъздный Судъ. Два дня къ-ряду шолъ мелкій дождь пополамъ съ изморозью и, казалось, грозилъ обратить въ сырость все одушевленное и неодушевленное въ нашемъ городѣ. Улицы были пусты. Только изрѣдка показывалась крестьянская телега съ мокрой вознищей и забрызганнымъ грязью конемъ; но и этотъ повзлъ уныло переходилъ въ бродъ по черному морю уличной грязи, напоминая собою бѣдственную участь колесницъ Фараона, погрязшихъ вѣкогда въ Черномъ Морѣ. Впрочемъ проѣзжавшія телеги миновали окошки мои благополучно. Но вотъ льпится около самага забора старая калачница съ полнымъ лоткомъ на головѣ и, посмотрите, какъ ловко балансируетъ она, останавливаясь одной ногой на кирпичъ, оставленномъ тутъ, вѣроятно, для пособія пѣшеходамъ. Однако положеніе бѣдной жевщины все-таки затруднительно, потому-что бревно, на которое предстоитъ ей перешагнуть, не близко; но вотъ дѣло запутывается еще болѣе: на встрѣчу торговкѣ, потому-же бревну идетъ... постоитъ... да, точно, ливрейный лаксѣй казначея... Чтѣ-бы это значило? Я знаю навѣрное, что у него въ домѣ нѣтъ ни имянинъ, ни рождѣній... Господи, чтѣ-жъ это такое?.. Ахъ, несчастная Васильевна! въ то время, когда я разсуждалъ о причинахъ необыкновеннаго явленія на улицѣ ливрейнаго лакея, бѣдная, какъ видно, оступилась, и вотъ, по колѣна въ грязи, ловить разсыпанные калачи свои... Жаль мнѣ ея!.. Но куда дѣвался?.. Вдругъ лвери моей прихожей скрипнули и великій вопросъ рѣшился, признаюсь, самымъ неожиданнымъ образомъ:

— Кирилла Григорьевичъ и Пелагея Ѳомишишна приказали кланяться и просить васъ—пожаловать къ нимъ сегодня, въ 7 часовъ вечера, чаю кушать.

Вмѣстѣ съ этимъ словеснымъ приглашеніемъ мокрый и грязный Меркурій подалъ мнѣ пригласительный билетъ, гдѣ, кромѣ сказаннаго приглашенія, было слѣдующее: «На сговоръ сына нашего бухгалтера 9 класса Ивана, съ Ольгою Ѳедоровною, законной дочерью покойнаго Городничаго... 1829 года, октября 10 дня.

Я такъ и ахнулъ!

— Да еще приказали просить вашей гитары на вечеръ.

— Возьми пожалуй.

Лакей ушелъ. Прошло еще минутъ пять, а я все еще въ раздумьи держалъ роковой билетъ... Да, еще первый разъ въ жизни случилось мнѣ испытать на себѣ чувство, определить которое однимъ словомъ невозможно: это была смѣсь ревности, досады, грусти, сожалѣнія, гнѣва и тайнаго удовольствія... того адскаго удовольствія, которое невольно закрадывается въ душу при мысли о несчастіи ближняго, который будто бы помѣшалъ нашему счастью. И между тѣмъ я былъ неправъ: до-сихъ-поръ и въ мысли моей не было—жениться на «законной дочери покойнаго Городничаго», хотя и нравилась она мнѣ больше многихъ извѣстныхъ красавицъ нашей губерніи; но мой мнительный характеръ, вѣчно—«посмотримъ да подумаемъ», (по милости которыхъ я по-сію-пору еще не женатъ), моя молодость и бѣдность состоянія, были всегдашними препонами къ малѣйшей попыткѣ на ея руку; притомъ-же я не былъ влюбленъ, слѣдовательно, и не должно было желать ей зла и радоваться предчувствію, что зло неизбежно при такомъ неравенствѣ брака. Извольте-жъ разгадать сердце человѣческое! Извольте-жъ вѣрить послѣ этого, что человекъ добръ безусловно!

Упомянувъ о неравенствѣ предстоявшаго брака, я расскажу вамъ, на чомъ основаны были мои предположенія:

Женихъ, мужчина видный собой, не болѣе тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду, имѣлъ наружность, необъщавшую ничего особеннаго, и отличался только однимъ качествомъ—всполинской свллой, по милости которой буйствамъ и шалостямъ его не было ни мѣры, ни границъ: онъ былъ первымъ на всѣхъ попойкахъ, на всѣхъ кулачныхъ бояхъ, въ борьбѣ, въ дракахъ и прочихъ проказахъ, отъ которыхъ не разъ дрожали—единственный трактиръ нашего города, харчевни, питейные дома и все матеря семействъ, у которыхъ красовались дочки невесты. Словомъ, это былъ настоящій уездный Донъ-Жуанъ. И вотъ какому чудовищу отдавали на жертву милень-

кую, хорошенькую дѣвушку, едва разцвѣтшую для жизни, для нѣги любви, для поцѣлуевъ страсти вдохновенной, поэтической...

И въ-самомъ-дѣлѣ Ольга была прекрасна: представьте себѣ блондинку, въ шестнадцать лѣтъ, съ веселенькимъ личикомъ, съ голубыми глазками, которые дѣтски-довѣрчиво смотрятъ на свѣтъ, и съ улыбкой добродушія на устахъ; во всѣхъ приемахъ отънюдь невинной безнечности и непритворной веселости, которыя свойственны только дѣвушкамъ хорошенькимъ. Для полноты портрета нелишнимъ считаю сказать, что у нея были, какъ перламутръ бѣлые зубы, прямой, греческій носикъ и русая коса, змѣйкой обвивавшая головку красавицы. По праздничнымъ днямъ эта патриархальная прическа не много измѣнялась: вмѣсто гладко-зачесанныхъ назадъ волосъ, височныя пряди обращались въ шелковые кольца локоновъ, прихотливо отгнѣявшихъ снѣжную близину ея лица и стройной шеи; прибавьте къ этому перси, дышащія обаяніемъ любви, гибкую талію, средній ростъ и крошечную ножку—и вы будете имѣть полное изображеніе дѣвушки, судьба которой представлялась мнѣ въ будущемъ чѣмъ-то зловѣщимъ и мрачнымъ. Наконецъ, я отъ всей души пожалѣлъ о ней; но могъ-ли помочь бѣдѣ, могъ-ли я измѣнить предопредѣленіе?

На этомъ вопросѣ размышленія мои были прерваны появленіемъ новаго лица, съ которымъ предварительно должно васъ познакомиться.

Сослуживецъ мой по Суду, ровесникъ по годамъ и товарищъ по школь, не пожелавшій продолжать курса въ Университетѣ, Павелъ Свирскій, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ, кажется, «написано на роду» — дѣлать одни глупости и быть собственнымъ врагомъ своимъ; это былъ человекъ, одаренный отъ природы прекрасными качествами для того только, чтобъ обратить ихъ себѣ во вредъ: на-примѣръ, онъ былъ недурень собой, но одѣвался такъ изысканно, такъ часто охорашивался, столько старался быть ловкимъ и любезнымъ, что одного появленія его уже достаточно было для возбужденія всеобщаго смѣха; онъ имѣлъ порядочное состояніе, но, рано сдѣлавшись полнымъ его распорядителемъ, прожилъ все и потомъ принужденъ былъ опредѣлиться въ Уездный Судъ, въ число канцелярскихъ служителей; наконецъ, обладая отличными способностями и рѣдкой памятью, учился лѣниво и дурно, зато зналъ наизусть множество стиховъ и былъ начитанъ всякими вздорными романами. Впрочемъ, былъ добрый малый, услужливый товарищъ, готовый пожертвовать послѣдней копейкой для угожденія пріятелямъ и былъ любимъ всеми безъ-исключенія за неизмѣнную веселость и вытренность характера совершенно-дѣтскаго. Въ числѣ

его странностей была одна особенно-оригинальная: входя куда-бы-то ни было, онъ непременно декламировалъ стихи, или напѣвалъ водевильные куплеты, по смыслу которыхъ легко было отгадать мысль, занимавшую его въ то время.

Послѣ всего описаннаго, вы безъ труда поймете мое изумленіе при видѣ смертной блѣдности его лица, на которомъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась горестъ невыносимая, безотрадная; глаза его были мутны, волосы въ беспорядкѣ, голосъ походилъ на вопли погибающаго, звуки которыхъ вѣдо проникаютъ въ душу, раздраженіе которымъ невозможно, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, — и несчастный, по обыкновенію, заговорилъ стихами:

«Ты зришь мою главу, лишенную волосъ:

Ихъ изсушила скорбь и вѣтеръ ихъ разнесъ!»

Ни Мочаловъ, ни Каратыгинъ, нѣтъ, никто еще не произносилъ этого двустипхія такимъ ужасно-болѣзненнымъ голосомъ, и не дай Богъ никогда слышать его повторенія!

— Чтѣ съ тобою, Павелъ? Ты меня пугаешь... присядь, да расскажи толкомъ, чтѣ съ тобой случилось?

Но слова мои остались безъ отвѣта. Онъ стоялъ на томъ-же мѣстѣ; взоръ его также неподвижно, дико смотрѣлъ на меня, лицо по-прежнему выражало отчаяніе убитаго горестью чловека. Я совершенно растерялся и, молча, ожидалъ, чѣмъ кончится эта новая сцена изъ современной драмы. Наконецъ онъ вздохнулъ и слезы полились изъ глазъ его; обезсиленный душевной борьбой, онъ упалъ на диванъ и рыдалъ громко, рыдалъ, какъ ребенокъ.

Ну, слава Богу! подумалъ я: слезы облегчаютъ сердце, а тамъ увидимъ, возможно-ли пособить первому горю этого страннаго чловека. Черезъ несколько минутъ давно-ожидаемое объясненіе наступило:

— Другъ, Олинъка выходитъ за-мужъ!

— Знаю, чтѣ-жъ изъ этого слѣдуетъ?

— Боже мой!.. Но я люблю ее... Я сойду съ ума, если это случится когда-нибудь; я убью ихъ обоихъ... О Господи! подкрѣпи меня слабого!

— Послушай, Свирскій, не дурачься, не мучь себя по-напрасну... будемъ говорить хладнокровно...

— Хладнокровно!.. Такимъ-ли языкомъ говорятъ о любви?.. Безчувственный чловекъ, ты холоденъ, какъ бумага!.. Нѣтъ, лучше уйду, чѣмъ слушать твое разсужденіе, безкровный чловекъ!..

Не скоро, и то послѣ долгихъ упрековъ за мою бездушную холодность, повѣдалъ мнѣ Свирскій исторію любви своей. Передать ее

словами героя моего разсказа невозможно: его разсказъ походилъ на вдохновенную импровизацію разстроеннаго воображенія, (поэзія тожъ), перемѣшанную отступленіями, въ которыхъ изливалъ онъ свое негодованіе на счастливаго соперника, слезами и приличными выдержками изъ всѣхъ возможныхъ поэмъ, трагедій и мелкихъ стихотвореній. Все это, взятое вмѣстѣ, походило на рококо человѣческой фантазіи, живой, одушевленной энергіей и вмѣстѣ съ тѣмъ сумасбродной, дикой. Не будь я невольнымъ утѣшителемъ этого жалкаго созданія, я расхохотался-бы навѣрно, выслушавъ его сердечную исповѣдь, но теперь мнѣ было не до смѣха: я, не-шута, боялся за поврежденіе его разсудка.

Повѣсть любви его я разскажу вкратцѣ:

Ольга едва минуло 14 лѣтъ, когда Свирскій, промотавъ свое имѣніе, опредѣлился въ М. Уездный Судъ, и въ то-же время успѣлъ познакомиться со всѣмъ благороднымъ уезднымъ обществомъ, не многочисленнымъ—но за-то дружнымъ между собою, что, скажу мимоходомъ, бываетъ рѣдко. Для маленькой публики уезднаго городка появленіе новаго лица, молодаго, ловкаго и дворянина — было сущю находкой, и потому Свирскій былъ принятъ всюду со всею ласкою, со всѣмъ провинціальнымъ радушіемъ, которое такъ живо напоминаетъ нравы патріархальной жизни давно забытыхъ лѣтъ. Но когда вызвался онъ обучить танцевальному искусству всѣхъ уездныхъ дамъ и барышень и, когда ученицы его всѣхъ возрастовъ отъ 8 до 58 лѣтъ включительно, увидѣли, что это искусство не требуетъ ни большаго ума, ни особенныхъ трудовъ, о, тогда Свирскій сдѣлался душою, идоломъ цѣлаго общества, семьяниномъ въ каждомъ домѣ, другомъ и повѣреннымъ каждаго. Словомъ, дебютъ его въ М. былъ самый блистательный.

Въ числѣ ученицъ его танцъ-класса, разумѣется, была и Ольга, красота которой въ то время уподоблялась распуколкѣ розы, еще не распустившейся, но уже обѣщавшей въ будущемъ чудеса красоты. Зоркій глазъ знатока въ дѣлѣ женскихъ прелестей не могъ ошибиться въ этомъ заключеніи, а Свирскій былъ имъ дѣйствительно, купивъ это познаніе цѣной всего своего состоянія и лучшихъ лѣтъ невозвратимой молодости. Отгадывая будущую красавицу, онъ полюбилъ всюю душой милаго ребенка, характеръ котораго, какъ и всѣ уметвенныя способности, предоставленныя сдѣлать на произволъ судьбы, безъ великихъ вычуръ воспитанія, безъ педантизма неизбѣжныхъ гувернантокъ и учителей, — получили, по какому-то чуду, направленіе, приличное образованнѣйшей дѣвушкѣ: она была добра, славилась рѣдкой скромностью, не любила кокетства, даже не понимала, къ чему ведетъ оно; мужчинъ

и женщина любила, какъ сестрицъ и братцевъ, иначе сказать, росла уѣздной *Агиссой*. Свирскій, какъ я сказалъ выше, полюбилъ Ольгу ребенкомъ и, спустя полтора года, убѣдился, что любимъ взаимно, — но какъ любимъ? Доказательства всему сказанному — ея письма. Да, они переписывались... Изъ отданныхъ мнѣ на сохраненіе писемъ, я помѣщаю здѣсь только три, поразившія меня оригинальностью изложенія.

Письмо I.

Января 14, 1829.

«Дружочикъ Паша!

Вчера ты передалъ мнѣ тихонько отъ всѣхъ маленькую записочку, всю кругомъ исписанную, въ которой поняла я только, что ты меня любишь. Скажи, Бога ради, что тебѣ вздумалось увѣрить меня въ томъ, въ чомъ я нисколько не сомнѣвалась; и за что-бы не любить меня? Развѣ я дурно выдѣлываю па, которымъ ты учишь меня? А другихъ причинъ къ ненависти между-нами и быть не можетъ; и потому, благодаря за любовь, повторяю, что вѣрю твоему сердцу также, какъ и своему, которое любить тебя, вѣрно, не менѣе твоего. Прощай, дружочикъ.

NB. Скажи, зачѣмъ намъ переписываться тайно? Мнѣ очень хочется показать твое письмо маменькѣ, которая читаетъ лучше меня. Цѣлую тебя тысячу разъ.»

Goddam! проворчалъ я сквозь зубы, прочитавъ послѣднюю фразу, и сердито посмотрѣлъ на Свирскаго, который въ это время перелистывалъ и подбиралъ по числамъ всѣ эти завлекательныя посланія. Второе, и такъ далѣе до двадцатаго были похожи на первое, какъ двѣ капли воды, — съ небольшими измѣненіями выраженій; сущность таже — всюду неподдѣльное чистосердечіе и самое наивное простодушіе. Я позавидовалъ Свирскому, позавидовалъ даже его несчастію. Но вотъ письмо 21-е съ *тремя постъ-скриптами*.

7 июля, 1829.

«Только сейчасъ окончила я твою книжечку «Бахчисарайскій фонтанъ», и не повѣришь, какъ зла, какъ я сердита на этого невѣжду Гирея, который смѣетъ забирать въ плѣнъ дѣвушекъ; положимъ, что это была Польшка, но онъ, пожалуй, схватитъ когда-нибудь и Русскую! Онъ долженъ быть очень-злой человекъ, и еслибъ наша мой былъ живъ, я все рассказала-бы ему, и господину Гирею пришлось-бы худо; папа не любилъ шутить съ такими людьми; онъ, говорятъ, былъ строгъ и бранился такъ, что всѣ дрожали передъ

нимъ. Ну, счастье его, что папаша умеръ! Но ты, Папаша голубчикъ, не подумай, чтобъ я точно была злущеею, нѣтъ! у меня сердце отхоложиво. Вотъ еще вчера, Параша испортила мою лучшую шемизетку, — и какую шемизетку! новенькую, хорошенькую, только-что съ иголочки... Я тоже-было разсердилась на нее, но какъ увидѣла, что она блѣдная плачетъ, — забыла про шемизетку, и ну съ ней плакать вмѣстѣ, да такъ, что мамашенька насилу могла насъ унять. При свиданіи поцѣлую тебя за книжку и теперь прощай.

PS. Сегодня вечеромъ, послѣ чаю, мы пойдемъ гулять по улицамъ, — ты встрѣтишь насъ, не правда-ли? И станемъ бѣгать въ горѣлки.

PS. Стряпчиха проситъ твоего позволенія — прочесть «Бахчисарайскій фонтанъ»... Она такая добрая.

PS. Ты спрашиваешь, какой галстухъ тебѣ больше къ лицу? ну, этого я не знаю хорошенько... ахъ, нѣтъ: чорный съ большими разводами, съ булавочкой въ видѣ сердца, очень-миль, носи его почаще. Твоя до гроба.

Но вотъ и послѣднее, писанное не далѣе, какъ вчера.

9 октября, 1829.

«Ну, милый Папаша, сегодня со мной случилось нѣчто необыкновенное и я спѣшу скорѣе увѣдомить тебя обо всемъ; читай и радуйся за меня, дружокъ.»

Сегодня мамаша, вмѣсто того, чтобы лечь спать послѣ обѣда, пришла ко мнѣ въ комнату, выслала вонъ Парашу, и когда мы остались одни, заговорила со мной о свадьбахъ, о женихахъ и невѣстахъ. Рассказавши множество примѣровъ счастливыхъ браковъ, спросила наконецъ меня, не хочу-ли я выйти замужъ, потому-что я, по ея словамъ, уже совершеннолѣтняя невѣста... Представь, я этого не знала! «Что-жъ я буду дѣлать за-мужемъ?» спросила я ее. — «Будешь любить мужа, заживешь своимъ хозяйствомъ, Богъ наградитъ тебя дѣточками.» — «Ахъ, какъ это весело, какъ это хорошо будетъ, мамаша!» сказала я, и ну цѣловать ее. Какая добрая у меня мамаша! она сама выбрала мнѣ жениха и говорить, что онъ человекъ очень-хорошій, молодецъ и будетъ меня любить, какъ душу. Весь этотъ разговоръ кончился приказаніемъ надѣть къ вечеру розовое холстинковое платье съ чорнымъ передникомъ и золотыя сережки. Женихъ будетъ у насъ сегодня вечеромъ. Вотъ я, совсѣмъ одѣтая, пишу къ тебѣ, пока не пришелъ еще мой суженый, — кто-жъ это такой? — не знаю. Но главное въ томъ, что у меня будутъ дѣти, будетъ сынишка... Ахъ, если-бъ онъ былъ похожъ на тебя! Приходи къ намъ завтра, — все остальное расскажу. Воображаю, какъ ты радъ за меня — и за это цѣлую тебя ровно сто тысячъ разъ.»

Послѣднее письмо все объяснило. Ольга любила его — не любя. Она даже не знала, что такое любовь! «Это непростительно, это

невѣроятно!» скажутъ любезныя читательницы и почтенные читатели мои. «Pardon, Mesdames et Messieurs!» Я не виноватъ, что такъ случилось, что это была сущая правда. И зачѣмъ я стану васъ обманывать, съ-какой-статя? Я рассказываю истинное происшествіе, а не сказку; могу представить множество документовъ по дѣлу о любви въ уѣздномъ городѣ, изъ которыхъ вы имѣете уже три письма; а господа невѣрующіе приглашаются ко мнѣ на квартиру освидѣтельствовать ихъ подлинность. Всѣ факты помѣчены героемъ уѣздной любви, а послѣ этого стыдно сомнѣваться. Итакъ, продолжаю.

Теперь мнѣ следовало-бы написать похвальное слово въ честь моего героя, за его примѣрное поведеніе съ дѣвушкой, обмануть которую было легко и не такому опытному волокитѣ. Я написалъ-бы это слово непременно, еслибъ онъ не разочаровалъ меня самымъ прозаическимъ сознаниемъ въ этомъ предметѣ.

Опытный въ наслажденіяхъ любви, Свирскій былъ подобенъ пресыщенному гастроному, который, выдумавъ нечаянно лакомое, неизвѣданное еще блюдо, нарочно медлитъ удовольствіемъ своего аппетита, чтобъ еще болѣе развить силу его, чтобъ еще лучше было ожидаемое удовольствіе. Любовь Ольги, по его разсчету, должна была возвести его на верхъ благополучія; женившись, хотѣлъ онъ быть ея менторомъ въ великой наукѣ любви, теорію которой, по словамъ его, зналъ онъ въ совершенствѣ. Не знаю, какія могли быть послѣдствія отъ соединенія двухъ противоположныхъ идей: безпорочной невинности и опытнаго волокитства, представителями которыхъ были Ольга и Свирскій, и потому не беру на себя прежде времени рѣшенія этого вопроса. Я не люблю ломать голову надъ предположеніями того и другаго, о предметѣ сомнительномъ; я люблю рассказывать просто, а не умничать, выдавая себя за глубокомысленнаго наблюдателя. Пусть кто хочетъ наблюдаетъ родъ человѣчскій;—мое дѣло сторона, или лучше сказать, я не намѣренъ самъ-себя выводить на свѣжую воду, имѣя честь принадлежать къ тому-же самому племени. Но, слыно въруя въ правило незабвеннаго Панглоса, что «все къ лучшему», рѣшу мой психологическій вопросъ не пустымъ гадательнымъ сужденіемъ, а самымъ событіемъ: женится-ли Свирскій на Ольгѣ, или нѣтъ,—все равно скажу «все къ лучшему».

Въ заключеніе своего рассказа, Свирскій обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Чтѣ мнѣ дѣлать? Посовѣтуй, какъ другъ, какъ братъ; на свою голову я не надѣюсь нисколько: не всѣ-ли мои предположенія, мои лучшія надежды разлетѣлись въ прахъ?.. Я едва пришолъ

въ себя. Спаси-же меня отъ отчаянья, или я погублю и себя и виновниковъ моего несчастья.

— Постой, Свирскій; еще не все ясно въ твоёмъ разсказѣ: видѣлся-ли ты съ Ольгой послѣ письма? Объяснялся-ли съ матерью, — я думаю, что это одно средство...

— Былъ сегодня, но Ольга еще спала, а матушка и слушать ничего не хочетъ: говорить, что я молодецъ, что я не умью управлять собою, что я бѣденъ и не занимаю даже классной должности... Я бѣденъ! Какъ-будто у меня нѣтъ тетушки, которая умретъ на-дняхъ непременно, и я снова буду богатъ!.. Просьбы и слезы мои остались безъ вниманія. Отъ нея прямо пришолъ я къ тебѣ.

— Дурно, хмъ! право, дурно! Не знаю, что и сказать на это... Впрочемъ, согласишься, что она говорила не безъ основанія.

— Не въ томъ дѣло! Совѣта прошу я, а не доказательствъ того, правъ я, или виноватъ.

— Но я не знаю...

— Послушай, перебилъ меня Свирскій, и глаза его блеснули удовольствіемъ: мнѣ пришла мысль, — да, слѣзай дружбу: вызови на дуэль Ивана Кирилловича, ты его убьешь, я въ этомъ увѣренъ, ты хорошо стрѣляешь..

— Нечего сказать, самое дружеское предложеніе! Съ чего ты взялъ, что я рѣшусь на такую глупость? Развѣ ты забылъ исторію съ Бителевымъ?.. Покорно благодарю. Не лучше-ли тебѣ сходить къ старику казначею; ты знаешь, какъ онъ добръ, какъ любитъ тебя; можетъ-быть...

Еще не кончилъ я послѣднихъ словъ, какъ Свирскій былъ уже далеко. Что мнѣ дѣлать? Въ Судъ ити поздно, теперь ужъ двѣнадцатый часъ; притомъ-же дождь и грязь, сыро, холодно... бррр! Оставусь дома и займусь приготовлениями къ вечеру. Но состоится-ли онъ? Что если Свирскій разстроитъ эту свадьбу, если онъ вызоветъ на дуэль своего соперника?.. И это ни къ чему не послужитъ, потому-что Иванъ Кирилловичъ мастеръ отдѣлываться отъ такихъ вызововъ. Я разскажу вамъ о дуэли его съ Бителевымъ, учителемъ грамматики въ нашемъ уездномъ училищѣ; эта исторія надѣлала много шума, но вы, вѣрно, не слышали объ ней; итакъ послушайте:

Странное созданье нашъ учитель грамматики, Бителевъ! Надъ нимъ, какъ-будто въ насмѣшку надо всѣмъ родомъ человѣческимъ, изволила пошутить сама проказница судьба. Онъ очень-дуренъ собою; рябъ, чоренъ, горбатъ и ростомъ не болѣе двухъ аршинъ съ вершкомъ; но, желая казаться выше, ходитъ всегда на цыпочкахъ

и зачесываетъ волосы прямо въ верхъ, отъ чего кажется еще уродливѣе и смѣшнѣе... За то самолюбіе этого пигмея истинно трехъ-аршинное: ему кажется, что онъ всѣхъ выше и красивѣе, и на этомъ убѣжденіи, при всякомъ случаѣ, старается играть роль *перваго любownika*, то-есть корчить изъ себя льва перваго разбора; педантизмъ и хвастовство его невыносимы и навлекали ему не разъ много неприятностей.

Однажды у холостяка-судьи собралось общество мужичковъ, въ числѣ которыхъ былъ и учитель грамматики, и сынъ казначея. Въ такихъ дружескихъ собраніяхъ обыкновенно либо играютъ въ карты и пьютъ, либо пьютъ и хвастаютъ безъ милосердія; на этотъ разъ пили и хвастали. Но бѣдный учитель, имѣя слабую голову, скоро заврался въ разказахъ о своихъ мнимыхъ подвигахъ; всѣ хотали, сынъ казначея больше всѣхъ, и шутками своими до того взбѣсилъ его, что нашъ Донъ-Кихоть въ миниатюрь совершенно вышелъ изъ терпѣнія.

— Какъ вы смѣете называть меня сверчкомъ? меня, занимающаго кафедру русской словесности? вскричалъ маленькій человечекъ, стараясь удержаться въ равновѣсіи на цыпочкахъ, чему, видимо, мѣшали винные пары, качавшіе его изъ стороны въ сторону.

Но эта выходка возбудила общій смѣхъ и, когда Иванъ Кирилловичъ представилъ его въ карикатурѣ, стоящимъ на мнимои каѳедрѣ, съ возгласомъ во всеуслышаніе: «пиши букву азъ!» Бителевъ не выдержалъ, схватилъ бутылку и, вѣрно, пустилъ-бы ею въ злаго насмѣшника, еслибъ мы не удержали его.

— Благодарите господь за цѣлость вашего лба! кричалъ учитель, вырываясь изъ нашихъ рукъ. Но завтра, надюсь, никакая сила человеческая не спасетъ васъ отъ заслуженнаго наказанія: при всѣхъ вызываю васъ на благородное удовлетвореніе... О, чортъ возьми! я васъ уничтожу, какъ запятую, какъ ошибку противъ грамма... противъ російской словесности!

Къ общему удивленію нашему, Иванъ Кирилловичъ, послѣ долгаго хохота, съ важностью привалъ вызовъ; назначены были секунданты, часть и мѣсто — у городской мельницы, гдѣ высохшій прудъ образовалъ нѣсколько небольшихъ грязныхъ озеръ; и оружіе — пистолеты. Но сынъ казначея, воспользовавшись превосходствомъ силы, кончилъ дуэль по своему: въ заготовленное заранѣ корыто посадилъ онъ связаннаго поросенка и къ нему, для компаніи, учителя грамматики, съ связанными назадъ руками, и, оттолкнувъ отъ берега это импровизированное судно съ его странными

пассажирами, ушолъ домой съ секундантами, оставя на произволъ судьбы жертву своей шалости.

Уже поздно вечеромъ, провзжавшій мимо крестьянинъ, услышавъ необыкновенные крики двухъ плователей, освободилъ и привезъ въ городъ голоднаго дуэлиста съ его невиннымъ товарищемъ. Съ-тѣхъ-поръ въ М. всякій поросенокъ носить почетный титулъ — учительскаго секунданта. Бѣдный Бителевъ былъ боленъ отъ досады.

Вотъ уже два часа. Удивительно, какъ скоро идетъ время въ разсказахъ! Я тоже люблю слушать хорошаго говоруна или читать занимательную книгу. Въ обоихъ случаяхъ вниманіе наше слѣдуетъ за блестящей нитью событія, увлекается участіемъ къ дѣйствующимъ лицамъ, наслаждается ихъ удовольствіемъ, развивается вмѣстѣ съ ними идею цѣлаго и отдѣльныя мысли частныхъ явленій; словомъ, человекъ живетъ въ это время чужой жизнью, дѣйствуетъ чужой волей, наблюдая проявленія страстей, или капризы свойства сердца человѣческаго. Разсказъ или книга кончены и вотъ разсудокъ повѣряетъ все переданное ему услужливою памятью, перевариваетъ въ себя полезную пищу ума и потомъ усвоиваетъ для себя лучшей экстрактъ его: мысли частныя и общую идею цѣлаго. Слушая, или читая съ такой цѣлью, нельзя не благодарить виновника нашего удовольствія: итакъ падѣюсь для себя того-же за мой простодушный разсказъ, который постараюсь покончить безъ отступленій.

Какая досада ожидать чего-нибудь, и въ ожиданіи, которое, какъ на зло, безпрестанно вертится на умѣ, мучиться неизвѣстностію, перебирая въ головѣ всѣ возможныя предположенія съ ихъ послѣдствіями! Надобно замѣтить, что когда вы находитесь въ такомъ расположеніи духа, мысли ваши приходятъ въ замѣшательство, здравый смыслъ оставляетъ голову, и все представляющееся намъ въ это время бываетъ непременно сумасбродно, странно и далеко отъ истины; въ такомъ состояніи души, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ пускаться ни въ какія разсужденія. Такъ точно случилось и со мной: измучась неизвѣстностію о судьбѣ Свирскаго, который уже не возвращался ко мнѣ, я выводилъ разные заключенія на всевозможные случаи отъ объясненія его съ казначеемъ. Боже мой, чего я не передумалъ въ продолженіе пяти часовъ, то есть, до назначеннаго времени къ съѣзду на званый вечеръ, чего не приходило мнѣ въ голову! И что-же? Я былъ далекъ отъ истины, которая выяснилась не прежде моего приѣзда къ казначею. Вотъ какъ было:

Въ половинѣ 8-го явился я на званый вечеръ и едва повѣрилъ глазамъ своимъ, видя все наше общество въ полномъ собраніи. На

всѣхъ лицахъ сіяла официальная улыбка удовольствія, приличная празднуемому торжеству; женихъ весело разговаривалъ съ своей невѣстой, которая, отвѣчая ему, улыбалась непринужденно и застѣнчиво, но ласково смотрѣла на него; впрочемъ, особенное вниманіе милой дѣвушки обращено было только на новое кисейное платьице съ пышными рукавами, — только! Отецъ жениха занималъ гостей-мужчинъ веселыми рассказами о старинѣ, и открытое, простодушное лицо его сіяло непритворнымъ удовольствіемъ, — вторая неожиданность! Неужели столичный, европейскій эгоизмъ забрался наконецъ въ нашъ богохранимый городокъ, гдѣ до-нынѣ все жили по просту, говоря, что приходило на умъ, не маскируя лицъ по установленной формѣ свѣтскихъ приличій. И вотъ я снова погрузился въ море нелѣпыхъ предположеній, сердито по-сматривая на уездныхъ эгоистовъ, воображая упрямо, что все эти мнимо-веселыя лица, не что другое, какъ ложь, пустота, маски, хладнокровно опредѣлившія гибель бѣдному Свирскому, изъ корыстныхъ, себялюбивыхъ видовъ. Если такъ, завтра же подамъ въ отставку, и, не вѣря болѣе въ существованіе добра и въ доброту сердца человѣческаго, брошу свѣтъ и къ людямъ ни ногой; въ досадъ на весь свѣтъ, я даже усомнился-было въ добрыхъ качествахъ собственнаго сердца... А кто его знаетъ, думалъ я: можетъ-быть, оно тоже притворяется такимъ добрымъ и готовымъ любить ближняго; надобно будетъ на досугъ испытать его хорошенько, и если...

— О чемъ задумался, любезнѣйшій Орестъ Михайловичъ? раздался вдругъ, возлѣ самаго уха моего, голосъ почтеннаго казначея, и нить моихъ размышленій остановилась на неопредѣленномъ — *если*. Я обернулся съ ловкостью школьника, котораго нечаянно застали въ саду, вкушающаго запрещенные плоды отъ чужихъ яблонь и вишенъ; впрочемъ я тоже хотѣлъ притвориться, какъ можно искуснѣе, хотѣлъ улыбнуться самымъ непринужденнымъ, самымъ обязательнымъ образомъ, но, должно-быть, попытка моя не удалась, потому-что Кирилла Григорьевичъ, взглянувъ на меня пристально, засмѣялся тихимъ, только ему свойственнымъ смѣхомъ и продолжалъ:

— Бьюсь объ закладъ, что въ карманъ вашемъ пусто, какъ въ головъ моей Агашки разноглазой (косая дѣвка Агашка была его камердинеромъ); вѣрно, ситцы разоряютъ васъ не хуже моего Вани, на котораго не напасешься денегъ, оттого-то я и вздумалъ женить его; что, не правъ ли? А въ такомъ случаѣ не надобно задумываться, зналъ, что вашъ покорнѣйшій слуга никому не отказывалъ въ *онихъ* («оними» называли у насъ деньги; это, какъ ви-

дите—аллегорически), приготовьте росписку, а между-тѣмъ не прикажите-ли?

И добрый старикъ съ важностью подалъ мнѣ раскрытую табакерку, что означало особенное желаніе обязать своего гостя; въ такомъ случаѣ отказать отъ табаку было невозможно, и потому я взялъ съ благодарностію щепотку этой гадкой пыли, но отказался отъ перваго предложенія, не имѣя надобности занимать у него *онихъ*.

— Ну, все это очень-хорошо, но неудовлетворительно, хорошо, что вы не нуждаетесь въ деньгахъ, но не хорошо, что такъ не веселы, а грусть безъ причины не бываетъ: что съ вами? Здоровы-ли? Да подавали-ль вамъ чай и не прикажите-ль съ *прибавлемъ*?

— Нѣтъ, покорно благодарю, Кирилла Григорьевичъ, я очень здоровъ. Но позвольте спросить, былъ-ли у васъ сегодня Свирскій?

— Былъ, говорятъ, часу въ одиннадцатомъ; но не засталъ меня дома, я былъ на базарѣ, знаете, хлопотилки по хозяйству, свадьба—великое дѣло! А чтобъ не ударить лицомъ въ грязь, надобно самому позаботиться обо всемъ: того купить, другое заказать на срокъ; я заказалъ къ свадьбѣ три аршинныя стерлядки, и не дорого...

— Позвольте васъ перебить еще однимъ вопросомъ: будетъ-ли онъ у васъ на вечеръ, сегодня?

— Кто? Свирскій? Надѣюсь. Я послалъ къ нему билетъ еще поутру; правда, его не застали дома, но билетъ положили ему на столъ; впрочемъ и я удивляюсь, что его такъ долго нѣтъ. Но, позвольте, я пошлю за нимъ свои дрожки: можетъ-быть, онъ затрудняется въ экипажѣ, а вечеромъ въ такую погоду нѣтъ никакой возможности ходить по нашимъ улицамъ: того смотри, что утонушь.

Старикъ ушелъ распорядиться посылкой экипажа за Свирскимъ, а у меня будто камень отвалился отъ сердца, въ глазахъ просветлѣло и все черныя думы разлетѣлись въ табачномъ дымѣ, густыя облака котораго носились по тѣснымъ комнатамъ небольшого дома Казначая. Въ провинціи нѣтъ обыкновенія не курить при дамахъ, почему и теперь все курящіе курили, нисколько не заботясь, что непривычные задыхались въ чаду табачной атмосферы. Наши дамы такія добрыя, такія невзыскательныя; при нихъ мы, какъ дома; вотъ что называется провинція, и какъ ее не любить послѣ этого? Ахъ, еслибъ не честолюбіе, невольное увлекающее меня въ губернію, потомъ въ столицу, которое мучитъ и

лельствъ меня обѣщаніями, надеждами и, вѣрно, несбыточными!.. Туда, туда, гдѣ люди все въ крестахъ и въ чинахъ, гдѣ важно ходить, съ важностію сидѣть, чиновниково вѣдать и кланяются, и говорятъ не такъ, какъ мы говоримъ, и не по нашему думаютъ и чувствуютъ, гдѣ все золото, блескъ и великолѣпіе, гдѣ все такъ хорошо, изящно и пышно, гдѣ люди не такіе люди, какъ мы грѣшныя, гдѣ дамы не такія дамы, какъ ваши провинціальныя барыни, а легкія, воздушныя, неприступныя издалика, невъразимыя въ своихъ волшебныхъ уборахъ, до того прозрачныхъ, что насквозь видны все ихъ думы и мысли, скрытыя въ сердца à jour, подъ облаками дымки, подъ туманами буфъ-муслиновъ и подъ радужнымъ газомъ, гдѣ... Но куда не завлечетъ честолюбіе, и когда-же? когда я сижу въ кругу беззаботныхъ провинціаловъ, съ которыми жить такъ весело, съ которыми не разстался-бы никогда! Но сегодня и думать нечего о переводѣ, и, такъ будетъ веселиться по-прежнему, зная, что «тамъ» не веселятся по нашему.

Вотъ уже степенные чиновники услыли за бостонъ. Все люди важные: судья, мой начальникъ, прекрасный человекъ, городничій... его не знаю хорошенько: онъ еще недавно опредѣленъ; третій, исправникъ, плутъ по службѣ, но добрый малый въ кругу товарищей—гдѣ пьютъ и въ карты играютъ, потому что играетъ счастливо; съ нимъ въ партіи управляющій питейными сборами, за нимъ четвертый чиновнаго капиталиста; по этому случаю и мѣщанинъ сидитъ рядомъ съ тузами и дружески говоритъ имъ—*ты*. Право на такую фамильярность приобрѣлъ онъ безотговорочной готовностію играть въ бостонъ по большой: по пяти и по десяти копеекъ призь—ему все равно! Вотъ что значить имѣть много «онихъ», а баронъ Брамбеусъ ихъ не любитъ! Бываютъ-же люди, на которыхъ ничѣмъ не угодишь, и даже *оними*. Позвольте дѣльс: смотритель судоконства играетъ въ шашки съ начальникомъ инвалидной команды. Смотритель имѣетъ странную наружность; худое угрюмое лицо его до того блѣдно и сине, что на него страшно смотреть и потому я по-сие-пору не знаю еще, какого цвѣта у него глаза; седые волосы его рѣдки и не причесаны; онъ долженъ быть чудакъ, но вовсе незабавный; я съ нимъ незнакомъ. Но вотъ въ противоположномъ углу составилъ кружокъ около нашего балагура Мишиеля Пятлкова; пойдемте туда: тамъ хохочетъ молодежь, слушай похождения этого подпоручика въ отставку. Онъ, вѣрно, рассказываетъ о своихъ подвигахъ съ Польками, что онъ, самъ не понимая по-польски, мастерски объяснялся съ ними въ любви и болѣе десятку изъ нихъ свелъ съ-ума, довелъ до отчаянія и увезъ-бы съ собой, пожадуи, всехъ разомъ, еслибъ не боялся маменьки своей,

которая не любитъ ничего заграничнаго. Вотъ каковъ нашъ Мишель Пятачковъ.

— Браво, лихо, вотъ по-нашему! раздавалось въ кругу слушателей, когда я подошолъ къ нему и, не зная, что именно заслужило такое лестное одобреніе, спросилъ кого-то изъ предстоящихъ о причинѣ слышаннаго.

— Эхъ, братъ, не слыхалъ ты чудной продѣлки Пятачкова?

— Вольно-жъ ему сидѣть тамъ въ углу и важничать передъ нами, какъ-будто собирается жениться.

— Пустое, куда ему жениться, онъ не совсѣмъ глупъ...

— Здравствуй, Орестъ! Мы съ тобой не здоровались! перебилъ Пятачковъ. Жаль, что ты не слышалъ рассказаннаго объ одной паннѣ Маріаннѣ, что по-нашему Марія: штука была славная! Но все-равно, я расскажу вамъ, господа, другую, очень-похожую на прежнюю, объ одной паннѣ Теклюся, но ужъ это имячко останется безъ перевода, — я самъ не знаю, какъ оно придется по-русски, но не въ томъ дѣло... итакъ слушайте: У пана Шпигульскаго, въ деревнѣ котораго квартировалъ нашъ полкъ!..

— Чтѣ ты, Мишель, помилосердуй! Полкъ въ деревнѣ, — да это не любо не слушай!..

— Эхъ, братецъ, не мѣшай! Такъ всегда говорится; въ деревнѣ было всего полвзвода, но вы не понимаете словъ: баталіонъ, рота, бригада и прочая, такъ и не перебивайте; не то я разсержусь и вовсе перестану рассказывать!

— Не сердись, Мишель, я такъ сказалъ, не подумавши, но несколько не сомнѣваюсь въ истинѣ твоихъ словъ.

— Рассказывай, пожалуйста, рассказывай!

— Итакъ продолжаю: въ деревнѣ, гдѣ мы квартировали, жилъ былъ панъ Шпигульскій, у котораго было двѣ дочери: одна Ганнуса, а другая Теклюся (Ганнуса по-нашему Анна). Первая была уже за-мужемъ, за какимъ-то паномъ, а Теклюсю еще сваталъ другой, панъ Эдобринскій, человекъ очень-богатый, но такой уродъ, что чудо: горбатый!..

Вдругъ поднялся кашель, въ знакъ удерживаемаго смѣха, потому что Бителевъ, слушавшій до-того-времени спокойно, вдругъ поблѣднѣлъ и покраснѣлъ, какъ обиженный смертельно. Мишель улыбнулся и продолжалъ свой рассказъ, будто копируя Бителева.

— Да, горбатый, чорный, рябой, крошечнаго роста, но съ такимъ огромнымъ ртомъ... (Бителевъ закусилъ губы) что могъ-бы, казалось, проглотить всю панну Теклюсю, вмѣсто котлетки. Разумѣется, что панна Теклюся была къ нему очень-равнодушна, даже

возненавидѣла, узнавши, что онъ ухаживаетъ за ней съ намѣреніемъ породниться съ нею самымъ близкимъ порядкомъ. Я, отъ нечего дѣлать, вздумалъ тоже приволокнуться за паненькой и, разумется, она недолго выбирала между нами...

Тутъ Бителевъ, въ свою очередь, улыбнулся такъ предательски-насмѣшливо, что многіе по-прежнему принялись кашлять и смѣяться себя подъ ность. Но Пятачковъ, окинувъ насъ всѣхъ вопрошающимъ взглядомъ, не обратилъ большаго вниманія на выходку обиженнаго имъ учителя и продолжалъ свой расказъ:

— Панъ Здобринскій былъ въ отчаяніи, но не переставалъ мучить панну Теклюсю своими приторными любезностями, а старикку, отцу ея, надѣдалъ неотступными просьбами о скорѣйшемъ бракосочетаніи. Здобринскій былъ упрямъ и насильно хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, которая нѣсколько разъ говорила ему въ глаза: «я тебя не коха!»

— Какъ? Повтори Мишель, что ты сказалъ!

Пятачковъ повторилъ и поднялся общій смѣхъ,

— Вѣдь есть-же люди, которыхъ и не поймешь! замѣтилъ въ-кто изъ круга слушателей.

— И, братцы! Да сколько есть такихъ! отвѣчалъ Пятачковъ.

— Что народъ, то діалектъ, важно произнесъ Бителевъ: Французы всѣ говорятъ по-французски, пѣмцы по своему, по-нѣмецки, Австрійцы по-австрійски, и такъ далѣе.

— Коха! Что за пустой народъ! Да это, просто, безтолковщина! прибавилъ еще какой-шутникъ, и снова хохотъ усилился; но все имѣющее начало имѣетъ своей конецъ; насмѣявшись, мы приутихли, и Пятачковъ прдолжалъ:

— Я сказалъ то, что Панна говорила Здобринскому, по-русски это значить—я тебя не люблю, но Здобринскій продолжалъ свое; наконецъ, просьбы его подѣйствовали: Панъ Шингульскій объявилъ Теклюсю, чтобъ она готовилась къ вѣнцу, назначивъ день свадьбы черезъ недѣлю. Но невѣста не дождалась назначеннаго срока, пришла ко мнѣ и объявила, что умереть, если я не женюсь на ней, какъ можно скорѣе. Въ этомъ-то и была штука: жениться я не могъ безъ позволенія маменьки, которая, какъ вы сами знаете, не терпитъ ничего французскаго. Однако я недолго думалъ, и въ тотъ-же вечеръ отдалъ ее за мужъ за одного подпоручика изъ холмовъ, которому было все-равно—жениться или жить холостымъ. Такимъ-образомъ Панъ Здобринскій съѣлъ грибъ, а не Теклюсю.

И снова крики: «Браво», «лихо» и «вотъ по-нашему!» были наградой лихому Пятачкову, который такъ мастерски распорядился чужими невѣстами.

— А на кого былъ похожъ твой подпоручикъ изъ хохловъ, котораго ты женилъ нечаянно? спросилъ Бителевъ.

— На кого?.. Пойдите!.. На Ореста Михайловича, какъ двѣ капли воды похожъ. И какъ прежде не замѣтилъ я этого! Точно такія же уши, зубы... правда, глаза у того были немного отличные, какіе-то пестрые, впрочемъ, все остальное точь-въ-точь. Ахъ, Орестъ, изъ тебя вышелъ-бы чудесный подпоручикъ и, рючаюсь, что я женилъ-бы тебя на любой паценкѣ съ огромнымъ прилавнымъ.

— Нѣтъ, я жениться не намѣренъ и въ подпоручики не пойду.

— Какъ себя хочешь, насильно женить не стану.

Вдругъ ударило 8 часовъ и съ послѣднимъ ударомъ колоколышка заремѣлъ Польской, — знакъ, что время, назначенное для танцевъ, наступило. Всѣ бросились въ гостиную ангажировать дамъ на предстоящіе танцы, и черезъ пять минутъ мы уже кочевали изъ комнаты въ комнату, въ слѣдъ за первой парой жениха съ невѣстой, — подъ звуки польскаго: *Громъ победы раздавайся!*..

Оркестръ былъ полонъ, то есть, онъ состоялъ изъ трехъ виртуозовъ, игравшихъ на трехъ разныхъ инструментахъ: на скрипкѣ, на гитарѣ и на жалтреугольничкѣ. Честь изобрѣтенія этого неслыханнаго инструмента принадлежитъ неотъемлемо Дмитрію Никитичу, бывшему писемководителю городническаго правленія; одинъ маловажный случай былъ причиною этого чуднаго изобрѣтенія: Дмитрій Никитичъ имѣлъ сына, вѣжно любимаго, но одареннаго ужасной страстью — воровать голубей. И когда однажды пришлось батюшкѣ заплатить за проказы четырнадцатилѣтняго ворюги, онъ не выдержалъ, онъ разсердился!.. Въ самую рѣшительную минуту гнѣва блеснула ему въ глаза повѣшенная на стѣнѣ толстая проволока; онъ самъ не зная, зачѣмъ она тамъ висѣла и, въ досадъ на виновнаго сына и на невинную вещь, сорвалъ ее со стѣны и бросилъ подъ кровать, какъ неимѣющую права занимать почетное мѣсто возлѣ какой-то картинки и зимней фуражки съ околышкомъ изъ черныхъ мерлушекъ. Ударившись, при паденіи, обо что-то металлическое, брошенная невинность жалобно простонала укоризну жестокому, и стонъ ея не былъ гласомъ въ пустынь: Дмитрій Никитичъ остановился въ недоумѣніи, прислушиваясь къ звукамъ, замиравшимъ подъ кроватью... Минута размышленія... Вотъ онъ становится на колѣна, протянулъ руку, досталъ обиженную проволоку; еще минута, и вотъ нѣчто похожее на треугольничекъ является взумленнымъ взорамъ художника; еще минута и голубиный ворюшка вооруженъ новымъ инструментомъ. Самъ Дмитрій Никитичъ беретъ скрипку, и въ слѣдъ за нимъ новый Орфей-самоучка начинается съ чувствомъ аккомпанировать игрѣ отца. . Вся улица взвол-

новалась, услышавъ неслыханныя звуки, все бѣжало къ дому музыкантовъ, и въ одну минуту всѣ окошки усыпаны были головами любопытныхъ, — а черезъ полъ-часа узналъ цѣлый городъ, что Дмитрій Никитичъ въ три минуты изобрѣлъ новый инструментъ, по имени же-треугольникъ, во столько-же минутъ выучилъ на немъ играть своего сына, ни къ чему болѣе негоднаго и три минуты потѣшалъ публику пѣсней: «Чижики, чижики, гдѣ ты былъ.» Это изобрѣтеніе вписано въ наши лѣтописи, какъ прославившее цѣлый городъ. Съ-тѣхъ-поръ не пригласить на вечеръ Дмитрія Никитича значило — незнаніе приличій, дерзость и посягательство на честь цѣлаго благороднаго общества, а пѣсня «Чижики» сдѣлалась народной пѣсней нашего города. Подъ ея веселые звуки танцовали мы: экосезъ, русскую кадрили, мазурку и французскую кадрили; остальные танцы: вальсъ, галопъ и матрадуръ танцовались очень-удобно подъ «Барыню.» Раздѣленіе танцовъ подъ одну и ту-же пѣсню можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ для господъ, привыкшихъ танцовать подъ прихотливые мотивы Штрауса, Ланнера и другихъ композиторовъ, между-тѣмъ для насъ, простыхъ людей, это казалось очень-обыкновеннымъ дѣломъ: мы даже не думали, что у людей бываетъ иначе; это раздѣленіе было самое простое: для экосеза музыка играла очень-скоро, для русской кадрили немного медленнѣй — и такъ далѣе, какъ выражается учитель грамматики. Но безъ горя не бываетъ удовольствій, — и въ танцы наши нерѣдко вмѣшивались большія неприятели, отъ усталости или отъ капризовъ, свойственныхъ каждому порядочному генію: не знаю хорошенько, отчего именно Дмитрій Никитичъ нерѣдко переставалъ играть среди самаго разгара танцовъ, даже не спрашивая насъ — кончился-ли танецъ или нѣтъ, и не обращалъ вниманія на то, что всѣ въ голосъ обращались къ нему съ просьбами о продолженіи, — и таково было упрямство этого геніальнаго человека: онъ оставался неумолимымъ, не трогался просьбами, извѣщеніями досады и даже бранью. Иногда такія остановки бывали непродолжительны, за то довольно-часты. Когда Дмитрій Никитичъ нюхалъ табакъ и мы, молча, останавливались на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ заставала насъ музыкальная тишь, всѣ мысли и взоры съ нетерпѣніемъ обращались на скрипку и съ безпокойствомъ слѣдили каждое медленное движеніе знакомыхъ приемовъ. Наконецъ табакерка спускалась въ карманъ, за нею пестрая голубая тряпочка въ видѣ носоваго платка, потомъ Дмитрій Никитичъ бралъ смычокъ и мы съ удвоеннымъ удовольствіемъ пускались далѣе, забывая эти неизбежныя, неотвратимыя неприятели.

Разсказать всѣ эти подробности я долженъ былъ непременно,

иначе вы подумали-бы, что мы живемъ въ странѣ, гдѣ ужъ все нѣтъ ни горя, ни печалей. Нѣтъ, и мы, какъ всѣ живущіе на свѣтѣ, подвержены разнообразнымъ огорченіямъ, и у насъ нерѣдко пробиваются слезы сквозь шолковыя рѣсницы дамъ, а мужчины безъ слезъ облегчаютъ душу виномъ, настойкой или пуншемъ; итакъ не слишкомъ завидуйте нашему житью-бытью. Правда, оно хорошо, а въ старину было еще лучше, доходнѣе; теплѣе, но и теперь я могу вамъ указать нѣкоторыхъ господъ, которые пьютъ только съ радости, потому-что не испытали еще никакихъ неприятностей въ жизни.

Теперь будемте танцовать, потому-что Пятачковъ, замѣнившій, по общему выбору, Свирскаго—всегдашняго распорядителя танцевъ,—объявилъ во всеуслышаніе, что послѣ Польскаго начнется экосезъ. Всѣ веселы, только я изрѣдко хмурюсь, поглядывая на двери, въ ожиданіи Свирскаго, все еще надѣясь, что онъ стически перенесетъ свое горе; но его нѣтъ какъ нѣтъ... Вотъ уже мы танцуемъ французскую кадрили—и моя дама, веселенькая невеста, Ольга. Самоудовольствіе разрумянило ея бѣленькія щочки и раскидало въ беспорядкѣ по полнымъ плечикамъ пряди рассыпныхъ локоновъ. Какъ легко порхаетъ она между нами, какъ непринужденно смѣется при каждой неловкости жениха своего, который по-неволю танцуетъ и еще первый разъ въ жизни и то самоучкой, и то съ помощію Пятаčkова, который перелъ каждой новой фигурой командуетъ его поворотами также громко, какъ будто на фрунтовомъ ученьи. Но вотъ Кирилъ Григорьевичъ подходитъ ко мнѣ:

— Свирскаго нѣтъ. Съ самаго утра не бывалъ онъ дома и никто не знаетъ, куда дѣвался этотъ вертушка.

— Ольга засмѣялась, услышавъ извѣстіе, для меня вовсе незабавное, и мнѣ досадно стало на нее, погубившую моего товарища.

— Онъ, вѣрно, хочетъ удивить насъ нечаянностію, сказала она: Свирскій такой шутникъ! Впрочемъ я побраню его за это; представьте, еще въ понедельникъ ангажировалъ онъ меня на всѣ первыя и послѣдніе танцы,—при первомъ случаѣ, а самъ не является. Неправда-ли, что это невѣжливо съ его стороны?

— Да... Нѣтъ, не знаю, какъ вамъ сказать; вы поступили съ нимъ очень-жестоко.

— Кто? Я? Чтò вы это говорите, Орестъ Михайловичъ? я жестока? Да я всегда плачу при видѣ чужихъ слезъ; я не могу обидѣть муху, мнѣ не спится, если узнаю, что...

— Но вы неумышленно разрушили счастье этого молодаго человека: онъ васъ любилъ.

— Чтò-жъ такое? Я тоже любила его, но не могу сказать, что я не-

счастлива: это значило-бы солгать, а я люблю правду. Развѣ любить меня значить несчастіе?.. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ это дѣлалъ? Я не принуждала его и потому не виновата.

— Нѣтъ... Я хотѣлъ сказать, что Свирскій, любя, надѣялся быть вашимъ мужемъ.

— Ха-ха-ха! Нѣтъ? Въ-самомъ-дѣлѣ? Ахъ, какой онъ шалунъ! Я непременно посмѣюсь надъ нимъ при свиданіи, что этого не удалось ему... Вольно-жъ было скрытничать! Не зная о его намѣреніяхъ, дала я слово тому, кто первый попросилъ меня объ этомъ. И какъ было отказать? Павлуша самъ толковалъ мнѣ о неприличіи отказа одному передъ другимъ, когда ангажируютъ васъ на танцы. Замужество развѣ не то-же? Слѣдовательно, и не могла я отказать Ивану Кирилловичу въ такихъ пустякахъ. Притомъ-же я успѣю еще... Ахъ, Боже мой!... Я готова была выйти потомъ за Свирскаго, но этого сдѣлать нельзя... Какъ-же быть? Научите, что мнѣ дѣлать? не то Паша разсердится и я буду плакать..

— Извините, что я не могу и не долженъ брать на себя роль совѣтника въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ. Обратитесь лучше къ вашей маменькѣ, потомъ спросите свое сердце и, согласивъ два голоса, рѣшитесь въ выборѣ мужа, помня, что замужество совсѣмъ не шутка: отъ него будетъ зависѣть ваша будущая доля, счастье или несчастіе цѣлой жизни.

И множество другихъ наставленій насаждалъ я Ольгѣ, слушавшей меня съ большимъ вниманіемъ. Слова мои сдѣлали мгновенный переворотъ въ ея невинныхъ, дѣтскихъ мысляхъ и поступкахъ: тихая, но еще спокойная задумчивость, замѣнила въ лицѣ ея выраженіе прежней безотчетной, безусловной веселости; она, какъ-будто по инстинкту, сродному только женщинъ, уже старалась разгадать свою будущность, проникнуть въ тайну, еще закрытую, но уже понятную тайну замужества; уже медленнѣй и съ какою-то невнимательностію оканчивала она начатую кадрили, и когда я проводилъ ее въ гостиную, она съ жаромъ пожала руку мою, и взоромъ, полнымъ признательности, но безъ словъ, отблагодарила меня за мои наставленія.

Скучно описывать, что было далѣе. Вечеръ окончился по обыкновенію сытнымъ ужиномъ и вальсомъ послѣ ужина. Стали развѣзжаться: сперва поднялись тузы съ дамами, потомъ секретари съ жонами и мы, классные чиновники, занимавшіе неклассныя мѣста; за нами отправился оркестръ, и черезъ часъ уже все спало въ нашемъ городѣ, во славу Аллаха. Когда я воротился домой, первый вопросъ мой былъ о Свирскомъ: — онъ не бывалъ.

Прошло три дня послѣ описаннаго вечера и никто въ городѣ

не зналъ еще, куда такъ внезапно скрылся бѣдный Свирскій. По-давно было объявленіе, произвели слѣдствіе, которое ничего не объяснило, потому-что всѣ показанія противурѣчили одно другому: иные увѣряли, что Свирскій давно собирался ѣхать въ губернію хлопотать о переволѣ на какое-то штатное мѣсто; другіе говорили, что онъ похвально похороны теткой своей; думали, что онъ погубъ на охотѣ, или утонулъ, катаясь въ лодкѣ по рѣкѣ, но вѣрное было то, что его не было въ М. и уже собирался допести начальству о самовольной отлучкѣ 14 класса Свирскаго, для исключенія его изъ службы, какъ неважнаго чиновника.

Между-тѣмъ Иванъ Кириловичъ торопилъ свадьбой, объявивъ отцу своему, что ненамеренъ ожидать цѣлую недѣлю отсрочки дѣла, которое нетрудно покончить и въ три дня. Добрый старикъ, опасаясь новыхъ проказъ неугомоннаго жениха, уступилъ его настояніямъ, и день свадьбы назначенъ былъ на завтра.

Едва проглянуло утро достопамятнаго дня, какъ три улицы, на которыхъ расположены квартиры чиновниковъ, покрылись вереницей неумоимыхъ горничныхъ и лакейскихъ эстафетъ съ записками, съ узелками, съ картонками, переносимыми изъ дома въ домъ, отъ барынь къ барышнямъ и барышнямъ, и обратно. Всѣ эти гонцы были предвѣстниками безчисленныхъ заботъ и суеты, необходимыхъ, какъ воздухъ, при всякомъ парадномъ туалетѣ уездныхъ шеголихъ; а свадьба, чья-бы ни было, принадлежала къ числу такихъ событій, для которыхъ открывалась полная выставка провинціального гардероба. Въ подобныхъ случаяхъ всѣ стараются блеснуть богатствомъ, вкусомъ, умнѣемъ одѣваться къ лицу и ловкостью выказать свои прелести подъ изящными уборами собственной выдумки, потому-что въ нашемъ городѣ никогда не было и нѣтъ по-сію-пору магазина модъ. Вотъ до какой степени мы отстаемъ отъ вѣка! Но наши дамы не много тужать объ этомъ несчастіи и до того знающи и опытны въ великомъ искусствѣ одѣваться, что не всякій, взглянувъ на нихъ, повѣритъ мнѣ, что имъ вовсе незнакомы парижскія и наши столичныя моды. Случалось не разъ, что геній какой-нибудь секретарши, предугадывалъ за годъ и болѣе тѣ паряды, которые должны были появиться въ Парижѣ и оттуда разойтись по цѣлой Европѣ. Я увѣренъ, что и сегодня увижу нѣчто подобное, фантастическое, что непременно войдетъ въ общее употребленіе, хотя и вѣрнѣе будущаго столѣтія, — и слава изобрѣтенія припишется Французамъ! Нѣтъ, будьте справедливы: въ случаѣ появленія небывалой моды я постараюсь описать ее подробно, нарисую картинку и приложу къ моей повѣсти, для улычки самохвала Парижа.

Но вотъ девять часовъ, и появились на улицѣ шаферы, или свадебные чиновники для особыхъ порученій, на лихихъ коняхъ. Къ шляпамъ кучеровъ пристегнуты банты изъ разноцвѣтныхъ лентъ, по милости которыхъ нѣтъ отбою отъ уличныхъ мальчишекъ, преслѣдующихъ цѣлыми толпами развѣзжающіе экипажи. Шаферомъ жениха—немолодой, но самый ловкій изъ кавалеровъ—нашъ добрый судья, а у невесты—молодецъ Пятачковъ. Но вотъ онъ скачетъ ко мнѣ:

—Здравствуй, Орестъ! Тебя просятъ пожаловать въ церковь и потомъ къ молодому на свадебный обѣдъ; вѣнчать будутъ ровно въ шесть часовъ. Дай-ка трубочки затапуться: усталъ, мочи нѣтъ.

—А что невеста, весела?

—Какое весела! Цѣлое утро глазъ не осушала и ни съ кѣмъ не говоритъ. Настасья Федоровна сама за нее отвѣчаетъ и приказываетъ поклоны жениху.

—Не слыхалъ-ли чего о Свирскомъ?

—Нѣтъ, ничего, и до него-ли теперъ! Усталъ, развѣзжая съ приглашеніями; еще влюбно захватъ къ винному приставу, отъ него къ бургомистру, потомъ заверну къ Бителеву... А что, какъ-то я кольнулъ его, рассказывая о паннѣ Теклосъ? Сегодня я расскажу еще нѣчто, такое смѣшное, что вы нахохочетесь до-упаду. Впрочемъ прощай, — пора.

И онъ ухалъ.

Въ половинѣ шестаго явился я по назначенію въ церковь, гдѣ уже нашолъ жениха, ожидающаго невесту, и множество народа, какъ благороднаго, такъ и не-благороднаго, всюду жаднаго къ зрѣлищамъ, хотя немного позанимательнѣе ежедневныхъ. Вотъ потянулись приглашенные въ церковь, мужчины и не мужчины, то есть, наши барыни и Боже мой, что за наряды, что за покроя у этихъ нарядовъ! Какое разнообразіе чепцовъ и токовъ! Чепцы все разные: круглые, высокіе, продольные, расширившіе къ верху, четверугольные, осьми и двѣнадцати угольные.... (Прошу прислушать: *двѣнадцатиугольные* чепцы будутъ носить въ будущемъ столѣтіи). Какое удивительное сочетаніе цвѣтовъ! Желтый дружески прильнулъ къ пунцовому, коричневый обнимается съ чернымъ и зеленымъ, только голубой, оголубивши съ ногъ до головы секретаршу Земскаго Суда, не имѣетъ при себѣ товарищей, другихъ цвѣтовъ. И въ-самомъ дѣлѣ, что за мысль одѣться голубою? Почтенная секретарша и безъ того извѣстна цѣлому свѣту, какъ постоянная супруга, какъ постоянная шеголиха, сплетница и какъ всякая постоянная женщина въ сорокъ лѣтъ; для чегожъ увѣрять въ томъ, что всѣмъ давно извѣстно? Вотъ входитъ супруга

бургомистра, женщина довольно-полная и недурна собой, но посмотрите, что за чепецъ! Чепецъ-бы еще ничего, но она вздумала надѣть его самымъ оригинальнымъ манеромъ, пригнувъ его къ правому уху, какъ носятъ иной молоденькой щеголь свою фуражку—на-бекрень; и въ-самомъ-дѣль, на лицѣ ея выражается отчаянное мужество и непоколебимая рѣшимость—столкнуть съ мѣста какую-то мелкую чиновницу, чтобы стать прямо противъ роковаго ковра и удостовѣриться собственными глазами, кто изъ молодыхъ будетъ старшимъ въ домѣ. Но чиновница не уступаетъ, ухватившись обѣими руками за манто стряпчихи, и крѣпко отстаиваетъ свою выгодную позицію.

Но вотъ заговорили у входа и народъ повторилъ давно ожидаемое: *идетъ*. Многіе кинулись на встрѣчу невесты, но я остался на своемъ мѣстѣ. Вотъ начали обрядъ,—смотрю—и сердце мое забилось горестью неописанной. Это-ли Ольга прежняя, веселая, полненькая, румяная? Нѣтъ, Ольга невеста худа и блѣдна, на щекахъ слѣды горячихъ слезъ, на устахъ едва удерживаемые стоны.... И несмотря на видимое разстройство души, она хороша по-прежнему, а, можетъ-быть, еще лучше: къ ней такъ идутъ эти слезы и эта матовая блѣдность лица, и это грустное сіянье голубыхъ очей! Такимъ воображаю я ангела, плачущаго надъ жребіемъ падшаго челоуѣка.

Но что-бы значила эта перемѣна, эти слезы непритворной горести? Неужели въ три дня постигла она тайну любви, тайну бытія своего, тайну предстоящей жизни, будущихъ слезъ, будущаго долга, тайну жертвы своей и всю необъятность постигшаго несчастія? Не знаю навѣрное, но я готовъ былъ плакать вмѣстѣ съ нею.... Вотъ при роковомъ вопросѣ, который безвозвратно рѣшить участь ея, она обвела взоромъ всѣхъ предстоявшихъ, какъ-будто испрашивала безмолвнаго совѣта, какъ-будто умоляла насъ о помощи, или призывая въ свидѣтели своего безусловнаго самопожертвованія. Взоръ ея встрѣтился съ моимъ... Въ одномъ этомъ взорѣ прочелъ я всю исповѣдь бѣдной дѣвушки, исповѣдь страшную, сказаніе о сердцѣ бѣдствующемъ въ тревоженнѣйшій страстей, уже потерявшемъ надежду на спасеніе, уже отжившемъ свое счастье! Тихо, но безжалостно, какъ фуріи, терзали его страшные призраки этихъ страстей; по немногу, капля по-каплѣ высасывали изъ него силы и возможность сопротивленія, вытѣсняя одно за другимъ очарованія прежнихъ думъ, надеждъ и вѣрованій. О, никогда не забуду я этого взора полнаго слезъ и отчаянія!.. Но роковое *да*, уже было произнесено. Мнѣ стало страшно,—я оглянулся кругомъ. Лица зрителей были холодны и спокойны, какъ-будто

все это разсчитано и предузнано было прежде и не могло быть иначе. Въ эту минуту я возненавидѣлъ провинціаловъ...

Обрядъ кончился. Молодые поцѣловались, приняли общее поздравленіе и рука-объ-руку вышли изъ церкви. Вслѣдъ за ними отправились и мы, приглашенные за свадебный столъ.

Я не стану описывать торжественнаго обѣда, потому-что, сидя за столомъ, я только ѣмъ и слушаю другихъ; но не всякъ такъ поступаютъ, какъ я и потому многіе разговаривали, смѣялись и шутили. Впрочемъ, непроситительно было-бы мнѣ умолчать объ одномъ разговорѣ нѣсколькихъ барынь, сидѣвшихъ отъ меня недалеко, почему и не проронилъ я ни слова изъ ихъ паучительной бѣсѣды о слѣдующемъ:

— Александра Ивановна, откуда вы достали покрой вашего мпеленькаго чепчика? Господи, сколько угловъ,—и не пересчитаешь на тошакъ!

— Отъ брата получила *фасонію*, отвѣчала Александра Ивановна, та самая, у которой на головѣ красовался двѣнадцати-угольный чепецъ.

— Какъ? У васъ есть братецъ? А я и не знала. Гдѣ-жъ онъ у васъ, голубчикъ? И отчего я не слыхала, что у васъ есть такой добрый братецъ?

— Нашли добраго! Да онъ такой *злушій*, что бѣда! Вотъ почему не говорила я прежде объ немъ.

— Однакожь вы съ нимъ переписываетесь, — и часто?

— Ну, не совсѣмъ часто; разъ въ годъ и то бранимся безъ пощадъ: онъ зоветъ меня дурой, мотовкой и еще чѣмъ-то, а я зову его — не скажу чѣмъ.

— Такъ у васъ вражда?

— И нѣтъ, матушка; такъ ссоримся отъ-нечего-дѣлать. Однакожь хотѣла-бы я знать, что сдѣлать съ человекомъ, который выгоняетъ отъ себя изъ дому женщину неповинную, въ одномъ платьѣ и въ башмакахъ на босую ногу, а?

— Я выцарапала бы ему глаза.

— А я, скинувши башмаки, отшлепала-бы его такъ, какъ было иногда мою Аксющку, замѣчая, что изъ кладовой пропадаютъ сахаръ и варенье.

— А я подала-бы прошеніе въ Земскій Судъ и мужъ мой, заступившись за меня, разорилъ бы его, окаяннаго.

— Нѣтъ, матушка не на того попал: онъ гарнизонный офицеръ и съ такими страшными усами, что я, сестра его... тьфу, ты глупая—проговорила!

Барыни совѣтницы, казнившія такъ безжалостно гарнизоннаго

брата, приутихли тоже и молча переглядывались между собой, удерживаясь отъ смѣха.

Между-тѣмъ обѣдъ шолъ своимъ чередомъ; послѣ жаркого начали пить здоровья и пили около двухъ часовъ кряду, и каждое здоровье по полному бокалу. По счету оказалось, что въ достопамятный день свадьбы Ивана Кирилловича выпито за 28 здоровій. Первый тостъ былъ за молодыхъ, потомъ перебрали по одиначкѣ всѣхъ родственниковъ съ обѣихъ сторонъ и заключили послѣднимъ: «за здоровье того, кто любитъ кого». Потомъ я ужъ ничего не помню, что происходило между молодыми и прочими гостями, не помню, кто проводилъ меня домой и какъ уложили спать, но никогда не забуду нестерпимой головной боли на другой день! Мнѣ казалось, что я осужденъ на вѣчное мученье, — за здоровье тѣхъ господъ, которымъ такъ щедро расточалъ вчера ничего нестоющія желанья. Ужасное вино это полшампанское! Но, Боже мой! Сколько подобныхъ здоровій предстоитъ еще впереди: мы должны каждый день, въ продолженіе цѣлой недели, являться на званые обѣды и за каждымъ пить по стольку-же: это ужасъ! Отъ этого недолго заболѣть или сдѣлаться горькимъ пьяницей. Но отступить на волосъ отъ заведеннаго порядка — невозможно, а я, повѣритель, чуть живъ отъ вчерашнихъ здоровій!

Тягостно и ненавистно мнѣ воспоминаніе свадебныхъ пировъ, которые продолжались, къ моему несчастію, около двухъ недель вмѣсто одной; но я не стану рассказывать объ этомъ пьяномъ времени; двѣ недели прочь изъ моего разсказа.

Наконецъ мы отдохнули и принялись за прежнія занятія. По-прежнему сижу я подъ окномъ, докуривая послѣднюю трубку передъ путешествіемъ въ должность; по-прежнему люблюсь ежедневной суетой уличнаго народа, изрѣка посматривая на урочные часы. Небо прояснилось. Только мѣстами гуляютъ бѣлые облака, словно сбитое въ груды стадо барановъ, но солнышко осеннее весело катится по голубой тверди небесъ и, не грѣя по-лѣтнему, все таки сыплеть лучи свои на поблеклую природу; можетъ-быть, удастся намъ подышать свѣжимъ воздухомъ Божьимъ, не кутаясь въ воздушныхъ комнатахъ. Хорошо-бы... Но вотъ и Васильевна провела калачи свои на базаръ. На этотъ разъ она бодро прошла по проложенной уже тропинкѣ и не потеряла никакого несчастія при опасной переправѣ съ кирпича на бревно. Бьетъ 9 часовъ. Пора.

Но при самомъ выходѣ остановила меня неожиданная встрѣча съ Иваномъ Кирилловичемъ.

— Куда такъ рано? спросилъ я, видя съ какой торопливостью

полъ онъ по улицѣ, не разбирая по суху или по морю грязи ступали его ноги.

— Чего, братецъ, я взбѣшонъ до крайности!.. И кто бы ожидалъ такихъ проказъ отъ чловѣка, прежде порядочнаго? Вообрази, онъ вырвалъ у меня изъ рукъ бутылъ съ вишневкой—и убѣжалъ! Я-жъ его сокола, оциплю, какъ мокрую курицу!

— Да кто-жъ этотъ проказникъ? Штука, впрочемъ, недурна; вѣрно, онъ по запаху отгадалъ, что вишневка лучшее произведеніе твоего батюшки.

— Тебѣ смѣшно, а мнѣ жаль моей наливки: не больше ведра осталось отъ свадьбы и ту отнял! Да этакъ пожалуй по міру устатъ... Держись у меня Свирскій!

— Чтò? Свирскій? Развѣ онъ воротился?

— Да кто-жъ у меня отнял наливку, если не онъ? Я, кажется, говорю съ толкомъ.

Я вздрогнулъ.

— Расскажи, сдѣлай милость, какъ это случилось? Я предчувствую ужасное несчастіе... Нѣтъ, не пущу тебя къ Свирскому, покуда не узнаю всего обстоятельно.

Послѣ долгихъ споровъ, рассказалъ мнѣ Иванъ Кирилловичъ подробности похищенія наливки; вотъ какъ это было:

Отпраздновавъ окончательно свадьбу свою, Иванъ Кирилловичъ подумалъ приучать по немпогу къ хозяйству молодую жену. Первый урокъ по этой части назначенъ былъ на сегоднешнее утро и, чтобъ не отвратить, но прихотить къ занятіямъ неопытную хозяйку, онъ придумалъ для перваго раза очень-легкое и приятное, по его мнѣнію, дѣло: разлить въ бутылки оставшуюся наливку и помѣтить каждую изъ нихъ приличною надписью. Во все продолженіе занятій предположено было прочитать лекцію о пользѣ и приятностяхъ разливаемого питія, о искусствѣ подслащивать его всеми извѣстными способами, и кончить похвальнымъ словомъ той хозяйкѣ, которая не употребляетъ ихъ сама безъ гостей, или безъ своего сожителя. Но Свирскій перервалъ лекцію при самомъ ея началѣ, явившись, Богъ-знаетъ откуда, передъ открытымъ окномъ, которое служило на этотъ разъ аудиторіей и лабораторіей хозяйственныхъ занятій молодыхъ супруговъ. Первая замѣтила его Ольга, упавшая въ обморокъ въ тоже время, и прежде, нежели Иванъ Кирилловичъ успѣлъ разглядѣть неожиданное явленіе, Свирскій вырвалъ у него изъ рукъ бутылъ съ наливкой—и съ дикимъ хохотомъ убѣжалъ отъ него по направленію къ своей квартирѣ. Послѣ этого легко вообразить изумленіе, досаду и гомерическій гнѣвъ молодаго мужа при видѣ перваго обморока жены и чувствуя въ то-же время

потерю завѣтной бутылки. Но Иванъ Кирилловичъ недолго затруднялся въ выборѣ средствъ къ возвращенію своей собственности: препоручивъ жену на попеченіе дворни, схватилъ онъ палку и пустился преслѣдовать—даже на край свѣта—похитителя безцѣнной наливки.

— Бутылъ не пропадетъ; я доставлю ее въ цѣлости, но прошу для твоей-же пользы—возвратись домой. Одно присутствіе твое въ домѣ несчастнаго погубитъ его непременно.

— Вотъ что выдумалъ! А моя наливка? Злодѣй выпьетъ ее безъ меня.

— Не бойся, я отниму твою наливку и отвѣчаю за убытокъ, но еще разъ прошу, не мѣшайся въ это дѣло.

— Что за чудо! Развѣ ты думаешь, что я больно приколочу его? Правда, онъ стоить порядочной гонки, но такъ и быть, только для тебя прощаю на этотъ разъ, но съ тѣмъ, что бутылъ моя возвратится въ прежнее состояніи, не то будетъ худо... Скажи сорванцу, что я вѣкъ не прощу его глупости!

Быстро вошелъ я въ комнату Свирскаго и въ недоумѣніи остановился передъ новой сценой непостижимой фантазіи моего товарища. Блѣдный, съ расгребанными волосами, въ изодранномъ платьѣ, стоялъ онъ на колынахъ у изголовья кровати и съ кѣмъ-то разговаривалъ, хотя въ комнату, по-видимому, не было никого; на кровати лежало что-то укутанное старательно, но молчаливое, безъ движенія. Свирскій не слышалъ, какъ я вошелъ и продолжалъ свой удивительный монологъ:

«Когда цѣлый полкъ жениховъ твоихъ напалъ на меня въ оврагъ, я выхватилъ у одного изъ нихъ мечъ и началъ рубить на-право и на-лѣво... но ихъ было много, и всѣ были такъ храбры, что я долженъ былъ пасть непременно, еслибъ Гонзалъвъ Корлуанскій и потомъ Ринальдо Ринальдини, мои лучшіе друзья, не подоспѣли ко мнѣ на помощь... Тогда дѣло измѣнилось, и мы разсѣяли, били и уничтожили всѣхъ муравьевъ... Потомъ, тебя похитили три великана, но знаменитый волшебникъ Сень-Жерменъ, любовникъ моей тетушки, догналъ ихъ въ Китаѣ и обратилъ въ три дуба... онъ-же показалъ мнѣ забытую котомку съ хлѣбомъ и виномъ... Помнишь ли, какъ хорошо мы пообѣдали въ Кастиліи... Потомъ тетушка...»

— Свирскій! Что съ тобою, Свирскій?

Знакомый голосъ образумилъ на минуту несчастнаго; онъ узналъ меня.

— Орестъ! И онъ сжалъ меня въ объятіяхъ, и мутные, воспаленные глаза его прояснились на мгновеніе.

— Радуйся! продолжалъ онъ прежнимъ голосомъ, похожимъ на

громкій шопоть охриплага челоуька: я воротилъ свою Ольгу; и отнялъ ее у злаго чародья, который похитилъ-было милую мою на послѣднемъ ночлегѣ, и заперъ въ стеклянный дворецъ на Араратъ; но я пашель ее и тамъ. Послушай, другъ мой, Мельмотъ, завтра на моей свадьбѣ будутъ все рыцари съ цѣлаго свѣта и тетушка... Ее сватають: Египетскій паша и Нума Помпидій... Но что такое солнечный свѣтъ, еще не извѣстно... Хочешь-ли видѣть мою Ольгу?.. Олячка, можно-ли представить твоему сичнію друга и брата по оружію—непобѣдимаго Артура... Можно?.. Сейчас!

Безумный сорвалъ покрывало: похищенная бутылъ и возлъ нея пустой стаканъ представляли мнѣмую Ольгу въ стекляномъ дворцѣ. Наливъ полный стаканъ, Свирскій залпомъ осушилъ его и снова задернулъ покрывало, шаркая ногой, будто прощаясь или благодаря за угощеніе. Въ это время я вышелъ изъ комнаты и послалъ за лекаремъ. Потомъ...

Но невозможно передать всѣхъ сумазбродствъ и странныхъ разсказовъ несчастнаго. Сумасшествіе Свирскаго было тихо, рѣчь довольно-связная, но ужъ никого не узнавалъ помѣшанный. Его перевезли въ больницу. Черезъ мѣсяць я былъ переведенъ въ К...

ЭПИЛОГЪ.

Спустя лѣтъ десять послѣ описаннаго происшествія, шоль я однажды въ палату, къ должности, разсуждая дорѣдой о возможности переехать наконецъ въ желанную столицу. Десять лѣтъ службы въ губернскомъ городѣ ознакомили меня съ людьми, съ чинами, съ новыми потребностями и съ новыми желаніями. Въ теперешній періодъ жизни хочется мнѣ покататься четверней, принимать гостей на *«большую ногу»*, (престрапное выраженіе!) хочется блеснуть стариннымъ освѣщеніемъ, бронзой и лоскомъ паркетнаго пола, — а потомъ рѣшительно подумаю о женитьбѣ. Въ столицѣ невѣстамъ нѣтъ перевода; и такъ все дѣло за мной переводомъ, — на дняхъ постараюсь непременно. Вдругъ, во время походныхъ разсужденій моихъ, встрѣчаю стараго приятеля Пятачкова, и, не-смотря на то, что онъ растолстѣлъ, какъ откупщикъ, я узналъ его съ перваго взгляда. Мы обнялись, какъ лучшіе друзья въ свѣтъ. Послѣ первыхъ, довольно-безтолковыхъ разспросовъ съ обѣихъ сторонъ, Пятачковъ увлекъ меня съ пути долга въ кондитерскую, обѣщая разсказать много новостей о старыхъ друзьяхъ и сослуживцахъ въ М.

— Прежде всего разскажи о Иванѣ Кирилловичѣ и Ольгѣ Федоровѣ.

— Изволь: Иванъ Кирилловичъ толще меня вдвое, сильнее по-прежнему, но вина вовсе не пьетъ; за то каждый день послѣ обѣда

спить по пяти часовъ, не менѣе. По вечерамъ клянутъ коробочки и дѣлаютъ разныя игрушки для дѣтей.

— Какъ? у него дѣти?

— Что-жъ тутъ удивительнаго? У него два сына. Ольга Федорвна мила по-прежнему и счастлива, какъ нельзя-болѣе. Счастливей этого семейства нѣтъ у насъ въ цѣломъ городѣ... Что-жъ еще? Да, послѣ смерти отца, Иванъ Кирилловичъ занялъ мѣсто Казначая.

— А Свирскій?

— Онъ давно выздоровѣлъ отъ помѣшательства, но пьетъ *горькую*... Объ немъ нечего сказать хорошаго и потому лучше ничего не говорить.

— Бѣдный!.. А что Бителевъ?..

— Шумитъ по-прежнему, толкуетъ о «Россійской Словесности» а насъ и въ грошъ не ставитъ. Поросята по-прежнему называются учительскими секундантами.

— Что наши барыни? Все-ли у нихъ благополучно: чепцы, мужья, варенья и проч.?

— Все по-прежнему... нѣтъ, виновать! Нынче у насъ такія сплетни, что Боже упаси! О прежнихъ веселостяхъ нѣтъ и помину... Эхъ, братъ, ну то-ли было въ-старину, помнишь?

Какъ не помнить!..

Однакожь, не надѣясь на память свою, записалъ я многое, и вотъ вамъ первое *воспоминаніе*.

М. РОМАНОВИЧЪ *

* Читатели наши, вѣроятно, замѣтили въ прошедшемъ году «Репертуара и Пантеона» нѣсколько стихотвореній, подъ которыми подписавъ былъ псевдонимъ *Рочъ*. Прочитанная теперь ими повѣсть принадлежитъ тому-же самому автору, но мы рѣшились открыть тайну его псевдонима, потому-что скрывавшійся подъ нимъ молодой авторъ — въ могилѣ... *Мих. Григор. Романовичъ* — жилъ въ Казани и только-что выступалъ на литературное поприще: вотъ все, что мы можемъ сказать для его біографіи. Получивъ отъ него нѣсколько произведеній его, при письмѣ, исполненномъ скромности и благородства, мы отвѣчали ему по присланному адресу. Прошло нѣсколько недѣль — почталійонъ принесъ намъ письмо обратно, съ надписью: «*Означенный получатель померъ.*» Читатели наши по предлагаемой повѣсти могутъ судить, какииъ прекраснымъ дарованіемъ обладалъ молодой авторъ ея. *Ред.*

ИЗЪ «ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА».

Лишь тотъ, кто зналъ печаль
Пойметъ страданье.
Смотрю я грустно вдаль
Безъ упованья.
Всю жизнь грущу, терплю
Въ тоскъ унылой...
Ахъ, тотъ, кого люблю,
Далекъ отъ милой.
Мнѣ дней прошедшихъ жаль...
Я жду въ молчаньи...

Лишь тотъ, кто зналъ печаль,
Пойметъ страданье...

***

НЕ ВЫВАТЬ-ВЫ СЧАСТЬЮ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ *.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Антонычъ Кадниковъ, богатый помѣщикъ	Г-нъ Каратышинъ 2-й.
Надежда Петровна, его жена.	Г-жа Самойлова 1-я.
Григорій Васильевичъ Хохловъ, дальній родственникъ Кадникова	Г-нъ Сосницкій.
Владиміръ Андреечъ Лужинъ, дальній родственникъ Кадниковой	Г-нъ Смирновъ 2-й.
Аглаонъ Назарычъ, дворецкій и камердинеръ Кадникова	Г-нъ Мартыновъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Кадникова, въ Новгородской губерніи.

Небольшая, хорошо-мѣблированная комната, дверь въ серединѣ и двѣ по бокамъ. На-лѣво отъ актѣровъ столъ; на немъ разбросаны книги, бумаги и все, что нужно для письма. На-право другой столъ, на которомъ лежатъ книга и альбомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лужинъ, Надежда, Хохловъ, Кадниковъ.

При поднятіи занавѣса, Кадниковъ, у стола на-лѣво, разсматриваетъ счоты; Хохловъ, близъ его, читаетъ журналъ; Лужинъ, на другой сторонѣ, облокотясь на спинку кресель Надежды, тихо разговариваетъ съ нею.

кадниковъ. Слава Богу! счоты моего управителя върны... надобно сказать правду, у меня въ деревнѣ идетъ дѣло какъ по маслу... просто, сердце радуется!

* Представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ, на Александринскомъ Театрѣ, 14-го декабря 1843 г., въ бенефисъ г-на Мартынова.

хохловъ. Да какъ и не радоваться, помилуйте!
надежда. Я удивляюсь, какъ вамъ не васкучать эти счоты, да рапорты... вы вѣчно имъ заняты.

кадниковъ. Да знаешь-ли ты, что для меня нѣтъ ничего приятнѣе, какъ, на-примѣръ, этакъ хорошенько, вкусно пообѣдавъ, засѣсть съ сигарскою въ кресла, и прочитать дѣльный рапортъ или исправный счотъ управителя... вѣдь, что бумажонка, то тысяча, или сотня въ карманъ... глядишь, и понаберешь этакъ, худо, худо, тысячь сорокъ въ годъ.

хохловъ. Господи! да это такое удовольствіе, которому всякой позавидуетъ.

кадниковъ. Да главное не въ томъ... не получай я сорока тысячъ въ годъ, такъ не былъ-бы, можетъ-быть, такъ счастливъ. (*Надежда*). Безъ нихъ, навѣрное, я никогда-бы не былъ твоимъ мужемъ. —Вспомни, что восемь лѣтъ тому назадъ мнѣ было ужъ сорокъ-девятъ, а тебѣ только семнадцать... надо было моими тысячами...

надежда. О, неужели вы думаете!.. Я не имѣла въ виду ничего, кромѣ вашей любви и вашего добраго сердца.

кадниковъ. Я не говорю ни слова о тебѣ, но твои родные... По-вѣрь, безъ моего, состоянія они никогда-бы не рѣшились отдать тебя старику.

надежда. Я васъ сколько разъ просила, чтобъ вы не называли себя старикомъ... неужели вы думаете, что счастіе составляетъ только равенство лѣтъ?

кадниковъ. Конечно такъ; но мнѣ прискорбно, что до-сихъ-поръ я не могъ еще доставить тебѣ никакого удовольствія, даже не могъ исполнить твоего желанія—переселиться на житье, по-крайней-мѣрѣ, хоть на зимнее время, въ Петербургъ; но ты знаешь, что въ этомъ я нисколько не виноватъ... болѣзнь твоей матушки, во все эти восемь лѣтъ, удерживала насъ здѣсь... да и ты никакъ не рѣшалась съ ней разстаться... но теперь, когда ее ужъ не стало, мы можемъ располагать собою: лѣто проживемъ мы здѣсь... наши добрые друзья, Григорій Васильевичъ и Вольдемаръ, надѣюсь, прогостятъ у насъ до осени и не дадутъ тебѣ соекутиться... а осенью, Богъ дастъ, отправимся ужъ непременно въ Петербургъ и проживемъ, что называется, на-славу!

надежда. Ахъ! я не могу дожидаться этого времени... вы не повѣрите, какъ мнѣ хочется быть въ Петербургъ... сколько удовольствій онъ мнѣ обѣщаетъ: театры, собранія, балы...

хохловъ. И сколько это будетъ стоить!.. и какими пожертвованіями, можетъ-быть, придется вамъ заплатить за эти удовольствія... простуды, пересуды, досады, слетни—это первые друзья баловъ.

луживъ. Ахъ, Григорій Васильевичъ, какъ вамъ не стыдно... вы разрушаете лучшія мечты кузины!

хохловъ. Молодой человекъ! когда было и мнѣ, какъ вамъ, восемнадцать лѣтъ, я также видѣлъ одиѣ розы въ этихъ удовольствіяхъ... но теперь я тридцатью годами старѣе и мнѣ по-неволю замѣтно, что эти розы съ шипами... это не моя вина! Конечно, кто богатъ, тотъ и подъ-старость находитъ удовольствія въ жизни... а я что? бѣднякъ, чуть не нищій!

кадниковъ. Да, понтеннѣйшій Григорій Васильевичъ, ты не можешь похвалиться богатствомъ.

хохловъ. Тысяча рублей пенсіи и вродного въ виду наслѣдства— вотъ все мое состояніе и моя будущность.

кадниковъ. А надобно сказать, что твой отецъ, мой благодѣтель, былъ рѣдкаго ума человекъ... я это знаю лучше всѣхъ... онъ былъ—моимъ опекуномъ, онъ привелъ въ порядокъ мое имѣніе, которое батюшка оставилъ въ большомъ разстройствѣ... ему обязанъ я всѣмъ, что имѣю: это плоды его трудовъ и наставленій... да, я могу сказать, что никогда-бы мнѣ не получать сорока тысячъ дохода, еслибъ не былъ моимъ опекуномъ твой отецъ.

хохловъ. За-то онъ мнѣ ничего не оставилъ! (*Въ-сторону*) Не будь онъ моимъ опекуномъ, не былъ-бы я такимъ бѣднякомъ!

кадниковъ. О, я никогда не забуду того, чѣмъ я ему обязанъ.

хохловъ (*вставал*). Это дѣлаетъ тебѣ честь... (*Въ-сторону*) Оно неразрительно.

кадниковъ (*также вставал*). Помнишь-ли ты, Григорій Васильевичъ, село Веселево?

хохловъ. Еще-бы мнѣ забыть... вѣдь я въ немъ родился... матушка съ батюшкой приехали къ вамъ погостить на лѣто вдвоемъ, а уехали отъ васъ втроемъ; судьба сыграла со мной оригинальную штуку... произвела меня на свѣтъ въ гостяхъ.

кадниковъ. А помнишь, какъ ты гащивалъ у насъ? Этому ужъ лѣтъ сорокъ; помнишь, какъ мы съ тобой играли... помнишь, какъ ты любилъ бѣгать по саду? Какъ теперь гляжу, въ жолтиной курточкѣ, верхомъ на палочкѣ и съ хлыстикомъ въ рукахъ... что тебѣ тогда было лѣтъ восемь не больше...

хохловъ. Да, я съ-тѣхъ-поръ таки неизмѣнился... однакожъ и тогда ужъ я общалъ изъ себя кавалериста! Нечего сказать, славное было тогда житье... ни горя, ни заботы, только-бы поиграть... за то ужъ какъ я и любилъ ваше Веселево, только бывало и просишь батюшку: поѣдьте, да поѣдьте къ дядинкѣ... и ужъ какъ сберемъ, бывало, такъ ногъ подъ собой не чувствуешь... не спишь, не ѣшь, не вшь...

кадниковъ (съ намъреніемъ). Такъ тебѣ Весельево очень нравится?

хохловъ. Родина и не нравится! Я часто его вижу даже во снѣ... да какое и мѣстоположеніе! Чудо! такъ и просится на картинку! Я удивляюсь, почему ты въ немъ не живешь?

кадниковъ. Оттого, что село, гдѣ мы теперь живемъ, ближе къ городу, а я туда часто долженъ ѣздить по дѣламъ... потому здѣсь у меня фабрика и душъ побольше... стало, здѣсь необходимо мое присутствіе; ну, да надо еще сказать, что въ Весельевъ у меня не съ кѣмъ слова перемолвить, совсѣмъ нѣтъ сосѣдства... а здѣсь у насъ добрые, хорошіе сосѣди.

надежда. Удивительные! совершенные медвѣди!

кадниковъ. Нѣтъ, не говори этого!

№ 1-й. Преотличныя сосѣди,

На-подборъ все молодцы,

Въ обращеніи медвѣди,

А въ хозяйствѣ мудрецы!

Анна Силишна варенья

Превосходныя варить;

Петръ Ильичъ на обяденье

Ветчину свою солить!

У Матрены Алексѣвны

Мастерское масло бьютъ;

У Авдотьи Тимофѣвны

Славно пряники пекутъ.

А ужъ гдѣ попить вишневки,

Да покушать кулича,

Такъ ужъ это у золовки

Николая Кузьмича!

НАДЕЖДА.

Но когда они рѣшатся,

У сосѣдей побывать,

Такъ отлично разрядятся,

Что нельзя не хохотать.

Ихъ уборъ, прически, платья,

Взято все съ червонныхъ дамъ;

Экипажи, безъ изытъя,

Прошлый вѣкъ напомнятъ вамъ.

Чтобъ въ уѣздѣ ни случилось,

Все тотчасъ перенутъ:

Та съ какимъ-то побранилась,

Тотъ отправилъ просьбу въ судъ.

Все расскажутъ: какъ корова

Въ полѣ выѣла овесъ,
 Отчего у Становова
 Покрасиѣлъ недавно носъ;
 Кто на комъ жениться хочеть,
 У кого нѣтъ изгородъ,
 Какъ кто плачетъ, или хохочеть,
 Кто какой оброкъ беретъ!
 Вотъ вамъ наши всѣ сосѣди,
 Все медвѣди и глупцы!

КАДНИКОВЪ.

Въ обращеніи медвѣди,
 А въ хозяйствѣ—мудрецы!

НАДЕЖДА. Только съ этими мудрецами я нахожу всегда одну скуку.

КАДНИКОВЪ. Въ Весельевѣ и того-бы не нашла... А тебѣ, Григорій Васильичъ, не-смотря на то, я чай, хотѣлось-бы побывать въ Весельевѣ?

ХОХЛОВЪ. Да, признаюсь, очень-желалъ-бы... вѣдь сколько воспоминаній...

КАДНИКОВЪ. Постой, я тебѣ доставлю это удовольствіе.

ХОХЛОВЪ. Какъ? ужъ не сбѣгаешь-ли ты туда?

КАДНИКОВЪ. Нѣтъ еще, покуда... теперь мнѣ некогда!

ХОХЛОВЪ. Да что тебѣ пришло на умъ Весельево?

КАДНИКОВЪ. Такъ... кстати пришлось... я сейчасъ читалъ рапортъ тамошняго прикащика!..

ХОХЛОВЪ. А!.. и хорошо тамъ идуть дѣла?

КАДНИКОВЪ. Какъ нельзя лучше... дѣвсти душъ дали десять тысячъ оброку.

ХОХЛОВЪ. Безподобно! (*Въ-сторону*) Ахъ! мнѣ хоть-бы это!

ЛУЖИНЪ (*который въ продолженіе этого времени тихо разговаривалъ съ Надеждой*). Какъ вы сегодня интересны, кузина; какъ къ вамъ идетъ это платье!

НАДЕЖДА. Право?

ЛУЖИНЪ. Я увѣренъ, что въ Петербургѣ вы будете царицею всѣхъ баловъ.

НАДЕЖДА. Я не ожидала отъ васъ такихъ комплиментовъ!.. но это проза... не забудьте, что вы обѣщали мнѣ написать стихи въ альбомъ.

ЛУЖИНЪ. Вы ихъ получите сегодня.

НАДЕЖДА. Смотрите-же, сдержите обѣщаніе!

ХОХЛОВЪ (*въ-сторону*). Мнѣ кажется, что будуцій господинъ

чиновникъ намѣренъ прикомандироваться по особымъ порученіямъ...

кадниковъ (*Надежду, становясь между него и Хохловымъ*). Что это мой Агафонъ долго не ѣдетъ изъ города? Такое важное дѣло... Я хотѣлъ-бы поговорить съ тобой, мой дружокъ; можетъ-быть и мнѣ придется отправиться дня на два въ городъ, и потому мнѣ надо дать тебѣ кой-какія наставленія.

надежда. Вѣрно что-нибудь на-счетъ работъ, сына, овса, скота и тому подобной прозы?

кадниковъ. Именно, на счетъ того, что не пишется стихами.

надежда. Извольте, я готова слушать.

кадниковъ. Такъ пойдемъ въ кабинетъ... а вы, мои друзья, между-тѣмъ познакомитесь... ты, Григорій Васильчъ, кажется, не успѣлъ еще узнать хорошенко всѣхъ достоинствъ нашего Вольдемара... прекрасный, преумный и преспособный молодой человекъ... онъ ужъ оканчиваетъ курсъ наукъ, и я увѣренъ, что пойдетъ далеко!

хохловъ. Да, это видно даже по ихъ лицу! Скажи, могу я приказать осѣдлатъ для себя лошадь?

кадниковъ. О, конечно, нечего и спрашивать... но разве ты хочешь куда-нибудь ѣхать?

хохловъ. Да, я далъ слово обѣдать сегодня у вашей сосѣдки Вьюновой.

кадниковъ. Григорій Васильчъ! вы ужъ намъ измѣняете.

хохловъ. О, это только на нѣсколько часовъ, Надежда Петровна.

кадниковъ. Не стѣсняйся ни сколько... распоряжайся здѣсь, какъ дома!.. До свиданія!.. Пойдемъ, Надинька!

(*Кадниковъ и Надежда уходятъ въ дверь на-право.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Хохловъ и Лукинъ.

хохловъ. Итакъ, Владмиръ Андреечъ... я думаю, эта деревня вамъ нравится больше вашего училища?

лукинъ. Кажется, объ этомъ нечего и спрашивать.

хохловъ. Ваша правда... да и какъ здѣсь не чувствовать удовольствія... особенно въ обществѣ такой прекрасной хозяйки, какъ ваша кузина... Какъ она хороша! какъ любезна!

лукинъ (*въ-сторону*). И это онъ говоритъ мнѣ.

хохловъ. И какое терпѣніе, какая кротость!.. Знать свои до-

стоинства и прожить восемь лѣтъ въ глуши, съ большой матерью и съ мужемъ, который годится ей въ отцы...

лужинъ. Даже, если хотите, въ дѣдушки.

хохловъ. Ну, ужъ это слишкомъ! Однакожъ, ея положеніе незавидно!.. Хоть-бы, для разсвѣнія, былъ сынишко или дочка, такъ и того не было, да, кажется, и не будетъ... послѣ восьмилѣтняго супружества, трудно надѣяться на наследника... и все это богатство перейдетъ къ ней! Нѣчего сказать, интересная будетъ вдовушка!

лужинъ. Григорій Васильичъ, какъ вамъ не стыдно!

хохловъ. Боже мой! что-жъ тутъ хулаго... Мы все смертны... а изъ нихъ по всему очередь за мужемъ! Повѣрьте, слова мой его не убьютъ... Чудная, рѣдкая женщина! и какъ умна!.. Вы, кажется, такъ любите съ ней разговаривать...

лужинъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; вы не можете знать ее такъ хорошо, какъ я... вы здѣсь только два дня... а я... въ продолженіе этихъ трехъ недѣль, какъ я сюда прѣхалъ, я узналъ ее вполнѣ! Что за рѣдкая душа! какая доброта! какой чудный умъ! это сама добродѣтель! это...

хохловъ. И прочая, и прочая!.. Позвольте вамъ замѣтить, вы, кажется, ужъ черезъ-чуръ предубѣждены въ ея пользу... впрочемъ не мудрено... вы ея родственникъ.

лужинъ. Родственникъ!.. Что я ей за родственникъ! какой-то пятиродный братъ.

хохловъ. А! также какъ и я Ивану Антонычу: седьмая вода на кисель!.. но если тутъ нѣтъ родственнаго чувства, въ такомъ случаѣ... извините, я откровененъ... вы должны быть въ нее влюблены.

лужинъ. Я? Съ чего вы это взяли?

хохловъ. Готовъ хоть объ закладъ... вы влюблены.

лужинъ. Нѣтъ, нѣтъ! Какъ возможно! Нѣтъ!

хохловъ. Зачѣмъ-же защищаться съ такимъ жаромъ?

лужинъ (*въ-сторону*). Какъ онъ любовитенъ!

хохловъ (*въ-сторону*). Какъ онъ скрываетъ!.. въ его лѣта! Это удивительно!

лужинъ. Развѣ я не могу восхищаться тѣмъ, что прекрасно въ моей кузинѣ? Неужели поэтому только подозрѣвать...

хохловъ. О, кляпусъ, я не подозрѣваю ничего! Для меня нисколько не удивительно, если молодой человекъ восхищается въ женщинѣ даже умомъ или характеромъ.

2-й. Я женщинѣ самъ любя душой,

Вѣкъ буду мысли той держаться,

Что въ нихъ мужчина молодой
Вполнѣ обязанъ всѣмъ плѣняться.
Такъ можно-ль удивляться мнѣ,
Когда его и то плѣняетъ,
Что мужъ иной въ своей женѣ,
Побочнымъ дѣломъ называетъ!

лужинъ. Ахъ! она должна быть несчастна! Я не одинъ разъ слышалъ, какъ она вздыхала..

хохловъ. Отчего-бы, кажется? Иванъ Антонычъ такой тихій, такой добрый человекъ.

лужинъ. О, это вполнѣ прозаическое существо!.. Онъ не понимаетъ се... онъ не постигаетъ, чего жаждетъ ея душа... Поэзія, любовь, вотъ ея сфера... а онъ!.. это небо и земля... въ немъ нѣтъ къ ней никакой симпатіи.

хохловъ. Не было-бы только антипатіи... для мужа и этого довольно.

лужинъ. И вы можете такъ говорить?... Но я забылъ, что онъ вашъ другъ... вашъ родственникъ.

хохловъ. Не беспокойтесь... я ужъ сказалъ, что это родство — седьмая вода на кисель.. а что до дружбы, — такъ такіе друзья у насъ на каждомъ шагу.

лужинъ. Все-таки я не хочу говорить о немъ дурно... но если сказать правду... такъ онъ... просто...

хохловъ. А! онъ!.. того...

лужинъ. Кажется, вы меня совершенно поняли.

хохловъ. О, совершенно!.. *(Въ сторону.)* Кончится тѣмъ, что онъ все мнѣ расскажетъ.

ДВЛЕНІЕ III.

Хохловъ, Агафонъ, Лужинъ.

(Агафонъ съ бумагами въ рукахъ, входитъ въ среднюю дверь, но осмотрѣвъ кругомъ, хочетъ снова уйти.)

хохловъ. Послушай, какъ тебя... Агафонъ Назарычъ... кого тебѣ надобно?

агафонъ. Это мое дѣло.

хохловъ. Коротко и ясно!

агафонъ *(съ неудовольствіемъ подходитъ къ Хохлову)*. Вѣдь вы, конечно, не Иванъ Антонычъ? У васъ нѣтъ дѣлъ въ Гражданской Палатѣ? Вамъ не нужно совершать ни духовныхъ завѣщаній, ни купчихъ, ни закладныхъ? Такъ нечего и спрашивать... Мнѣ не васъ, сударь, нужно! вотъ что!

хохловъ. Въдь экой грубиянъ! Ну, тебѣ нужно Ивана Антоныча; такъ поди, онъ въ кабинетъ и давно тебя ждетъ!

агафонъ (*съ неудовольствіемъ*). Слышу! иду!.. грубиянъ! (*Идетъ и возвращается*.) Конечно, я ничто-иное, какъ лакей, слуга... мнѣ всякой имѣетъ право сказать: ты грубиянъ, поди вонъ! вычисти сапоги! вымети комнаты! А этотъ слуга могъ-бы имѣть самъ лакея... могъ-бы самъ приказывать... могъ-бы самъ заставлятъ чистить сапоги! вотъ что! У меня былъ дядя, Василій Сидорычъ, не простой какой человекъ, а мѣщанинъ... имѣлъ свой домъ и огородъ на Выборгской, получалъ съ нихъ тысячи двѣ въ годъ... да угораздило его на старости жениться... и навязалась мнѣ на шею тетушка Авдотья Силишна... хорошо!.. (*Звонитъ*) Ну, пошли звонить! иду, иду!.. А теперь я что? слуга! лакей — и все тутъ! вотъ что!

(*Уходитъ въ дверь на-право*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хохловъ, Лужинъ.

хохловъ. Вотъ оригиналь! ха, ха, ха!

лужинъ. Вы слышали?.. Гражданская Палата... завѣщанія, купчія, закладныя! Возможно-ли послѣ этого, чтобъ женщина съ возвышенными чувствами, съ вѣжнымъ сердцемъ расположена была къ такому мужу!

хохловъ. Да, признаюсь... это почти невѣроятно.

лужинъ. Такъ вы согласны со мной?

хохловъ. Совершенно! Я душевно сожалею объ участи этой несчастной женщины... и буду сожалѣть еще болѣе, если она еще не нашла для себя сердца, которое гармонировало-бы вполне ея чувствамъ, которое сочувствовало бы ей.

лужинъ. О! она его скоро найдетъ!

хохловъ. Неужели?.. Ахъ какъ я буду радъ!

лужинъ. Право?

хохловъ. Клянусь честью!.. Я очень забочусь о ея счастьи.

лужинъ (*въ-сторону*). Онъ, кажется, добрый мальиш.

хохловъ. Сожалею только объ одномъ, что не могу ей въ этомъ помочь.

лужинъ. Кто знаетъ!

хохловъ. Какъ?.. развѣ я имѣю какія-нибудь средства?

лужинъ. Конечно имѣете! Еслибъ вы захотѣли... и еслибъ я былъ увѣренъ въ вашей скромности.

хохловъ (*въ-сторону*.) Вотъ оно!

лужинъ. Я готовъ вамъ признаться.

хохловъ (въ-сторону). Того и гляди, слетитъ съ языка.

лужинъ. Ваши слова... ваше участіе въ судьбѣ моей кухни...

хохловъ. Это очень-натурально

лужинъ. Но я вижу, что вы ужъ угадали мою тайну.

хохловъ. Ага! вы теперь сами сознаетесь

лужинъ. Вы не можете себя представить, какъ приятно говорить о той, кого любите.

хохловъ. Такъ вы любите ее?

лужинъ. Развѣ я сказалъ?

хохловъ. Кажется... и очень-ясно...

лужинъ. Такъ знайте-же... да, это правда! Я ее люблю! люблю, какъ сумасшедшій!

хохловъ. Всякой любить по-своему! Но когда-жъ это началось?

лужинъ. Съ той самой минуты, какъ я сюда приѣхалъ... сегодня двадцать первый день.

хохловъ. Да, ужъ это давненько... А какъ вы думаете, любятъ-ли васъ?

лужинъ. О, я просто въ восхищеніи... я имѣю всѣ причины на-дѣяться.

хохловъ (въ-сторону). Бѣдный старикъ!.. Въ-самомъ-дѣлѣ, долго-ли ему до бѣды?.. (Въ-слухъ) Однако-же остерегитесь, молодой человѣкъ... я, какъ старый воробей, могу вамъ дать въ этомъ случаѣ нѣкоторыя наставленія... будьте благоразумны и скромны!.. Но расскажите мнѣ, пожалуйста, какими средствами достигнете вы до сердца своей кухни?

лужинъ (Таинственно). Тихе... что-бы насъ не подслушали!

хохловъ. Не беспокойтесь!.. Ну, итакъ...

лужинъ. До-сихъ-поръ я еще не смѣлъ говорить съ ней о моей любви... и потому я къ ней написалъ.

хохловъ. Прекрасно! Вообще молодые люди, которые только-что кончили риторикку, очень любятъ писать.

лужинъ. Но я никакъ не могу рѣшиться отдать ей мое письмо... Признаюсь вамъ... еслибъ вы не поощрили меня, я и вамъ-бы не имѣлъ духу открыть мои чувства... Съ первыхъ словъ вашихъ, мнѣ показалось, что вы или лазутчикъ, или даже мой соперникъ.

хохловъ. Соперникъ! вотъ прекрасно! Нѣтъ, молодой человѣкъ, еслибъ вы знали меня лучше, то рѣшили-бы положительно, что вашъ покорнѣйшій слуга, сорока-восьми-лѣтній холостякъ, рѣшительно не имѣетъ уже никакихъ способностей влюбляться.

лужинъ. Неужель?

хохловъ. Да, я по этой части инвалидъ и состою въ чистой от-

ставка... Да и к стати ли мнѣ?... Налобно дать мѣсто и ходъ молодежи .. это моя система. Теперь мое лучшее удовольствіе—помогать молодымъ людямъ и наставлять ихъ.

ЛУЖИНЪ. Наставлять?

ХОХЛОВЪ. Да... Я въ этомъ случаѣ поступаю, какъ старый служака.

№ 3-й. Пятнадцать лѣтъ тому не дальше,

Я храбрымъ подвиганнымъ былъ,

А ужъ теперь, какъ сталъ постарше,

Самъ въ командиры поступилъ.

Я въ свой чередъ кутить не мало,

Любилъ козогъ, стрѣлять, рубить,

А вотъ какъ пороху не стало,

Пришлось оружье положить.

Теперь, когда нѣтъ силъ ужъ драться,

Хочу другимъ я помогать,

Какъ командиръ распоряжаться,

И планы къ бою составлять.

ЛУЖИНЪ. Это безподобно! Стало-быть, вы и мнѣ поможете... Позвольте, я вамъ прочту мое письмо.

ХОХЛОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, извините.. вѣдь я, какой ни есть, а все-таки другъ Ивана Антоновича.

ЛУЖИНЪ. Другъ! Да это, можетъ-быть, потому, что вашъ батюшка сдѣлалъ его богачомъ, а у васъ самихъ нѣтъ ни копейки.

ХОХЛОВЪ (*Въ-сторону.*). Вѣ-самомъ-дѣлѣ, этотъ скрага стѣбилъ-бы...

ЛУЖИНЪ. Прочитать письмо... развѣ это какое-нибудь преступленіе? Я вѣдь, не прошу, чтобъ вы его поправляли.

ХОХЛОВЪ. Ну, такъ и быть... хорошо... давайте...

ЛУЖИНЪ (*развертывая и подавалъ ему письмо.*). Я увѣренъ, что лучше невозможно написать!

ХОХЛОВЪ (*разсматривая письмо.*). Боже мой! кругомъ четыре страницы!

ЛУЖИНЪ. Нѣтъ, вы прочтите.

ХОХЛОВЪ (*пробывая письмо.*). Чтѣ это? да это какая-то риторическая рѣчь... тутъ все на выворотъ... Нѣтъ, это, просто, ни на чтѣ не похоже! дурно! скверно! невыносимо!

ЛУЖИНЪ. Чтѣ вы! помилуйте!

ХОХЛОВЪ. Вы, просто, ничего не понимаете! Гдѣ это васъ такъ учили?

ЛУЖИНЪ. Но чего-жъ тугъ не достаетъ?

ХОХЛОВЪ. Рѣшительно, всего, чтѣ нужно!—Во-первыхъ длинно такъ, что нѣтъ силъ... потомъ, все это такъ натянуто, перепута-но...

лужинъ. Неужели?

хохловъ (*отдавая ему письмо.*) Дурно во всякъ отношеніяхъ.
лужинъ (*садясь къ столу на-льво.*) Тамъ продиктуйте мнѣ дру-
гое.

хохловъ. А? Да съ-чего вы это взяли... чтобъ я рѣшился!..

лужинъ. Сдѣлайте одолженіе!

хохловъ. Никогда! Вспомните о моемъ положеніи...

лужинъ. Боже мой! но вѣдь я все возьму на себя... Клянусь, никто не узнаетъ, что вы мнѣ помогали.

хохловъ. А моя совѣсть? Развѣ вы ее ни во что ставите... нѣтъ, молодой человекъ, лучше и не просите... (*Помолчавъ и какъ-бы про себя.*) Нѣтъ, въ наше время дѣлалось не такъ... когда, бывало, я упражнялся въ любовной перепискѣ, такъ у меня всегда начиналось тѣмъ, что я на каждой записочкѣ непременно надписывалъ вверху «полночь».

лужинъ (*у стола.*) А! такъ надобно означать время!.. Я этого и не зналъ... (*Пишетъ*) «Полдень!»

хохловъ. «Полночь!» — съ восклицательнымъ знакомъ!

лужинъ. «Полдень!» — съ восклицательнымъ знакомъ.

хохловъ. Я вамъ говорю, что я писалъ всегда «полночь».

лужинъ. Но если теперь только двѣнадцать часовъ дня?

хохловъ. Такъ что-жь за бѣда? Неужели вы думаете, что я рѣшился-бы написать на любовной записочкѣ «полдень!» Да это мѣщанскій чухъ, въ которой обѣдаютъ весь рабочіе люди! — Этимъ что-бы я доказалъ? что я проспалъ преспокойно до двѣнадцати часовъ и всталъ совершенно съ спокойнымъ сердцемъ... Подите вы! Это ни на что не похоже! Какая разнища: «полночь!»

лужинъ. Ваша правда!.. теперь я понимаю... одно это слово должно уже дать понятіе, какъ я люблю и страдаю!.. (*Беретъ другой листъ бумаги и пишетъ.*) «Полночь!» — съ восклицательнымъ знакомъ.

хохловъ (*какъ-бы про себя.*) Потомъ... Какъ теперь помню, я писалъ записочку къ одной пренеприятной маіоршѣ: «Я совсѣмъ лишился сна... любовь, робость, надежда раздраютъ и мучать мое сердце.»

лужинъ (*пишетъ.*) И мучать мое сердце...

хохловъ. «Я рѣшительно въ горячкѣ!»

лужинъ. Но она можетъ сказать: Попоздите за докторомъ.

хохловъ (*пожимая плечами.*) «Я рѣшительно въ горячкѣ... и если вы не скалитесь надо мною, то я завтра буду или сумасшедшій, или умру!»

лужинъ (*пишетъ.*) Буду сумасшедшій, или умру!

хохловъ. «Я васъ люблю, Фрозина»... Маюршу мою звали Афросинья Макаровна.

лужинъ (*пишетъ*.) «Я васъ люблю, Надина»... Надежда, это какъ-то обыкновенно, грубо... это то-же, что Афросинья... Но Надина... это такъ вѣжно, мило...

хохловъ (*все еще какъ-будто про себя и не слушал Лужина*.) Да... я и забылъ... у меня еще былъ въ этой запискѣ постъ—скриптумъ, какъ необходимая принадлежность всякаго любовнаго письма... «Три часа ночи!»... Эти три часа ночи поражаютъ женщину: они служатъ доказательствомъ безсонницы.

лужинъ. Это чудесно! (*Пишетъ*) «Три часа ночи!»

хохловъ. «Сонъ отъ меня бѣжитъ... вашъ прелестный образъ на на мнѣ не оставляетъ меня... пагубныя мысли наполняютъ мою голову и волнуютъ мое сердце... Но завтра, можетъ-быть, сонъ мой будетъ покойнѣе, благотворнѣе.»

лужинъ. Превосходно, неподражаемо! Какъ досадно, что я капнулъ... и, вѣдь какъ нарочно, на прелестный образъ.

хохловъ (*какъ-будто съ удивленіемъ*.) Что это? Да вы переписали все, что я говорилъ? Это, явно, предательство!

лужинъ. Помилуйте! Не сами-ли вы диктовали?

хохловъ. Я? Съ-чего вы взяли?.. Я только припоминалъ, что дѣлывалъ прежде... Отдайте мнѣ это письмо.

лужинъ (*сложивъ письмо и вставалъ*.) Что? отдать вамъ такое сокровище? Ни за что въ свѣтъ... Но вотъ въ чемъ дѣло... какъ-бы передать это письмо? Это такъ трудно.

хохловъ. Нѣтъ, взвинтите!.. Я ужъ не скажу ни одного слова... теперь меня не поддѣвете... Пожалуй, въ-самомъ-дѣль, подумаютъ, что я съ вами за-одно.

лужинъ. Да я и не прошу вашихъ совѣтовъ... Я найду самъ средство... (*Размышляя*.) Развѣ положить въ эту вазу?.. Нѣтъ, это будетъ замѣтно... Но куда-же?

хохловъ (*сидя къ столу на-право и взявъ книгу*.) А! романъ!

лужинъ. Безподобно! Лучше всего въ книгу! Чудесная мысль! (*Взявъ книгу со стола на-льво и разсматривал заглавіе*.) «Искусный садовникъ!»—Сюда, пусть покоится оно между цвѣтами.

хохловъ (*разсматривал свою книгу*.) «Страданія сердца!»

лужинъ (*смотря въ книгу*.) «О храненіи рѣпы и моркови.»—

хохловъ (*съ-стороны*.) Этакимъ бессмысленный человекъ... того и глади подсунетъ свою записку прямо въ руки мужа. (*Въ слухъ*) «Страданія сердца!» Я увѣренъ, что это любимая книга Надежды Петровны.

лужинъ. Точно, она читала ее вчера... Дайте мнѣ ее, дайте! (*Въхвативъ книгу изъ рукъ Хохлова, прячетъ въ нее письмо.*)

хохловъ (*Въ-сторону, вставая.*) А! расчихалъ, наконецъ.

лужинъ (*положивъ книгу на столъ на-право.*) Это дѣло теперь кончено... Ахъ, я не знаю, какъ васъ благодарить!.. безъ вашихъ наставленій я, просто-бы, не зналъ что дѣлать.

хохловъ. Извините, я не давалъ вамъ никакихъ совѣтовъ... Вы сами изволили распоряжаться... Я умываю руки въ этомъ дѣлѣ.

лужинъ. Тсъ! Кто-то идетъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Кадниковъ, Хохловъ, Лужинъ.

кадниковъ (*входъ въ дверь съ правой стороны.*) А, милые друзья! вы еще вмѣстѣ? Стало-быть, вы хорошо познакомились.

хохловъ. Помилуйте, да ужъ мы успѣли повѣрить другъ другу кой-какіе секреты.

лужинъ (*тихо Хохлову.*) Молчите!

кадниковъ. И прекрасно! очень-радъ... А мнѣ, вообразите, приходится таки оставить васъ дня на три или на четыре... Я ѣду въ городъ.

хохловъ. Неужели?

лужинъ (*въ-сторону*) Какое счастье!

кадниковъ. Да... Агафонъ Назарычъ привезъ мнѣ письмо моего повѣреннаго, изъ котораго я узналъ, что можно очень-выгодно купить льсъ у моего сосѣда... Чудесная спекуляція... Сверхъ-того надобно распорядиться нагрузкою дровъ... Я ихъ спустилъ превыгодно!

хохловъ. Счастливей чловѣкъ!.. совсѣхъ сторонъ такъ къ вамъ и сыплется деньга... Этакъ вы лѣтъ черезъ пять сдѣлаетесь у насъ совершеннымъ Крезомъ.

кадниковъ. Надинька ушла въ садъ и не знаетъ еще ничего.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣже, Агафонъ.

агафонъ (*въ среднихъ дверяхъ*). Прикажите, что-ли, укладывать въ чемоданъ?

кадниковъ. Да, да... поскорѣе.

агафонъ. У васъ все поскорѣе... а приготовили-ли вы что укладывать?

кадниковъ. Поди, тамъ въ моей комнатѣ, на коммодѣ... принеси

все сюда... Ты будешь укладывать при мнѣ, между-тѣмъ, я прочтой-какія нужныя бумаги... Ступай-же?

Агаѳонъ. Иду, иду...

(Уходитъ въ дверь на-право).

Хохловъ. Мы тебя мѣшаемъ?

Кадниковъ. Извините, господа! мнѣ необходимо приготовиться къ этой поездкѣ... А вотъ вы сдѣлали-бы мнѣ большое одолженіе, если-бъ пошли въ садъ, да прислали ко мнѣ жену.

Хохловъ. Съ удовольствіемъ...

Кадниковъ. Только пришлите скорѣе... мнѣ нельзя мѣшкать.

Лужинъ *(въ-сторону, уходитъ)*. Какъ онъ умно дѣлаетъ, что уезжаетъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Кадниковъ, потомъ Агаѳонъ.

Кадниковъ. Наконецъ, мои акты совершенно готовы... написаны по формѣ и засвидѣтельствованы въ Палатѣ... Мой милый Григорій Васильичъ и не воображаетъ, какой я ему готовлю сюрпризъ. *(Садится къ столу на-право и вынимаетъ изъ кармана двѣ бумаги.)*

Агаѳонъ *(входя съ чемоданомъ и платьемъ)*. Ну, вотъ я все принесъ.

Кадниковъ. Хорошо... Поторопись-же все уложить... я сейчасъ долженъ ѣхать.

Агаѳонъ *(укладывая въ чемоданъ платья, съ правой стороны)*. Ёхать! Я не могу того сдѣлать въ минуту, на что нужно полчаса.

Кадниковъ. Въдь ты известный грубіанъ... тебѣ что говоришь, то хуже... Вѣчно не въ духъ!

Агаѳонъ. Грубіанъ! Потому-что я лакей, такъ и грубіанъ... Никто не хочетъ знать, что у тебя на сердцѣ... нечего сердиться, вы видите, я укладываю все, какъ слѣдуетъ.

Кадниковъ. Объ этомъ ни слова... но ты вѣчно грубишь... въдь это хоть кому наскучитъ.

Агаѳонъ. Что-жъ дѣлать, что я такимъ уродился?.. Я несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ... Но сердиться не за что, я укладываю все, какъ слѣдуетъ.

Кадниковъ. Счастье твое, что ты попалъ на такого господина... до-сихъ-поръ я еще снисходителенъ къ тебѣ, потому-что ты давно мнѣ служишь... я знаю, что ты честенъ и предашь мнѣ слово... однако-жъ все-таки берегись... ты можешь вывести меня изъ терпѣнія.

агаѳонъ. Право, не за что сердиться; вы видите, я укладываю все, какъ слѣдуетъ.

кадниковъ. Замолчи, слѣзай милость.

агаѳонъ (*про-себя*). Замолчи! и изволь молчать... вѣдь я что такое?.. лакей, слуга.

кадниковъ. Кончилъ-ли ты?

агаѳонъ. Нѣтъ еще...

кадниковъ. Лѣнтяй!

агаѳонъ. Лѣнтяй!.. а кто-жъ мнѣ мѣшаетъ, какъ не вы сами... зачѣмъ вы со мной разговариваете! Развѣ вы возьмете съ собой все это бѣлье?

кадниковъ. Да.

агаѳонъ. Одна, двѣ, три... три сорочки на четыре дня!.. (*Въ-сторону*). Экая пышность, полумаешь!.. Да, еслибъ не тетушка, Авдотья Силишна, и я, можетъ, также-бы франтилъ! (*Въ-слухъ*) А это тоже положить?

кадниковъ. Ну, конечно!

агаѳонъ. Пять платковъ на четыре дня!.. (*Про-себя*) Нѣтъ, еслибъ я былъ богатъ, такъ и при насморкѣ бы такъ не роскошничалъ.

кадниковъ. Ты знаешь, что я вуюхаю табакъ.

агаѳонъ (*про-себя*). Табакъ... я самъ вуюхаю табакъ, да мнѣ довольно одного платка на недѣлю... (*Въ-слухъ*) Ну, а эти галстухи?

кадниковъ (*разсматривая вынутыя бумаги*). Да, эти акты должны его увлечь.

агаѳонъ (*про-себя*). Видно нечего и спрашивать... клади все, лакей... Экую пропасть беретъ на четыре дня! четыре галстуха... полдюжины носковъ, три жилета... двѣ пары сапогъ!.. Да! было-бы и у меня все это... фраки-не-фраки, сапоги-не-сапоги!.. Да вишь ты какой несчастный, Агаѳонъ Назарычъ!..

кадниковъ. Что ты тамъ бормочешь?

агаѳонъ. Развѣ мнѣ ужъ нельзя и думать о своемъ горѣ?

кадниковъ. Опять! да ужъ пора тебѣ забыть о немъ.

агаѳонъ. Забыть! (*Подходя къ Кадникову*) Да развѣ можно забыть такое горе? Вѣдь я могъ-бы имѣть свой домъ на Выборгской... домъ съ огородемъ! Я получалъ бы въ годъ до двухъ тысячъ дохода... былъ-бы просто господинъ... Покойный дядошка, Василій Сидорычъ, былъ не простой какой человекъ, а мѣщанинъ... и умный былъ человекъ... да угораздило его на старости жениться... и навязалась ко мнѣ на шею тетушка Авдотья Силишна... хорошо!

кадниковъ. Ты ужъ рассказывалъ мнѣ эту исторію разъ пять-

десять... Что потеряно, того не воротить... стало, нечего тут и толковать. Готовь-ли чемоданъ?

Аглаонъ. Готовъ! Да вѣдь что горько... у дяди не было наследниковъ, кроме меня...

кадниковъ. Убирайся ты и съ своимъ дядей! А! вотъ, кажется, и они... Поди, посмотри, заложена-ли коляска?

Аглаонъ (*уходя въ среднюю дверь*). Убирайся! и изволь убираться... Что я теперь? просто лакей, слуга! (*Уходитъ*).

кадниковъ. Это, наконецъ, невыносимо!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Хохловъ, Кадниковъ, Надежда, Лужинъ.

кадниковъ. А! вотъ и вы!.. Я только ждалъ васъ, чтобъ проститься.

надежда. Какъ, вы ѣдете?

лужинъ (*въ-сторону*). Какая надежда!

кадниковъ. Развѣ тебѣ они не сказали? Необходимая надобность, мой дружокъ. Ужъ и лошади, я думаю, готовы.

надежда. Собраться такъ скоро.

кадниковъ. Что дѣлать... но я вернусь непременно въ пятницу, или въ субботу.

надежда. Уѣхать въ то самое время, когда наша жизнь, по добротѣ нашихъ гостей, только-что стала одушевляться... Знаете-ли вы, какого удовольствія себя лишаете?.. сегодня мы согласились читать сочиненія Пушкина.

кадниковъ. А! Пушкина?.. Кстати... ты еще не знаешь, вѣдь я продалъ свои дрова... да какъ выгодно — чудо!.. Да еще какая мнѣ предстоитъ спекуляція! Сосѣдъ нашъ продастъ лѣсъ.

хохловъ (*въ-сторону*). Да, это очень кстати, къ сочиненіямъ Пушкина.

надежда. Радуюсь за успѣхи вашихъ предпріятій!

кадниковъ. Да! чтобъ не забыть... (*Завязываетъ узелъ на платкѣ*) Я поѣду мимо деревни Карасева... что у него за дыни родились! просто сахаръ, ананасъ! Надо будетъ заѣхать къ нему и выпросить одну для семянъ.

надежда. А у насъ сегодня вечеромъ будетъ музыка... Вольдемаръ общалъ меня выучить новый романсъ Глинка.

кадниковъ. А! прекрасно! Не понимаю, отчего у этого Карасева родятся такія отличныя дыни.

надежда. Послушай, мой другъ...

кадниковъ. Кажется ужъ у меня какой присмотръ, а мои никуда не годятся... просто, какая-то рьпа! Совсѣмъ не дозрѣваютъ.

Агаѣонъ (*входя въ среднюю дверь*). Коляска готова.

кадниковъ. Хорошо! Ну, до свиданія, милый мой дружокъ... не случай безъ меня, занимай гостей...

№ 4-й. Старайся больше развлеченья
Найти гостямъ, дружочикъ мой,
Читай имъ Глинки сочиненья,
И Пушкина романсы пой.
Ты замѣни насъ двухъ собою,
И, угощая ихъ вдвойнѣ,
Старайся, чтобъ они съ тобою,
Вполнѣ забыли обо мнѣ.

лужинъ (*въ-сторону*). Это не трудно!

кадниковъ. Ахъ, совсѣмъ изъ ума вонъ... вѣдь у насъ захромала корова... и какая корова! знаешь чернушку, самая отличная корова... почти съ два ведра даетъ молока... Позабойся, душечка объ ней... вели ее хорошенько лечить... я ужъ далъ наставленія коровницѣ. Агаѣонъ, Агаѣонъ! выноси чемоданъ.

(*Агаѣонъ уходитъ съ чемоданомъ*).

хохловъ. Мы тебя проводимъ хоть до поля.

кадниковъ. Да, Нада и Вольдемаръ могутъ, а тебѣ надо будетъ остаться здѣсь.

хохловъ. Это почему?

кадниковъ (*отводя его въ сторону и отдавая ему двѣ бумаги*). А потому, что тебѣ, наединѣ, надо прочесть вотъ эти бумаги.

хохловъ (*взявъ бумаги*). Какъ, сію миауту?

кадниковъ (*въ-полголоса*). Нѣтъ, нѣтъ... когда я уѣду.

хохловъ (*также*). Вѣрно, какое-нибудь порученіе?

кадниковъ (*также*). Вотъ ты увидишь... останься-же здѣсь.

надежда (*въ-сторону*). Чтѣ у нихъ за секреты!

кадниковъ (*цѣлуясь съ Хохловымъ*). Ну, прощай, мой другъ! до свиданія!

хохловъ. Дай Богъ тебѣ счастливаго пути.

кадниковъ. А съ вами я прощусь тамъ.

(*Уходитъ съ Надеждой и Лужинимъ въ среднюю дверь*.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хохловъ одинъ.

хохловъ. Чтѣ это за таинственныя бумаги? Посмотримъ. (*Развертываетъ первую бумагу и читаетъ*). «Будучи въ полной памяти

и совершенномъ разсудкѣ, не имѣя у себя дѣтей и близкихъ родственниковъ, а равно не надѣясь уже, по старости лѣтъ моихъ, на приращеніе семейства, я пожелаю учинить сіе завѣщаніе, и въ благодарность къ оказаннымъ мнѣ покойнымъ моимъ дядею въ пятомъ колѣнѣ и бывшимъ моимъ опекуномъ, подполковникомъ Васильемъ Григорьевымъ сыномъ Хохловымъ одолженіямъ, по управленію и приведенію въ порядокъ оставшагося мнѣ послѣ родителей моихъ недвижимаго имѣнія, дѣлаю слѣдующее распоряженіе...» (*Говоритъ*) Да это духовное завѣщаніе! Боже мой! ужъ не мнѣ-ли что? (*Читаетъ*). «Слѣдующее распоряженіе: изъ имѣющагося у меня означеннаго родового недвижимаго имѣнія, отказываю я состоящее въ Новгородской губерніи сельцо Весельево съ написанными въ немъ по послѣдней ревизіи мужеска пола 217-ю душами, съ женами ихъ и дѣтьми и со всеми строеніями и угодьями, безъ остатка, въ вѣчное и потомственное владѣніе пятинородному моему брату, отставному ротмистру Григорію Васильеву, сыну Хохлову...» (*Говоритъ*) Боже мой! что это? имѣніе, гдѣ я родился! что-жъ это еще такое? (*Разсматриваетъ другую бумагу.*) Довѣренность на полное управленіе Весельевымъ при жизни теперешняго его владѣльца! Боже мой! я не вѣрю глазамъ! Ужъ не во снѣ-ли это! Мнѣ отказано Весельево! Я буду получать десять тысячъ дохода! Ахъ, ты мой Ваня! ахъ ты мой безцѣнный другъ! да этого мало... благодѣтель, отецъ!

М 5-й. Ну, ужъ Ваня, благодаренъ!

Черезъ тебя теперь я баринъ!

Ужъ теперь на векселя

Не куплю бумаги я!

Жаль, что въ лѣта ужъ сѣдые,

А не въ годы молодые,

Этотъ владѣ я получилъ:

Ужъ не такъ-бы покутилъ!

Но теперь ужъ не подь-лѣта

Удовольствій ждать отъ свѣта,

Все однакожъ для души

Эти души хороши.

Мы до старости всѣ дѣти:

Дай намъ тысячъ сто при смерти, —

Лишній часъ мы проживемъ,
Да приятнѣй и умремъ.

Однакожъ меня мучитъ теперь совѣсть! И я могъ такъ дурно думать о моемъ благодѣтелѣ, укорялъ его въ неблагодарности и даже, стыдно подумать... даже сію минуту готоваясь противъ

него этого негодая, мальчишку! О, да я послѣ этого долженъ быть просто... Нѣтъ, надо все поправить... но прежде всего поблагодарить моего друга... можетъ-быть, онъ еще не уѣхалъ! (*Хочетъ идти и встрѣчается съ Агаономъ.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

Агаононъ, Хохловъ.

хохловъ. А! это ты Агаононъ Назарычъ? Что твой баринъ—уѣхалъ или нѣтъ?

агаононъ. Сей-часъ уѣхалъ! И слава Богу... совсемъ меня измучилъ.

хохловъ. Нечего дѣлать... надо отложить благодарность до его приѣзда. Однакожъ, чтобъ мнѣ не опоздать къ Выюновой... Осѣлай-ка мнѣ скорѣе лошадь.

агаононъ. Что? ужъ мнѣ и лошадей съезать! Вотъ еще новости!

хохловъ. Ну, не самъ, такъ прикажи кому-нибудь.

агаононъ. Прикажи! Если-бъ не несчастье, у меня у самого былъ бы лакей.

хохловъ. Что?

агаононъ. А то, что у меня было-бы, по-крайности, двѣ тысячи дохода, свой домъ на Пескахъ, съ огородомъ.

хохловъ. Въ-самомъ-дѣль?

агаононъ. Что-жъ мнѣ гадать? покойный мой дяюшка, Василий Сидорычъ, былъ не простой какой человекъ а мѣшанинъ и умный былъ человекъ... да угораздило его жениться и навязалась на меня тетушка Авдотья Силишна... хорошо! Все это еще не-бѣда. Прожилъ мой дяюшка съ тетушкой десять годовъ, а дѣтей нѣтъ... Вотъ онъ подумалъ: я, говоритъ, ужъ старъ, дѣтей у меня ужъ вѣрно не будетъ, коли до-сихъ-поръ не было... умру, такъ жень достанется четырнадцатая часть, потому-что домъ-то родовой... кому-жъ, говоритъ, достанется остальное-то?.. А надо сказать, что меня онъ любилъ, кажись, больше сына... Вотъ онъ взялъ, да и съезжалъ духовную, все, и домъ и огородъ, все отказалъ мнѣ... а тетушку Авдотью Силишну завѣщалъ только кормить до смерти!

хохловъ. Эта исторія что-то похожа на мою.

агаононъ. Хорошо! Дяюшка отдалъ духовную мнѣ, я заперъ ее крѣпко на-крѣпко въ сундукъ да и пошелъ кутить... Прежде я былъ въ людяхъ и служилъ, какъ слѣдуетъ... а тутъ, какъ узналъ о наслѣдствѣ, и работа на-умъ не шла... сижу, бывало, то у воротъ, то на огородъ, да курю съ утра до вечера трубку... али пойду унять рыбу на Невку... али въ бабки играть... И вѣдь дяюшка ни пол-

слова: такой былъ добрый, покойникъ! Такъ прошолъ годъ. . какъ вдругъ... И теперь вспомню, такъ морозъ по кожъ.

хохловъ. Ну?

аглаонъ. Съ другога-же года и пошли... то сынъ, то дочка, то опять сынъ.

хохловъ. Въ-самомъ-дѣль?

аглаонъ. Чтò-жъ мнѣ лгать! Но я нисколько не виню дялюшку... онъ ужъ, вѣрно, никогда-бы не сыгралъ такой штуки!

хохловъ. Какой штуки?

аглаонъ. Какъ какой? Извѣстно какой!

хохловъ. Да какой-же.

аглаонъ. Не будь этихъ братцевъ да сестрицъ, я никогда-бы не лишился моего наслѣдства!

хохловъ. А развѣ тебя лишили?

аглаонъ. Да какъ-же иначе! Имънiе было родовое... духовная ни-къ-чему не годилась... и какъ дядя умеръ, и домъ и огородъ отдали его мальчишкамъ и дѣвчонкамъ. а меня, какъ какого него-дядя, вытолкали на улицу.

хохловъ. Но зачѣмъ-же ты не просилъ?

аглаонъ. Не просилъ? И просилъ, да ничего не сдѣлали.

хохловъ. Какъ-же это такъ?

аглаонъ. Вы, кажется, и баринъ, а не знаете... Ужъ съ какими я умными людьми совѣтовался, все мнѣ сказали, что такъ быть должно.

хохловъ (*про-себя*). Боже мой! Чтò, если...

аглаонъ. Имънiе, видите, родовое, такъ и должно идти въ родъ, а не будь этихъ мальчишекъ да дѣвчонокъ, все-бы мнѣ досталось, потому-что кромъ ихъ, никого не было ближе у дялюшки!

хохловъ (*про-себя, ходя по комнатъ, съ волненiемъ*) Въ-самомъ-дѣль вѣдь такъ! У меня совсѣмъ изъ головы! Нѣтъ! да это ни на что непохоже.

аглаонъ (*ходя за нимъ*). Ужъ точно ни на что непохоже.

хохловъ (*также*). Нѣтъ, господа... вы, пожалуй, и со мной сыграете такую-же штуку,

аглаонъ (*также*). Не явное-ли это несчастiе! А все тетушка, Авдотья Силична.

хохловъ (*также*). Нѣтъ, господниъ волокита, ты еще слишкомъ молодъ, чтобъ меня провести.

аглаонъ (*также*). По-моему, чтò дано, такъ ужъ и должво быть дано.

хохловъ (*также*). Да и вамъ, прекрасная тетушка, я не позволю обманывать мужа.

агаѳонъ (*также*). А, вотъ теперь я что? слуга лакей! чисти сапоги, мети комнаты.

хохловъ. Нѣтъ, надобно имъ помѣшать... Но какже за это привѣяться... Одно средство, написать къ Ивану Антоновичу... Не понимаю, какъ въ такіе лѣта, оставлять дома жену съ молодымъ человѣкомъ. (*Садится къ столу на-лѣво и пишетъ.*)

агаѳонъ. Что-жъ вы это хотите дѣлать? Вѣдь ужъ мнѣ нельзя помочь... имѣнія ни за-что не отдадутъ. Дайте лучше хоть красненькую... я и тѣмъ буду доволенъ.

хохловъ. Онъ, навѣрное, возвратится, когда прочтетъ это письмо.

агаѳонъ (*въ сторону*). Что-жъ онъ это въ-самомъ-дѣлѣ пишетъ? (*Въ-слухъ*) Такъ вы какъ-же... дадите мнѣ ужъ лучше красненькую?

хохловъ (*зачтываетъ письмо*). Да, да... вотъ тебѣ красненькая.

агаѳонъ. Ну вотъ! и покорнѣйше благодарю.

хохловъ. Только слушай, что я тебѣ скажу... мнѣ ужъ не нужно лошади, садись на нее самъ.

агаѳонъ. Я?

хохловъ. Да, да, ты... и сію-же минуточку поѣзжай къ Карасеву... къ нему хотѣлъ завернуть твой баринъ... онъ, можетъ-быть, еще тамъ.

агаѳонъ. Да, онъ хотѣлъ у него взять дыню для сѣмянъ.

хохловъ. Отдай ему это письмо... дѣло очень-важное.

агаѳонъ. Важное? Но вѣдь я...

хохловъ. Безъ разговоровъ... Вернешься, такъ еще получишь красненькую.

агаѳонъ. Буду, буду!.. Но скажите однакожъ, вѣдь еслибъ не тетушка, Авдотья Силишна...

хохловъ. Послѣ, послѣ потолкуемъ, теперь дорога каждая минута.

агаѳонъ. Буду! (*уходя*). Да, не будь этихъ ребятишекъ, не былъ-бы ты теперь слугой, Агаѳонъ Назарычъ! (*уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Хохловъ (*одинъ*).

Надобно-же къ моему счастью, чтобъ этотъ грубіякъ рассказалъ мнѣ свою исторію... а вѣдь у меня совсѣмъ изъ-ума вонъ, что наследство мое застраховано на добродѣтели этой вертушки... Ахъ, я дуракъ, дуракъ! вздумалъ еще помогать этому школьнику... диктовать письма... Вотъ тебѣ, на рой другому яму! Что ты теперь?

безправственный, злой человек! просто злодей! Мало того, что своего друга и благодетеля, самого-себя хочешь ограбить! Нѣтъ, надо поправить бѣду... Прежде всего перехвачу это письмо (*Беретъ изъ книги письмо и кладетъ его въ карманъ*). Теперь, пушу въ дѣло глаза и уши.. а когда придетъ старикъ, все ему перескажу... Онъ долженъ принять строгія мѣры, иначе... А! вотъ мой грабитель!

ЯВЛЕНИЕ XII.

Лужинъ, Хохловъ.

ЛУЖИНЪ. Вы еще здѣсь, Григорій Васильевичъ! Какъ я радъ.

ХОХЛОВЪ. Я самъ очень-доволенъ... мнѣ такъ приятно быть вмѣстѣ съ вами.

ЛУЖИНЪ. Неужели я заслужилъ такую честь?

ХОХЛОВЪ. Нѣтъ, въ-самомъ-дѣлѣ... присутствіе ваше какъ-то меня успокоиваетъ.

ЛУЖИНЪ. Успокоиваетъ?

ХОХЛОВЪ. Знаете... ваша молодость... ваша наружность... вы меня понимаете?

ЛУЖИНЪ. Не всосѣмъ... Но я прибѣжалъ извѣстить васъ о своихъ успѣхахъ... я увѣренъ, что вы будете мною довольны.

ХОХЛОВЪ. Что такое? Что случилось?

ЛУЖИНЪ. Да-съ, вашъ воспитанникъ умѣлъ ужъ воспользо-ваться вашими уроками.

ХОХЛОВЪ. Какъ? что вы говорите?

ЛУЖИНЪ. Довольно того сказать, что мнѣ ужъ не нужно ваше письмо.

ХОХЛОВЪ. Не нужно? Прекрасно!

ЛУЖИНЪ (*съ радостью*). Я рискнулъ, Григорій Васильевичъ, и рискнулъ очень-удачно!

ХОХЛОВЪ. Да въ чѣмъ дѣло? Объясните-ли вы мнѣ?

ЛУЖИНЪ. Вы никакъ не отгадаете... Ваши совѣты меня воспламенили... я увидѣлъ, что скромность моя ничто-иное, какъ глупость — и потому рѣшился на-все... Когда Иванъ Антоновичъ уѣхалъ, я остался въ саду на-единѣ съ Надеждой Петровой,

хохловъ (*въ-сторону*) Боже мой! (*Въ-слухъ*) Ну?

ЛУЖИНЪ. Я воспользовался всеми страстными выраженіями этого письма и рискнулъ объясниться.

ХОХЛОВЪ. Что? объясниться?

ЛУЖИНЪ. Да... я ей сказалъ все, все, что вы мнѣ диктовали; она узнала и о моей безсонницѣ, и о горячкѣ, и о той надеждѣ, которая

занимаетъ весь мои мысли... Объясненіе мое произвело удивительный эффектъ... особенно при моихъ пантомимахъ.

хохловъ. Какъ? вы отважились и на пантомиму?

лужинъ, Отважился!

лж 6-й. Упалъ предъ-нею на колѣна.

хохловъ.

Какъ на колѣна?

лужинъ.

Руку взялъ.

хохловъ.

И руку взяли (*Въ-сторону*)? Ай, измѣна!

лужинъ.

И пламенно поцѣловалъ!

хохловъ.

Поцѣловали? (*Въ-сторону*) Плохо дѣло!

(*Въ-слухъ*.) Ну, разсердилася, я чай?

лужинъ.

Чуть-чуть, смутилась, покраснѣла.

хохловъ (*въ-сторону*.)

Прощай, Весельево, прощай!

лужинъ. Дѣла наши идутъ чудесно, Григорій Васильевичъ, отлично!

хохловъ (*въ-сторону*). Дурно! очень-дурно!

лужинъ. Она сію-минуту придетъ сюда... Я теперь увѣренъ вполне, что наши сердца связываетъ симпатія! Не правда-ли, что тутъ есть симпатія?

хохловъ (*въ-сторону*). Чтобъ чортъ побралъ эту симпатію!

лужинъ. Но я прибѣжалъ къ-вамъ не даромъ... Довершите, Григорій Васильевичъ, ваши одолженія... помогите мнѣ, когда она явится сюда.

хохловъ. Помочь? Да, да... хорошо, я вамъ помогу... будьте увѣрены.

лужинъ. О, теперь мое торжество несомнѣнно.

хохловъ (*въ-сторону*). Погоди, будетъ тебѣ торжество!

лужинъ. Только вы не оставайтесь съ-нами слишкомъ-долго.

хохловъ. А?... да, да!

лужинъ. Вотъ она! вотъ она! Григорій Васильевичъ... я вамъ дамъ знакъ, когда надо будетъ уйти... Вѣдь вы увидите, Григорій Васильевичъ, оставите насъ однихъ?

хохловъ. О, конечно, помилуйте!

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Лужинъ, Хохловъ, Надежда.

ХОХЛОВЪ (*подходя къ Надеждѣ*). А! наконецъ вы пожаловали къ намъ, Надежда Петровна... Меня обрадовалъ Владимиръ Андриенчъ: онъ извѣстилъ меня, что вы сюда будете.

НАДЕЖДА. Какъ хозяйка, я не-должна оставлять своихъ гостей... особенно такихъ гостей, которые мнѣ приносятъ удовольствіе.

ЛУЖИНЪ (*тихо Хохлову*). Слышите, удовольствіе! Это сказано на мой счетъ.

ХОХЛОВЪ (*въ-сторону*). Боюсь, чтобъ это не-была правда.

НАДЕЖДА. Я взяла свою работу, чтобъ вмѣстѣ вышивать и разговаривать съ вами.

ХОХЛОВЪ. Безподобно, Надежда Петровна... Позвольте мнѣ посмотреть на ваши труды.

НАДЕЖДА (*сидя къ столу на-лѣво и принимаясь за шитье*). Очень-простенькая работа... я вышиваю греческую шапочку для Ивана Антоныча.

ХОХЛОВЪ. Греческую шапочку?.. Прекрасно придумалъ! Для деревни ничего не можетъ быть лучше!.. Признаюсь, Надежда Петровна, я вамъ удивляюсь! Для меня ничего нѣтъ чувствительнѣе, какъ ваша супружеская любовь!

ЛУЖИНЪ (*въ-сторону*). Шутъ!

НАДЕЖДА (*вышивая*). Григорій Васильичъ...

ХОХЛОВЪ. Да, я человекъ откровенный и говорю то, что у меня на душѣ! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я имѣю счастье быть вашимъ гостемъ, я пользуюсь непрерывнымъ удовольствіемъ—видѣть ежеминутно, какъ молодая, прекрасная жена заботится о своемъ мужѣ, и какъ этотъ мужъ, въ свою очередь, ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ о ней... согласитесь, что съ такимъ удовольствіемъ ничто не сравнится.

ЛУЖИНЪ (*тихо Хохлову*). Что-жъ это вы говорите?

ХОХЛОВЪ (*тихо Лужину*). Тсъ! Это необходимо для начала.

НАДЕЖДА (*въ-сторону*). Что это значитъ? Ужъ не узналъ-ли онъ о шалости Вольдемара!

ХОХЛОВЪ. Да, вы вполне исполняете тотъ священный долгъ, къ которому обязываетъ насъ и честь и совѣсть... Одни эгоисты и безнравственные люди не знаютъ этихъ наслажденій... Не правду-ли я говорю, Надежда Петровна?

НАДЕЖДА. О, конечно... но я не понимаю...

ЛУЖИНЪ (*въ-сторону*). И я тоже...

ХОХЛОВЪ. Вы не понимаете, какъ могутъ существовать такія женщины, которыя, не постигая своего счастья и счастья близкихъ имъ людей, рѣшаются жертвовать радостью и спокойствіемъ семейной жизни, для какого-нибудь взгляда, слова или вздоха легкомысленнаго юноши... Да, ваша правда! такія женщины непонятны! Онѣ заблуждаются, онѣ не видятъ того, что эти юноши вносятъ безчестіе и несчастіе въ ихъ домъ, и для чего-же?.. для одного препровожденія времени!

НАДЕЖДА. Но, Григорій Васильчъ! Неужели...

ЛУЖИНЪ (*въ-сторону*). Я самъ-не-свой!

ХОХЛОВЪ. О, эти случаи бываютъ за-урядъ (*въ-сторону, вытиралъ потъ съ лица*)! Фу, какъ трудны эти нравоученія, а все Весельево виновато!

НАДЕЖДА (*въ-сторону*). Неужели мой мужъ ревнивъ? Не оставилъ ли онъ его подсматривать за мною?

ЛУЖИНЪ. Вы говорите прекрасно, Григорій Васильчъ... но слова ваши слишкомъ отзываются старинною... Теперь многое перемѣнилось, и если непреодолимая страсть овладѣтъ нашими чувствами, если сердце, исполненное симпатіи, отвѣчаетъ нашей любви...

ХОХЛОВЪ. Позвольте! и эта непреодолимая страсть, и эта симпатія... все это вздоръ!.. Прежде чѣмъ вы допустите воспламениться сердцу...

ЛУЖИНЪ. Сердце наше не знаетъ препятствій...

ХОХЛОВЪ. Оно должно ихъ знать и предвидѣть, потому-что послѣдствія... да-съ, послѣдствія! Сердце наше должно думать о послѣдствіяхъ! Я ужъ не говорю о добродѣтели... ея права должны быть непреложны и священны... но самое положеніе наше... даже обстоятельства, состояніе постороннихъ людей...

ЛУЖИНЪ. Обстоятельства и состояніе постороннихъ людей?..

ХОХЛОВЪ. Да-съ, молодой человекъ! обстоятельства и состояніе постороннихъ людей!.. Чтѣ вы удивляетесь! Поучитесь, да поразсмотрите хорошенько уголовное и Римское право, такъ сами сознаетесь.

НАДЕЖДА (*въ-сторону*). Нѣтъ сомнѣнія! Это лазутчикъ! И онъ рѣшился принять на себя такую роль!

ЛУЖИНЪ (*тихо Хохлову, дергая его за сюртукъ*). Подите лучше отсюда; ужъ пора.

ХОХЛОВЪ (*тихо ему*). Тихе! вы раздерете мнѣ сюртукъ.

ЛУЖИНЪ (*тихо*). Вы развѣ не слышите?.. Подите отсюда!

ХОХЛОВЪ (*также*). Слышу! Но какъ-же я уйду... надобно какой-нибудь предлогъ.

ЛУЖИНЪ (*тихо*). Хорошо! я вамъ помогу! (*Въ-слухъ, становясь*)

между Хохловымъ и Надеждою). Однакожь, кухня, мы нашими разговорами только задерживаемъ Григорья Васильича; теперь ужъ два часа, а вѣдь до деревни Вьюновой версты три.

— хохловъ. Чтѣ?

лужинъ. Вы сейчасъ намъ говорили, что она ждетъ васъ къ обѣду.

хохловъ (*тихо Лужину, держа его за сюртукъ*). Перестаньте.

лужинъ (*тихо*). Тише! вы раздерете мнѣ сюртукъ.

хохловъ (*въ-сторону*). Злодѣй! онъ меня зарѣжетъ!

надежда (*вставая и становясь между ними*). Пожалуйста, Григорій Васильичъ, безъ церемоній, и если васъ ждетъ Вьюнова...

хохловъ. Позвольте, Надежда Петровна!..

лужинъ. Нѣтъ, ужъ, кухня, не удерживайте его.

хохловъ. Позвольте, я знаю самъ, что мнѣ должно дѣлать.. Для Надежды Петровны я готовъ пожертвовать всѣмъ, и съ моей стороны было-бы очень-дурно оставить ихъ, въ отсутствіи ихъ супруга.

надежда (*въ-сторону*). Я угадала! онъ точно лазутчикъ! Я должна съ нимъ объясниться! (*Въ-слухъ*). Григорій Васильичъ!

хохловъ. Чтѣ прикажете?

лужинъ (*въ-сторону*). Она, вѣрно, мнѣ поможетъ выпроводить его.

надежда. Если вы ужъ такъ добры, что рѣшаетесь мнѣ посвятить этотъ день, то, вѣрно, не откажетесь поговорить со мной объ одномъ секретномъ дѣлѣ.

хохловъ. Я, Надежда Петровна?

лужинъ (*въ-сторону*). Съ нимъ секреты?

надежда. Дѣ! Оставьте намъ на минуту, Вольдемаръ.

лужинъ. Но, кухня...

хохловъ. Если васъ просятъ Надежда Петровна.

надежда. Вы общали мнѣ стихи въ альбомъ... и до-сихъ-поръ не сдержали еще слова... Подите въ садъ, подумайте, не придетъ-ли вамъ какая-нибудь идея.

лужинъ. Вы хотите...

хохловъ. Да, да, подите, мой другъ... Вѣрно вы тамъ сочините-отличные стихи.

надежда. Вы слышали, что мнѣ нужно поговорить съ Григорьемъ Васильичемъ.

лужинъ. Если вы требуете (*въ-сторону*)... Этотъ господинъ долженъ быть или дуракъ, или фальшивый человекъ!

(*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

ХОХЛОВЪ, НАДЕЖДА.

НАДЕЖДА. Мы теперь одни, Григорій Васильичъ... надъюсь, что вы мнѣ, наконецъ, объясните свое поведеніе.

ХОХЛОВЪ. Поведеніе?

НАДЕЖДА. Да-съ, поведеніе... Скажите, что значать эти нравоченія?

ХОХЛОВЪ. Помилуйте, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА. Надобно быть слишкомъ-глупой, чтобъ не повяты васъ.—Скажите, пожалуйста, сколько вы взяли съ моего мужа за ту постыдную роль, которую, кажется, называютъ должностью лэзутчика?

ХОХЛОВЪ. Помилуйте, и вы можете думать, чтобъ вашъ супругъ?..

НАДЕЖДА. Не отпирайтесь... это вѣрно... вы не даромъ шептались съ моимъ мужемъ передъ его отъѣздомъ... онъ объяснялъ вамъ вашу обязанность.

ХОХЛОВЪ. Какія мысли! Можно-ли думать, чтобъ Иванъ Антоичъ былъ такъ ревнивъ?

НАДЕЖДА. Конечно, до-сихъ-поръ я этого не замѣчала... но есть въ свѣтъ люди, которые для своихъ выгодъ считаютъ за особенное удовольствіе нашенывать въ уши мужей всякой вздоръ и посеять въ нихъ подозрѣніе.—Мнѣ нѣтъ еще двадцати-пяти лѣтъ, а мужу моему слишкомъ вдвое... здѣсь живетъ молодой человекъ... раждаются подозрѣнія... Мужъ внезапно уѣзжаетъ, оставляетъ здѣсь своего друга и этотъ другъ начинаетъ читать мораль молодой женѣ... Что я должна изъ этого заключить? Остерегитесь-же, вы приняли на себя дурную обязанность... и мужъ мой вздумалъ играть въ опасную игру.

ХОХЛОВЪ. Надежда Петровна, помилуйте.

НАДЕЖДА. Да-съ, вы не воображаете того, что отъ вашихъ подозрѣній могутъ родиться во мнѣ такія мысли, которыя, можетъ-быть, никогда не приходили мнѣ въ голову.

ЛѢ 7-й. Вы вѣрилъ тому, быть-можетъ, очень-мало,

Въ какомъ доселѣ я невѣдѣнны жила?

Ни страстная любовь меня не волновала,

Ни даже мысль объ ней близка мнѣ не была.

Подъ пепломъ искръ чувствъ легко воспламенится,

Раздуй ее и ледъ расплавится въ огнѣ...

И ежели теперь любовь во мнѣ родится, —

Я буду этимъ вамъ обязана вполнѣ.

хохловъ. Надежда Петровна, помилуйте!

надежда. Извините меня, что я такъ откровенна... Я вамъ хочу все высказать... Ева не помышляли о дровъ познанія, покуда не запретили ей думать о немъ... а мы всѣ дочери Евы, Григорій Васильичъ.

хохловъ. Боже мой! да ужъ это похоже что-то на угрозы.

надежда. Очень можетъ-быть.

хохловъ (*въ-сторону*). Славно-же я успѣлъ съ своими наставленіями!

надежда. Вольдемаръ любезенъ, уменъ, чувствителенъ... этого прежде я вовсе не замѣчала, но вы открыли мнѣ глаза... Иванъ Антоновичъ будетъ этимъ обязанъ вамъ.

хохловъ (*внѣ себя*). Э! Надежда Петровна! Тутъ дѣло идетъ со всѣмъ не объ Иванъ Антоновичъ.

надежда (*съ удивленіемъ*). Чтò такое?

хохловъ (*спохватясь*). То-есть, отчасти и до него оно касается... но и я...

надежда. Не сошли ли вы съ-ума, Григорій Васильичъ?

хохловъ. Да и есть отъ чего сойти! Я хотѣлъ сказать, что Иванъ Антоновичъ тутъ невиновать нисколько... онъ также къ вамъ довѣрчивъ, также беззаботенъ, какъ былъ... и не давалъ мнѣ никакого порученія.

надежда. Въ такомъ случаѣ, какое-же вы имѣете право? какая причина заставила васъ...

хохловъ. Похловъ... Вы желаете знать, какая причина? Я увѣренъ, что вы никакъ не отгадаете.

надежда. Трудно и отгадать... Я никакъ не думаю, чтобъ ревность съ вашей стороны...

хохловъ (*скоро*). Позвольте... Вы говорите ревность (*въ-сторону*)... рпскну, такъ и быть.

надежда. Это вовсе невѣроятно.

хохловъ (*въ-сторону*). Одно средство избавиться отъ бѣды! (*Въ-слухъ*) Не вѣроятно? Но почему-же вы думаете, что невѣроятно?

надежда. Потому, что ревность происходитъ отъ другаго чувства.

хохловъ. Отъ любви? Чтò-жъ тутъ невѣроятнаго?

надежда. Отъ любви? Такъ вы меня любите?

хохловъ (*поспѣшино*). Люблю! виновать! люблю, Надежда Петровна!

надежда. Нѣтъ, это невѣроятно!

хохловъ (*съ притворнымъ жаромъ*). Опять невѣроятно! Клянусь, я люблю васъ... вы совершенно помрачили мой рассудокъ... едва я увидѣлъ васъ, и въ сердцѣ моемъ возродилось давно забы-

тое чувство, чувство, которое я считалъ уже уснувшимъ на-вѣки... Но вы, вы разбудили его! Долго я размышлялъ, долго боролся съ своимъ сердцемъ, потому—что вашъ мужъ мой другъ.... ему я обязанъ многимъ... Теперь вы можете понять, отчего я такъ горячо защищалъ добродѣтель... теперь уже не удивительны для васъ мои правоученія... Я хотѣлъ оспорить ваше сердце у этого молодого человѣка, и дать вамъ орудіе противъ самаго себя... А вы.. вы приписали мнѣ роль, которая нисколько меня недостойна... вы... Но я замолчу и обуздаю свои чувства.

НАДЕЖДА. Могла-ли я ожидать?..

ХОХЛОВЪ (*въ-сторону.*) Нѣтъ, любовь еще труднѣе правоученій! А все виной Весельево!

НАДЕЖДА. Неужели вы, Григорій Васильевичъ, при своемъ умѣ, при своихъ правилахъ...

ХОХЛОВЪ (*съ притворнымъ жаромъ.*) Позвольте, Надежда Петровна... Вы сами-же сейчасъ сказали, что ледъ расплавляется въ огнѣ... И повѣрьте, любовь моя, это не минутная страсть какогонибудь молодого повѣсы... нѣтъ, это истинная, ужасная страсть! Она составляетъ меня забыть священный долгъ дружбы! Нѣтъ, этотъ молодой человѣкъ не можетъ любить, какъ я!

НАДЕЖДА. Этотъ молодой человѣкъ почти еще ребенокъ, и любовь его я не считала даже заслуживающею гнѣва... но вы, это другое дѣло... и если дѣйствительно вы меня любите...

ХОХЛОВЪ. И вы еще сомнѣваетесь?

НАДЕЖДА. Въ такомъ случаѣ, мнѣ васъ очень-жаль... Я помню свои обязанности и никогда имъ не измѣню.

ХОХЛОВЪ (*поспѣшно, забывшись*) Безподобно! Этого только я и хочу.

НАДЕЖДА (*съ удивленіемъ.*) Чтò?

ХОХЛОВЪ (*спохватясь.*) Я хотѣлъ сказать... то есть... извините... смотря на васъ, я самъ не свой... я не знаю чтò я говорю... (*Въ-сторону.*) Хотѣлъ-бы кто-нибудь меня выручить... Охъ ужъ это Весельево.

НАДЕЖДА. О, такъ намъ надобно разстаться.

ХОХЛОВЪ. Разстаться! жить въдали отъ васъ! (*Въ-сторону.*) Чтò бы быть въ вѣчной пылкѣ... (*Вслухъ.*) Нѣтъ, Надежда Петровна! Не будьте такъ жестоки... умоляю васъ на коленяхъ! (*Становится на колѣна.*)

КАДНИКОВЪ (*отворивъ дверь; у него въ рукахъ большая дыя.*) Боже мой! это что?

НАДЕЖДА (*отбѣгалъ отъ Хохлова*) Мой мужъ!

хохловъ (*въ-сторону-вставая.*) Вотъ тебъ разъ!.. А я только-что было сталъ въ цень!

ЯВЛЕНИЕ XV.

Кадниковъ, Хохловъ, Надежда.

кадниковъ. Что я видѣлъ!

хохловъ. Иванъ Антонычъ! Ступай, ступай сюда! Слава Богу, что ты приѣхалъ... Стало быть, Агафонъ Назарычъ засталъ еще тебя у Карасева?

кадниковъ. Да, да, засталъ! (*въ-сторону.*) Я не знаю, что и подумать.

хохловъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія огромныя дѣны у Карасева.

кадниковъ (*положивъ дѣны на столъ*). Оставьте, М. Г. мою дѣню въ покоѣ... а извольте лучше мнѣ отвѣчать... Скажите, пожалуйста, что это вы дѣлали, когда я сюда вошелъ?

хохловъ. Что я дѣлалъ? Я разговаривалъ съ Надеждой Петровой.

кадниковъ. Разговаривали? на колыняхъ?

хохловъ. Да, это правда... я кажется стоялъ на колыняхъ.

кадниковъ. Кажется? нѣтъ не кажется, я видѣлъ собственными моими глазами.

хохловъ. Я, мой другъ, и не отпираюсь.

кадниковъ. На колыняхъ предъ моею женою! Когда меня нѣтъ дома, и послѣ того, что я для васъ сдѣлалъ?.. Или вы еще не читали тѣхъ бумагъ, которыя я отдалъ вамъ, уезжая отсюда.

хохловъ. Какъ не читалъ, помилуй... Ты мнѣ отказываешь Весельево и отдаешь даже его теперь мнѣ въ управленіе... Признаюсь, это такой подарокъ, какого я не ожидалъ!.. Привожу тебѣ искреннѣйшую благодарность и принимаю его съ особеннымъ удовольствіемъ.

кадниковъ. Вы принимаете?

надежда. Что я слышу!

кадниковъ. Да, сударыня, я ему подарилъ двѣсти душъ, а онъ... Но знаете-ли вы, М. Г. что это завѣщаніе можетъ-быть уничтожено? Я имѣю всѣ права?

хохловъ. Какъ! еще новыя права!

кадниковъ. Да-съ; я имѣю право отнять у васъ это имѣніе какъ у человека неблагодарнаго.

хохловъ. Другъ мой! если ты все узнаешь, тогда ты не только не отнимешь у меня Весельево, но, пожалуй, откажешь еще двѣсти

КАДНИКОВЪ (съ удивленіемъ). Что такое?

НАДЕЖДА (въ сторону). Что онъ говоритъ?

ХОХЛОВЪ. Какое двести... четыреста, пятьсотъ душъ... и все еще со мной не поквитаетесь.

КАДНИКОВЪ. Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!

ХОХЛОВЪ. Я стоялъ на козлахъ передъ Надеждой Петровной... прекрасно! Но какъ стоялъ? Какъ стоять предъ добродѣтелью, когда она принимаетъ на себя человѣческой образъ... Для-чего я стоялъ? Чтобы отъ имени святой дружбы принести ей благодарность за ея удивительную покорность къ своимъ обязанностямъ.

НАДЕЖДА (въ сторону). Что онъ хочетъ сказать?

КАДНИКОВЪ. Это что за галиматья? объясните-ли вы мнѣ, милостивый государь?

ХОХЛОВЪ. Ваша супруга, Иванъ Антоновичъ, молода, а вы стары! она прекрасна, а вы дурны! Ея сердцу должны-быть доступны възвышя впечатлѣнія, а ваше огрубѣло въ вещественныхъ интересахъ положительной жизни...

КАДНИКОВЪ. Скоро-ли вы кончите ваши сравненія?

ХОХЛОВЪ. Позвольте, онъ необходимъ! Слушайте-же: красота вашей супруги пленила юношу... достоинства ея души поразили молодое сердце... ей осмѣлились объяснить въ любви.

КАДНИКОВЪ. Что!

НАДЕЖДА (въ сторону). Что я слышу!

ХОХЛОВЪ. Но она, какъ истинная добродѣтель, прибѣгла ко мнѣ съ просьбою, чтобы я, не дѣлая огласки и не тревожа васъ пустымъ безпокойствомъ, избавилъ ее отъ преслѣдованій ея несноснаго кузина.

КАДНИКОВЪ. Что вы говорите?

НАДЕЖДА (въ сторону). Бѣдный Вольдемаръ!

ХОХЛОВЪ. Вотъ предметъ нашего разговора, когда вы вошли сюда! Вотъ почему я стоялъ предъ нею на козлахъ... Я не-въ-силахъ былъ удержаться... и повергнулъ къ ногамъ ея мое удивленіе, мой восторгъ! А вы вздумали меня подозревать! Стыдно, Иванъ Антоновичъ! стыдно! Вы послѣ-этого неблагодарный человекъ!

КАДНИКОВЪ. Возможно-ли? Этотъ безбородый школьникъ осмѣлился! Но можно-ли было ожидать, чтобы мальчикъ...

ХОХЛОВЪ. Иванъ Антоновичъ! вынче въ-свѣтъ ужъ нѣтъ мальчиковъ!... Но если вы еще сомнѣваетесь, такъ возьмите въ доказательство это письмо.

КАДНИКОВЪ. Письмо?

хохловъ. Да, оно писано этимъ безбородымъ юношей къ Надеждѣ Петровнѣ... я его перехватилъ.

кадниковъ. (*разсматривая письмо*). Точно! это его почеркъ! (*Читаетъ про-себя письмо*).

надежда (*тихо Хохлову*). Григорій Васильевичъ, какъ вамъ не стыдно! Вы губите Вольдемара.

хохловъ (*тихо*). За-то спасаю васъ и себя... (*въ-сторону*) а главное, Весельево.

кадниковъ (*прочитавъ письмо*). Боже мой! какой ужасъ!

хохловъ (*въ-сторону*). Выходить, я и не-даромъ продиктовалъ ему это письмо.

кадниковъ (*становясь между Надеждой и Хохловымъ*). Надинька! другъ мой! Григорій Васильичъ! И я смѣлъ васъ подозревать! Простите меня, я виноватъ!

хохловъ. А! наконецъ ты самъ сознаешься!

кадниковъ. Каюся! виноватъ! Но кто-бы могъ ожидать, чтобъ этотъ мальчишка!.. Нѣтъ, послѣ этого онъ не-останется здѣсь ни минуты.

хохловъ. Безподобно!

кадниковъ. Да ужъ и впередъ ко мнѣ ни-ногой!

хохловъ. Превосходно!

надежда (*въ-сторону*). Бѣдняжка! Какъ ему ему будетъ горько!

кадниковъ. Я ему покажу себя!

хохловъ. Нѣтъ, мой другъ, пожалуйста не дѣлай шума, — найди, просто, какую-нибудь причину... да вотъ чего лучше... теперь каникулы его на исходе... скажи, что ему пора въ училище, да и отправляй.

кадниковъ. Вѣ-самомъ-дѣлѣ, ты правъ... Я знаю, что ему сказать.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Кадниковъ, Лужинъ, Хохловъ, Надежда.

лужинъ. Я кончилъ кузина п... Ахъ, Иванъ Антоновичъ!

кадниковъ. Да-съ, любезнѣйшій братецъ, это я...

лужинъ. Вы ужъ возвратились?

кадниковъ. Тебѣ это удивительно, не правда-ли? Но еще удивительнѣе, что причиной моего внезапнаго приезда ты,

лужинъ. Я?

кадниковъ. Дорогою я получилъ письмо отъ твоего батюшки, онъ проситъ меня скорѣе отправить тебя къ нему... кака-то не-

обходимая надобность... И я ужь распорядился лошадьми... ты отпавишься сегодня.

ЛУЖИЦЪ. Сегодня?

КАДНИКОВЪ. Да-съ; и непременно сегодня!

ЛУЖИЦЪ (*Кадникову*). Но я не понимаю... Это неожиданное письмо... Мнѣ кажется, это одинъ только предлогъ.

КАДНИКОВЪ. Помилуй! я не стану лгать... Приготовься-же къ отъѣзду, мой другъ... Агафонъ Назарычъ тебѣ поможетъ... (*Подходитъ къ средней двери*) Агафонъ! Агафонъ Назарычъ!

ЛУЖИЦЪ (*тихо Хохлову*). Я теперь догадываюсь... это все ваши штуки.

ХОХЛОВЪ (*тихо*). Въ любви, молодой человекъ, никогда не надо брать повѣренныхъ... Запишите это правило.

КАДНИКОВЪ (*въ-глубинѣ*). Агафонъ Назарычъ! Да гдѣ ты запропастился?

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Тѣже, Агафонъ.

АГАФОНЪ. Я здѣсь! Не могу-же я бѣгать, какъ мальчишка... мнѣ ужь не подъ дѣла!

КАДНИКОВЪ. Ну, замолчи, пожалуйста... Помоги Владимиру Андричу собраться въ дорогу, да послѣ вели заложить коляску.

АГАФОНЪ (*про-себя*). И тутъ безъ меня не могутъ обойтись... опять работа... Чтѣ-жъ дѣлать, я лакей!

НАДЕЖДА (*Кадникову*). Но ты еще не знаешь, мой другъ, новости... вѣдь и Григорій Васильичъ собирается насъ оставить.

КАДНИКОВЪ в хохловъ. Чтѣ?

НАДЕЖДА. Да; онъ сейчасъ мнѣ сказалъ... какое-то важное дѣло требуетъ его присутствія въ Петербургъ.

ХОХЛОВЪ (*тихо Надеждѣ*). Помилуйте, Надежда Петровна!

НАДЕЖДА (*тихо*). Извольте взять, или я все перескажу мужу.

КАДНИКОВЪ (*Хохлову*). Неужели это правда?

ХОХЛОВЪ. Да, мой другъ! весьма-важное дѣло; я тоже получивъ письмо... Чтѣ дѣлать... И не желалъ-бы, да принужденъ взять... Но вѣдь это не долго.

НАДЕЖДА. Кто знаетъ! (*Въ-сторону*) Теперь Вольдемаръ можетъ нѣсколько утѣшиться.

ХОХЛОВЪ (*въ-сторону*). Она мнѣ отплачиваетъ, и чѣмъ еще это кончится! Страшно подумать!

КАДНИКОВЪ. Пренеурятную-же новость вы мнѣ сказали... Но я надѣюсь, что мы скоро увидимся.

НАДЕЖДА (*смотря на Лужина*). Да, конечно, мы, вѣрно, увидимся.

ХОХЛОВЪ (*въ-сторону*). Она посмотрѣла на этого школьника!.. Безъ меня ей будетъ воля... Чтò мнѣ дѣлать? Ахъ, какая мысль! (*Въ-слухъ*) Агаѳонъ Назарычъ! вѣдь ты еще, кажется, не слышалъ новости и не поздравлялъ меня?

АГАѲОНЪ. Съ чѣмъ-же это?

ХОХЛОВЪ. Вѣдь баринъ твой отказалъ мнѣ Весельево,

АГАѲОНЪ. Весельево? (*Тихо ему*) Берегитесь, чтобъ и съ вами не сдѣлали такой штуки, какъ со мной.

ХОХЛОВЪ (*тихо*). Знаю! (*Въ-слухъ*) Я на-радости хочу ознаменовать это событіе добрымъ дѣломъ, и вотъ чтò я придумалъ... Начиная съ нынѣшняго дня, во все время, пока Весельево будетъ въ моихъ рукахъ, я плачу тебѣ, Агаѳонъ Назарычъ, по тысячѣ рублей ежегодной пенсiи.

АГАѲОНЪ. Мнѣ! Ахъ, мой благодѣтель! (*Въ-сторону*) Понимаемъ, баринъ-то хитеръ!

ХОХЛОВЪ. Помни меня и не жалуйся на свою судьбу.

КАДНИКОВЪ. Вотъ выдумалъ! Да такой подарокъ хоть-бы и не лакею.

ХОХЛОВЪ. Ахъ, мой другъ, онъ разсказалъ мнѣ свою исторiю и такъ меня тронулъ, что я тотчасъ-же рѣшился утѣшить его... Право, жалкій человекъ! (*въ-полголоса*) Не оуждай моего поступка... я это дѣлаю для твоей-же пользы.

КАДНИКОВЪ. Для моей пользы?

ХОХЛОВЪ. Да, да, повѣрь мнѣ, доброе дѣло не останется безъ награды.

КАДНИКОВЪ. Признаюся, я тебя не понимаю... Но все равно, ты вправѣ располагать тѣмъ, чтò тебѣ принадлежитъ... Теперь ты, Агаѳонъ Назарычъ, пожалуй, оставишь и меня.

АГАѲОНЪ. Ни за что на свѣтъ... да сохрани меня Богъ! я ни на шагъ отъ васъ и отъ барыни... здѣсь и умру! (*Въ-сторону*) Нѣтъ, ужъ тетушка Авдотья Силишна меня проучила.

КАДНИКОВЪ. Ну, я очень-радъ... Живи себѣ сколько хочешь... вѣдь ужъ я къ тебѣ привыкъ... Однакожь пооди, укладывай чемоданъ.

АГАѲОНЪ. Иду! иду! Теперь ужъ я все-таки не такой лакей, какъ былъ до-сихъ-поръ! У меня тысяча рублей дохода!

КАДНИКОВЪ. Ступай Владимiръ Авдрейчъ, прпготовляйся къ отъезду... нечего дѣлать, надо разстаться.

ЛУЖИНЪ (*тихо Надеждѣ*). Прощайте, прощайте! милая кузина! НАДЕЖДА. Можетъ-быть, не надолго.

кадниковъ. Ну, а ты когда думаешь отправиться, Григорій Васильичъ?

хохловъ. Да ужъ не раньше завтрашняго дня.

аглаюнъ (*въ сторону*). Съ завтрашняго-же дня я принимаюсь за новую работу и ручаюсь, что у кого на умъ такая тетушка, какъ Авдотья Силишна, тотъ не прозываетъ ужъ своей пенсiи.

хохловъ (*въ сторону*). Съ такимъ Аргусомъ, я могу быть покоенъ... Весельево отъ меня не уйдетъ! а вѣдь все помогло мнѣ его несчастье. Не расскажи онъ мнѣ своего горя, бѣда!

кадниковъ (*въ сторону, показывая на Лужина*). Вотъ вѣдь и родственникъ, а удралъ—было со мной славную штуку!

лѣ 8-й. Нынче жить на свѣтѣ плохо:

По моимъ примѣтамъ всѣмъ

Настаетъ теперь эпоха

Надувательныхъ системъ!

Какъ-то все теперь упало,

Измѣнился бѣлый свѣтъ,

И друзей у насъ не стало,

И родныхъ ужъ больше нѣтъ;

Видно намъ придется скоро

Бѣдъ ужасныхъ ожидать,

И Содома и Гомора

Намъ судьбы не миновать!

Нынче что вы ни возьмите,

Все идетъ на-оборотъ,

И куда ни поглядите —

Все аферы да разсчотъ,

Такъ-ли жили мы, бывало?

Все-то было тринь-трава,

И аферами ни мало,

Не ломалась голова;

А теперь такъ черезъ моды,

Въ головѣ у всѣхъ пары,

И въ ходу лишь пароходы,

Паровозы, да шары!

Мало! въ мысль пришло народу

На нулѣ себя поднять,

И ужъ стали даже воду

За лекарство продавать.

Кто-то вдругъ на что пустился?

Печи сталъ безъ дровъ топить,

А другой такъ умудрился

Подъ водой по дву ходить.

И ужъ чѣмъ не надувають

Аферисты нынче настъ,
 Даже кости превращаютъ,
 Въ дорогой горючій газъ!
 Дѣлать все иначе стали:
 Изъ стекла одежду шьютъ,
 А статуи и медали
 Безъ огня изъ мѣди лютъ;
 До чего не достигають,
 И чего ужъ не творять!
 Тряпки въ сахаръ превращаютъ,
 И чрезъ воду золотять!
 На чугунные заводы
 Власть ихъ стала такъ сильна,
 Что ужъ строить пароходы
 И дома изъ чугуна!
 Ужъ ни въ чомъ въ тупикъ не стануть,
 Попросите хоть огня,
 И его тотчасъ достануть
 Безъ огнива и кремня!
 Да, ужъ видно очень скоро
 Бѣдъ ужасныхъ надо ждать
 И Содома и Гомора
 Намъ судьбы не миновать!

надежда. Однакожъ, вы забыли, что намъ пора проститься съ нашими гостями.

(Къ публикѣ.)

Какъ бываюю порою,
 Точно такъ и въ этотъ разъ,
 Водевилемъ и игрою
 Мы занять желали васъ;
 Если въ этомъ не успѣли, —
 Снисхожденья ждать должны;
 Если-жъ мы достигли цѣли, —
 Такъ вполне награждены!
 (Последніе два стиха повторяютъ всѣ).

ВЪСТАВЛЕНІЕ
ИМПЕРАТОРА РЪССКАГО

Други, не вѣрьте людямъ коварнымъ:
Счастье возможно для насъ.
Счастье доступно всѣмъ благодарнымъ, —
Хоть измѣняетъ подь-часъ.

Есть и для солнца западъ вечерній
Есть и для неба гроза...
Что-жь безразсудіе ропота черни,
Если вдругъ канетъ слеза!

Радость и горе, слѣдомъ за нами,
Ходятъ повсюду, какъ тѣнь.

Горе, какъ буря, страшно громами;
Радость — безоблачный день.

Быль-ли я счастливъ? Людямъ ни слова.

Дольнее — долу отдамъ, —

И за печали горя земнова

Вымолю радости—тамъ!

М. РОМАНОВИЧЪ.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА РУССКАЯ,

НА ПОПРИЩѢ ДРАМАТИЧЕСКОМЪ *.

Екатерина въ низкой догѣ,
И не на царскомъ-бы престолѣ,
Была-бъ Великою Женою!

ДЕРЖАВИНЪ.

И вѣрно и неоспоримо то, что Великая Екатерина, на свободѣ отъ трудовъ, предпочтительно любила заниматься театромъ; слѣдуя, такъ-сказать, за каждымъ свойствомъ русскаго народа, она читала и разсматривала, какъ самый строгій цензоръ, всякую черту этихъ свойствъ; наконецъ оцѣнивала тѣже черты, въ мудромъ совѣтѣ людей, къ себѣ ближайшихъ, и вотъ всё наше хорошее отъ

* Не помнимъ или не знаемъ, было ли что-нибудь писано въ нашихъ журналахъ и книгахъ о драматическихъ произведеніяхъ Екатерины Второй. Въ каталогѣ А. Ф. Смирдина, который навсегда останется драгоценною справочною книгою для библиографа и литератора, находимъ мы перечень всѣхъ сочиненій Екатерины II и между прочими драматическихъ. Сопиковъ, приводя заглавія ея сочиненій, не упоминаетъ даже и имени ихъ Автора. Между-тѣмъ это предметъ любопытный и драгоценный для Русскаго. Екатерина II обратила у насъ первая вниманіе на Шекспира, и въ какое время? Когда Вольтеръ, служившій для всей Европы оракуломъ, называлъ его *пьянымъ мужикомъ*. Мы обратились къ почтенному московскому старожилу-археологу, М. Н. Макарову, съ просьбою сообщить въ «Репертуаръ и Пантеонъ» сколько можно подробныя свѣдѣнія о драматическихъ произведеніяхъ Екатерины II-й. М. Н. Макаровъ съ удовольствіемъ поспѣшилъ исполнить желаніе наше и доставилъ на первый случай что успѣлъ узнать или вспомнить. Съ благодарностію помѣщаемъ его замѣтки, въ полной надеждѣ на продолженіе ихъ. А между-тѣмъ обращаемся съ покорѣншею просьбою ко всѣмъ, кто имѣетъ объ этомъ предметѣ какія-либо свѣдѣнія, доставить ихъ къ намъ: «Репертуаръ и Пантеонъ» съ благодарностію помѣститъ на страницахъ своихъ все, что будетъ сообщено о театрѣ Екатерины II. *Ред.*

природы намъ родное, она старалась всячески удерживать въ насъ своими драматическими твореніями. Великій ея взглядъ на собственной родовой характеръ Русскихъ, повелевалъ быть намъ предпочтительно въ одеждѣ только нашей гражданственности, и тѣмъ-то она, Великая, при другихъ еще многихъ своихъ средствахъ, достигала предположенной ею цели — творить себѣ людей *великихъ*, собственно изъ Русскихъ!

Приверженность къ французскому языку лучшаго тогдашняго общества нашего, убѣждало Екатерину, что собственно до этого, болѣе другихъ образованнаго сословія, никогда не дойдетъ никакая благодѣтельная мысль ея, какъ-бы слѣдовало въ языкъ рускомъ и потому-то она создала для себя свой театръ, Эрмитажный, гдѣ уже вся ея драматическая поэзія, равно, какъ и всѣхъ избранныхъ ею въ семь дѣлъ сотрудниковъ, излагалась на языкъ французскомъ; но и тутъ Премудрая рѣзче всего очерчивала самихъ Русскихъ въ прививной къ нимъ, неразборчивой подражательности энциклопедическому западу, не щадила также она и отсталого въ нихъ отъ Европы, затертаго въковыми предразсудками, устарѣлаго дикарства! Эпигми самыми литературными ея способами, по крайней-мѣрѣ въ *самыхъ* высшихъ, а частію даже и въ среднихъ слояхъ всего нашего народа, почти незамѣтно усвоивалась жизнь особая, но весьма-близкая, всеми нравственными приличіями современной Европѣ. На каждомъ шагу положенія этой жизни, Екатерина, какъ посвященнѣйшая изъ женщинъ, судила и совѣтовалась съ Іосифомъ, Императоромъ Римскимъ, съ Фридрихомъ королемъ Прусскимъ, съ Вольтеромъ, д'Аламбертомъ, Цаммерманомъ, Сегюромъ, Лагарпомъ, словомъ, со всеми чужими и своими людьми просвѣщеннѣйшими, ей современными; даже Дидро не ускользнулъ отъ ея вниманія; а Гёте и по одному изданію своего Вертера, уже былъ ею замѣченъ, какъ будущій великій писатель; но къ-сожалѣнію, иностранцы и при сихъ материнскихъ о насъ заботахъ нашей Великой Государыни, клалъ все намъ принадлежащее и все нами приобретаемое не въ русскую мѣру, а въ расчетъ своихъ дюймовъ, футовъ, тоазовъ; да и сами мы заботились только о томъ, чтобъ оставаться на-долго ни своими, ни чужими! Привлекательнѣе всего намъ показался языкъ французскій, и на него-то устремлена была вся цель нашей образованности. Главною причиною заохочиванія нашего—непрѣменно говорить по-французски полагаю какое-то необходимое желаніе многихъ людей притавать свои мнѣнія отъ членовъ стараго быта и отъ высшихъ *словъ* народа, которые, посудивъ *по-своему* о нѣкоторыхъ нововведеніяхъ, взятыхъ съ Запада, пожалуй еще по-

смыются; но при незнаніи своемъ, смысла, толку французскаго, и не почувствуютъ, какъ всякая благодатная новость парижская будетъ падать, точно снѣгомъ, на ихъ оквашенныя головки! Екатерина явно усматривала это, или что-то подобное: видѣла она также и то, какъ мы волею и неволею, и во что-бы намъ нистало, превращали себя то въ Англичанина, то въ Нѣмца, а рѣшительнѣе всего въ Француза! Но о цѣли и планѣ *Ермитажнаго театра* Великой Екатерины, переведеннаго на русскій языкъ извѣстнымъ нашимъ литераторомъ и цензоромъ П. А. Пельскимъ, только еще въ 1802 году, то есть спустя шесть лѣтъ по кончинѣ Императрицы, я, можетъ-быть, скажу послѣ, въ особой для того статьѣ и точно также буду говорить о *сорока-трехъ томахъ Россійскаго Театра*, собраннаго и напечатаннаго, по Высочайшему Повелѣнію, Императорскою Академіею Наукъ въ 1786 году*. Здѣсь-же теперь я упомяну только объ однихъ отдѣльно напечатанныхъ драматическихъ произведеніяхъ нашего Царственнаго Автора, игранныхъ и неограниченно публично.

А. Ф. Смирдинъ, въ изданномъ имъ 1828 году каталогъ всѣхъ русскихъ новопечатныхъ книгъ, не знаю по какимъ-то фактамъ, насчитываетъ до пяти комедій и, кажется, пять-же оперъ, принадлежащихъ собственно перу Великой Екатерины. Вотъ имена всѣхъ этихъ исчисленныхъ имъ пьесъ:

Первою изъ нихъ ставлю: «О время!» комедію, въ трехъ дѣйствіяхъ, напечатанную въ С. Петербургѣ, 1772 года, то-есть въ годъ самаго перваго раздѣла Польши между нами, Австріею и Пруссіею. Роскошная и послѣ столько несчастная принцесса Германская, *Марія-Антуанетта*, вступила тогда въ супружество съ французскимъ Дофинемъ, а послѣ Королемъ Людовикомъ XVI. Весь Парижъ сошелъ почти съ ума отъ мишурнаго, но дорогаго блеска! Экономные и всегда разсчитливые въ своемъ быту сосѣди наши, Германцы, сами нѣсколько тронулись великозвѣными новостями Франціи, но вскорѣ, съ барышомъ для себя, спустили ихъ въ Петербургъ и въ Москву, въ тогдашнія гнѣзда страсти *подражать*. И вотъ всё роскошное съ насъ и на насъ посыпалось градомъ. Роскошь эта пачала овладѣвать даже *нашими* мнѣніямъ и уже почти не было возможности удерживать многихъ изъ *нашихъ* въ умѣренности, добрымъ порядкомъ. Премудрая Императрица, употребляя съ подданными только мѣры кротости, и при этихъ обстоятельствахъ, положила не законъ указной; но свои мнѣ-

* Мы не сомнѣваемся, что почтенный авторъ сдержитъ свое слово, и будемъ ждать исполненія обѣщанія нетерпѣливо. *Ред.*

вія въ умной и правоучительной комедіи «*О время!*». Этого довольно было для вельможъ двора; а отъ вельможъ уже и для другихъ всѣхъ, подражавшихъ подражаніямъ. «*Вышла точка свѣта, замѣтила мнѣ однажды Княгиня Екатерина Романовна Дашкова*, служитъ всегда фаросомъ нижнему огню летучему!*»

Комедію «*О время!*» игравали въ Ериитажѣ и на Петербургскомъ публичномъ театрѣ, и она въ свою очередь лѣлала *hit*. Не помню, переносили-ли ее когда въ московскій репертуаръ.

Въ 1786 году значатся по каталогу Смирдина, напечатанными изъ сочиненій Великой Екатерины три піесы. Первая: «*Вотъ каково имѣть корзинку и бѣлье*», комедія въ пяти актахъ, написанная въ подражаніе Шекспиру; вторая: «*Историческое представленіе изъ жизни Рюрика*» тоже подражаніе Шекспиру, но уже написанное, какъ сказано въ подлинникѣ, «*безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ*»; и наконецъ третья: «*Февей*», опера въ пяти дѣйствіяхъ. Всѣ эти три піесы, какъ говорила мнѣ Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, писаны гораздо-прежде 1786 года. Шекспиръ въ то время намъ былъ почти незнакомъ и потому въ подражаніяхъ ему, Императрица, какъ истинно-заботливая мать о просвѣщеніи дѣтей своихъ поданныхъ, непременно желала насъ ознакомить съ этимъ великимъ англійскимъ писателемъ. Для этого именно было даже предположено ею переводить всѣ лучшія творенія Шекспира; но Франція господствовала уже надъ всѣми чувствами нашими деспотически и Шекспиръ Екатерины занимателенъ былъ только въ ея Ериитажѣ, у нея самой, для ея людей. «*Впрочемъ Рюрикъ въ подражаніи Шекспира*» продолжала Княгиня: «*имѣлъ и другую цѣль: мы думали что учовые Англичане, разбирая въ сочиненіи Императрицы Рюрика, какъ Нормана, не изложатъ-ли чего-нибудь новаго, полезнаго собственно для исторіи Русскаго народа? Къ довершенію полнаго успѣха въ этой мысли, нашъ Рюрикъ предоставленъ былъ на пересмотръ, какъ историку-критику, Генераль - Маіору Болтину.»*

* Княгиня Екатерина Романовна была тетка моей родной тетки Даріи Петровны Писаревой, урожденной Исленцевой, и потому-то мнѣ не однажды доставался случай бывать въ одной бесѣдѣ съ княгиней и даже слышать собственно отъ нея многое и здѣсь изложенное мною о Екатеринѣ II. Другіе факты моего разсказа добавлены изъ бесѣдъ моихъ съ сыномъ Княгини, покойнымъ Княземъ Павломъ Михайловичемъ, лестнымъ знакомствомъ съ которымъ я пользовался въ продолженіи почти всей моей юности. Обстоятельства подобныхъ разсказовъ у меня записываются съ той-самой поры какъ я началъ себя помнить. М.

Невидно ничего рѣшительнаго въ томъ его пересмотрѣ; известно только, что тоже самое сочиненіе («Рюрикъ» въ подражаніи Шекспиру) Императорскою Академіею, какъ свидѣтельствуеть каталогъ Смирдина, въ 1792 году напечатано уже отъ имени самого Болтина. Англійскіе-же критики, *про названіе Рюрика Норманомъ*, какъ въ той, такъ и въ другой піесѣ, не сказали ни слова.

Опера «*Февей*», въ пяти дѣйствіяхъ, какъ опытъ драматизированія русскихъ сказокъ, составлена Императрицею единственно изъ русскихъ сказокъ и пѣсенъ; она положена была и на музыку; играна въ Санктпетербургѣ успѣшно и неоднократно, но до московской сцены не доходила. Княгиня Дашкова однажды свидѣтельствовала намъ, что Императрица не была довольна *чрезъ-чуръ многими чисто-италіанскими вводами въ партитуру Февей* (которую, какъ рѣдкость, еще и теперь возможно отыскать въ богатыхъ музыкальныхъ собраніяхъ).

Послѣ сказанной оперы, вдругъ изъ-подъ золотаго-же пера Великой явился «*Храбрый и смѣлый витязь Ахридпичъ*» (Иванъ Царевичъ, опера въ пяти актахъ. Она была напечатана 1787 года. И сюжетъ, и пѣсни, и музыка, и богатство декорацій съ гардеробомъ и механикою, все тутъ согласовалось съ мыслию Царственного автора: здѣсь олицетворилась настоящая великолѣпная русская сказка съ *Бабою-Ягою, съ Лешими, Змьель-Гориничемъ, Чудою-Юдою, со всякимъ колдовствомъ!* Знатоки оперъ, не только наши, но и чужіе, посмотрѣвъ *Ивана Царевича*, ахнули! Его играли на большой петербургской сценѣ нѣсколько разъ сряду; но отъ этихъ частыхъ представленій испортились нѣкоторыя машины и опера была приостановлена.

Многіе мотивы для арій взяты здѣсь были Царицею даже изъ сочиненій строгаго нашего пѣвца *Василія Кириловича Тредьяковскаго*; но такъ все это было кетати, такъ ладно, какъ-будто-бы *Тредьяковскій рожденъ необходимымъ для Ивана Царевича!* Самый первый хоръ этой оперы, въ которомъ мамушки, нянюшки и сѣнныя дѣвушки рассказываютъ о похищеніи своихъ царевенъ *Вихремъ, чисто Тредьяковскаго, и съ музыкою въ сказанномъ хорѣ прелестный!* Вотъ этотъ разѣказъ:

Съ одной страны громъ
Съ другой страны громъ.
Ужасно въ ухъ!
Смутно въ воздухъ!
Набѣгли тучи,
Воды несучи,

Грянулъ громъ со Перуны,
И вѣтъ ни звѣзды ни луны—

т. е. сестеръ царевича: проказливый *Вихрь* похитилъ ихъ!

Хоръ кузнецовъ, когда они сковали Ахридъичу мечъ-кладенецъ и сорокапудовую палицу, тоже прекрасенъ! Поднося свои работы въ отдѣлкѣ герою, они поютъ:

Вотъ удалый молодецъ!
Твой готовъ мечъ-кладенецъ,
Палица-то въ сорокъ пудъ!
Просимъ заплатить за трудъ.

Обращеніе Ивана Царевича къ *Бабь-Ягой* съ умиленной его пѣсенкой:

Бабинька-Яга,
Костяная ты нога!

И приказъ Царевича Лѣшимъ опередить другъ-друга, начинающійся такими стихами:

Льсовики, не лгите,
Другъ друга передите! и проч.

очень-хороши!

Въ Москву переселился *Иванъ Царевичъ* при Александрѣ Благословенномъ; онъ пожаловалъ его московскому *Петровскому* театру со всѣми его сценическими богатствами; и тутъ было эта опера пошла весьма успешно; но пожаръ въ 1802 году Петровскаго театра все погубилъ, и съ той уже поры *Иванъ Царевичъ* нигдѣ не возобновлялся!

Въ 1786-же году напечатаны Императрицею-же комедіи ея «Шаманъ сибирскій», въ пяти дѣйствіяхъ и «Обольщенный» въ пяти-же дѣйствіяхъ; о послѣдней въ катологѣ *Смирдина* вѣтъ и помину; но у меня была она печатная, да и напечатана тоже, кажется, и въ «Россійскомъ Театрѣ». Объ эти піесы едва-ли были играны, но онѣ объ рисуютъ прекрасныя картины своего вѣка. Въ первой, то есть, въ «Шаманъ сибирскомъ» очень-рѣзко начертана самая суевѣрная сторона нашихъ госпожъ-боярынь (аристократокъ тогда еще на Руси не заводилось)—пристрастіе ко всякаго рода ворожбѣ, колдовству и шаманству. Барынь такихъ у насъ было очень довольно и въ числѣ ихъ-же, по увѣренію княгини Дашковой, *Перекусихина*, любимица Екатерины. Она, говорятъ, заводила своихъ собственныхъ прорицателей судьбы и даже имѣла своего-же Шамана Сибирскаго. Прорицательное дѣло это какъ-разъ нашло под-

ражателей, послѣдователей, и вотъ наши плуты въ ворожеяхъ, колдунахъ и шаманахъ начали плодиться, какъ грибы, и ужъ многіе изъ нихъ опредѣлялись къ дома хорошіе, за известную плату, какъ-бы люди, для житейскаго быта необходимыя! Вѣрить этому очень-можно, по-крайней-мѣрѣ, по Москвѣ, которая и доселѣ еще старается находить какихъ-то *вдохновенныхъ Яковлевичей, Львовичей, Кузминиченъ, Филатовенъ* и проч. т. п.

«Обольщенный» билъ и колотилъ собою приверженцевъ къ шарлатанству известнаго *Калиостро*, какъ говорятъ, до-сихъ-поръ еще неумиравшаго! *Калиостро* гремѣлъ громко и у насъ: послѣдствіемъ его, многіе-было, съ потерей своего послѣдняго имущества, вздумало добиваться изъ ничего то золота, то серебра, то камней самоцвѣтныхъ и разорялись! Западъ, во все время, умѣлъ—какъ-то весьма серьезно подпускать къ намъ шутовъ и проказниковъ! А мать родная наша Екатерина была, какъ тутъ, за насъ, дѣтей своихъ!

«Въ 1788 году, сплетни житейскія, которыя есть и живутъ во всѣхъ градусахъ людскихъ состояній и положеній», говорилъ мнѣ князь *Павелъ Михайловичъ Дашковъ*: «вынудили Государыню напечатать написанную ею комедію въ пяти актахъ «Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями». Но и эта пьеса едва-ли являлась публично на сценѣ.

Вскорѣ послѣ того, за этою-же комедію, въ 1789 году, была выдана Императрицей опера Ея «*Горе богатырь Косометовичъ*», въ пяти-же актахъ. Ее играли, она пришла по нраву народу; но Государыня сама *не приказавши играть ее больше*, замѣнила ее другою своею же пяти-актною оперою «*Новгородскій богатырь Босеславичъ*». Въ этихъ обѣихъ операхъ, какъ подозрѣвали современники, главный толкъ относился къ шведской компаніи 1788 года, когда наши роскошные гвардейцы одни трусили, а другіе храбрились, по поводу чего написалъ и *Кокошкинъ* (Иванъ Алексѣевичъ, двоюродный братъ известнаго *Федора Федоровича*) свою забавную комедію «*Походъ подъ Шведа*», игравшую неоднократно на всѣхъ нашихъ театрахъ и весьма-забавлявшую Императрицу и весь дворъ ея. Тогда въ *Иванъ Кокошкинъ* пророчествовали даже новаго Фонъ-Визина; но знаете, есть во всякое время имена, которыя должны оставаться въ единствѣ *свщенными*, и потому расхваливъ Ивана Кокошкина, не сдѣлали ему дальнѣйшихъ поощреній, и вотъ Иванъ Кокошкинъ, волею или не волею, а долженъ былъ оставаться, не ходя вдаль, только при своемъ «*Походъ подъ Шведа!*»

Въ 1792 году, у Государыни испросили позволеніе напечатать ея милую оперу «*Федулъ съ пятнадцатю дѣтьми*». Роль *Дуляши* было торжествомъ нашей памятной еще пѣвицы *Елизаветы Семе-*

новны Сандуновой. Подговоръ этой, помянутой Дуваши *городскимъ* дѣтвиною-баричемъ былъ, одною извѣстною сценою, взяты изъ дѣйствительной жизни самой нашей именитой тогда артистки.

«*Федулъ съ дѣтьми*» и въ Петербургѣ и въ Москвѣ жилъ почти нескончаемо: а его *Дуляша съ пѣсней* своею: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» не выходила даже изъ самыхъ блестящихъ гостиницъ!

Каталогомъ Смирдына Екатеринѣ же приписана пяти-актовая комедія «*Имянины госпожи Ворчалкиной*»; но она только по Ея плану писана, извѣстнымъ тогда комикомъ нашимъ, авторомъ славной, въ свое время, комедіи «*Такъ и должно*», *Михайломъ Ивановичемъ Веревкинѣмъ*; такимъ-же образомъ по плану, заданному Государыней, въ 1772 году явилась изъ-подъ пера княгини *Дашковой*: «*Г-жа Вѣстникова съ семейю*», комедія въ одномъ дѣйствіи. Въ 1773 году тоже, подъ наблюденіемъ самой Императрицы (разсказывала княгиня) передѣланы были у насъ (а къмъ—неизвѣстно) «*Домашнія несогласія*», комедія въ пяти дѣйствіяхъ изъ сочиненій Голльдони, «*Лжеецъ*», комедія-же въ пяти дѣйствіяхъ; да сочинена «*Тоисѣковъ*», тоже пяти-актная пѣса; въ этой и я много брала участія!

Въ «*Имянинахъ Ворчалкиной*» обрисованъ весь франтоватый нашъ свѣтъ *à la française* семидесятихъ годовъ и въ него-же пущенъ прекомической *россійской* *прежекторъ* *Некопѣйковъ*. Передѣлайте эту комедію на нравы современные и она опять, какъ тутъ—прямо наша!

«*Г-жа Вѣстникова съ семейю*»—барыня болтуня, по некоторымъ нашимъ взглядамъ, еще не такъ далеко отставшая и отъ нашихъ «*аристократокъ*» старушекъ, охотницъ благовѣстить о томъ только, кто умеръ, кто женился, кто выигралъ, кто проигрался. Но встарь, видите-ли, *Вѣстниковы* плодились, росли и множились цѣлыми семьями!—А у насъ-то?

«*Домашнія несогласія*»—сплетни русской *барской* дворни, а во «*Лжеецъ*» гвардеецъ, приправленный современнымъ *катаньемъ* по Невѣ, которое, сколько я припомню, и по Москвѣ рѣкъ тогда-же началось-было съ рожками и съ пѣсенниками!..

Въ «*Тоисѣковъ*» выведенъ какой-го извѣстный вельможа, слѣдовавшій правилу и *на то и на сѣ*, то есть, *придака и не придака*, смотря по обстоятельствамъ—кому что нужно!

Тѣмъ заключаю мою первую статью о *драматическихъ* твореніяхъ Великой Екатерины. Что зналъ по этому дѣлу, то написано мною сполна.

М. МАКАРОВЪ.

МОЙ ТЁСКА,
или
СТРАДАНИЯ ДЖОНА БРОУНА,

рассказанныя имъ самимъ.

=

Зачѣмъ назвали меня Броуномъ, зачѣмъ именно Джономъ Броуномъ? Жестокій обычай! Навязать мнѣ на вѣчныя времена это имя, потому только, что предки мои когда-то его носили!.. Будь я Альфредъ Броунъ, Фридерикъ, или даже Эдуардъ—дѣло-бы обошлось еще какъ-нибудь; а то—Джонъ Броунъ!.. Согласитесь, что есть имена столь-же неизбежныя, какъ общія мѣста въ разговорѣ: отъ нихъ никакъ не отдылаешься. Джоновъ Броуновъ встрѣтите вы вездѣ и вездѣ; Джономъ Броуномъ называются все и никто. Одинъ Джонъ Броунъ не лучше другаго и на-оборотъ; это фактъ! Кличка эта принадлежитъ такому множеству людей, что съдѣлалась почти пошлою: ее даже трудно олицетворить! Растолкуйте мнѣ, ради Бога, что такое Джонъ Броунъ? Бьюсь объ закладъ, что ни одинъ мудрецъ не рѣшитъ вамъ этой неключимой задачи! Въ числѣ знакомыхъ вашихъ ужъ конечно найдется до пятидесяти человекъ, къ которымъ припилено это имя, и все они, вѣроятно, до-того перемѣшались въ памяти вашей, что обратились въ какой-то неопредѣленный хаосъ:

«Огромный лабиринтъ, построенный безъ плана.»

Однимъ словомъ, мы—Джоны Броуны настоящіе *никто* общества!

— Джонъ, дитя мое, сказалъ мнѣ однажды отецъ, непослѣдній оригиналь въ своемъ родѣ: «Джонъ, дитя мое, мы живемъ здѣсь съ тобой—какъ пара одинокихъ псовъ; тучьемъ себя какъ свора увальней-холостяковъ, безъ всякой пользы для общества. Такъ жить нельзя долѣе. Одинъ изъ насъ долженъ непременно жениться; это

ясно, какъ день. Мнѣ сдается, что я немного поустарѣлъ для такого подвига, да и признаюсь тебѣ—память о доброй, покойной матери твоей какъ-то перечеить. Стало-быть, очередь за тобою, Джонъ; сынъ любезный, подумай-ка хорошенько, да и рѣшись, а тамъ—честнымъ пиркомъ и за свадебку!.. Очень-бы ты порадовалъ меня, если-бъ захотѣлъ; право, затѣя добрая—хоть куда! Ты не знаешь еще, беззаботная головушка, сколько радостей вѣтается надъ тобою: слушай только бывалаго и все узнаешь! Какъ сырѣ въ маслѣ будешь кататься. То-то заживешь, какъ будетъ у тебя подъ бокомъ жоночка милашка; то-то зарадуешься, когда это молоденькое, смирененькое, добренькое, пѣжвенькое созданыще прижметъ къ груди твоей свою прелестную головку—

«Нѣтъ, всѣ подземныя сокровища—ничто

«Прелѣ тайнымъ наслажденіемъ мужа,

«Когда онъ смотрится въ любовь своей жены!»

Старый чудакъ, написавшій эти три стиха, зналъ, гдѣ раки зимуютъ.

— Быть по вашему, батюшка: полагаюсь на вашу опытность, и если вамъ угодно, готовъ хоть сейчасъ пуститься на поискъ: укажите только, гдѣ и чего искать? отвѣчалъ я, поглядывая на отца.— Изъ глазъ стараго джентльмена видно было, что онъ не прочь отъ указаній.

— Мнѣ кажется, я нашолъ уже, что тебѣ нужно. Чудесная дѣвушка!

— Въ-самомъ-дѣлѣ! Да гдѣ-жъ она?

— Ого! видно поджогъ твое любопытство, и не на-шутку! Пойстой-же ты, хладнокровный плутяга, я проучу тебя; не скажу ни слова.

— Вы ошибаетесь, я вовсе не..

— Хорошо, хорошо, смилуюсь надъ тобою. Ну, скажи-ка мнѣ откровенно, что-бы ты думалъ о дочери эдбургскаго друга моего Давида Смита?

— Смита! воскликнулъ я, перепуганный внезапнымъ сочетаніемъ двухъ роковыхъ именъ Броуна и Смита!

— Да, сударь, дочери Смита—миссъ Юліи Смитъ! Желалъ-бы я знать, что ты еще скажешь мнѣ противъ этой дѣвушки, ты, пучеглазая кукла?

— Юлія Смитъ!.. Это имя Юліи прикрашивало нѣсколько пошлость прозванія, было даже недурно... Что скажу противъ нея? Да у меня ничего и въ помысленіи не было! да и что-бы я могъ сказать противъ хорошенькой дѣвушки, особливо если она столь-же

мила и любезна какъ мистриссъ Чапонъ, дальше которой я не заглядывалъ еще на свѣтъ Божіи!

— Ахъ, ты щенокъ безстыдный! Изволить еще подтрунивать! Да знаешь-ли ты, что если ты не уймешься, то я втопчу тебя въ ноги. Чѣмъ она тебѣ не пара? Если ты не видалъ ее, такъ я ее видѣлъ, и полно съ тебя. Терять времени нечего. Я увѣренъ, что у ногъ ея и теперь уже вѣгся цѣлый рой молодыхъ парней: того и гляди, что которой-нибудь изъ нихъ перебѣдетъ у тебя дорогу. Стало-быть, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мы уладили уже съ Смитомъ все дѣло. Онъ самъ хлопочетъ объ этой свадьбѣ и задобриваетъ дочь въ твою пользу. Я писалъ къ нимъ, что-бы ждали тебя на этой недѣлѣ. Смотри-жь, сынокъ, не пожалѣй денегъ, закажи пару новыхъ *подвязокъ* и повѣсься на нихъ отъ радости.

Жалобы были неумѣстны, и я спѣшилъ исполнить предположенія старика,—разумѣется, не на-счотъ вѣшанья на подвязкахъ. Впрочемъ, я былъ съ нимъ больше въ ладу, чѣмъ показывалъ. Холостая жизнь мнѣ порядочно надоѣла; и хотя я самъ былъ не такъ зажиточенъ, но, какъ единственный сынъ отца своего, могъ наследовать все его богатства, а они были довольно-значительны; въ супружествѣ видѣлъ я не только долгъ мой, но и удовольствіе; короче сказать—я былъ на эту минуту въ самомъ благоприятномъ расположеніи къ прекрасному полу, и если миссъ Юлія Смитъ была избрана для меня не мною, то, судя по описанію моего отца, я вовсе не прочь былъ отъ брака съ нею. Отправясь къ Чарвингъ-Кросу, я поторопился заказать себѣ послѣднюю свободную каюту съ койкою на кларанскомъ стимботѣ; заказалъ себѣ мѣсто въ блакуэльскомъ омнибусѣ и, полагая, что онъ меня возьметъ на концѣ Лоджетской улицы, воротился домой, сваряжаться въ дорогу!

Колоколь церкви св. Павла извѣстилъ публику, что пробило четверть десятого, и въ ту-же минуту раздался стукъ омнибуса; онъ катился по улицѣ, не показывая ни вида, ни намѣренія остановиться; однакожь, мнѣ удалось кой-какими знаками возбудить вниманіе кондуктора экипажа, и заставить его оборотиться.

— Весь полонъ, сэръ, и внутри и снаружи, сказалъ мнѣ прислужникъ, сострадательнымъ тономъ.

— Полонъ; обманщикъ этакей! А развѣ я не записался на одно мѣсто?

— Не могу знать, можетъ-быть да, можетъ-быть и нѣтъ! Во всякомъ случаѣ омнибусъ полонъ.»

— Не записанъ-ли въ спискѣ вашемъ Броунъ?

— Броунъ?

— Ну да, мистеръ Броунъ, мистеръ Джонъ Броунъ.

— Конечно; но что-жь изъ этого? И такъ уже у насъ цѣлыхъ два Броуна въ кузовъ; одинъ изъ нихъ даже мистеръ Джонъ Броунъ, взятый съ Веллингтоновской улицы, на Страндъ. Въ иной день собираемъ мы этихъ Броуновъ гораздо-болѣе, чѣмъ гнией. Впередъ, Билъ, пора вхаты!» И omnimodum покатился далѣе, оставя меня на жертву дюжинѣ или двумъ извозчиковъ, свидѣтелей моей проповѣди, уже сажавшимъ меня мысленно въ свои голово-ломныя повозки. Доведенный до отчаянiя, я отдался на произволъ одного изъ этихъ головорѣзовъ, и зажмури глаза, отъ страха, велѣлъ везти себя, какъ знаетъ, но только скорѣе на Блакуэльскую набережную, и едва-едва прибылъ въ пору. Смекнувъ это, извозчикъ спросилъ съ меня впятеро дороже, чѣмъ ему слѣдовало, въ полной увѣренности, что мнѣ нѣкогда было съ нимъ торговаться. Когда чемоданы мои перенесены были на палубу, я спѣшилъ осмотрѣть свой спальный приютъ. Очень обрадовался я своему выбору: койка моя была верхняя, въ самой серединѣ парохода, и я, заранее поздравляя себя съ «тѣснымъ ложемъ», которымъ, вѣроятно, придется мнѣ довольствоваться въ-продолженiе моего плаванiя, отправился въ свою каюту. Пароходъ былъ набитъ биткомъ; на немъ не было ниодного порожняго мѣста. Всѣ пассажиры, какъ-бы взапуски другъ передъ другомъ, набивали желудки свои холодной говядиной, ветчиной, сухарями, горчицей, ямайскими пакулями, запивая ихъ портеромъ, водкою и водою. Жаръ былъ несносный, я вышелъ на палубу освѣжиться прохладой вѣтерка, разыгравшагося надъ водою, и такъ просидѣлъ, сторожа суда, скользившiй вдоль Темзы съ легкостiю духовъ, пока всѣ остальные пассажиры не были забраны.

Прозябшiй и уставшiй, началъ я спускаться внизъ по лѣстницѣ, между рядами дремавшихъ спутниковъ, уснувшихъ гдѣ кому ближе. О безпокойствѣ сна ихъ можно было судить по болѣзненному всхрапыванiю ихъ, раздававшемуся въ разныхъ углахъ залы.

— Бѣдняжки! сказалъ я въ избыткѣ сочувствiя, которое такъ мало намъ стоить, но тѣмъ не менѣе—облегчаетъ совѣсть. Дойдя съ трудомъ до моей каюты, я раздѣлся при свѣтѣ догоравшей лампы, и ползъ было на свое мѣсто, какъ вдругъ слышу—чей-то храпокъ!.. Быть не можетъ!.. Прислушиваюсь—и вотъ раздается другой—еще явственнѣе, за другимъ третiй и такъ далѣе... Шуваю въ темнотѣ, и— пусть вообразятъ себя досаду мою, нащупываю подъ одеяломъ монимъ чью-то голову съ оцетивившимися волосами; голову, прикрытую колпакомъ, хозяйнѣ которой, ни мало не заботясь о приближенiи моемъ, продолжалъ спать, какъ убитый. Можно вообразить себя всю прiятность моего положенiя!—чуть не нагишомъ, стоялъ я въ три часа утра, въ парадной каютѣ, вытѣсенный

изъ собственной своей койки, не имѣя угла, гдѣ приклонить свою голову! Это взбѣсило—бы и праведника, а между—тѣмъ, я и подумать не смѣлъ, согнать похитителя или сбросить его долой безъ церемоній. «Тутъ должно быть какое-вибуль недоумѣвие, подумалъ я: —надъ койкой видѣлся снаружи № 32, а онъ мой!.. Да, такъ и есть; мнѣ точно отведенъ № 32!» Чтѣ-нибудь, однакожь, нужно было дѣлать: я дрожалъ огъ холода; зубы мои начинали стучать какъ мельничная толчел. Накинувъ на-легкѣ свое нижнее платье и обувъ на-пробось туфли, отправился я въ каюту *стюарда* (смотрителя), рассказать ему подробности своего бѣдственнаго положенія. Онъ развернулъ свою книгу и прямо противъ № 32-го, оказалось имя Джона Броуна.

—Это мое имя! воскликнулъ я торжественнымъ голосомъ, указывая на надпись, какъ вдругъ — взоры мои, скользя вдоль стравницы, увидѣли цѣлый рядъ Мистеровъ Броуновъ, а некоторыхъ даже и «съ женами», безъ означенія мѣста ихъ на пароходъ и съ правомъ искать себѣ угла, гдѣ удастся имъ уснуть: въ числѣ сихъ послѣднихъ таянулось опять имя Мистера Джона Броуна во всю его длину...

—Теперь, я догадываюсь, какъ это случилось, сэръ; этотъ мистеръ Броунъ, по ошибкѣ, занялъ вашу койку, сказалъ буфетчикъ: посмотримъ, не удастся ли помочь вашему горю!

Сказавъ это, онъ провелъ меня въ кладовую, гдѣ находились пожитки путешественниковъ. Ну! такъ и есть, Сэръ, какъ я сказалъ: вотъ и другой мистеръ Джонъ Броунъ, воскликнулъ онъ, указывая на кожаную нашивку съ *интересною* для меня надписью. —Чортъ-бы побралъ его! подумалъ я: видно онъ также перехватилъ у меня мѣсто и въ омнибусъ!—Я пришолъ въ совершенное бѣшенство. Но и тутъ, по обыкновенному добродушію моему, удержался отъ выраженія своего гнѣва... И подлинно,—развъ этотъ молодецъ не могъ оскорбить меня невинно и вовсе безъ умысла?... Я пожалѣлъ будить его вовремя перваго сна, и сказалъ Стюарду, что помѣшусь гдѣ-нибудь на эту ночь, а въ ожиданіи слѣдующаго дня, пересталъ и думать о своемъ горѣ.

Нашлось мѣстечко похожее на каютку, — какой-то темный, вонючій уголокъ, въ которомъ сбито было въ кучу все грязное столовое бѣлье и утиральники, накопившіеся въ продолженіе трехъ рейсовъ, и мѣсто это показалось мнѣ—на сей разъ — чудеснымъ покоемъ уля утомленныхъ моихъ членовъ. Во всякомъ случаѣ, оно было лучше, чѣмъ ничего! На основаніи такого мудраго разсужденія, я—выкинувъ вонъ все грязное тряпье, —велѣлъ постлать себѣ тюфякъ съ его принадлежностями, занялъ мѣсто прежня-

го скарба и уложилъ въ эту собачью конуру свою измученную *персону*. Трудно было сыскать мурьи болѣе удобной для самоубійства! Самъ Фальстафъ, лежа въ своей прачешной корзинкѣ, не различивалъ такихъ благовонныхъ ароматовъ; Прометей, прикованный къ тѣмни кавказской скалы, имѣлъ нанемъ болѣе простора—чѣмъ я, бѣдный мученикъ за чужіе грѣхи! О всемъ другомъ, кромѣ сна, нечего было и думать. Но не успѣвалъ я заснуть, какъ первый толчекъ судна кидалъ меня на какой-нибудь острый уголь моего ложа, и заставлялъ меня стонать и охать всѣ слѣдующіе полчаса. Между-тѣмъ, около меня все храпѣло; всѣ носы, какъ-бы на зло мнѣ, превратились въ фаготы и это было настоящей дьявольской пыткой въ моей невольной бессонницѣ. Я разслушалъ довольно-любопытно всхрапываніе негодяя Броуна. Оно отличалось какою-то особенно горляною нотой; чѣмъ-то въ родѣ прерывистаго смѣха надъ моимъ бѣдствіемъ. Никогда не чувствовалъ я болѣе охоты вскочить и удавить его, какъ въ эту минуту, и признаюсь—почти не могу, какъ я могъ отъ того удержаться!

Съ разсвѣтомъ дня, разныя головы, въ колпакахъ и *безъ оныхъ*, начали высовываться изъ-за занавѣсокъ, и, поглядѣвъ вокругъ себя, безъ опредѣлительной цѣли, прятались снова. Нѣсколько времени спустя, стюардовъ мальчишка вошелъ въ среднюю комнату, и сиповатые голоса принялись его распрашивать:—«Который часъ? въ какомъ мѣстѣ находится пароходъ? И т. п. Въ эту пору, было порядочно-свѣжо; но какъ болѣшая часть пассажировъ была вовсе не такъ свѣжа, какъ вѣтеръ, то всѣ они, еще полусонные, одинъ за другимъ, повьползли изъ своихъ норъ и исчезли за ступенями лѣстницы. Наконецъ, и тёска мой, мистеръ Джонъ Броунъ спрыгнулъ съ своего ложа и началъ одѣваться. Лежавъ въ тихой досадѣ, я сторожилъ моего негодяя. Онъ былъ довольно-взрачный мужчина, лѣтъ двадцати-осми, съ порядочно выдавшимся носомъ, черными какъ смоль волосами и такими-же пронидательными глазами. Подобнаго Англичанами рѣдко встрѣишь. По всему видно, что этотъ землякъ мой былъ убудокъ Италіи или тропическихъ нашихъ колоній... Его цвѣтущее здоровье проявляло веселый, сангвиническій характеръ, всегда и вездѣ одинаковый; въ приемахъ его видна была развязность и приятное самодовольствіе. Стойкость этого молодца, должна была, неминуемо, привести въ отчаяніе челоуѣка столь перевознаго, какъ я: я-бы отдалъ за нее цѣлыя міры! Кромѣ-того, спокойно проведенная ночь придавала ему еще болѣе свѣжести и силы, чѣмъ мнѣ, несмыкавшему безсонныхъ глазъ своихъ во всю эту ночь; можно вообразить себѣ какъ все это удручало меня! Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ пароходныхъ надоедалъ, которые про-

волять по цѣлымъ часамъ за своимъ утреннимъ туалетомъ; присваиваютъ себя лучшее мѣсто для одѣванья, плескаются и плюютъ гдѣ попало; опрыскиваютъ своего ближняго, полоская горло надъ тазомъ, и вовсе не заботятся о томъ, что вхъ ждуть другіе: люди эти доводятъ до отчаянія не только всѣхъ прочихъ пассажировъ, но и самаго стюардова помощника... Вотъ — зазвонили и къ завтраку, а мистеръ Джонъ Броунъ все еще продолжаетъ расчесывать свои усы, лощить ногти, чистить зубы и охорашивать множество другихъ подробностей, относящихся до его персоны, между тѣмъ—какъ я, лежа, сгараю отъ нетерпѣнія, судорожно прислушиваюсь къ безпрестанному стуку чашекъ о блюдечки, къ оглушительнымъ требованіямъ сельдей и *поджареннаго жира**; начинаю чувствовать въ себѣ волчій аппетитъ... а несносный тёска мой все еще продолжаетъ мыться и полоскаться въ тазу, орашая лицо свое и затылокъ цѣлымъ океаномъ воды.—Ковца не было этому нырью! Потерявъ всякую надежду, я упалъ опять на подушку, и покорился своей судьбѣ. Вѣтеръ продолжалъ свѣжѣть, и когда мучитель мой совершенно кончилъ свой туалетъ, мнѣ уже было не до него: я равнодушно предался созерцанію соега горя. Достоверно было одно, что я порядочно захворалъ, и, почувявъ жестокую головную боль, принужденъ былъ отказаться отъ общества. Пассажиры, такъ шумно и весело отправившіеся завтракать, возвращались въ свои каюты, одинъ за другимъ—покрытые блѣдностью и съ поблеклыми губами; они едва держались на ногахъ. Признаюсь, мнѣ утѣшительно было видѣть—съ какой поспѣшностью они, скинувъ верхнее платье свое и побросавшись въ койки, застонали лежа, на нихъ, да такъ жалобно, что, конечно, возбудили - бы мое состраданіе, если бы показались не такъ смѣшны. Ожесточась въ высшей степени, я съ дикой радостью сознавалъ, что, кромѣ меня, были и другіе страдальцы! Чувство звѣрское, но весьма-естественное *въ челоуькь-животномъ*! Какой-то демонъ нашептывалъ мнѣ на ухо одинъ французскій язычекскій эвктонъ:

«La consolation des malheureux c'est—d'avoir des compagnons d'infortune **.

Какъ добрый христіанинъ, я старался заткнуть уши отъ такихъ адскихъ внушеній, и, измученный моею нравственною борьбою, впалъ въ судорожную дремоту...

* Въ Англіи подаютъ обыкновенно къ завтраку (breakfest) пластинки поджареннаго бараньяго жира (buttered toast).

Замѣтка для русскихъ читателей.

** «Товарищи въ бѣдахъ — ограда для страдальца».

Три последовавшіе за тѣмъ дня были чорвыми пятнами въ моей жизни. Часы текли за часами, не принося мнѣ нимальшаго облегченія. Во все это время раздавались пушечные выстрѣлы; при ужасной качкѣ судна, при скрипкѣ тимберсовъ, стукотнѣ машинъ и зазываніи вѣтра, пытка моя увеличивалась едва вообразимую тѣснотю мѣста моего заключенія и запахомъ гнилой воды, раскочавшейся въ трюмъ. Но всему есть конецъ—и на морѣ и на сушѣ; то-же последовало и съ морскимъ путешествіемъ нашимъ, когда не осталось у насъ болѣе ни лопаты угольевъ. Многіе проказники предложили было даже, шутки-ради, освѣжевать и сварить нашего приспѣшника, за недостаткомъ другихъ припасовъ.

Ничто не вознаградило меня за всѣ претерпѣнныя мною бѣдствія, какъ высадка наша въ Нью-гевнъ: мы прибыли туда въ самое ясное утро. Нельзя вообразить себѣ, какую чудесную перемену произвело это событіе во всѣхъ изнуренныхъ пассажирахъ: радость ихъ была не выразима. Самолюбіе, воркотня и умничанье исчезли — общая беспомощность поровняла всѣхъ; у каждаго можно было прочесть въ глазахъ: «Дѣлайте со мной что угодно!» Многіе денди съ растрепанными тупеями и въ измятомъ платьѣ, подползли въ изнеможеніи къ борту стимера, приближавшемуся къ поморью. Лица этихъ господъ заперстрыли всеми радужными цвѣтами, въ которыхъ первенствовалъ однакоже красносивій. Громогласные городскіе совѣтники и самодовольные любезники, все народъ пострѣльный — погружась въ свою обыкновенную ничтожность, разбрелся кому куда ближе. Что касается до женщинъ, — они были внѣ описаній. Шолкъ и атласъ ихъ измялись и запятнялись невозвратно, чепцы ихъ сбились въ какія-то фантастическія шапки; ключки парасолой, обрывки нитяныхъ корбочекъ, валялись по всюду. Безцвѣтны щеки, помѣркшіе глаза полинявшіе волоса, небрежно раскинутые вокругъ бровей, еще недавно столь блестящихъ, уничтожая всякое благоговѣніе къ прекрасному полу, заставляли оплакивать то что Байронъ называетъ.

The beauty of the Sick Ladies (Cylades) *

Нѣсколько позже, нашолъ я дѣйствительную причину поплакать... на свой собственной счетъ, при потерѣ моего дорожнаго

---

* «Красотой больныхъ женщинъ» британскій непереволимый каламбуръ почтеннаго лорда—поэта, основанный на однозвучномъ произношеніи словъ *Циклады* (острова) Sick-Ladies (больныя женщины.) При всемъ уваженіи къ таланту Байрона, нельзя не сознаться, что этотъ каламбуръ не много притянутъ за волоса! *Пр. для Русскихъ.*

чемодана, въ которомъ хранились рекомендательныя письма мои и частныя бумаги.

Возвратись назадъ на пароходъ и кликнувъ каютнаго юнга, я спросилъ, не видалъ-ли онъ его?

— Ага! вы, вѣрно, говорите о четвероугольной узенькой кожаной вещицѣ, замѣтилъ прерывающе этотъ негодяй.

— Именно о ней, возразилъ я.

— Съ ручкой на крышкѣ и мѣдной дощечкой съ именемъ мистера Джона Броуна?

— Разумѣется, воскликнулъ я, полагая, что вещь моя сохранена. Но гдѣ-же она?

— О, сударь, ее унесъ съ собою вонъ тотъ другой господинъ.

— Другой господинъ? А гдѣ-же, чортъ возьми! этотъ другой господинъ?

— Мистеръ Джонъ Броунъ, сударь; онъ взялъ ее изъ вашей койки, какъ сами знаете. Онъ отправился на берегъ еще вчера въ полночь, какъ мы опускали якорь, и я припоминаю теперь, что самъ Стюардъ (буфетчикъ) нашъ передалъ ее съ палубы, вмѣстѣ съ двумя пожатками этого джентльмена.

— Будь проклятъ этотъ мистеръ Джонъ-Браунъ! Онъ обреченъ служить мнѣ помѣхою на каждомъ шагѣ! Онъ обдавалъ меня словно горячей водой, съ самаго отъезда; а по приездѣ въ Шотландію, довель до крайности, захвативъ мой чемоданъ, въ которомъ было письмо къ старику Смуту и другія рекомендательныя письма. Можетъ-быть, впрочемъ, сдѣлалъ онъ все это и не съ умысломъ досадить мнѣ; не хочу думать чтобы онъ рѣшился присвоить себѣ мою собственность. Вѣроятно, пароходная контора не замедлитъ извѣстить меня когда она отъищется. Въ этой надеждѣ переехалъ я въ гостиницу Короны, и тамъ, въ продолженіе послѣднихъ трехъ дней поста, одѣлся я въ приличное платье и принялся осведомляться о своемъ будущемъ тестѣ, съ которымъ я столько-же мало былъ знакомъ, какъ съ жителями луны, и въ отысканіи коего всю надежду мою полагалъ я на оцовское рекомендательное письмо, запрятанное у меня въ чемоданъ: къ-сожалѣнію—чемоданъ сей не давался мнѣ, какъ заколдованный кладъ!.. Наконецъ, между множествомъ Смитовъ, которыми напичкано Соединенное королевство и въ особенности Шотландія, удалось мнѣ открыть цѣлыхъ два десятка Давидовъ Смитовъ. Одинъ изъ нихъ жилъ въ улицѣ Замка (Castle Street.) Такъ и есть, подумалъ я, повторяя это имя. Мнѣ показалось, не знаю почему, будто-бы другъ отца моего непременно долженъ жить въ улицѣ Замка. Я отправился въ эту улицу и нашолъ домъ, но онъ былъ запертъ. Мѣдная доска его, бронзоваго цвѣта, уже

нѣсколько дней какъ была не чищена и я насилу прочелъ на ней имя Давида Смита. Но что это? На одномъ изъ оконъ выставлено извѣщеніе, которымъ хозяинъ приглашалъ знакомыхъ и незнакомыхъ отсылать все письма и пакеты на его имя въ Королевину улицу (Queen-Street), подлѣ № 103, къ ходателю по дѣламъ (Solicitor) мистеру Мэкъ-Груджеру, на квартиру котораго и отправился я, узнать, куда переехалъ съ дочерью своей мой таинственный мистеръ Смитъ.

Мистера Мэкъ-Груджера не было дома и меня ввели въ комнату, гдѣ сидѣли трое писарей его. Подойдя къ двери, я услышалъ отголоски шумной возни, какъ будто-бы кто-то сбрасывалъ крышки съ конторокъ или прыгалъ по стульямъ; но когда я вошелъ въ этотъ канцелярскій покой, то вся его пишущая молодежь съ такою силою вдругъ зачеркала перьями по бумагѣ, какъ будто-бы торопилась нажить себѣ состояніе, получая по три пенса со страницы!

«Мистера Мэкъ-Груджера, вѣрно, дома нѣтъ?» спросилъ я.

— Вы угадали, Сэръ; онъ уѣхалъ въ Фейфское Графство, по дѣламъ лорда Чоудергида. — Вамъ вѣрно есть особенная нужда съ нимъ видѣться? прибавилъ одинъ изъ этихъ повѣсь, въ запачканной рубашкѣ, отъ котораго несло порядочно кабакомъ, и который—повидимому—не спалъ всю прошлую ночь.

— О! нѣтъ; никакой особенной нужды!.. Мнѣ только хотѣлось узнать, куда отправился мистеръ Смитъ, житель улицы Замка?

— Томсонъ, не знаешь-ли ты, гдѣ теперь старикъ Смитъ?—спросилъ молодой парень въ грязной рубашкѣ у другаго парня съ пѣлымъ лѣсомъ рыжихъ волосъ на головѣ и съ огромными совинымъ глазами, которыми онъ всматривался въ меня съ первой минуты моего появленія.

А кто его вѣдаетъ?.. Можетъ-быть онъ теперь катается по всему Эйрскому Графству! вѣдь онъ и прошлымъ лѣтомъ туда ѣздивъ, отвѣтилъ Томсонъ, произнося слова свои съ сильнымъ Бэнфшейрскимъ *акцентомъ*.

— Не изъ Джедборга-ли было его последнее письмо? перервала его какая-то плутоватая выкопченная въ дыму частица бѣднаго человечества, частица—грызшая до того свои ногти.

— Такъ и есть, возразилъ первый ораторъ, оборачиваясь ко мнѣ: Мнѣ кажется, сударь, онъ теперь, *навѣрное*, долженъ безъ или въ Роксборшейрѣ, или въ Эйршейрѣ, или...

Эти *или* были, какъ сами изволите видѣть, чрезвычайно утѣшительны!.. Ораторъ-мистификаторъ продолжалъ:

— И если написать къ нему *туда* (??), то письмо непременно найдетъ его... гдѣ-нибудь.»

Отъ такого положительнаго извѣстія сдѣлалось мнѣ еще тошнѣе.

Писарь мистера Мэкъ-Груджера—доказали мнѣ на дѣлѣ, что столь же мало знали толку въ дѣлахъ мистера Смита, какъ и въ законахъ. Мнѣ осталось еще спросить ихъ объ одномъ, скоро-ли воротится ихъ достопочтенный хозяицъ, и узнавъ, что это послѣдуетъ не прежде конца недѣли, я вышелъ изъ ихъ конторы, давъ себя слово осмотрѣть все примѣчанія достойное въ нашихъ повѣйшихъ Аѳинахъ, и ихъ окрестностяхъ.

Тогоже самого вечера находились въ богатоубранной приемной старый джентльменъ Д. Смитъ и дочь его Юлія. Послѣдняя сидѣла за фортепiano и что-то пѣла чистымъ и звучнымъ голосомъ изъ развернутаго передъ нею собранія шотландскихъ мелодій, между-тѣмъ—какъ старикъ отецъ ея, разваливъ на покойныхъ креслахъ, прислушивался къ любимымъ напѣвамъ своей родины, которыми трогательный голосъ его дочери придавалъ особенную выразительность. Отворилась дверь и вошедшій слуга объявилъ о прибытіи гостя — «мистера Джона Броуна»; въ слѣдъ за вѣстникомъ, вошелъ и самъ посѣтитель, преграціозно поклонившійся рѣзному печному экрану, принявъ его, въ сумеркахъ, за хозяина дома.

— Милый гость нашъ! сказалъ ему старый джентльменъ, всматриваясь въ него и схвативъ его за руку:— очень-радъ васъ видѣть. Дружокъ мой, Юлія, вотъ и мистеръ Броунъ, о которомъ я говорилъ тебѣ. А вамъ, мистеръ Броунъ, рекомендую мою дочь.

Мистеръ Броунъ учтиво поклонился еще разъ и уже не экрану, а самому хозяину, пробормотавъ ему цѣлый рядъ обыкновенныхъ пустяковъ, а миссъ Юлія, вспыхнувъ до нельзя, отвѣчала ему почти въ томъ-же родѣ.

— Давно-ли вы пожаловали въ нашъ городъ? вотъ ужъ несколько дней, какъ мы ждемъ васъ,» продолжалъ старый джентльменъ.

— Кой чортъ, подумалъ мистеръ Броунъ; но тѣмъ не менѣе отвѣчалъ: Плаваніе наше было очень-медленно; еще въ среду оставили мы Лондонъ, а прибыли сюда только сегодня поутру. Мы выдержали около четырехъ сутокъ самой несносной погоды. Я надѣялся прибыть сюда еще въ пятницу къ ночи и порядочно соскучился въ своей пловучей тюрьмѣ. Не помѣшай судьба моимъ ожиданіямъ, то конечно не позже субботы я былъ-бы уже въ обратномъ пути.

— Фуи, фуи! что за пустяки? Да мы, просто, не пустимъ васъ отсюда ранѣе мѣсяца. Не такъ-ли Юлія?

— О вы слишкомъ милостивы! возразилъ мистеръ Броунъ, изумленный такимъ неожиданнымъ, радушнымъ приемомъ. У меня

есть къ вамъ письмоце, продолжалъ онъ, вынимая его изъ кармана и представляя старому джентльмену.

— И, полво-те! Чтò тутъ за письма? вещь самая пошлая! Письмо письмомъ, а вы — сами по себѣ! Нужныли рекомендаціи сыну стараго друга моего, Броуна? А каковъ онъ, скажите? какъ поживаетъ мой старій добрякъ? По-добру, по здорову, а? Все тотъ же весельчакъ, какъ и всегда? Надъюсь, все по-прежнему—радость и душа своихъ знакомыхъ, а мы знакомы съ нимъ не со вчерашаго дня!—И такимъ-то побытомъ, болталъ старій говорунъ, осыпая гостя своего цѣлымъ градомъ вопросовъ, на которые, по обычаю, самъ-же давалъ и отвѣты.

Таковы бывають иныя сумерки, столь-много способствующія общезительности людей; мистеръ Броунъ не просидѣлъ еще и часа, а по смѣтѣ его едали и полчаса, какъ уже ознакомился съ новыми друзьями своими, словно жилъ съ ними цѣлые годы. Старій джентльменъ былъ самый чистосердечный болтунъ, душа теплая и привѣтливая, а сладкій и милый голосокъ его дочери — «идеала своего пола» — произвелъ на него такое впечатлѣніе, что покоришь его совершенно. Сумерки превратились уже въ совершенный мракъ, когда гость началъ прощаться съ хозяевами.

— Пстой-ка, пстой-ка! сказалъ Смятъ. Гостепрїимство шотландское такъ не отпускаетъ своихъ друзей. Милая Юлія, позвони скорѣе справься, не готовъ-ли ужинъ? А вы, сэръ, присядьте пока: моя дочка покажетъ вамъ, чтò значить музыка у нашей брѣтви, съверныхъ варваровъ, когда вдохновеніе озаряетъ дѣвичье умъе. Покороче и понъжше, моя Юлія, — чтобъ было и дорого и мило!

Присѣвъ къ фортеціано, молоденькая миссъ, слѣлавъ нѣсколько бѣглыхъ и мастерскихъ акордовъ, бойко перешла къ звукамъ дикой и грустной мелодіи, на которую спѣла она слѣдующій романсъ:

Проснись, проснись, мой милый май,
Утѣшь меня своимъ прївѣтнымъ взглядомъ!
Мой грустенъ взоръ, безмолвна я,
Пока ты мнѣ не улыбнешься.

Не лучъ-ли солнца въ зимній день —
И самый снѣгъ топилъ въ долинахъ,
Воспламенялъ въ твореніи восторгъ
И мракъ сгонялъ долой съ природы?

Не такъ-ли сердце и во мнѣ,
Подъ гнетомъ бѣдъ застывъ, отрады жаждетъ,
Отрады ждетъ въ печали — отъ другихъ,
Улыбки просить у надежды?

Проснись, проснись, любезный май,
 Утѣшь меня своимъ привѣтнымъ взоромъ!
 Въ разбродѣ думъ, я на тебѣ одномъ
 Хотѣла-бъ ихъ сосредоточить!..

Преопасныя вещи — эти сумеречныя знакомства: того и гляди, что сердце ускользнетъ туда, куда и не думаешь! Торжественное спокойствіе этихъ минутъ разливаетъ какое-то умиленіе на весь чувства и приготовляетъ ихъ для тончайшихъ ощущеній: полуропотные звуки и свобода обобщенія, возбуждаемые отсутствіемъ докучливаго свѣта; какой-то повременный проблескъ, насильно пробивающій густоту мрака, косвенно озаряя движенія наши, производятъ довольно-странный эффектъ на воображеніе и привязанности. Въ такомъ навожденіи мы, и не видя красоты, уже ощущаемъ ея присутствіе. Тайный инстинктъ говоритъ намъ, что румянецъ щочекъ милой сосѣдки столь-же очарователенъ, какъ сладокъ трогательный ея голосъ; что блескъ очей ея, разливаемый въ этой темнотѣ, упоителенъ, неотразимъ. И все это, какъ нарочно, постигло мистера Броуна, совершенно-подготовленнаго къ тому фантастическимъ освѣщеніемъ комнаты, въ которую онъ введенъ былъ своей прелестной хозяйкой. Посматривая на нее, онъ увлекался тѣми ощущеніями холостяка, отъ которыхъ, обманывая самъ себя, онъ ежеминутно таялъ, какъ храбрость *Боба-Акреса*, * капавшая съ его пальцевъ. Тѣмъ не менѣе, онъ задалъ ощущенія свои звѣномъ жирной лососины и выслушивалъ съ притворнымъ вниманіемъ разговоры стараго джентльмена, хотя—говоря по совѣсти—находился тогда въ странѣ мечтаній, а въ ней — только и грезилась ему одна хозяйская дочка.

— Любезнѣйшій мистеръ Броунъ! замѣтилъ ему хозяинъ: вы недалеко ушли съ вашимъ кускомъ жаркаго. Вы грызете его, ни-дать-ни-взять, какъ сказочная Гудъ, эта ужасная женщина «Арабскихъ Ночей», которая ѣла рисъ свой по зернышку, вголкую, между-тѣмъ, какъ другіе пировали по-горло, и потомъ крала для похлебокъ своихъ мясо человѣческое на кладбищѣ, вмѣсто того, чтобъ оставаться дома съ мужемъ своимъ, какъ долгъ велитъ каждой честной Музульманкѣ. Неужели и вы затѣете такія же проказы? О, берегитесь! На васъ тотчасъ нагрянетъ ночной сторожъ. Докачивайте-жъ, съ Богомъ, вашъ ужинъ и берегитесь заходить на перепутье въ Вестъ-кирку или въ Кольтонъ ** за костями, когда отправитесь къ себѣ на квартиру!

* Героя одного извѣстнаго юмористическаго разсказа.

** Эдмбургское кладбище.

— Не заботьтесь, сэръ; я славно расправляюсь съ вашимъ ужинномъ, возразилъ мистеръ Броунъ, и, оборотясь къ своей тарелкѣ, принялся такъ работать вилкою, какъ не дѣлывалъ того сроду.

— Не славно, а безславно, молодой человекъ! Дѣла не слова. Мнѣ слается, что если васъ не мучитъ морская болѣзнь, то вы вѣрно страждете мозговымъ или любовнымъ недугомъ, отчего Боже васъ упаси!

— Ого, сэръ, да я вижу, вы расшутились!.. Морскою болѣзнию я точно мучился; но кто-же, скажите, не страдалъ на морь? По сказанію поэта —

Oh! si sic omnia!

А все-таки, не могу сознаться, чтобы мнѣ все опротивѣло и, въ доказательство, что мозгъ мой и сердце нетронуты, я намѣренъ, теперь-же, атаковать вашу *Уиски-Тодди* *, на которой столько любовниковъ и сумасбродовъ пробожило искони свою душу.

— Ай, ай! никакъ вы правду сказали... Впрочемъ, я знавалъ многихъ, которымъ удавалось одно и не удавалось другое. Не могу допустить васъ до нектара, пока вы не побратаетесь съ амброзією... Какъ ты думаешь, Юлія, справится-ли мистеръ Броунъ съ нашимъ безногимъ стаканомъ?»

— Не знаю, только устоитъ-ли самъ на ногахъ!

— А вотъ увидимъ. Принимаю ваше условіе, и вы сами будете судьями — уступитъ-ли Англичанинъ Шотландцу? возразилъ мистеръ Броунъ, и принялся мѣшать стаканъ той составной жидкости, которая такъ нравится въ Шотландіи мужчинамъ и, по словамъ поэта, составляетъ «усладу всѣхъ чадъ жены».

Молодая хозяйка улыбнулась, а старый хозяинъ громко захохоталъ.

Разговоръ перешолъ, самымъ либеральнымъ образомъ, къ людямъ, ихъ нравамъ, обычаямъ; къ книгамъ и другимъ прочимъ вещамъ. Время текло довольно-приятно. Мистеръ Броунъ сдѣлался говорливымъ и долженъ былъ сознаться, что во всю жизнь свою не бывалъ еще такъ веселъ. Шотландская амброзія взяла свое, гость былъ на-веселъ! Когда онъ всталъ съ мѣста, чтобы отправиться къ себѣ, его не много нужно было уговаривать, чтобы онъ отложилъ обратную поѣздку свою въ концъ недѣли. Онъ согласился, что ему оставалось еще переvidать много народу въ столицѣ Шотландіи, пере-

* Whisky-Toddy — отвратительная вонючая водка, родъ русской настоящей *сивухи*, обыкновенное пойло шотландскихъ простонародныхъ пьяницъ. *Прим. для русскихъ.*

бывать во многих мѣстахъ, чего въ столь-короткое время исполнить было невозможно. Между-тѣмъ, добрый хозяинъ такъ радушно, такъ горячо убѣждалъ его посѣщать почаще его домъ, что мистеру Броуну никакъ нельзя было отказаться, чему не мало способствовали новая приязнь его къ старому джентльмену и новое, гораздо-пламеннѣйшее чувство къ его молоденькой миссъ. Онъ воротился въ свою гостиницу подъ обаяніемъ этихъ новыхъ ощущеній, и бросаясь, съ разстроенными мыслями, на постель, пробрелъ всю ночь о приходскомъ священникѣ и поляхъ Елисейскихъ.

Дней восемь или десять прошло со времени моего прибытія въ Эдмбургъ и я едва-едва могъ собрать кое-какія свѣдѣнія о моемъ чемоданѣ. Но какъ онъ не появлялся еще въ знакомой мнѣ парходной конторѣ, то и считалъ я его почти пропавшимъ, а двойника моего, мистера Броуна, ни больше, ни меньше, какъ за члена общества продувныхъ ракалій. Совершенно полагаясь на будущія освѣдомленія мистера Мэкъ-Груджера, я терпѣливо ждалъ возвращенія этого мнимаго всевѣдца. Прошла еще недѣля и я постучался опять въ двери его покоевъ, въ которыхъ встрѣтилъ молодаго человѣка съ запачканнымъ бѣльемъ. Тутъ узналъ я, что мистеръ Мэкъ-Груджеръ привѣзжалъ и опять уѣхалъ въ Форфаршейръ собирать доходы сэра *Сомбоди-Сомтингъ* (никто-ничто).

Къ-сожалнію, грязный приятель мой позабылъ узнать отъ патрона своего о главномъ — о мистерѣ Смитѣ, и я, въ отношеніи къ другу отца моего, оставался въ прежнемъ невѣдѣніи. Впрочемъ, самъ невидимка мой, мистеръ Мэкъ-Груджеръ, долженъ былъ воротиться два черезъ два, стало-быть и мнѣ приходилось уже подождать только сутокъ двое. Когда прошли и эти два дня, я приступилъ къ формальной атакѣ: по нескольку разъ въ сутки началъ заходить въ контору моего странствующаго скитальца, и каждый разъ получалъ въ отвѣтъ, что онъ находился, по дѣламъ своимъ, то въ Пермшейръ, то въ Абердиншейръ, то на островѣ Скей, такъ-что терялъ уже и надежду на его возвращеніе. Какъ полицейскій надзиратель, исходилъ я всѣ улицы Эдмбурга, перебивалъ во всѣхъ публичныхъ библіотекахъ, и до того дотаскался по музеямъ и доглазѣлъ на городъ съ Колтонгилля, что на меня начали посматривать съ подозрѣніемъ; шатаюсь до усталы повсюду, свелъ знакомство со всеми придверницами театральныхъ ложъ и т. п. Однимъ-словомъ, истощивъ всѣ источники забавъ, которыми такъ обильна наша сѣверная столица, я пришелъ въ совершенный ту-

пикъ, что мнѣ дѣлать въ послѣдующіе дни? Вернуться въ Лондонъ, откуда я только-что прибылъ, показалось мнѣ неумѣстнымъ, Волею или неволею, а пришлось обождать еще мистера Мэкъ-Груджера. Чтобы убить это скучное время, придумалъ, развлечения-ради, проскользнуть, на недельку, въ горную Шотландію. Порядочно усталый и съ истоптанными подошвами, воротился я изъ этого сантиментальнаго путешествія въ мою гостиницу Короны.

— Это что? спросилъ я выспавшись поутру и принимая отъ трактирнаго прислужника какую-то сложенную бумагу, которой форма обличала для опытныхъ глазъ присутствіе денежнаго счота. Когда я развернулъ ее, то нашолъ въ красныхъ линейкахъ слѣдующее: «За сюртукъ съ накладною грудью и подбоемъ свѣтлаго цвѣта, щегольски отдѣланный, 4 ф. стерл. 14 шилл. 6 пенсовъ; за бронзовыя пуговицы къ нему, 5 шилл.; за бѣлый атласный жилетъ, фантастическаго покроя, съ шалевымъ воротникомъ, 1 ф. 15 шилл.» — Что за вздоръ? Да я не слыхивалъ и имени этого портнаго! Тутъ есть какая-нибудь ошибка... Съ-роду не заказывалъ я подобныхъ вещей. Вѣрно, кто-нибудь пришелъ съ этимъ счотомъ?

— Разумѣется, сэръ; тотъ, кто его привнесъ.

— Кликни его.

— Сейчасъ, сэръ. — Сказавъ это, прислужникъ вышелъ изъ горницы.

— Бѣлый атласный жилетъ фантастическаго покроя съ шалевымъ воротникомъ!.. За пару панталонъ лучшаго саксонскаго цвѣта, 2 ф. 2 шилл.; за штрипки къ нимъ 1 шиллингъ!.. Что это за чепуха? И вотъ, какъ нарочно, показывается изъ-за дверей довольно-странная, увѣшанная платьемъ, кланяющаяся фигура съ жалобною улыбкою на лицѣ.

— Не угодно-ли будетъ вамъ, сэръ, уплатить намъ сегодня по этому маленькому счотцу? вы-бы насъ чрезвычайно обязали. — Выговоривъ эту привѣтственную рѣчь однимъ духомъ, фигурка такъ низко поклонилась мнѣ, что сронила на полъ старый жилетъ, обшитый, вмѣсто шнурка, свѣтлосинимъ атласомъ.

— Очень-вижу, что это жидовской счотецъ, а не привѣтственное письмо, возразилъ я ветошнику: да мнѣ-то до него что за дѣло? Неужели ты полагаешь, что я стану платить по твоему счотцу?

— Именно вы, сэръ, и чѣмъ-скорѣе, тѣмъ-лучше. Вы-бы насъ крайне разодолжили.

— Пришпиль-же его себѣ на носъ, твой маленькой счотецъ и пусть по немъ платитъ самъ чортъ, а не я: развѣ это мое дѣло?

— А чье-же, сэръ? спросилъ съ трепетомъ подмастерье ветош-

ника. Развѣ не вы сами заказывали?.. Развѣ вы не мистеръ Броунъ, сэръ?.. Не мѣстеръ Джонъ Броунъ, сэръ?

— Чтѣ-жѣ изъ этого? Имя мое точно написано, и довольно-четко, въ заголовкѣ твоего счета; но развѣ это доказательство, что я тотъ мистеръ Джонъ Броунъ, съ которымъ у тебя есть счоты? Надѣюсь, что я не одинъ ношу это имя въ Великобританіи! Какъ ты думаешь?

— Я ничего не думаю, сэръ, ничего не смѣю и думать, сэръ: утверждаю только одно, что платье заказано вашей честью.

— Мою честью! но гдѣ и когда?

— Не далье, какъ на прошлой недѣлѣ, сэръ. Хозяинъ нашъ мистеръ *Сниффинъ* (Обрѣзкинъ) самъ снималъ съ васъ мѣрку. Извольте только припомнить, какъ вы пришли, сэръ, когда у насъ было работы по горло, и какъ мы—въ угодность вамъ, сэръ, обѣщали вамъ заняться вашимъ дѣломъ—даже въ непоказанные часы! Еще въ прошлую пятницу все было готово и къ вамъ доставлено, а когда—по вашему-же приказу—явились мы, на слѣдующій день, за деньгами, то намъ объявили, что ваша честь куда-то изволили выѣхать за городъ.

— Отъ роду ничего тебѣ не приказывалъ и ты, вѣрно, ошибся. Я не заказывалъ никакого платья твоему мѣстеру *уръзкину*, и что еще лучше—не получалъ отъ него ни одного платеннаго лоскута. Стало-быть—объ уплатѣ за это тряпье и рѣчи быть не можетъ, сказалъ я подмастерью, возвращая ему счотъ.

— Но, сэръ, но ваша честь... продолжалъ подмастерье.

— Моя честь говоритъ тебѣ коротко и ясно: «пошолъ вонъ! закричалъ я съ досадою, указавъ пальцемъ на двери.

— Но, увѣряю васъ, сэръ...

— Убирайся вонъ, или я тебя выкину за окно, вмѣстѣ съ твоими лохмотьями и дурацкимъ счотомъ!

— Воля ваша, сэръ; а мы постараемся выручить свое, сэръ.

— Постарайся прежде выдти отсюда, пока ты цѣлъ! И съ этимъ словомъ, выпихнувъ мучителя моего за дверь, я заперъ ее на носъ ему, съ такою силою, что чуть не высадилъ ее съ петель. Идучи завтракать къ общему столу, я слышалъ, какъ онъ ворчалъ какія-то жалобы или угрозы вдоль корридора. Все это до того взбѣсило меня, что вмѣсто сливокъ, налилъ я себѣ гарвейскаго соуса въ чашку съ чаемъ, и не прежде примѣтилъ ошибку свою, какъ послѣ перваго глотка. Я былъ внѣ себя во-весь этотъ день, и лежа въ отчаяніи на диванѣ, не шутя, перебиралъ въ умъ своемъ всѣ извѣстные мнѣ роды самоубійства, и находилъ даже, что всего удобнѣе будеть задушить себя въ чаду каменныхъ угольевъ... Какъ

вдругъ — самоубійственныя затѣи мои прерваны были какимъ-то вошедшимъ горлопаномъ, въ истасканномъ черномъ платьѣ, съ побѣлѣвшими швами и заплатами возлѣ пуговокъ. За нимъ слѣдовалъ другой сорванецъ, съ одутловыми щеками, отъ котораго несло табакомъ, старымъ пивомъ и промзглымъ сырромъ; одежду его трудно описать: верхнюю часть ея составляла плюшевая гороховаго цвѣта поношенная куртка; голова его прикрыта была широкополою шляпой, которой дыравья края свѣтились на-сквозь, отъ многихъ смертоносныхъ ударовъ, вѣроятно, грозившихъ ея хозяину и принятыхъ ею вмѣсто головы, которой служила она оборонительнымъ шлемомъ, и спасла отъ раскроенія черепъ этого человѣка, ко вреду другихъ подданныхъ ея королевско-британскаго величества. Характеристика этихъ двухъ негодяевъ отличалась довольно-рѣзкими чертами: оба они были порядочно-нахальны, грязны и пьяны. У каждаго было въ правой рукѣ по палцѣ, на которыя они чувствительнымъ образомъ опирались.

— Что вамъ угодно, господа? спросилъ я, сидя на софѣ и не безъ удивленія посматривая на этотъ дуэтъ рѣдкостей.

— Слуга вашъ, сэръ! ревнулъ мнѣ громовымъ голосомъ вошедшій горлопанъ: Совѣстно беспокоить васъ, сэръ, но — какъ вы сами знаете — дѣла и удовольствія часто поперецать другъ-другу: иной подлецъ нерѣдко корчитъ рожи отъ собственныхъ проказъ! Я сейчасъ объявлю вамъ причину неожиданнаго моего посещенія. — Мы слышали, сэръ, что вы отпираетесь отъ уплаты по этому счотцу — прохрипѣлъ другой висельникъ, представляя мнѣ утренній счотъ портнаго.

— Разумѣется, отпираясь. Счотъ этотъ вовсе не мой, и я желалъ-бы знать, кто принудитъ меня расплачиваться за чужіе долги?

— Ничего нѣтъ легче, сэръ; но мнѣ-бы хотѣлось не доходить съ вами до крайностей и покончить дѣло миролюбивымъ образомъ. По-моему, пробормоталъ онъ мнѣ на ухо: всего-бы ближе уплатить, да и концы въ воду!

— А кому я обязанъ за это дружеское предостереженіе, спросилъ я вронически этого грубіяна.

— Имя мое, отвѣчалъ онъ мнѣ, закашлявшись, найдете вы здѣсь, сэръ, — и онъ вручилъ мнѣ бумагу, края которой испрежены были пменемъ мистера Визеля, челобитчика-стряпчаго.

— Очень-жаль, мистеръ Визель, но видно вамъ придется студить похлѣбку свою самимъ, какъ говорится у васъ въ Шотландіи: я никакъ не намѣренъ слѣдовать вашему совѣту.

— Если такъ, мистеръ Броунъ, то мы поговоримъ съ вами иначе. Предписанія мои коротки и ясны: мы приступимъ къ дѣлу

законнымъ порядкомъ, и—сей часъ-же. Эй! разсыльные! исполняйте вашу обязанность!

Послѣ этого гороховая куртка подошла ко мнѣ и, схвативъ меня за воротъ, предъявила приказъ начальства «о взятіи подъ стражу мистера Джона Броуна, квартирующаго въ Эдмбургской гостиницѣ Короны или гдѣ-бы то ни было, *meditatione fugae*, и отвѣдѣнн рѣченнаго Броуна въ тюрьму, *vo udovolstvие* и по настоянію гг. Свиффина - Свипуэля и Каббича, портныхъ и ветошниковъ города Эдмбурга, которымъ *означенный мистеръ Броунъ состоитъ должнымъ и обязанъ уплатить по счету сумму 12 ф. ст. 13 шил. 11⁵/₄ пен.*»

Увидѣвъ однажды коршуна между журавлями, — истинное подобіе взяточника между честными душами, — я возненавидѣлъ подъячихъ, и хотя я готовился съ малолѣтства въ законники, но приказное званіе до того мнѣ опротивѣло, что я бросилъ его. И вотъ теперь, опять у меня передъ глазами — приказъ судилища о взятіи самого меня подъ стражу, а за нимъ—какъ рядъ грозныхъ привидѣній—послѣдствія этого приказа: тюремное заключеніе; хлѣбъ и вода; выпускъ на поруки, съ обязательствомъ явиться *по востребованію judicio sisti*; несчетное множество позывовъ и дубликатовъ и прочаго маражня!.. Все это, повторяю я, до-того ошеломило меня, что я совершенно потерялъ голову и рѣшился во что-бы ни стало раздѣлаться съ этими ракалями, лишь-бы только избавиться отъ позыва къ суду, въ которомъ—Богъ знаетъ еще — выигралъ-ли-бы я мое дѣло. Я протестовалъ однакоже противъ незаконности произведенной мною уплаты, причомъ не безъ причины и добрымъ порядкомъ отшельмовалъ почтеннаго мистера Визеля и достойныхъ его клеветовъ, зажегши у нихъ подъ носомъ нѣсколько курительныхъ свѣчекъ, прогорѣвшихъ у меня во весь этотъ день, послѣ выхода подъячихъ, чтобы и духъ ихъ не пахъ въ моей комнатѣ.

Вечеру отправился я съ-горя въ театръ; не успѣлъ я усесться, какъ внезапный случай обратилъ на себя все мое вниманіе. Въ противоположную ложу вошла молодая особа очаровательной наружности, въ сопровожденіи джентльмена, котораго призналъ я за *моего тёска* и съ которымъ я такъ часто сталкивался передъ прибытіемъ моимъ въ Эдмбургъ. Молоденькая миссъ показала мнѣ такой красавицей, какихъ мнѣ и видать еще не случалось. Бѣла и румяна лицомъ; брови тонкіе—дугою; волоса черные, глянцовитые, какъ воронье крыло; ротикъ кругленькой, граціозный; глаза большіе, темные, исполненные пріятнѣйшаго блеска. Можно вообразить себя, съ какою завистью увидѣлъ я въжній взоръ этой

чаровницы, доверчиво впивавшийся въ глаза ея сосѣда. Я готовъ былъ возненавидѣть его... Какъ все это случилось, пусть догадается самъ читатель... Но, когда занавѣсъ подвнялся, я едва помнилъ уже что дѣлается на сценѣ; я видалъ только одну женщину сидѣвшую въ противоположной мнѣ ложѣ. Я обрадовался впрочемъ, что мужчина, возлѣ нея сидѣвшій, былъ не иной кто, какъ мой тёска: это подало мнѣ возможность освѣдомиться у него о моемъ утраченномъ чемоданѣ, и я послалъ къ нему *капельдинеру** съ моею карточкой и просьбой — переговорить съ нимъ.

— Любезнѣйшій тёска мой, воскликнулъ онъ, послѣ размяна обыкновенныхъ взаимныхъ привѣтствій: надѣюсь, что вы получите обратно вашъ чемоданъ—цѣлымъ и невредимымъ. Смѣю завѣрить васъ, что я самъ былъ въ отчаяніи отъ этой ошибки.

— Признаюсь, мнѣ давно хотѣлось повидаться съ вами; но къ сожалѣнію, не могъ я найти васъ нигдѣ до нынѣшняго часа, и неизвѣстность эта о чемоданѣ моемъ ужасно меня беспокоила.

— Боже васъ сохрани! Вы беспокоились совершенно напрасно. Я отослалъ чемоданъ вашъ въ контору пароходовъ еще въ первый день нашей высадки, полагая навѣрное, что вы вытребуете его оттуда.

— Я такъ и поступилъ; но мнѣ сказали, что никто даже и не видалъ его.

— Чортъ ихъ побери! Этотъ народъ, просто, перевернулся. Видно чемоданъ вашъ попалъ не въ настоящую контору. Люди эти рады все перепутать. А справлялись-ли вы въ другой конторѣ?

— Нѣтъ, не справлялся... А чего добраго? Можетъ-быть вы и правы! Завтра-же освѣдомлюсь непременно.

— Сдѣлайте это, пожалуйста, и дайте мнѣ знать! Вотъ вамъ и адресъ мой, продолжалъ онъ, подавая мнѣ свою карточку.—Ила, стойте, гдѣ вы остановились?

— Я объявлялъ ему.

— Въ гостиницѣ Короны! Плохо! вѣдь и я присталъ тамъ-же. Впрочемъ, я отыщу васъ и увѣдомлю обо всемъ. Теперь, извините; вы видите сами, какъ я занятъ: меня ожидаетъ дама и... вы понимаете... и проч. и проч.

— По мѣстамъ! сказалъ кто-то.

— Au revoir!

— Приятель мой пустился опростеть на свое завидное мѣсто, а я усялся на свое, поглядывая на счастливица — едва-ли не съ тѣми

* Въ Англіи и во Франціи должность нашихъ капельдинеровъ исполняютъ женщины.

чувствами, съ которыми древній врагъ челоуѣчества смотрѣлъ на супружеское блаженство первой четы...

— И онъ тоже присталъ въ гостиницѣ Короны! подумалъ я, возвращаясь домой.— Стало-быть, я по его милости расплачивался съ портнымъ! Теперь я выжду его и онъ поплотится у меня въ свою очередь.

На слѣдующее утро отправился я въ контору другой пароходной компаніи и здѣсь, подъ цѣлой кучей разнаго багажа, нашолъ я дѣйствительно чемоданъ свой, истертый, скомканный и избитый; всѣ бумаги мои были однако-жъ въ цѣлости, а это главное. Между ними лежалъ и важнѣйшій мой документъ, рекомендательное письмо къ моему будущему тестю. На пакетъ написано было крупными словами: «Давиду Смиуту, конюшему, въ Нортъ-кестльской улицѣ.» Въ Нортъ-кестльской улицѣ! А я цѣлые три дня отыскивалъ мистера Смита въ Соутъ-кестльской улицѣ! Онъ жилъ на сѣверѣ, а я искалъ его на югѣ!.. На днѣ моря хотѣлъ-бы я видѣть и проклятаго тѣску моего и олуха, пароходнаго прислужника, такъ безпутно взвалившаго на тележку свою мой чемоданъ съ полудюжиною другихъ ключечныхъ тюковъ. Грустно рассказывать, сколько глупостей надѣлалъ я въ первыхъ порывахъ моей хандры. Помню только, что, въ досадѣ своей, выкинулъ я изъ горницы мои сапоги, исковеркалъ о кроватные столбики мою шляпу, и насилу справился съ одѣваньемъ своимъ, идучи отыскивать настоящаго мистера Смита, котораго наконецъ нашолъ я за книгой, въ его домашней библиотекѣ.

Когда слуга его назвалъ меня, старый джентльменъ всталъ, указавъ мнѣ на стулъ и спросилъ не безъ удивленія:

— Джонъ Броунъ, если не ошибаюсь?..

— Точно такъ, суларь: Джонъ Броунъ — сынъ вашего стараго друга съ Дорсетъ-сквера, и вотъ вамъ отъ него письмо.

Онъ принявъ письмо и когда началъ читать его, то на лицѣ добраго старика выразилось такое отчаяніе, какого я не видывалъ еще съ-роду. Глаза его заблестали, когда онъ взглянулъ на меня изъ-за письма; онъ, по-видимому, старался продлить свое чтеніе, какъ-бы надумываясь, что мнѣ сказать.

— Ну, любезнѣйшій мой! это не такъ-то ловко, даже очень-не ловко! Это, просто, неизъяснимо!.. проворчалъ онъ призадумавшись.— А каковъ былъ вашъ батюшка, когда вы съ нимъ разстались? Здоровъ, нальюсь?.. Чтѣ теперь намъ дѣлать съ вами? Истинно понять не могу, какъ все это случилось!

Тутъ старикъ позвонилъ и сказалъ что-то слугѣ, а что именно — я не разслушалъ. Потомъ вошелъ со мной въ разговоръ, но въ та-

кихъ отвлеченныхъ и непонятныхъ выраженійхъ, что я началъ догадываться, не было-ли тутъ какой-нибудь закорючки. Вскорѣ за тѣмъ вошли въ комнату молодая леди и джентльменъ, а въ нихъ — къ моему крайнему изумленію, узналъ я моего тѣска и ту самую даму, которую видѣлъ съ нимъ прошлымъ вечеромъ въ театрѣ.

— Милая Юлія! съ нами случились необыкновенныя вещи. Я въ ужасѣ, что ты вышла за-мужъ за этого безсовѣстнаго человѣка!

— Батюшка! вскрикнула перепуганная леди.

— Сэръ! вскричалъ въ бѣшенствѣ мой тѣска.

— Дьяволъ! вскричалъ я, какъ-бы обваренный кипяткомъ.

— Не вы-ли, продолжалъ мѣстеръ Смитъ, обращаясь къ моему тѣска: мистеръ Джонъ Броунъ, изъ Лондона, съ Дорсетъ-сквера?

— Нѣтъ, не я: я точно Джонъ Броунъ, но отца моего зовутъ Генри Броунъ, а живетъ онъ въ Бокеъ, въ помѣстьѣ своемъ Тистль-Кропъ-Мэноръ.

— А отъ кого-же привозили вы мнѣ письмо?

— Отъ Тома Джонсона старшаго или просто, Джонсона, Томсона, Гибсона и компаніи, изъ Ломбардской улицы; узнавъ, что у меня нѣтъ никого знакомыхъ въ Эдимбургѣ, онъ, по благосклонности своей, рекомендовалъ меня вамъ.

— Прахъ возьми мою старую башку! Теперь я понялъ; теперь все ясно. Вся бѣда оттого, что я не прочелъ письма. Я ждалъ сюда пріятеля и принялъ васъ за него.

— Хоть это и пахнетъ нѣсколько эгоизмомъ, возразилъ мой двойникъ: не могу однакожъ не порадоваться ошибкѣ, доставившей мнѣ эту милую ручку и, уповательно, дружбу вашу!

— Досадно однакожъ, что вы именно прибыли въ тотъ день, когда мы ждали вотъ этого господина, который, вѣроятно, теперь не въ барышахъ! отвѣчалъ старикъ. — Ну, нечего сказать, примѣчательный случай!

— Очень-примѣчательный! прибавилъ я, какъ могъ веселье, чувствуя всю необходимость вывести всѣхъ насъ изъ общаго затрудненія. — Истинно примѣчательный случай, если взять въ соображеніе *необыкновенность* нашихъ именъ! И надобно-же, чтобъ двое изъ насъ, какъ нарочно, столкнулись другъ съ другомъ на одномъ и томъ-же пути! Благодаря этому имени, я дважды отмѣченъ былъ на рапортахъ полиціи, какъ дѣйствующее лицо въ убійственныхъ дракахъ; шесть разъ показанъ утонувшимъ въ Регентовомъ каналѣ; меня то ловили на улицахъ съ любовнымъ советомъ, то съ краденной зубочисткой, то съ четырехъ-пенсовой монетой въ карманѣ; трижды вырывался я изъ канцелярской тюрьмы за одно съ тю-

ремщиками, дѣлалъ нѣсколько отчаянныхъ покушеній на жизнь правителей государства и, не-смотря на это—остался, какъ сами видите, самымъ смирнымъ и добрымъ малымъ, когда-либо носившимъ имя мистера Джона Броуна. Вотъ, хоть-бы этотъ тёска мой, дорого мнѣ обошелся и крѣпко досадила; а что всего обиднѣе, перебивъ мнѣ дорогу, вырвалъ почти изъ рукъ очаровательную жену! Но дѣлать нечего: на войнѣ ждутъ насъ не однѣ победы! Грѣшно-бы было и мнѣ сердиться за пораженіа. Я готовъ даже подписать формальное и безусловное удовольствіе, лишь-бы только любезный тёска мой возвратилъ мнѣ сволна все уплаченное за него по счету портнаго.

— Возможно-ли, вы заплатили еще и за мое свадебное платье? Да это просто—помора!

— Такъ это было ваше свадебное платье? Нѣтъ, это ужъ изъ рукъ вонъ! Насмѣшка въ добавокъ къ обидѣ! Мало того, что отняли у меня невесту, да меня-же еще принуждаете тратиться на ваши свадебные наряды! Вашей кровью, сударь, должны вы смыть это оскорбленіе!

— Сдѣлавъ такъ много для насъ, вы, вѣроятно, откажетесь и отъ кровавой вашей мести, сказала значительно мистриссъ Броунъ: я вижу это по вашимъ глазамъ.

Умная шутка красавицы обезоружила меня совершенно и неволь-но заставила улыбнуться. Я уступилъ и, того-же вечера, всѣ мы сидя въ приязненномъ кругу, отъ души смѣялись надъ моими «юмористическими страданіями». Съ-этихъ-поръ мы подружились съ тёскою моимъ Броуномъ. Онъ сдѣлался счастливѣйшимъ изъ женатыхъ; а я, все еще—прежній холостякъ! Неужели ниодна благо-склоннаа невеста не скалится надъ богатымъ бѣднякомъ

ДЖОНОМЪ БРОУНОМЪ?

(Съ англійскаго).

ВЗГЛЯДЪ

НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ МУЗЫКИ ВЪ ЕВРОПѢ.

Италіянская опера! Италіянская опера! Только и толковъ въ нашихъ газетахъ и журналахъ, что объ Италіянской оперѣ и объ артистахъ, ее составляющихъ. Вся только превозносятъ нескончаемыми похвалами Рубини, Віарло-Гарсія и Тамбурини, а никто ни словечка не замолвить о музыкѣ, которую они исполняютъ, то есть о музыкѣ италіянской. Мы рѣшились сказать нѣсколько словъ о самой музыкѣ, и такъ-какъ въ число оперъ, явившихся на нашей сценѣ, попалъ и Донъ-Жуанъ, то бросимъ сначала *взглядъ вообще на современное состояніе музыки въ Европѣ.*

Въ настоящее время европейскую музыку разделяютъ двѣ музыкальныя школы или, вѣрнѣе, двѣ системы, которыя существуютъ въ самой природѣ чело́вѣка — *германская и италіянская.*

Въ *германской* музыкѣ преобладаетъ высокій идеалъ, извлеченный изъ глубины души религіозной, и потому уже всеобъемлющей; создавъ ея, хотя и ограничены, какъ искусство чело́вѣка, но разнообразны, какъ видимая природа. Протекутъ вѣка и искусство это непрестанно будетъ подвигаться къ совершенству, возраждая новыя вѣтви отъ своего корня, неистощимаго въ творческой силѣ.

Музыка *италіянская* — порожденіе чувственности, проповѣдница матеріализма, со всеми его обольщеніями; она принадлежитъ той дивной Италіи, гдѣ можно существовать только для настоящаго мгновенія, — гдѣ каждый предметъ навѣваетъ сладостную вѣгу; а тѣло, лелеемое благотворными лучами солнца, утопаетъ въ живительномъ опіямъ цвѣтовъ, получая, безъ могущественнаго вліянія души, какое-то чуткое сочувствіе съ прекраснымъ и съ любовью. — Въ этой-то чудной странѣ искусствъ, гдѣ дремлетъ гор-

дый и мрачный умъ, а тѣло, взлелѣянное дарами природы, желаетъ вѣчно жить съ душою, возродилась мелодія роскошная и въ плавнительной формѣ, — мелодія, самымъ гениемъ земныхъ радостей приваровленная къ нѣжному и чувственному организму женщины.

Показанныя здѣсь двѣ системы музыки, по различію ихъ началъ, непременно должны враждовать между собою, какъ *душа и тѣло*. Почитатели германской музыки смѣются надъ произведеніями итальянскихъ композиторовъ; любители итальянской музыки скучаютъ, слушая оперы Шпора, Маршнера; Моцартъ кажется имъ сжатымъ въ своихъ мелодіяхъ, Веберъ сухъ, а на симфоніи Бетховена они смотрятъ, какъ гуси на громъ. Итальянцы просто душно сознаются, что они не понимаютъ нѣмецкой музыки; Нѣмецъ съ презрѣніемъ лишаетъ итальянскихъ *maestri* всякаго достоинства и значенія.

Недостатокъ германской музыки — *мистицизмъ*, итальянской — *чувственное пресыщеніе* или *однообразіе*. Первая однакожь имѣетъ важныя преимущества надъ второю, въ неисчерпаемости рудника; между-тѣмъ, какъ *последняя* безпрестанно повторяетъ себя въ сладкихъ мотивахъ. Драма ея является въ чопорномъ видѣ, почти всегда съ одною и тою-же завязкою, часто, въ высшей степени, нелюбою, которая не извлечена ни изъ общественной жизни, ни изъ природы идеальной, но какъ-бы составлена по образцу пошлыхъ романовъ прошедшаго столѣтія. Не заключается-ли причина этого въ томъ, что для Итальянцевъ поэма или дѣйствіе есть только необходимое условіе, безъ котораго не можетъ быть лирическаго концерта? Воспроизведенія музыкою драмы въ цѣлостномъ ея видѣ они не понимаютъ. Итальянцы взяли себя на часть земную долю чувства, которое въ нихъ — рабъ самого-себя, — еще не отделилось отъ своей естественности, а одно естественное чувство, бѣдное въ творчествѣ, никогда не можетъ создать искусства. Оно въ состояніи возвыситься только до народной пѣсни. Итальянской музыкѣ необходимо посредство человѣческаго голоса. Отнимите пѣвца у итальянскаго композитора и онъ потеряется съ своей музыкой. Такъ-какъ итальянская опера не истекаетъ изъ одной основной мысли, и не есть цѣлое, въ самомъ-себѣ заключенное сознаніе, организованное въ каждомъ дѣйствующемъ лицѣ, то нельзя въ ней искать единства, индивидуальности и отчетливости въ характерахъ; здѣсь все зависитъ отъ расположенія духа *maestri*, отъ ихъ произвола. Вотъ почему итальянскія оперы, не будучи произведеніями цѣлостными, не подлежатъ высшей критикѣ; довольствуйтесь (кто можетъ быть доволенъ) хорошими, милыми моти-

вами и не видите больше ничего. Музыка итальянская не может отдѣлиться отъ пѣнія, которое составляетъ только чувственное выраженіе музыки; духовное ея выраженіе есть музыка инструментальная, потому-что здѣсь музыка становится самостоятельнымъ искусствомъ; именно здѣсь достигаетъ духъ совершенно свободной дѣятельности своей и въ инструментальной—то музыкѣ человекъ вступилъ въ истинно-безконечную сферу. Итальянская музыка никогда не наполняетъ человека чувствомъ свободного бытія, въ которомъ духъ не скованъ ни страстью, ни горестью, ни тоскливымъ, неутомимымъ порываніемъ: музыка эта живетъ между людьми, не вознося ихъ выше ихъ скорбной земной, чувственной юдоли; напротивъ—того, она сама вся сосредоточена въ ней и есть пламенное, живое выраженіе этой прекрасной земли, съ ея грустью и страстными переливами... Итальянская музыка не возносится къ небу, но тяготеетъ къ землѣ: земля, прекрасная земля — ея родина: въ ней ея радости, въ ней сила ея. И вотъ въ чомъ заключается очарованіе итальянской музыки и причина предпочтенія ея большинствомъ общества. Словомъ, итальянская музыка есть еще только, такъ-сказать, стремленіе къ истинному искусству. Въ музыкѣ германской заключается не одно только безконечное стремленіе, а проявленіе абсолютнаго духа; она есть глаголъ того міра, въ которомъ блаженство въ духѣ стало достовѣрностью. Возвышенность, свобода и глубина, одушевленная торжественность, любовь съ ея святою, тихою грустью и трепетнымъ блаженствомъ, величественная религіозность и кроткое благоговѣніе, стремленіе къ безконечному и вдохновенное пребываніе въ немъ; не щекотанье нашего слуха, не забава и услажденіе чувствъ, но таинственный, потрясающій душу говоръ, голосъ изъ области, недоступной для самой мысли, языкъ существъ совершеннѣйшихъ, небесный, очаровательно-выраженное предчувствіе высочайшаго блаженства,—вотъ что проявляется въ музыкѣ Моцарта или Бетховена, хотя вообще охарактеризовать въ легкомъ очеркѣ содержаніе музыки германской невозможно: она слишкомъ разнообразна и всеобъемлюща.

Германская музыка имѣетъ свойственные ей недостатки: она слишкомъ строга, возвышенна для современнаго общества.—Величайшій представитель ея *Моцартъ*, гений, котораго природа одинъ разъ могла создать, только въ «*Донъ-Жуанъ*» сблизился съ этимъ жалкимъ обществомъ и то, какъ-будто, для того, чтобы прогремѣть надъ нимъ проклятіемъ Командора, этой трубы вѣчности, призывающей матеріалиста на судъ послѣдній и неумолимый. Общество понимаетъ «*Донъ-Жуана*» бессознательно, инстинктомъ

ужаса, при неясномъ пробужденіи совѣсти. — Затѣмъ весь прочій созданіа Моцарта непонятны въкомъ. Его давняя мистерія, божественная драма — «Волшебная Флейта», — гдѣ кроткая, невинная любовь двухъ земныхъ существъ является подѣ небеснымъ испытаніемъ, ведущимъ къ высокой цѣли земнаго бытія, — до сихъ поръ дремлетъ въ неблагодарномъ забвеніи. Моцартъ умеръ и вся великія идеи, казалось, погрузились въ могилу; отчизна его — Германія, а съ нею цѣлый міръ — осиротѣли. Такъ всегда бываетъ: со смертію великаго человѣка остается пустыня, гдѣ олтарь его безъ жреца и часто безъ поклонниковъ. Въ теченіе времени являются расчотливые послѣдователи, люди, одаренные великимъ умомъ, но не вдохновеніемъ, которое дается свыше одному только гению; они разрабатываютъ матеріалы, собранныя гениемъ, но которыми онъ не успѣлъ воспользоваться. — Важнѣйшіе послѣдователи Моцарта, *Веберъ* и *Мейерберъ*, разработали его рудникъ, съ примѣсью собственныхъ наблюденій, примененныхъ къ его всеобъемлющей системѣ. — Съ перваго взгляда Веберъ является совершенно оригинальнымъ. Гдѣ другая фантазія, ему равная? Кто до него владѣлъ такъ оркестромъ, какъ онъ? Вся эти вопросы хотя и справедливы, однакожъ фантастическій міръ, въ которомъ царствовалъ Веберъ, былъ уже разгаданъ душою Моцарта: въ Командорѣ уже слышны гробовые отголоски фантастической лиры, на которой столь величественно, стройно прогремѣлъ Веберъ. — Притомъ-же Моцартъ — драматикъ; его Командоръ связанъ съ существенною жизнью и идеями его, при всемъ отпечаткѣ замогильности, близки къ судьбѣ человѣка; тогда какъ Веберъ — болѣе лирической гений; призраки его — скорѣе великодушныя созданія своенравной фантазіи, и его «Волчья долина» и «Саміель», существуютъ сами-по-себѣ, какъ преданіе народной поэзіи, безъ видимой связи съ исторіею. — Моцартъ, призывая идеальнѣйшій міръ, могучимъ жезломъ своего гения покоряетъ его грозные призраки, которые въ драмѣ его являются рабами существеннаго міра, какъ у Шекспира; Веберъ, не столь всеобъемлющій, утопаетъ въ морѣ собственной фантазіи, и во всѣхъ характерахъ, имъ обрисованныхъ, отразился болѣе его личный отпечатокъ: фантастическіе призраки берутъ у него перевѣсъ надъ людьми; иногда кажется даже, что не жизнь человѣка, а мрачнѣйшій и своенравнѣйшій Саміель былъ идеаломъ Вебера. — Мейерберъ менѣе гениальный, чѣмъ Веберъ, но болѣе опытный, потому-что предсталъ позже, съ великимъ умомъ повелъ искусство далѣе. — Онъ понялъ, что новизна современной музыки должна состоять не въ отдѣльномъ какомъ-нибудь мотивѣ, но въ обширности объ-

ема и многосложности предмета. — Онъ искусно воспользовался всеми родами музыки и всеми партитурами писателей. Въ его «Робертъ» слышны отголоски Моцарта, Бетховена, Вебера и Россини; но въ немъ видѣнъ не робкій подражатель, а хозяинъ, который удачно располагаетъ ввѣреннымъ ему капиталомъ. Такая черта и способность отчасти замѣняетъ образъ самобытности, и хотя, какъ гений, онъ далеко уступаетъ въ творчествѣ своимъ предшественникамъ, но за то иногда и превосходитъ ихъ богатствомъ наблюдений и обширностью масштаба.

Безспорно, *Россини* обладалъ даромъ мелодіи свыше и огромнымъ умомъ; но, не имѣя глубины и учюности Моцарта, онъ очень хорошо постигъ, чего ему не-доставало, а потому и основалъ свой собственный, ему одному принадлежащій родъ музыки. — И однакожь, не смотря на свою гениальность и на всѣ многочисленныя красоты своей музыки, онъ остался болѣе или менѣе италіанцемъ, то есть *концертистомъ*. — Правда, одинъ онъ смогъ произвести совершенную реформу въ италіанской музыкѣ, обогативъ ее гармоническими оборотами, отчего произведенія пезаррекаго маэстро получили болѣе солидный и значительный характеръ. «Вильгельмъ-Тель» есть вѣнецъ его славы. — Здѣсь Россини менѣе нежели гдѣ-либо явился Италіанцемъ. — Паэзіелло и Чимароза, современные Моцарту композиторы, слишкомъ-далеко отстали отъ него въ изобрѣтеніи, въ разнообразіи гармоніи и дѣйствіи оркестра. Преобразование, произведенное Россини въ италіанской музыкѣ, въ этомъ отношеніи, есть какъ-бы послѣдствіе реформы Моцарта въ музыкѣ германской. Переворотъ, творцомъ коего былъ Россини, такъ важенъ, что онъ не могъ не отозваться, и дѣйствительно отозвался, въ музыкѣ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ. — Притомъ же лучшія произведенія Россини убѣждаютъ, что музыка его не есть чисто-италіанская: въ ней заключаются отчасти элементы музыки германской; — одна только мелодія — собственно италіанскія, обработанныя гениемъ; — на-примѣръ: можно-ли назвать «Вильгельма-Теля» италіанскою музыкою?

Послѣдователи и подражатели Россини, не имѣя его гения, ухватились за одну только матеріальную средства — великолѣпіе и роскошь оркестра, и легкость, по извѣстнымъ даннымъ, писать оперы. — Слѣдовательно, они усвоили, скорѣе, его недостатки, нежели существенныя красоты. — Отсюда и потянулась длинная вереница ничтожныхъ произведеній *Беллини* и *Доницетти* съ братіей. Вся эти господа довели музыку въ Италіи до совершеннаго упадка, который отчасти должно приписать прозорливой и невасытимой натурѣ Италіанцевъ, жаждущихъ всегда новаго, то-есть псе-

нокъ, а не создавй, не твореній, кои могли-бы занять умъ и сердце, словомъ, гдѣ-бы проявлялось внутреннее, сознательное чувство и мысль, а не одно только ощущеніе. Вотъ что правда, то правда: музыка Беллини и Доницетти — чистая итальянская музыка, и потому критикѣ подлежать не можетъ. Вся произведенія этихъ господъ состоятъ изъ однихъ общихъ мѣстъ, пошлыхъ эффектовъ, монотонности и однообразія мелодій, бѣдности и ничтожности оркестровки, и вообще отличаются безжизненностью цѣлаго и отсутствіемъ всякаго единства. — Вся они если и получаютъ какое-либо значеніе, то собственно отъ индивидуальности исполнителей—пѣвцовъ и пѣвицъ; сами-же по-себѣ, отдѣльно взятыя, ничего не значатъ. У Беллини, по-крайней-мѣрѣ, есть что-нибудь свое—элегическій мотивъ; у Доницетти все чужое, все заимствованное, такъ-что не знаешь, чему больше дивиться—дерзости ли, съ какою Доницетти обкрадываетъ всѣхъ композиторовъ, или терпѣнію слушателей, которые даже приходятъ въ восторгъ отъ его композицій? Въ одномъ только Беллини и Доницетти удивительно сходны—въ страшномъ злоупотребленіи средствъ оркестра. —Послѣ *adagio* и *andante*, гдѣ кажется оркестръ вовсе не участвуетъ, а слышится только одинъ пѣвецъ, обыкновенно слыдаютъ неистовыя *crescendo*, оглушающія и огромляющія слушателей. — Выходить, по-русской пословицѣ,—глупому сыну не въ помощь богатство. Музыка Беллини и Доницетти потому только имѣетъ успѣхъ, что она, какъ говорятъ, *музыка модная* (!). Пройдетъ пора ея и всѣ произведенія этихъ *maestri divini* будутъ забыты также, какъ забыты давно уже, нѣкогда славныя творенія Гульельми, Саккини, Мартини, Паэзіелло и прочей братія итальянскихъ мастеровъ восемнадцатаго вѣка.

Все это мы высказали одинъ разъ на-всегда, чтобы не обращать вниманія на музыку «Пирата», «Соннамбулы», «Лючіи», «Велизарія» и тому подобныя произведенія. — Вся эти оперы только тогда и производятъ впечатлѣніе, когда въ нихъ поютъ Рубини, Вярдо-Гарсія, Тамбурины, или имъ подобные артисты.

Засвѣтъ обратимся къ *Севильскому цирюльнику*, *Отелло*, *Норль* и наконецъ къ *Донъ-Жуану*.

Музыка *Севильскаго цирюльника*, по всей справедливости, считается лучшимъ и образцовымъ твореніемъ Россіи — въ комическомъ родѣ. Твореніе это, по уму, приятности и обилію идей, въ немъ заключающихся, по богатству и разнообразію мотивовъ, по выраженію дѣйствія драмы и обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, есть единственное въ своемъ родѣ произведеніе, и обошло цѣлый міръ. *Увертюра*, по фактурѣ своей, принадле-

жить къ разряду тѣхъ, кои явились въ первыхъ операхъ маэстро; но за всѣмъ тѣмъ она прекрасна, и это потому, что здѣсь не встрѣчается тѣхъ готовыхъ фразъ и мотивовъ, той интродукціи и тѣхъ tutti, какія являются въ увертюрахъ, напримѣръ, изъ «Сороки воровки», «Семирамиды», «Ченерентолы»... и которыя какъ-бы нарочно, загадая, подготавливались для подобныхъ произведеній. Какъ-бы то ни было, во увертюра «Севильскаго Цирюльника» остается лучшею изъ рода Россини, и послужила краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ композиторовъ его школы. Andante замѣчательно по своей оригинальности, по своей мелодіи, легкой и граціозной, и по формѣ изложенія мотива. Все allegro блещетъ силою воображенія, мыслью и артистическою изысканностью. — Различные мотивы соединены съ большимъ искусствомъ, хотя въ этой увертюрѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, нѣтъ второй части, а вся первая повторяется въ другомъ тонѣ. — Есть одна только увертюра, въ которой маэстро прельщаетъ развитіемъ идей, это—написанная для оперы «Le Siege de Corinthe». Что касается до симфоніи «Вильгельма-Теля», хотя она и удивительна отъ начала до конца, но планъ ея не требовалъ подобнаго развитія, и мѣсто бури здѣсь скорѣе составляетъ картину, эпизодъ, совершенно-отдѣльный отъ всего остальнаго, гдѣ соединены эффекты самые живописные, съ тѣнями резко-яркими,—нежели сюжетъ, для развитія коего композиторъ долженъ былъ воспользоваться помощію контрапункта и хитростей гармоніи.—Должно прибавить, что въ увертюрѣ «Севильскаго Цирюльника» оркестръ полнѣе и гораздо-обработанныѣе, чѣмъ въ большей части другихъ увертюръ Россини, и особенно въ «Танкредѣ» и «Итальянкѣ» въ «Алжирѣ», гдѣ инструментовка небрежна, вяла, слаба, не-смотря на богатство и прелесть мелодій.—Начало и вся сцена серенады исполнены особенной приятности, увлекательности и живости. Но вотъ слышится изъ-за кулисъ ригурнель Фигаро,—оркестръ вторитъ, и коварный цирюльникъ начинаетъ и оканчиваетъ свою арію среди всеобщаго бреда и шума. *Эта арія*—не произведеніе труда, а порывъ генія; она написана съ жаромъ, и Россини, обрисовавъ въ ней такъ хорошо характеръ смѣлаго и хитраго Фигаро, вмѣстѣ съ тѣмъ изобразилъ самого себя, то-есть удивительную живость своего ума.—Таже сила, та-же пылкость воображенія блещетъ и въ дуэтѣ Графа и Фигаро: «All'idea di quel metallo.» *Каватина Розины* «una voce roseo fa» и *дуэтъ ея съ Фигаро* «dunque io sono»—прелестны. До сихъ поръ талантъ композитора, являясь повсюду блестящимъ и живымъ, исполненнымъ провіи и комизма, выразительнымъ и сжатымъ, въ аріи «Colinnia», дѣлается высокимъ. Фразы въ терціяхъ скрипокъ, сопровождаемыя тяжелымъ и перерывча-

тымъ пѣніемъ Базиля и группетто-альтовъ,—крещендо,—взрывъ всѣхъ силъ оркестра,—унылое молчаніе и гармонія, которая, въ противоположность скрипкамъ и басамъ, проявляется въ полтонахъ и продолжается въ паузахъ духовыми инструментами, до установленія каданса,—все это вмѣстѣ носить отпечатокъ вдохновенія могущественнаго и составляетъ чудный контрастъ съ взашной мелодіей, въ арии Россини, исполненной столько тонкости и хитрости. Можетъ-ли быть что-либо удачнѣе куплетовъ *Марцелины* которые такъ-хорошо примѣнены къ характеру и положенію лица? *Финаль* представляетъ соединеніе всѣхъ красотъ, какія мы уже замѣтили: это въ полномъ смыслѣ сцена сплетней, недоумѣвія, комизма и ироніи.—Какъ хорошо здѣсь *напѣвъ Фигаро* (*guarda don Bartolo*) согласуется съ медленно—грозовой гармоніей! *Первый актъ*—просто чудо. *Второй* не менѣе заслуживаетъ удивленія по своему созданію; но къ концу силы какъ-будто оставляютъ маэстро.—Между-тѣмъ, нельзя не замѣтить счастливаго мотива въ дуэтѣ Бартоло и Графа, который переодѣлся капельмейстеромъ, и того *соло* скрипки, когда Фигаро начинаетъ брить доктора. *Тріо* составляетъ также прекраснѣйшую піесу. Не смотря на все это, въ которыхы части втораго акта, кажется, были торопливо обработаны.—«Севильскій Цирюльникъ» написанъ въ Римѣ, въ 1816-мъ году, въ теченіе восьми дней, и публика до такой степени была предубѣждена въ пользу оперы того-же названія—Паззиелло, что сначала не хотѣла вѣрить, что-бы музыка Россини была лучше.—Однакоже предубѣжденіе вскорѣ разсѣялось, и слѣдующія представленія приобрѣли этой оперѣ чрезвычайный успѣхъ, который въ-послѣдствіи сдѣлался всемірнымъ.—Два лица, два характера въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» являются на первомъ планѣ,—Розины и Фигаро, и надобно сознаться, что оба превосходны и развиты музыкаю вполне. Впрочемъ, изъ всѣхъ прочихъ лицъ оперы, каждое, въ свою очередь, составляетъ типъ своего рода.

Отелло написанъ Россини въ 1816 году. По обилію музыкальныхъ идей, драматическихъ вдохновеній и счастливыхъ мелодій, музыка «Отелло» должна быть отнесена къ разряду лучшихъ произведеній Россини;—она проникнута чувствомъ меланхоліи и заключаетъ въ себѣ положенія сильныя, драматическія, хотя правду надобно сказать, что въ оперѣ этой Россини нечужды подражанія: встрѣчаются мотивы, заимствованные у Моцарта и Чимарозы.—Маэстро не является здѣсь такъ свободенъ, такъ высокъ, какъ въ «Моисей» и особенно въ «Вильгельмъ-Тель». По стилю своему, музыка «Отелло» составляетъ самую обработаннѣйшую партицію изъ всѣхъ, какія только выходили изъ-подъ пера Россини, разумѣется исключая «Виль-

гельма-Теля» и даже самого «Моисея». *Финаль первого акта* блестяще благородством и полнотою мелодий, роскошью аккомпанементовъ. Эти крики ужаса, которые оканчиваютъ финаль, когда Дездемона видитъ себя отвергнутою отцомъ своимъ, этотъ ропотъ удивленія, проявляющійся въ энгармоническомъ ходѣ, — все это, безспорно, исполнено красотъ первоклассныхъ. Въ *второмъ актѣ* прекрасенъ дуэтъ Отелло и Яго, какъ по фактурѣ своей, такъ равно и по драматизму. Слѣдующій за тѣмъ дуэтъ и *трио* превосходны по музыкальному выраженію, по соответствію звуковъ съ драмою и дѣйствіемъ. Здѣсь маэстро возвысился до полного драматическаго величія. Досадно только, что кое-какія обыкновенныя и готовые фразы и мѣста сомнительнаго достоинства, тамъ-и-сямъ перемѣшаны съ проблесками истиннаго генія. *Третій актъ* носитъ отпечатокъ мечтательности, меланхоліи, постоянного вдохновенія и, всюду, единства, которое придаетъ ему величайшую прелесть. Въ самой сущности положеніе Дездемоны въ третьемъ актѣ всё одно и тоже, начиная отъ минуты, когда она входитъ въ свою комнату, стараясь разгадать суровость супруга своего, когда она жепѣсными, кои составляютъ ея пищу, и, презирая смерть, предпочитаетъ, какъ говоритъ Шекспиръ, добродѣтель всѣмъ сокровищамъ свѣта, до той самой минуты, когда является Отелло, чтобы поразить ее. Три славныхъ пѣсы украшаютъ третій актъ: *Пѣсь гондольера*, въ которой столь-хорошо отпечатался колоритъ мѣстности, *романсъ* и *молитва*. Къ этому можно прибавить и четвертую — *интродукцію*, исполненную таинственной гармоніи, въ которой, какъ и во всемъ остальномъ, обнаруживается чувство печальное, глубокое, задушевное и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойное, какъ чувство праведника. Вообще третій актъ есть не только прекраснѣйшее само-по-себѣ, но и совершеннѣйшее твореніе Россіи. Здѣсь Россіи становится на-ряду съ Шекспиромъ. Лучше прочихъ созданъ характеръ Дездемоны, партія которой самая трудная, какъ въ отношеніи пѣнія, такъ и игры. Дездемона является страстною, мечтательною, и для художческаго исполненія этой роли необходимо, чтобы артистка была въ одно время и пѣвицею и трагическою актрисою. Характеръ Отелло очерченъ довольно-ощутительно, но слабѣе, нежели Дездемоны. Характеръ Яго — этого ужаснаго созданія гигантскаго воображенія Шекспира, къ-сожалѣнію, имѣетъ только нѣкоторыя черты и вообще въ музыкѣ неразвита. Можетъ-быть здѣсь должно винить болѣе либреттиста, нежели маэстро: во всякомъ случаѣ однакожъ, на композитора лежала обязанность исправить ошибку поэта.

Страшнѣйшій человекъ былъ этотъ Беллини! Съ нѣсколькими, весь-

ма-немногими впрочемъ, элегическими мотивами, собственно ему принадлежащими, онъ вообразилъ себя, что можетъ произвести переворотъ въ искусствѣ, по-крайней-мѣрѣ въ итальянской музыкѣ, нисколько не подозревая, что подобныя перевороты суждено дѣлать только великимъ міра сего, только людямъ вдохновеннымъ свыше и обладающимъ всеми качествами генія. И вотъ онъ началъ писать оперы. — Итальянцы, жаждущіе въ музыкѣ всегда новаго, хотя-бы это новое было повтореніе уже давно извѣстнаго, бросились на его произведенія съ какимъ-то энтузіазмомъ и, въ пылу перваго восторга, поставили Беллини не только выше Россини, но чуть-ли не выше всевозможныхъ композиторовъ. Но явилось три, четыре оперы, — въ пятой уже стали замѣчать, что Беллини повторяетъ прежніе свои мотивы, начинаетъ истощаться... Удивительный маэстро привелъ въ напряженіе все силы таланта и, желая во-что-бы-то ни стало поддержать свою репутацію и возвестись повыше лѣсу стоячаго, ниже облака холячаго, ухватился не за свой сюжетъ и разразился «Нормой»!.. И такъ о *Нормѣ*. Но что-же такое эта «Норма»? Просто, въ полномъ смыслѣ слова, итальянская опера, — чистый концертъ голосовъ, прекрасныя солфеджіи для упражненія въ пѣніи, и отнюдь не опера, которая могла-бы быть отнесена къ произведеніямъ искусства. «Норма» составлена изъ всѣхъ тѣхъ мотивовъ, какіе явились въ прежнихъ операхъ Беллини. Здѣсь всё, что было лучшаго въ «Пиратѣ», «Соннамбулѣ», «Капулетахъ», повторено цѣликомъ. Въ «Нормѣ» Беллини весь высказался и совершенно истощился такъ, что въ послѣднихъ его произведеніяхъ, особенно въ «Пуританахъ», ощущается уже совершенный недостатокъ мелодіи. Словомъ, здѣсь Беллини кончился и послѣ этого ничего лучше не могъ придумать, какъ только умереть: — по-крайней-мѣрѣ жаркіе его почитатели пролили по нему слезы. Случись это позже, Беллини вживь былъ-бы забытъ. Въ «Нормѣ» этотъ сладенкій маэстро рѣшительно пренебрегъ наукою и формами, и, кажется, нисколько не позаботился о томъ, чтобы лучше выразить свои мысли. Строго судя, вся опера есть непрерывный, нескончаемый *дуэтъ*, на однообразную элегическую тему. Злоупотребленіе средствъ оркестра, по незнанію, доходитъ здѣсь до безумія. Все эффекты основаны на барабанахъ, трубахъ и всей этой тяжелой артиллеріи оркестра, которая жестоко деретъ уши. Чтобы сколько-нибудь яснѣе показать ничтожность музыки Беллини, обратимъ вниманіе, на примѣръ, на финальное *трио* перваго акта. Здѣсь каждое лицо имѣетъ свое положеніе, свой характеръ. Норму обуреваютъ ревность, Адалгизу страхъ за себя и за своего друга; Поліонъ въ

смущеніи, изъяскиваетъ средства къ оправданію, и за немѣніемъ ихъ, переходитъ къ дерзости. Что-же сдѣлалъ Беллини въ этой прекрасной, по разнообразію положенія лицъ, сцены? Одинъ протяжный мотивъ, который по-переменно переходя отъ двухъ сопрано къ тенору и возвращаясь то къ Нормѣ, то къ Адалгизѣ, приводитъ наконецъ слушателя въ какое-то усыпленіе. Норма выражаетъ свое чувство, Адалгиза свое, Поліонъ свое, и все однимъ и тѣмъ-же мотивомъ, какъ-будто нарочно повторяя его разъ десять, чтобы онъ затвердился въ памяти слушателя. Гдѣ-же драма въ звукахъ, гдѣ-же дѣйствіе? Увы, ихъ нѣтъ, какъ и во всей музыкѣ цѣлой оперы. Довольно, дальше продолжать не станемъ. Крайне ошибаются тѣ, которые находятъ большое достоинство въ композиторѣ потому-только, что мотивъ его легко затверживается наизусть. Это болѣе доказываетъ ничтожный объемъ музыкальной идеи. Не трудно упомянуть осьмитактный мотивъ, годный для варіацій; но драматическую сцену, гдѣ мелодія, постепенно распространяясь, выражаетъ всѣ разнообразныя переливы чувства, гдѣ незамѣтно изъ тишины зарождается буря, — такого мотива нельзя запомнить. Впрочемъ, если что-либо въ «Нормѣ» и можетъ возбудить вниманіе, такъ это развѣ интродукція и хоръ, которыми открывается опера, и послѣдній финалъ, и то собственно по мотивамъ, но отнюдь не по развитію идей, не по инструментовкѣ: этого нельзя искать во всей музыкѣ Беллини, самаго слабаго инструментиста новѣйшаго времени. Не-правда-ли странно — слабый инструментистъ въ наше время? Да это, просто, анахронизмъ, а между-тѣмъ вѣдь это дѣйствительно такъ! Въ оперѣ если есть какое-либо лицо, которое можно назвать характеромъ въ музыкальномъ отношеніи, это — Норма, и то ничуть не по выраженію и обрисовкѣ звуками этого чуднаго лица, а такъ, просто потому, что у нея много пѣнія. Всѣ прочія роли Поліона, Адалгизы, Оровеза — какіе-то призраки безъ лицъ, воющія муміи, такъ-называемыя роли аксессуарныя. Бѣдный, жалкій Беллини, припавъ за сочиненіе музыки для Нормы, конечно не воображалъ, что сюжетъ этотъ по силамъ какому-нибудь Глюку или Моцарту!!!

Желанія ваши, какъ вѣроятно и всѣхъ истинныхъ любителей, наконецъ сбылись. Мы слышали единственное и безсмертное твореніе Моцарта — *Донъ-Жуана*. Вотъ это музыка, такъ музыка! Кажется переслушалъ ее нескончаемое число разъ, кажется изучилъ всѣ мельчайшія подробности ея, а между-тѣмъ слушаешь и находишь новыя красоты. Слушаешь и снова уносишься въ какой-то ливный идеальный міръ, который однакожъ такъ-тѣсно связанъ съ существеннымъ міромъ. Чего только нѣтъ въ «Донъ-Жуанъ»

нѣ»? Все—отъ высоко-трагическаго до комическаго, отъ танцованія до проявленія высочайшаго искусства,—словомъ, полное осуществленіе жизни человѣческой идеальнымъ образомъ въ звукахъ. Пѣтъ, подобная музыка никогда не умретъ; пройдутъ вѣка, а Моцартъ все будетъ существовать, какъ существуютъ Гомеръ, Шекспиръ... До-сихъ-поръ «Донъ-Жуанъ», въ продолженіе года, разъ или два являлся на нашей нѣмецкой сценѣ и почти всегда неожиданно. Любители не пропускали случая видѣть это *pes plus ultra* драматико-музыкальнаго міра и каждый разъ выходили изъ театра съ стѣсненнымъ сердцемъ. Впрочемъ такъ и быть должно. Кто видѣлъ «Донъ-Жуана» на театрахъ Гамбурга, Мюнхена, Берлина и Франкфурта, тотъ легко согласится, что несправедливо было-бы требовать отъ нѣмецкой труппы нашей того совершенства, какого нѣтъ въ самой Германіи. Въ цѣлой Европѣ, въ послѣднее время, можетъ-быть только нѣсколько разъ эта опера была исполнена въ достойномъ ея видѣ, когда участвовали въ ней въ одно время: Гризи, Персіани, Рубини, Тамбурини, Лаблашъ и тому подобныя артисты. Нводна опера такъ не затруднительна для исполнителей, какъ «Донъ-Жуанъ». Каждая роль требуетъ генія и учености. До-нынѣ только одинъ Моцартъ умѣлъ соединять мелодію съ гармоніей; у большей части современныхъ композиторовъ, обыкновенно, или мелодія заставляетъ гармонію пресмыкаться — и бѣдный оркестръ, при пошлой модуляціи и однообразномъ басѣ, слѣдуетъ за голосомъ пиччикато, и потомъ переходитъ въ балаганную трескотню, которая возвѣщаетъ публикѣ, что арія кончается и, слѣдовательно, наступаетъ пора аплодисмана, — или гармонія своевольно задушаетъ бѣдную мелодію, и голосъ, вопреки назначенію самой природы, становится аккомпаньементомъ оркестра. Моцартъ не впадалъ въ эти крайности: у него при роскошномъ нѣннѣ слышите многосложный аккомпаньманъ, столь необходимый для полноты и разнообразія. Геній и искусство идутъ рука-объ-руку. Но зато сколько затрудненій для исполнителя! Онъ долженъ чувствовать глубоко и свободно пѣть, между-тѣмъ-какъ хроматическія гаммы и замысловатыя массы контрапункта пробѣгаютъ по вдохновенной мелодіи. Голоса сливаются и каждый между-тѣмъ носитъ на себѣ столь яркій отпечатокъ даннаго ему характера, что по двумъ, тремъ тактамъ можно отличить Донну Анну отъ Эльвиры и Церлины, а Донъ-Жуана отъ Ленорелло и Оттавіо. У Моцарта различныя лица повторяютъ одну и ту же кабалету, для того, чтобы вы попеременно слышали, какъ на-показъ, сопрано, тенора и баса, и часто, въ то-же время подъ одинъ мотивъ, одинъ поетъ: «Я умираю», а другой—«Я оживаю!!..» Однимъ словомъ, Моцартъ ге-

пий въковой; у него все на своемъ мѣстѣ, какъ въ природѣ. О «Донъ-Жуанъ» много было писано и говорено. Если вѣрить журнальнымъ статьямъ, то Россини почитаетъ «Донъ-Жуана» лучшимъ твореніемъ; Спонтини готовъ былъ отрубить у себя лѣвую руку, лишь-бы только правую написать «Донъ-Жуана»; Херубини самъ создавался, что его идеи суть только слабый отблескъ идей Моцарта; одинъ только Бетховенъ (какъ увѣряютъ) предпочиталъ «Волшебную флейту» «Донъ-Жуану,» котораго либретто казалось ему безвравственнымъ.

Впрочемъ, весь отзывъ нашъ о «Донъ-Жуанъ» есть число ничто, нуль: твореніе это такъ велико, что объ немъ должно говорить или все, или просто молчать. Вотъ почему мы советуемъ любителямъ обратиться къ превосходной статьѣ, собственно о музыкѣ «Донъ-Жуана», взятой цѣликомъ изъ «Nouvelle biographie de Mozart» г-на Улыбышева, напечатанной въ этой-же книжкѣ «Репертуара и Пантеона». Изъ этой статьи, кто только пожелаетъ, можетъ получить полное понятіе о неизмѣримомъ превосходствѣ «Донъ-Жуана» надъ всеми произведеніями драматической музыки и о тѣхъ совершенствахъ, до коихъ достигъ только одинъ Моцартъ, какъ величайшій изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ композиторовъ.

Въ-заключеніе намъ остается только принести искреннюю благодарность Тамбурины, который въ свой бенефисъ подарилъ публику чуднымъ твореніемъ Моцарта и уже этимъ самымъ заставилъ сохранить о себѣ прилтое воспоминаніе въ сердцѣ каждаго любителя, считающаго музыку не услажденіемъ одного только слуха, а высочайшимъ искусствомъ въ мірѣ, которое уноситъ человека въ какую-то недовѣдомую, другую страну, заставляя, крайней-мѣрѣ на мгновеніе, позабыть бренную нощу земной жизни...

ЮМОРИСТИКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ МЫШИ.

Парижъ. Театръ Vaudeville. 1 декабря, 1843.

... Пишу къ тебѣ, ma chère, что называется на-скорую-лапку. Времени немного, а происшествій случилось очень-много, и все такія занимательныя. Ахъ, еслибъ ты знала, какъ у насъ весело жить въ театрѣ! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я переехала сюда, я такъ счастлива, такъ довольна, что чуть не начала къ тебѣ писать въ стихахъ, вмѣсто прозы. Жизнь моя идетъ здѣсь, какъ въ раю. Вообрази себѣ, что полдня мы бѣгаемъ совершенно одвѣ и на свободѣ по огромной залѣ, скачемъ по стульямъ, забираемся въ ложипрелестъ какъ весело! Общество у насъ здѣсь самое лучшее, образованное, большаго подиолья; если нѣкоторыя изъ нашихъ знатныхъ мышей и царапаются между собою, то дѣло все-таки никогда не доходитъ до серьезной драки. Между нами есть много весельчаковъ и забавниковъ. Они часто повторяютъ цѣлыя сцены изъ пьесъ, которыя успѣли подсмотреть, а мы переважно садимся на первыя мѣста въ оркестръ и шикаемъ безъ всякой пощады. Тетушка моя салится всегда на пювиртъ и прекрасно передразниваетъ нашего дврижера, когда тотъ одною рукою бьетъ тактъ, а другою нюхаетъ табакъ. Мы такъ и помираемъ со смѣху. Вообрази наше счастье, ma chère! Кошекъ у насъ и слыхомъ-не-слыхать. Режиссеръ представлялъ разъ директору смѣту, что будетъ стоить содержаніе одного кота и двухъ кошекъ, со столомъ, квартирой и прочими принадлежностями: всего-на-все выходило 60 франковъ въ годъ. Директоръ сказалъ ему, что за эту цѣну онъ можетъ нанять другаго режиссера, если этотъ будетъ обманывать его такъ безсовѣстно. Старикъ нашъ очень за это разсердился, и одна изъ моихъ подругъ слышала, какъ онъ, возвратившись отъ него, ходилъ большими шагами по сценѣ и говорилъ: «Погоди-же ты, разбойникъ! доведу я до того, что тебя самого съдятъ мыши!» Какого онъ дурнаго объ насъ мнѣніа! Нашего директора мы ни за

что въ вѣсть не ставемъ. Онъ такой худой и блѣдный - и у него такъ дурно пахнетъ изо рта... Вчера шло у насъ первое представленіе большой драмы, въ одиннадцати картинахъ. Сколько тутъ пресмѣшныхъ названій, та сѣге, ужасъ! Авторъ ея—смѣшной старичокъ въ очкахъ, всѣмъ такъ низко кланяется. Онъ даже у нашего ламповщика пожалъ руку, когда тотъ ему поклонился. Публикѣ очень понравилась пьеса, автора вызывали разъ пять, — и ужъ какъ онъ былъ доволенъ! Признаюсь впрочемъ, мнѣ она нисколько не понравилась. У этихъ людей такой странный вкусъ! Теперь пьесу эту даютъ, какъ водится, всякій день. Я хочу рассказать тебѣ объ одной пресмѣшной сценѣ, которую подсмотрѣла я въ то время, когда публика восхищалась новой драмою. Ты, можетъ-быть, не знаешь, что у насъ за кулисами разыгрываются, во-время спектакля, комедіи, иногда гораздо-занимательнѣе тѣхъ, которыя идутъ на сценѣ? Вотъ въ чомъ дѣло. Для новой драмы нужны были танцорки; вотъ ихъ и взяли изъ воспитанницъ парижской Консерваторіи, по десяти франковъ за представленіе. Эти танцорки всѣ пренагмыя. Представь, что онѣ смѣютъ называть себя *крысами*! Ну, не обидно-ли это? Кто далъ имъ право присвоивать себѣ названіе, которое къ нимъ нисколько не идетъ? Если иногда у насъ молодья мыши называютъ себя, изъ хвастовства, крысами, то это еще простительно: тутъ есть, по-крайней-мѣрѣ, какое-нибудь подобіе; но когда всякая дѣвчонка станетъ называть себя крысой, это ужасно досадно! Мнѣ кажется, я-бы такъ и укусила ее! Онъ даже нисколько не уважаютъ нашего режиссера. Онъ какъ-то сказалъ одной, что возьметъ съ нее штрафъ. «Попробуйте-ка», отвѣчала она: «такъ я вамъ всѣ глаза выцарапаю!» Ну и это не жалкое-ли хвастовство? Какъ она можетъ выцарапать глаза? Гдѣ у ней эти хорошенькіе, востренькіе когти, которыми одарила насъ премудрая природа? Режиссеръ пожаловался директору, а тотъ ничего не сдѣлалъ; велѣлъ простить ее, да еще ему-же выговоръ сдѣлалъ, зачѣмъ беспокоить его такими пустяками. Отъ этого дѣвчонки эти перебаловались до того, что, просто, изъ-рукъ-вонъ. Но это вещь посторонняя. Смѣшная сцена состояла вотъ въ чомъ: одинъ изъ нашихъ первыхъ любовниковъ, играющій ихъ впрочемъ лѣтъ двадцать, толстый Люсакъ, влюбился на репетиціяхъ драмы въ одну изъ этихъ воспитанницъ, съ огромными черными бровями. Въ ней, сказать по правдѣ, только и было хорошаго, что эти брови, да и то еще она всякій день мазала ихъ помадой, смѣшанной съ сажею. Я сама нѣсколько разъ видѣла, какъ она закоптитъ сначала на свѣчкѣ кусочекъ стекла, а потомъ на копотѣ размажетъ помаду да и выводитъ себѣ брови. Видно у людей почи-

тается это большой красотой. Люсакъ всякую репетицію ухаживалъ за красавицей, услуживалъ ей, подавалъ мантилью, провожалъ до дому, даже покупалъ конфекты, серьги, платочки, хоть былъ скупъ, какъ Гарпагонъ. Танцорка принимала подарки, но ниоднимъ взглядомъ не отвѣчала своему толстому обожателю. Онъ отважился наконецъ на рѣшительное объясненіе и въ день перваго представленія драмы, встрѣтивъ ее за кулисами, началъ любезничать съ нею и наконецъ поднесъ ей фунтъ конфектъ. Танцорка схватила конфекты и тотчасъ-же убѣжала. Бѣгая между кулисами, я видѣла, какъ Люсакъ вынималъ одну большую конфекту и завертывалъ ее въ мелко-исписанную бумажку, и очень хотѣла узнать, что изъ этого выйдетъ. Танцорка разомъ проглотила нѣсколько бисквитокъ, сгрызла десятокъ леденчиковъ и наконецъ отыскала завѣтную конфекту. Быстро пробѣжавъ бумажку, она лукаво улыбнулась, подумала съ-минутою, съ сожалѣніемъ взглянула на конфекты, сложила ихъ очень-аккуратно въ ящичекъ, вмѣстѣ съ бумажкой, и подбѣжала къ одной толстой и старой танцоркѣ, разрумяненной и набѣленной до-нельзя.—Мадамъ Верже, сказала она: вамъ Люсакъ прислалъ конфектъ, но мнѣ, право, очень хочется самой съѣсть ихъ, хоть я и обѣщала ему никому не показывать ящичекъ и самой въ него не заглядывать.—Нарумяненная танцорка съ видимымъ удовольствіемъ начала отнимать у нея ящичекъ, доказывая, что очень-неблагородно присвоивать себѣ то, что назначено другому. Шалунья побѣжала, повертѣлась, попрыгала и наконецъ отдала ящичекъ. Въ первомъ антрактѣ Люсакъ, встрѣтившись съ нею, спросилъ, скушала-ли она его конфекты. — Съѣла! отвѣчала танцорка. — Хороши они были? — Хороши. — Ну, а вы не читаете никогда стихковъ и прозы, въ которыхъ они завертываются? — Иногда.—Что-жъ, въ этотъ разъ нашли вы что-нибудь замѣчательное? — Нашла. — И красавица подала ему билетикъ, на которомъ было написано:

*Когда прійдетъ пора въ могилу собираться,
То поздно ужъ влюбляться!*

Люсакъ въ бѣшенствѣ сжалъ этотъ билетикъ и бросилъ на полъ, (я тотчасъ-же послѣ и прочитала его), а танцорка, засмѣявшись ему въ глаза, убѣжала.

Ты можешь себѣ представить, чѣмъ кончилась эта исторія. Танцорка на него больше не хотѣла и смотрѣть, а отъ мадамъ Верже онъ не зналъ какъ отвязаться. Она до-тѣхъ-поръ приставала къ нему съ намеками о записочкѣ въ конфектахъ и взаимной страсти, что онъ долженъ былъ сказать ей прямо, что записка попала къ

ней случайно, и была назначена совсѣмъ не ей. Мадамъ Верже тогда громко начала жаловаться на безправственность танцорокъ и ненавидѣть великаго трагика.— Да и эта-ли одна исторія! Повѣришь-ли, та *chère*, у насъ ихъ случается столько, что невозможно всѣхъ и упомнить. Признаюсь тебѣ по секрету, что я собираю матеріалы и скоро начну писать скандалезную хроникку нашего театра. Это будетъ очень-занимательная хроника и я надѣюсь себѣ сдѣлать имя въ мышинномъ и людскомъ обществѣ. Сколько у насъ есть оригиналовъ! Ужасъ! Между ними есть такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ. Вотъ, на-примѣръ, нашъ гардеробмейстеръ, толстый и красный мужчина въ очкахъ. Онъ изъ Бретани и имѣетъ такое дурное произношеніе, что всѣ надъ нимъ смѣются. Но это-бы еще ничего, а то онъ такой воръ, что удивляюсь, какъ это директоръ нашъ не замѣчаетъ, что онъ его обкрадываетъ. Съ каждой новой пьесы, которую у насъ ставятъ, онъ что-нибудь да украдетъ. Цѣны за костюмы ставить невозможныя, а одѣваетъ дурно. Онъ ужъ купилъ себѣ два дома, та *chère*, а многія изъ нашихъ старыхъ крысъ помнятъ, какъ онъ опредѣлился къ театру въ одномъ сюртукѣ и прочемъ. Изъ актрисъ публикѣ нравятся въ особенности двѣ: одна маленькая, веселенькая, живая сурбетка; другая высокая, полная, величественная дама, перешедшая на нашъ театръ изъ балетной труппы. Странно только то, что сурбетка непременно хочетъ танцовать въ каждой пьесѣ, а танцорка играть героинь въ трагедіяхъ. Отъ этого у нихъ все идетъ на-выворотъ. У каждой изъ нихъ есть своя партія, которая съ ожесточеніемъ шикаетъ соперницѣ. Отъ этого въ театрѣ выходитъ иногда такая катавасія, что зрители, непринужденно ни къ той, ни къ другой партіи, не знаютъ, куда дѣваться отъ шума. Я замѣтила, что, не смотря на частую перемену своихъ наклонностей и кумировъ, у Парижанъ есть одна постоянная привязанность — къ шуму. Имъ бы только пошумѣть, о чомъ-бы то ни было, и они очень-довольны. У каждой нашей актрисы есть непременно свой обожатель, въ первыхъ рядахъ партера; хорошо еще, если она довольствуется однимъ. Даже та, которая является *гостью* на сценѣ и исполняетъ нѣмыя роли, мигаетъ кому-нибудь непременно, хоть въ галерею. У насъ есть свои постоянные посѣтители, которыхъ мы видимъ каждый день, и свои Донъ-Жуаны, которые поочередя мѣняютъ молодыхъ актрисъ, только-что поступившихъ на сцену. Этотъ Донъ-Жуанъ обыкновенно какой-нибудь отставной капитанъ алжирскихъ стрѣлковъ, разбогатѣвшій въ Африкѣ и привѣхавшій въ Парижъ проживать свои доходы. Теперешній нашъ Донъ-Жуанъ даже и не очень-видный мужчина, а между-тѣмъ всѣ

наша *jeunes-premières* такъ и стараются привлечь его вниманіе и заступитъ мѣсто своей соперницы и подруги. Недавно одна изъ нихъ порядочно за это поплатилась. Ее зовутъ мамзель Гренье. Это самое злое и хитрое созданіе изъ всего театра. Она всѣми возможными силами старалась занять мѣсто своей подруги, мамзель Шери, у нашего Донъ-Жуана, клеветала, интриговала и сплетничала самымъ безсовѣстнымъ образомъ, и все-таки кончилось тѣмъ, что хотя онъ, по-слабости человѣческой, и не могъ отказаться отъ лакомаго кусочка, который самъ падалъ къ нему въ ротъ, но прожилъ съ нею весьма-недолго и обратился опять къ своей прежней страсти, прогнавши ее, болѣе даже попричинѣ ея дурнаго и невыносимаго характера. Теперь она въ самомъ жалкомъ положеніи, но никто объ ней не жалеетъ, видя, что она терпитъ по-заслугамъ. Вотъ еще забавный анекдотъ, случившійся съ однимъ изъ отставныхъ Донъ-Жуановъ. Онъ долгое время жилъ съ одною изъ водеvilныхъ актрисъ и наконецъ, когда та обобрала его до-чиста, то нашла предлогъ поссориться, и бросила его, какъ это всегда дѣлается. Бѣдному Донъ-Жуану, потерявшему все на свѣтъ, очень-жаль было своего маленькаго сына, котораго мстительная актриса увезла съ собою. Онъ нѣсколько разъ требовалъ у нея, чтобы она возвратила ему сына, но актриса ни за что не соглашалась. Бѣднякъ, по многимъ уважительнымъ причинамъ, изъ которыхъ не послѣднею была бѣдность, не могъ начать процесса съ своею прежнею подругою и рѣшился, просто, украсть у нея сына. Долго искалъ онъ случая исполнить свое намѣреніе, но чадолюбивая мать не разставалась съ своимъ дѣтищемъ ни на минуту. Онъ улучилъ однако время, пробрался поздно вечеромъ къ ней на квартиру, ворвался силою въ ея спальню, схватилъ съ постели спавшаго ребенка, взялъ его подъ шинель, и въ самую холодную осеннюю ночь прибѣжалъ съ нимъ прямо въ театръ. У насъ въ это время оканчивался одинъ пятиактный водевилъ. Донъ-Жуанъ, посинѣвшій отъ холода, вбѣжалъ прямо на сцену, отыскалъ директора, который, сидя за столомъ, подписывалъ какія-то бумаги, вынулъ ребенка, поставилъ его на столъ и закричалъ: «Будьте ему покровителемъ! Спасите его отъ фуріи! Возвратите жизнь несчастному отцу!».. Представъ себя, *schéne*, теперь эту сцену: Донъ-Жуанъ, растрепанный и оборванный, стоящій въ самомъ трагическомъ положеніи; директоръ, сидящій, съ видомъ удивленія; передъ нимъ столъ и на немъ мальчикъ въ одной рубашкѣ, дрожащій отъ холода; вокругъ любопытныя группы актеровъ и актрисъ— все это было до того странно, что присутствующіе не могли рѣшиться, что имъ дѣлать—плакать или смѣяться. Но одна минута, одна гримаса мальчика — рѣшила

все, и тогда раздался взрывъ такого оглушительнаго хохота, какого мнѣ никогда не случилось слышать. Это было однако-же совсѣмъ не смѣшно и, признаюсь тебѣ, что я, забившись въ углу, между кулисами, начинала было уже плакать, глядя на эту сцену, какъ вдругъ этотъ неожиданный припадокъ веселости заставилъ и меня улыбнуться. Странныя существа эти люди! Во всемъ они видятъ смѣшную сторону, и во-время самаго ужаснаго происшествія, одна гримаса заставляетъ ихъ переходить отъ слезъ къ безумному хохоту. Происшествіе это имѣло однакоже то хорошее послѣдствіе, что сынъ остался у отца, и то дурное, что онъ во время путешествія подъ шинелью отца получилъ жесточайшій ревматизмъ, который, вѣроятно, останется у него на всю жизнь. Впрочемъ, подобные примѣры отцовской любви у насъ при театрѣ очень-рѣдки. О живыхъ послѣдствіяхъ связей у насъ вообще мало думаютъ, да оно, правду сказать, и некогда. Едва разрывается одна интрига, тотчасъ-же стараются завести другую. О любви! любовь! ты самое всесильное божество на землѣ—послѣ денегъ. У насъ все живетъ и дышетъ одною любовью. Даже семилѣтній ребенокъ, который играетъ у насъ амуровъ, со-вздохомъ говоритъ: «Скоро-ли я вырасту и буду имѣть *друга*!» Впрочемъ, любовь точно очень-пріятное чувство: я признаюсь тебѣ, что сама не равнодушна къ одному молодому и премиленькому мышонку, который очень за мною ухаживаетъ. Ахъ, та снѣга, какіе у него глазки, усики, какой хвостикъ! Ты сама-бы влюбилась въ него-по уши!.. Вчера ...

Окончаніе письма не отыскалось.

КОМЕДИЯ ВО-ВРЕМЯ КОМЕДИИ.

Случалось-ли кому-нибудь ходить въ театрѣ не для спектакля, а для зрителей? Это самое пріятное занятіе для того, кто уже нѣсколько разъ видѣлъ піесу и ходитъ въ театрѣ по привычкѣ и отъ-

нечего-дѣлать. На сценѣ никогда нельзя увидѣть такой комедіи, которую иногда почтенная публика разыгрываетъ въ ложахъ и креслахъ. Каждый театръ имѣетъ свою фюзіомію, своихъ постоянныхъ посѣтителей, своихъ львовъ и тигровъ. Въ Михайловскомъ публика рѣзко раздѣляется на два совершенно-различныя класса, смотря потому, даютъ-ли французскій или нѣмецкій спектакль. Въ дни нѣмецкихъ представленій въ креслахъ нельзя услышать рѣшительно ни одного русскаго слова. Изъ русскихъ посѣтителей никто не ходитъ смотрѣть *нилицевъ*. Во французскіе спектакли русскій языкъ также рѣшительно изгнанъ изъ театра. Наши петербургскіе Французы изъясняютъ громко свое негодованіе, если кто-нибудь невзначай даже чихнетъ по-русски. Въ Большомъ, въ обыкновенные дни, т. е. когда даютъ балеты, публика носитъ совершенно особый отпечатокъ. Кресла наполняются дилетантами и театралами, изъ которыхъ послѣдніе весьма-мало смотрятъ на сцену, устремляя все свое вниманіе на литерныя ложи, въ которыхъ мелькаютъ голубенькія платица и бѣлыя пелеринки... Но самое замѣчательное *зрѣлище* представляетъ Александринскій театръ. Въ немъ найдешь столько замѣчательныхъ лицъ, которыя сами просятся подъ перо и карандашъ, услышишь столько любопытныхъ разговоровъ!.. Попробуемъ представить бѣглый очеркъ ихъ во-время представленія одной русскою комедіи, которая въ первый разъ была ошквана, а потомъ имѣла огромный успѣхъ—что впрочемъ часто случается на Александринской сценѣ.

Театръ представляетъ залу Александринскаго театра, занавѣсъ опущены. Въ оркестрѣ настраиваютъ инструменты. Народу очень много.

ЯВЛЕНІЕ I.

Первый рядъ креселъ.

Два молодые человека стоятъ, прислонившись къ оркестру.

первый молодой человекъ. Мишель! Посмотри, братъ, кажется, въ бенуарѣ сидитъ эта актриса, знаешь...

второй молодой человекъ (*смотря въ трубку*). Точно она! И какъ разодѣта! Какое перо на шляпѣ!

первый молодой человекъ. А что она... какъ ты думаешь... а?..

второй молодой человекъ. На-вѣрно, братецъ! Я *его* знаю. Онъ самъ мнѣ говорилъ.

первый молодой человекъ. Да вѣдь она просто пехороша. Въ «Литературной Газетѣ» было написано, что у нея желтые зубы...

ВТОРОЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Ну, вотъ еще! Я тебѣ говорю, такая братецъ, что, просто, прелесть!

ПЕРВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Ну, а что? Какъ ты? Съ твоей-то?..

ВТОРОЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Какъ-же! Какъ-же братецъ! Непременно! въ скоромъ времени рѣшится!.. Я, знаешь, того.. продулся, такъ оно рѣшительно и нельзя, покаместъ!..

(Двое другихъ молодыхъ людей изъ перваго ряда сталкиваются у выхода).

ПЕРВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Что вижу? Скребицынъ! Какимъ чудомъ ты на Александринскомъ театрѣ? Вѣдь ты, кажется, театраль?

ВТОРОЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Да такъ, братецъ! У насъ на Большомъ ничего не даютъ, такъ я къ вамъ и отправился. Да скука, братецъ, смертная. Это, я тебѣ скажу, такая пустошь...

ПЕРВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Да, ужасный вздоръ. *(Второй молодой человекъ скрывается; первый обращается къ кавалеристу, который опрокинулъ голову назадъ и смотритъ въ лютерную ложу).*

ПЕРВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ *(бьетъ его по плечу)*. Ну, что братъ, какова пѣса?...

КАВАЛЕРИСТЪ. Убирайся, пожалуйста, братецъ! Нужда мнѣ большая до твоей пѣсы!.. Сдѣлай одолженіе, не мѣшай мнѣ смотреть. Ну, такъ и есть! Ушла! Этакая разбойница!.. Постой-же!.. Поеду провожать ее—и всю дорогу буду браниться! Не вышли-ли впрочемъ онѣ гулять по корридору? *(Вскакиваетъ съ креселъ и уходитъ).*

Первой молодой человекъ подходитъ къ толстому господину, который дремлетъ въ креслахъ).

ПЕРВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Ваше превосходительство! какъ ваше здоровье-съ? какъ вы находите пѣсу?

ТОЛСТЫЙ ГОСПОДИНЪ. Слава Богу! А вѣдь пѣса-то премиленькая.

ПЕРВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Очень-миленькая!

ТОЛСТЫЙ ГОСПОДИНЪ. Знаете тамъ, какъ это все у него хорошо. Этакъ тонко обставлено... съ такимъ искусствомъ и знаніемъ! Очень, очень хорошо!..

ВМѢСТЪ. Очень, очень-хорошо.

Литературная тля подходитъ къ своему меценату, человеку съ ничтожной физиономіей)

ТЛЯ. Слышали-ли вы, Алексѣй Антипычъ, ...внѣ говоритъ, что пѣса никауда не годится.

человѣкъ съ ничтожной физиономіей. Не говори мнѣ ничего пожалуиста объ этомъ человѣкѣ! Одно имя его приводитъ меня въ волнение. Только одинъ онъ не выдѣтъ въ этомъ высокомъ созданіи, удивительнаго пафоса, пронакнутаго гомерическимъ элементомъ содержанія, возникновеніемъ міровой идеи изъ жизненной прозаичности!..

Тя. Такъ! точно такъ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

ЧЕТВЕРТЫЙ РЯДЪ КРЕСЕЛЪ.

Высокій купчикъ, съ рыцарской физиономіей и мошеническими хватками сидитъ, развалившись въ креслахъ; къ нему подходитъ другой, съ маленькой бородкой.

ВТОРОЙ КУПЕЦЪ. Что это вы батюшка, Ферапонтъ Васильевичъ, совсемъ за-театральничались. Васъ, почитай, что только въ театрѣ и можно видѣть. Ужъ нѣтъ-ли у васъ здѣсь какого ни на есть обольщающаго првлеченія.

ПЕРВЫЙ КУПЕЦЪ. Нѣтъ-съ! Хожу счастливо для своего удовольствія. Знаете, приятно ошибаться тамъ какого-нибудь писателя. Думаетъ, что чиновникъ, такъ его сочиненіе и бранить нельзя. А мы тутъ-то и прищипнемъ?

ВТОРОЙ КУПЕЦЪ. Истинно-такъ, батюшка, истинно такъ!

(Два чиновника сидятъ очень-чинно, подобравши подъ себя ноги, шпату держа между кольцами).

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИКЪ. Ужъ держу, что вы хотите, Семенъ Игнатьичъ, что сочинитель своего эскутора срисовать съ нашего Потапченки.

ВТОРОЙ ЧИНОВНИКЪ. Да помилуйте! сочинитель-то никогда и не былъ у насъ въ департаментъ.

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИКЪ. Да ужъ тамъ какъ вы хотите, а списалъ. Почему знать? Можетъ-быть, онъ нарочно просителемъ притворился или за справкой приходилъ въ Департаментъ, чтобы только все выслушать, а послѣ и на сцену вывести! То есть удивительно, какъ у насъ слаба цензура! Позволять представлять такія вещи. Того и гляди, что тебя въ какую-нибудь пазквилю помѣстятъ!..

(Двое другихъ чиновниковъ стоятъ передъ своими креслами).

первый чиновникъ. Смотри-ка, братъ, кажется, это нашъ помощникъ столоначальника такъ выфинтиваются.

второй чиновникъ. Да! и еще въ первомъ ряду! Какъ важно!

первый чиновникъ. И въ партикулярномъ сюртукъ. Такъ и рассыпается, а въ Департаментъ, поди, ничего не дѣлается!

второй чиновникъ. Съ благо на чорное переписываетъ.

вместѣ. Ха, ха, ха!..

Восьмой рядъ кресель.

(*Два человека, одинъ въ желтомъ, другой въ красномъ галстукъ*).

первый человекъ. Что, братъ, . . . скій скверно играетъ?

второй человекъ. Просто гадко!

первый. Скажи, что тебѣ не дали этой роли?

второй. Да что братецъ! Этотъ режиссеръ такой... Вообрази, въ глаза говоритъ, что я не сыграю этой роли! Гдѣ-жъ это видно?..

первый. Онъ просто... Ну, да это давно известно.

ЯВЛЕНИЕ III.

Пятый номеръ бенуара.

Въ немъ сидитъ молоденькая особа съ очень-живой физиономіей. Сзади ея толстая тетушка. Подлѣ бенуара въ крайнихъ креслахъ сидитъ растрепанный молодой человекъ, облокотившись на барьеръ ложи; онъ смотритъ въ глаза молоденькой особѣ.

молодой человекъ. Повѣрите мнѣ! вы такъ хорошо, такъ хорошо сыграли эту роль, что я просто сошелъ съ ума.

молоденькая особа. Полноте, пожалуйста! говорятъ *** нова гораздо-лучше меня сыграла... Дайте-ка мнѣ вашей трубки.

молодой человекъ. Вы знаете, что я очень-строгий судья и редко бываю доволенъ нашими актерами, но увѣрю васъ, что вы были удивительно-хороши!..

молоденькая особа. Полноте хвалить! Скажите лучше, что вы пишете?

молодой человекъ. Можно-ли писать что-нибудь для нашей сцены?.. Я хотѣлъ-бы написать что-нибудь только для васъ одной.

молоденькая особа. Ахъ, пожалуйста! Мой бенефисъ очень-скоро!..

ЯВЛЕНИЕ IV.

НУМЕРЪ ПЕРВАГО ЯРУСА.

Дама съ востренькимъ носикомъ сидитъ, облокотившись на барьеръ, подлѣ нея двѣ маленькія дѣвочки, сзади офицеръ съ большими усами.

ОФИЦЕРЪ. Правда-ли, что мужъ вашъ оставляетъ службу?

ДАМА. Да! По его управленію недостаетъ, кажется, тридцати тысячъ.

ОФИЦЕРЪ. Неужели это правда? Я думалъ, что это все одни сплетни.

ДАМА. Какія сплетни! Онъ проигралъ ихъ въ карты.

ОФИЦЕРЪ. Какъ это можно?

ДАМА. Да... и еще много моихъ собственныхъ денегъ. Я однако это такъ не оставляю... Александръ! Подъемте завтра на Крестовскій, кататься съ горъ...

ЯВЛЕНИЕ V.

ЛОЖА ВТОРАГО ЯРУСА.

Народу бездна. Впереди купчиха, около нея пятеро ребятъ, сзади толстый купецъ.

КУПЕЦЪ (отдуваясь). Что жъ это тамъ они не начинаютъ?..

КУПЧИХА. А тебя соскучило что-ль сидѣть въ компаніи?..

КУПЕЦЪ. Нѣтъ! да оно тово... пора-бы и на боковую.

(*Маленькой мальчикъ, опуская объ руки за барьеръ*). Глядько, глядько мама, какой тамъ смѣшной?..

КУПЧИХА. Цыцъ ты! Вотъ я тебя щелкну сзади-то, такъ ты у меня будешь сидѣть смирно. Машка! Не кобенься, дурища! Антипъ Степановичъ, да ты хоть-бы чѣмъ-нибудь насъ поподчивалъ. Экая жарынь!

КУПЕЦЪ. Въ публикѣ кушать не пристойно, матушка Фекла Феодосьевна!

ЯВЛЕНИЕ VI.

РАЕКТЪ.

Заваленъ народомъ. Всѣ кашляютъ, отдуваются, переминаются, машутъ платками, щелкаютъ орѣхи. Слышны смѣшанные голоса:
«Вавило Алексѣичъ, спишь что-ль? Глянь, какая важная. — Экая жара, Господи. — Послушайте, вы совсѣмъ на меня легли. — Давай

братъ, хлопать.—Потыше, пе-куражтесь!—Неучъ, не видишь что-ли?
Лезешь локтемъ въ самое рыло.—И къ дамамъ не пмьютъ уваже-
нiя.—Кто тамъ щиплется?—Ой.—Напирай, братъ, папирай!—Зна-
тно!—*(Занавѣсъ поднимается. Все умолкаетъ).*

С М Ъ С Ъ .

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СЦЕНИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ. Одно изъ самыхъ труднѣйшихъ искусствъ есть, безспорно, искусство сценическое. И въ-самомъ дѣлѣ, что можетъ быть выше и благороднѣе искусства — представить предъ нами лица жившія и дѣйствовавшія, оживить героевъ, художниковъ, поэтовъ... или представить лица идеальныя, замѣчательныя по своимъ характеристамъ, дѣйствіямъ, страстямъ и положеніямъ... погрясти тысячи, подвигнуть ихъ на добро, зародить въ душѣ ихъ любовь къ прекрасному и къ добродѣтели, или изцѣлить ихъ отъ пороковъ и слабостей силою насмѣшки? Что можетъ быть полезнѣе и благороднѣе этой цѣли? Да, искусство, дѣйствующее на весь организмъ человѣка, по-истинѣ можетъ назваться божественнымъ искусствомъ. «Меня всегда удивляетъ», пишетъ Вольтеръ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, «трудность искусства сценическаго, по — видимому, столь простаго и столь всебъ доступнаго, и мнѣ кажется, что въ Парижѣ можно насчитать болѣе людей, способныхъ написать порядочную трагедію, нежели людей, способныхъ разыграть, ее порядочно.» Въ-самомъ дѣлѣ, чтобъ быть великимъ актѣромъ нужно выполнять много условій. Недостаточно одной души актѣру: нужны наружныя средства, приятный органъ, воодушевленіе, знаніе исторіи, пластики, психологіи, музыки... а много-ли актѣровъ, которые выполняли-бы хоть малѣйшую часть этихъ требованій? Часто молодые люди избираютъ себѣ спевическій путь не спросясь съ своими средствами... смотрятъ на театръ, какъ на средство къ жизни, какъ на приятное занятіе или какъ на привычку... И много-ли такихъ, которые шли-бы въ храмъ искусствъ по внутреннему призыву своего неугомоннаго генія? И много-ли такихъ, которые, повинувшись тайному голосу благородной страсти, посвятили-бы всю жизнь свою на изученіе труднѣйшаго искусства, и наукою подкрѣпили-бы природный свой талантъ. — Притомъ какъ мало награждены они! Что можетъ быть брениѣе и скоропреходящѣе славы актѣра? Часто она ограничивается только ихъ жизнію: живы — толпа имъ рукоплещеть, умерли — объ нихъ забыли... И нѣтъ ничего, чтобъ напомнило объ нихъ потомству. Душа поэта ограждается

въ его твореніяхъ; живописецъ передаетъ мысль свою полотну... Чѣмъ и какъ передать душу свою актёръ, какъ узнаеть объ немъ потомство? Онъ потрясаетъ своей игрой, онъ заставляетъ сочувствовать, проливать слезы, но увь! на-время. . время изглаживаетъ впечатлѣнія его игры, какъ-бы глубоко они не врѣзались въ сердце и въ память... и все погибаетъ, и о существованіи его забудуть... Многіе переживаютъ свою славу по недостатку силъ физическихъ, ибо актёру нужны также силы физическія, какъ и душевныя. И много-ли осталось потомству извѣстныхъ актёровъ? и одному-ли своему таланту обязаны они извѣстностью? Мы знаемъ Росціюса потому, что Цезарь почтилъ его своимъ дружбою; можетъ-быть Баронъ былъ-бы забытъ, еслибъ имя его не было начертано на безсмертныхъ страницахъ Расина и Буало. Дюмениль и Клеронъ обязаны нѣкоторымъ образомъ своею извѣстностію Вольтеру.

Много есть различныхъ мнѣній касательно того, чѣмъ и какъ долженъ руководствоваться актёръ... разумкомъ-ли или голосомъ душевной страсти — увлеченіемъ? Лекенъ говоритъ, что душа составляетъ главную часть искусства; разумность — вторую; вѣрность и жаръ игры — третью, а граціозность — четвертую. Изученіе оригиналовъ (моделей) въ природѣ для актёра есть самый обильный источникъ, изъ котораго къ-сожалѣнію весьма немногіе черпають. Часто вредитъ актёру то, что онъ не всегда вдругъ попадаетъ на свое настоящее амплу и долго упражняется въ роляхъ совершенно не по его средствамъ и силамъ, и поэтому намъ кажется, что полезно испытывать свои силы во многихъ разнообразныхъ родахъ. Знаніе языковъ для актёра тоже необходимо. Природа даетъ наружныя средства — довкусть, приятный органъ, вдохновенную натуру, сильныя чувства, но что должно укрѣпить и увеличить дары природы? — изученіе образцовъ, знакомство съ великими умами, писавшими о театрѣ, знакомство съ трудами, съ изслѣдованіями и съ размышленіями, а всему этому много помогаетъ лингвистика. Къ-несчастію, большая часть актёровъ стремится преимущественно къ тому, чтобъ передать роль съ чувствомъ, нежели къ тому, чтобъ создать лицо, ими представляемое. Тотъ будетъ великимъ актёромъ, кто, при умѣнии воодушевиться до послѣдней степени, всѣмъ своимъ существомъ, будетъ изображать вѣрно представляемое имъ лицо. Тотъ, кто рожденъ быть актёромъ, можетъ слѣдовать иногда внушенію своего таланта. Большая часть знаменитыхъ актёровъ образовались самими собою, въ школѣ времени и упражненія. Они достигли верхней точки своего совершенства послѣ многихъ трудовъ, изслѣдованій, изысканій. Кто избираетъ этотъ путь изъ любви къ искусству, тотъ долженъ многимъ пожертвовать, много часовъ отнять отъ удовольствій и посвятить ихъ работѣ и труду: онъ долженъ учиться до самой старости. Грустно, но справедливо и доказано опытомъ, что ближе десяти лѣтъ трудно, или лучше сказать, невозможно слѣдвать великимъ актёромъ. Для этого-то и не обходимы школы. Греки и Римляне обращали большое вниманіе на образованіе вѣншей и внутренней стороны своихъ актёровъ.

Актеры у древнихъ кончали свое ученіе не ближе, какъ въ тридцать лѣтъ. Актеры посредственныя, умѣющіе только подрезать другимъ, постоянно бываютъ не дурны. Актеръ гениальный бываетъ или прекрасенъ или дуренъ: средины у него нѣтъ и быть не можетъ. *Актеръ-художникъ* долженъ быть хладнокровнымъ наблюдателемъ природы человѣческой. Онъ послѣ можетъ передать съ одушевленіемъ и энергіей то, что наблюдалъ какъ равнодушный и мыслящій зритель. Всѣ артисты, музыканты и живописцы должны быть хладнокровными наблюдателями. Есть тысячу подтвержденій этой истины. Великій художникъ былъ хладнокровнымъ наблюдателемъ, когда распяли человѣка, для того, чтобъ вѣрнѣе изобразить положеніе головы Христа-Спасителя. Вернѣе былъ хладнокровнымъ наблюдателемъ природы, когда въ ужасную бурю смотрѣлъ на море, съ мачты корабля, дабы вѣрнѣе передать ту картину, которую онъ намѣревался изобразить. Плиній тоже былъ хладнокровнымъ наблюдателемъ, когда съ крикомъ: «О счастье!» отважно пустился въ городъ, засыпаемый пепломъ—и погибъ. Мы повторяемъ еще разъ, что актеръ-художникъ долженъ быть хладнокровнымъ наблюдателемъ природы человѣческой, во всѣхъ ея изгибахъ, дабы послѣ съ вѣрностію передать всѣ малѣйшія подробности того, что онъ наблюдалъ. Требованіе строгое. Этого требовать можно только весьма отъ немногихъ... но горе и стыдъ тѣмъ немногимъ, которые, будучи одарены отъ природы всѣми необходимыми качествами, могли бы достигнуть до этой точки совершенства—и не достигли...

КТО БОГАЧЕ—МЕЙЕРБЭРЪ ИЛИ РОДШИЛЬДЪ? Недавно одинъ изъ теноровъ Императорскаго театра Вѣнскаго приѣхалъ въ Парижъ, чтобы тамъ выступить въ осиротѣлую Итальянскую Оперу, но тотчасъ по прибытіи въ столицу Франціи онъ занемогъ. Болѣзнь его продолжилась довольно-долго, и бѣдному тенору, приѣхавшему въ Парижъ, чтобы важиться, пришлось напротивъ-того ужасно задолжать. Преслѣдуемый аптекарскими счетами и имѣя предъ собою чрезвычайно-неприятную перспективу—попасть въ тюрьму, гдѣ голосъ его могъ лишиться своей звучности, онъ рѣшился идти къ Мейербэру, просить у него помощи. Знаменитый композиторъ принялъ его съ отперстыми объятіями, ввелъ его въ нѣкоторые аристократическіе салоны, гдѣ голосъ и метода нѣмецкаго тенора имѣли большой успѣхъ и доставили ему возможность заплатить долги свои.

Но фортуна, за которой гонялся теноръ, не давалась ему, и вскорѣ кошелекъ его опять опустѣлъ... и опять явились счеты, опять явились кредиторы!.. Чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія, бѣдный теноръ нашъ опять отправился къ Мейербэру. Въ этотъ разъ онъ былъ счастливѣе, потому—что Мейербэръ прямо пошелъ къ своему бюро и вынулъ изъ него нѣсколько разноцвѣтныхъ бумажекъ—для писемъ.

На одной изъ этихъ бумажекъ написалъ онъ слѣдующія достопамятныя слова:

«Г. Барону Родшильду — въ собственномъ домѣ.

«Г. Баронъ.

«Позвольте мнѣ рекомендовать *вашей высокой и могущественной протекціи* Г.***, тенора Императорскаго Вѣнскаго театра, замѣчательнаго артиста, который имѣлъ уже честь пѣть у графа Аппони и въ другихъ парижскихъ салонахъ. Онъ намѣренъ дать музыкальное утро, и я крайне желаю, чтобы ему по этому случаю оказано было пособіе, такъ какъ онъ въ самый приѣздъ свой въ Парижъ, имѣлъ несчастье выпасть изъ дилижанса и долго былъ боленъ. Осмѣливаюсь рекомендовать его, господинъ Баронъ, во-первыхъ, какъ артиста съ талантомъ, а во-вторыхъ, по долгу соотечественника, самъ принимая въ немъ живѣйшее участіе. Неистощимая доброта и благодѣтельность ваша, извѣстная всѣмъ и всякому, дали мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ».

«Соблаговолите принять, господинъ Баронъ, увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи вашего преданнѣйшаго слуги.

«Мейербэра».

Теноръ отнесъ это письмо къ Барону. Родшильдъ прекрасно принялъ артиста, пригласилъ его съ собою къ завтраку, послѣ котораго пошелъ съ нимъ виѣстѣ въ свой кабинетъ, гдѣ вынулъ изъ бюро двѣ бумажки.

Одна изъ этихъ бумажекъ, была банковый билетъ въ 500 франковъ. Ротшильдъ отдалъ ее тенору, а самъ сѣлъ къ столу и сталъ писать на другой бумажкѣ слѣдующее:

«Г-ву Джіакомо Мейербэру, въ собственномъ оркестрѣ.

«Милый, великій маэстро.

«Я ничто иное, какъ земной Баронъ, между-тѣмъ-какъ вы — могущественный властелинъ гармоническихъ сферъ; конечно, я болѣе, нежели милліонеръ, но за-то вы болѣе нежели, прекрасный композиторъ. Пусть же каждый изъ насъ подастъ бѣдному милостыню изъ того, чего у него много: я своими банковыми билетами, вы же гениемъ вашимъ. Слѣдовательно, позвольте-жъ и мнѣ, рекомендовать доровитаго пѣвца *вашей высокой и могущественной протекціи*. Ему, говорите вы, нужно пособіе для музыкальнаго утра, которое онъ намѣренъ дать? Скажите-жъ, кто изъ насъ лучше можетъ ему помочь въ этомъ дѣлѣ? Вы, безъ всякаго сомнѣнія. Еслибъ дѣло шло о какомъ-нибудь чиновникѣ при министерствѣ финансовъ, и о какомъ-нибудь финансовомъ совѣщаніи, то, конечно, пособіе мое могло-бъ тутъ быть полезно; но дѣло идетъ о тенорѣ и о музыкальномъ утрѣ: это до васъ касается. Послѣдуйте совѣту моему: объявите, что вы сами будете аккомпанировать пѣнію покровительствуемаго вами артиста, что вы сами сыграете на фортепіано что-либо изъ сочиненій вашихъ, и музыкальное утро вашего тенора принесетъ ему 10,000 франковъ: тутъ 9,500 франковъ болѣе, нежели я далъ ему. Слѣдовательно вы въ 18 разъ (съ дробью) богаче меня.

«Ротшильдъ».

Теноръ немедленно побѣжалъ къ Мейербэру, и не зная содержанія записки, вручилъ ему ее, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ. Композиторъ прочелъ письмо, вздохнулъ, пожалъ плечами и сказалъ:

— Какой эгоизмъ!.. вотъ каковы богачи!

Теноръ хотѣлъ вступиться за банкира.

— Полноте, говорилъ маэстро: да какъ онъ можетъ писать, что я въ 18 разъ (съ дробью) богаче его?.. Это просто безтолково... Впрочемъ вы не безпокойтесь, я не перестану хлопотать за васъ: зайдите ко мнѣ когда-нибудь вечеркомъ и мы поподробнѣе поговоримъ о музыкальномъ утрѣ вашемъ.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло, но только теноръ не давалъ музыкальнаго утра. Теперь, можетъ-быть, онъ поетъ въ клубкѣ, украшенной тяжелыми занорами... Впрочемъ это одно предположеніе.

ДЕНЬ ОДНОГО ИЗЪ НАШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Одинъ изъ даровитѣйшихъ и вмѣстѣ плодовитѣйшихъ писателей нашихъ, прогуливаясь на дняхъ, около 11-го часа утра, по Невскому проспекту.

— Видишь-ли, сказалъ молодой журналистъ другу своему, съ которымъ проходилъ мимо извѣстнаго писателя: видишь-ли ты этого высокаго мужчину? Это знаменитое русское неутомимое перо... простому смертному можетъ показаться, что NN. только гуляетъ, а мы, посвященные въ литературныя таинства, видимъ, что онъ даже и теперь сочиняетъ.

Нѣсколько минутъ спустя, NN. уже наймалъ извожника; онъ приискалъ, прогуливаясь по Невскому, расвязку къ трагедіи въ пяти дѣйствіяхъ, которую готовилъ къ бенефису Василя Андреевича Каратыгина.

Приѣхавъ домой, NN. хотѣлъ уже сѣсть къ письменному столу, когда челоуѣкъ принесъ ему письмо; онъ прочиталъ его, громко засмѣялся и записалъ нѣсколько словъ на особомъ листкѣ бумаги.

— Въ этомъ письмѣ, сказалъ онъ, заключается идея для прекраснаго водевила! Надо сказать правду, городская почта — прекрасный сотрудникъ, назначенный намъ писателямъ, умѣющимъ всѣмъ пользоваться, благодѣтельнымъ Правительствомъ!..

Въ полдень NN. вошелъ къ Цазеру, чтобы позавтракать. Какой-то незнакомецъ побѣжалъ къ нему и дружески сталъ жать ему руку.

— Какъ, это ты!

— Я, братецъ! Не правда-ли ты удивленъ?

— Еще бы! но гдѣ ты пропадалъ? спросилъ опять писатель нашъ, который очень желалъ-бы узнать фамилію незнакомаго друга своего.

— Я, братецъ, съ Кавказа.

— Неужели?

— Ей Богу! да это еще что! былъ я и въ Персіи и въ Бухаріи. Вотъ народецъ-то! Со мной была тьма заключеній!

— Неужели?.. садись-ка, братецъ, велимъ подать себѣ завтракъ, да потолкуемъ.

Съли. Незнакомецъ разсказываль, NN. слушаль.

— Славно, сказалъ онъ: Измерь такой сотрудникъ, что чудо, у него можно провести время съ пользой для желудка и ума. Спасибо, милый мой, я изъ разсказовъ твоихъ напишу повѣсть...! Повѣсть за повѣстью.

Къ вечеру NN. наткнулся на какого-то господина, близъ Аничковскаго моста; этотъ господинъ былъ одинъ изъ друзей его. У NN. ихъ въ каждой Части по двѣ тысячи человекъ.

— Куда такъ задумчивъ и мраченъ идешь? спросило знаменитое перо.

— Такъ. . . безъ всякой цѣли.

— Да что ты въ самомъ-дѣлѣ такъ угрюмъ сегодня? Ужъ нѣтъ-ли у тебя какого-нибудь преступленія на совѣсти?

— Нѣтъ, но Ольхинъ не хочетъ купить повѣсти, которая, право, не хуже многихъ вашихъ прославленныхъ сочиненій!.. сказалъ прятель NN. съ злобно презрительной улыбкой.

— Какъ! такъ и ты пустился въ литературу?

— Отчего-же нѣтъ? Нынче всѣ пишутъ.

— Давай-же мнѣ повѣсть свою! мы изъ нея что нибудь сдѣлаемъ; а ты мнѣ теперь дорогой разскажи содержаніе ея.

И они пошли далѣе.

— Помилуй, братецъ! да это, просто, кладъ! мы изъ этой повѣсти состряпаемъ цѣлый романъ. Хочешь? Помѣстимъ въ журналъ.

— Пожалуй, я на все согласенъ, только—бы доказать, что...

— Ну, ну, послѣ докажешь, теперь поговоримъ еще о будущемъ романѣ нашемъ.

Въ полночь NN. выходилъ изъ Александринскаго театра; на троттуарѣ остановила его пунцовая шляпка.

— Здравствуй NN. сказала хорошенькая шляпка, лукаво улыбаясь: неужели ты меня не узнаешь?

— Виновать; не узнаю.

— Какъ! ты не узнаешь. Наниньки, которая хотѣла отравиться изъ любви къ Z.?

— Ахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ! Однако, видно, ядъ не подѣйствовалъ, потому-что вы, какъ кажется, слава Богу здоровы и невредимы?..

— Какъ видите... все идетъ по-маленьку. N. вылечилъ меня.

— Вотъ водевиль! пророчаль NN., разставаясь со шляпкой: непременно напишу для «Репертуара»!

И къ утру, засыпая, онъ говорилъ:

— Я съ пользой употребилъ день свой: изъ ничего я сдѣлалъ все.

ПѢВЕЦЪ ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ. Во-время свиданія Королевы Викторіи съ королемъ Людовикомъ Филипомъ, въ Э (Eu), парижскіе актеры, на-скоро призванные туда, должны были дать представленіе предъ Англійской Королевой.

Однакожъ, по какимъ-то причинамъ, назначенный спектакль былъ

замѣненъ концертомъ, отчего бѣдные пѣвцы пришли въ большое затрудненіе. Они привезли съ собою только театральные костюмы свои, и никакъ не знали гдѣ достать черныхъ фраковъ, въ которыхъ всѣ участвовавшіе въ концертахъ пѣвцы непременно должны были выдти на сцену.

Но болѣе другихъ отчаявался любимый пѣвецъ Анри, которому, по рододству его, труднѣе прочихъ было найти приличный костюмъ. Наконецъ-таки удалось ему достать гдѣ-то фракъ, но того, что Англичане называютъ *inexpressibles*, а именно панталонъ, онъ никакъ не могъ достать.

Собираясь въ театръ, Анри завистливо смотрѣлъ на всѣ прогуливавшіеся панталоны, какъ вдругъ случайно замѣтилъ довольно-плотнаго лакея въ черныхъ панталонахъ, довольно-порядочныхъ и чистыхъ. Какъ хищный звѣрь бросился Анри на счастливца въ черныхъ панталонахъ.

— Ради-Бога! другъ мой, одолжи мнѣ панталоны свои! Вся моя репутация основана на твоихъ панталонахъ! Не откажи, прошу, умоляю тебя!

Безъ сомнѣнія въ выраженіи отчаянія бѣднаго Анри было много драматическаго, по-тому что слуга скорѣ согласился уступить ему на-время черныя панталоны свои.

Пѣвецъ былъ въ восторгѣ; но на его бѣду панталоны были такъ были узки, что онъ невыразимо мучился въ нихъ. Во-время концерта страданія его были нестерпимы; между-тѣмъ-какъ и товарищъ его, Мокеръ, долженъ былъ пѣть въ чрезвычайно-узкомъ фракъ; при малѣйшемъ движеніи несчастныхъ пѣвцовъ нашихъ трещали швы, и у нихъ на лицѣ выступалъ холодный потъ.

Однако съ окончаніемъ концерта, кончились и страданія ихъ; Анри нетерпѣливо желалъ воротиться въ сѣрые панталоны свои, а потому принялся отыскивать слугу и въ скорѣ нашолъ его.

— Покорно благодарю, вскричалъ пѣвецъ, судорожно схвативъ слугу за руку: я не хочу долѣе употреблять во зло услужливость твою, возьми назадъ свои панталоны!

— Мнѣ некогда теперь, отвѣчалъ слуга, которому дано было какое-то препорученіе, и поспѣшно удалился.

Отчаяніе пѣвца дошло тогда до крайности, тѣмъ-болѣе, что онъ не могъ уже оставаться въ суконной тюрьмѣ своей.

Но такъ-какъ приличіе не позволяло ему разстаться съ нею подъ открытымъ небомъ, то онъ удалился въ одну изъ палатокъ, издали закричавъ слугѣ, чтобы тотъ поторопился освободить его. Тамъ Анри вздохнулъ свободнѣе, тамъ вышелъ онъ наконецъ изъ суконныхъ тисковъ.

Онъ прождалъ уже довольно-долгое время, какъ вдругъ послышались чьи-то шаги; однакожь это не былъ еще столь-петерпѣливо ожидаемый хозяинъ черныхъ панталонъ.

— Назадъ! закричалъ Анри, спрятавшись за занавѣсъ, — не входите!

— Назадъ? зачѣмъ-же? спросилъ вошедшій.

— Я... я... неодѣтъ.

— Неодѣтъ? Но кто вы?

— Я Анри, пѣвецъ. и въ эту минуту несчастнѣйшій человекъ въ мірѣ. О, милостивый государь! будьте такъ добры, потрудитесь прислать сюда того безсовѣстнаго, который поставилъ меня въ это затруднительное положеніе, говорилъ Анри и высунулъ голову изъ за занавѣса.

Нельзя себѣ представить ужаса бѣднаго пѣвца, когда въ разговаривавшемъ съ нимъ, онъ узналъ герцога Омальскаго! Онъ сталъ извиняться, но Принцъ не только не разсердился за вторженіе въ палатку свою, но даже, съ свойственнымъ ему добродушіемъ, послалъ немедленно за слугою.

НЕИСПРАВИМЫЙ ПѢВЕЦЪ. (*Сцена въ Полиціи.*) Нѣкто Солье былъ приведенъ въ парижскую полицію; его обвиняли въ томъ, что безъ позволенія правительства онъ пѣлъ по улицамъ и дворамъ.

Президентъ. Какъ смѣли вы пѣть безъ позволенія?

Солье. Какъ! неужели нынче запрещено пѣть?

Президентъ. Не запрещено, но только не для того, для чего вы поете.

Солье. Я не понимаю васъ, г. Президентъ.

Президентъ. Вы пѣли для того, чтобы заработать деньги; это называется у насъ пѣть à la voix publique.

Солье. Какое тутъ voix publique! ничего не бывало! Я пѣлъ своимъ собственнымъ, весьма-приятнымъ басомъ. Послушайте хоть сами... гмъ! гмъ! гмъ! La mer m'attend, je veux partir demain...

Президентъ. Повторяю вамъ, что безъ позволенія префектуры, вы не можете пѣть для зарабатыванія денегъ.

Солье. Чтò мнѣ за дѣло до вашей префектуры? и чтò ей за дѣло до меня? Зачѣмъ она придирается ко мнѣ?.. Я хочу пѣть, потому-что все поетъ въ природѣ! Сверчокъ поетъ за печкой, соловей въ лѣсу, канарейка въ клеткѣ, пѣтухъ въ курятникѣ.. чтò-же я за преступникъ, что не смѣю пѣть на улицѣ, гдѣ всякой воробушекъ чирикаетъ себѣ въ волюшку, безъ всякой помѣхи со стороны полицейскихъ комиссаровъ... Неужели я хуже воробья?

Президентъ. Никто-бы васъ не сталъ беспокоить, если-бы вы выхлопотали себѣ позволеніе.

Солье. Я хлопоталъ, да не дали, такъ я и рѣшился обойтись безъ позволенія.

Президентъ. Этого дѣлать нельзя.

Солье. Вотъ прекрасно! такъ прикажете мнѣ съ голоду умирать?

Президентъ. Неужели вы не можете заняться чѣмъ-нибудь другимъ?

Солье. А чѣмъ мнѣ заниматься?.. Я ничему не учился и пою только

потому, что природа одарила меня приятным голосомъ. У всякаго свое... Одинъ родится портнымъ, другой пирожникомъ, третій лавчникомъ, а я такъ просто родился съ голосомъ... не зарывать же мнѣ талантъ свой въ землю! При-томъ, гораздо лучше пѣть безъ позволенія, нежели красть съ позволеніемъ!

Президентъ. Пѣть такимъ образомъ тоже, что просить милостыню,

Солье. Я ни у кого ничего не прошу... я даже ничего не говорю... я пою, да и только!

Президентъ. Однако вы берете, что вамъ даютъ?

Солье. Я не могу запретить тѣмъ, которыхъ увлекаетъ голосъ мой, выказывать мнѣ благодарность за доставленное удовольствіе.

Президентъ. Подобныя занятія приличны только лѣтямъ; въ ваши лѣта стыдно отказываться отъ работы.

Солье. Да я не отказываюсь отъ работы! напротивъ, я даже готовъ работать... да что же дѣлать, когда и ничему не учился? Къ тому-же еслибъ я работаль, то не могъ-бы пѣть, а отказаться отъ пѣнія, слыше силъ моихъ... Хоть-бы я занималъ ваше мѣсто, г. Президентъ, такъ я и тутъ распѣвалъ-бы во все горло!

Президентъ. Всѣ ваши отговорки напрасны: вы должны заплатить штрафу 3 франка; но не забудьте, что если вы еще разъ попадетесь, то съ вами поступлено будетъ строже.

Солье. Да мнѣ все-равно! у меня нѣтъ ни копѣйки; берите себѣ штрафу, сколько хотите, а мнѣ нечѣмъ заплатить.

Президентъ. Такъ васъ могутъ посадить въ тюрьму.

Солье. Да пожалуй, сажайте, вы-же будете кормить меня, а я буду распѣвать во все горло!

Le bon Dieu me dit: «Chante,
Chante, pauvre petit!»

КРИЧТОНЪ. Удивительный Кричтонъ, какъ его называли современники, былъ, въ-самомъ-дѣлѣ, человекъ необыкновенный. Въ одномъ періодическомъ англійскомъ изданіи находятся любопытныя подробности объ этомъ замѣчательномъ человекѣ. Двадцати лѣтъ отъ роду, онъ былъ уже посвященъ во всѣ науки, превосходно писалъ и говорилъ на десяти языкахъ, отлично ѣздилъ верхомъ, танцевалъ, цѣлъ, игралъ на всякихъ инструментахъ и искусно управлялъ всякимъ оружіемъ. Онъ былъ Шотландецъ. Прибытіе его въ Парижъ, въ 1571 году, сильно потревожило всѣхъ членовъ университета. Въ наваррскомъ коллегіумѣ вступили они съ нимъ въ пренія о медицинѣ, о гражданскихъ и духовныхъ законахъ и богословіи. Такъ-какъ онъ зналъ болѣе, нежели человекъ можетъ знать, то его привали за антихриста. Пренія, въ которыхъ Кричтонъ остался совершеннымъ побѣдителемъ, продолжались отъ девяти часовъ утра до шести вечера. По желанію каждаго изъ членовъ, онъ спорилъ то на еврейскомъ, то на сиріаскомъ, на арабскомъ, греческомъ, латинскомъ, испанскомъ, французскомъ, итальянскомъ, англійскомъ, голландскомъ, фламандскомъ

или славянскомъ языкѣхъ, то стихами, то прозою. Онъ такъ мало усталъ послѣ этихъ преній, что на другой-же день отправился въ Лувръ, гдѣ былъ турниръ, и въ присутствіи всего двора одержалъ нѣсколько побѣдъ и пятнадцать разъ сразу попадалъ въ кольцо. Въ Италіи побѣды, одержанныя имъ, были не менѣе изумительны.

Писатель Балль оспаривалъ вѣроятность существованія этого удивительнаго человека: онъ хотѣлъ обратить его въ мифъ; но всѣмъ извѣстно, что Альдъ Манюсъ посвятилъ ему, въ 1581 году, изданіе *Цицероновыхъ парадаксовъ*, и что величайшія знаменитости Италіи были съ нимъ въ сношеніяхъ. Когда Герцогъ Мантуанскій избралъ его въ наставника сыну своему, то Кричтонъ написалъ комедію, въ которой самъ игралъ богослова, философа, законовѣдца, математика, доктора, солдата, словомъ, пятнадцать разнохарактерныхъ ролей. Каждый разъ, когда онъ появляется на сценѣ, его принимали за новое дѣйствующее лицо.

Въ то самое время находился въ Мантуѣ знаменитый Спадассенъ, побѣдившій извѣстнѣйшихъ фехтмейстеровъ въ Европѣ. Герцогъ рассказывался, что позволилъ вступить этому человеку во владѣнія свои. Кричтонъ узналъ о томъ и предложилъ герцогу прогнать рубака не только изъ Маантуи, но даже изъ всей Италіи, за тысячу пять-сотъ пистолей. Герцогъ сначала никакъ не хотѣлъ подвергать опасности жизнь такого ученаго человека, но успокоенный самоувѣренностію Кричтона и разсказами придворныхъ объ искусствѣ и мужествѣ его, согласился и самъ назначилъ день и часъ поединка.

Спадассенъ получилъ три смертельныя раны, пригромкихъ восклицанійхъ всего народа, собравшагся полюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Послѣ поединка торжество побѣдителя было увеличено еще тѣмъ, что онъ роздалъ тысячу-восемьсотъ пистолей вдовамъ трехъ несчастныхъ, убитыхъ страшнымъ Спадассеномъ.

Къ-несчастію Кричтона, онъ вскорѣ самъ сдѣлался героемъ настоящей трагедіи. Прогуливаясь однажды ночью, во время карнавала, по улицамъ и игралъ на гитарѣ, онъ былъ окруженъ двѣнадцатью замаскированными людьми, которые вскорѣ поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Кричтонъ обезоружилъ начальника ихъ, и когда тотъ сваялъ маску, прося пощады, то Кричтонъ узналъ въ немъ ученика своего, сына Герцога Мантуанскаго. Наставникъ упалъ на колѣни и просилъ принца простить ему, хотя онъ и не былъ виноватъ, потому что защищалъ собственную жизнь свою. Въ доказательство словъ своихъ, онъ вручилъ молодому принцу шпагу свою. Этотъ варваръ, уже столь виновный, не будучи въ состояніи простить Кричтону побѣду, одержанную послѣднимъ надъ нимъ и всею святою его, взялъ шпагу и волзалъ ее въ сердце наставника своего!

Несчастному Кричтону было тогда только 32 года.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПОЛИШИНЕЛЯ. Происхожденіе Полишинеля также загадочно, какъ и происхожденіе арлекина; много толковали

объ этомъ и, вѣроятно, еще много толковать будутъ. Замѣчательны однакожь различныя мнѣнія. Вотъ одно о происхожденіи Полишинеля.

Около 17-го столѣтія высилась не вдалекѣ отъ деревушки Черра, близъ Везувія, жалкая избушка, въ которой жило бѣдное семейство въ трудахъ, въ страхѣ господнемъ и въ уваженіи къ св. Дженнаро, покровителю Неаполитанцовъ. Главу этой бѣдной семьи звали Бенедиктомъ; дѣятельность и трудолюбіе этого бѣдняка равнялись сатирической веселости, которою онъ старался нѣсколько смягчать тяжкіе труды свои, невиннымъ образомъ посмѣиваясь надъ недостатками и слабостями сильныхъ земли, нисколько однакожь не завидуя ни титуламъ, ни почестямъ ихъ.

Къ положительнымъ и довольно-разнообразнымъ познаніямъ своимъ, Бенедиктъ присовокуплялъ умѣнье разводить куръ и цыплятъ, которыхъ онъ продавалъ въ Неаполѣ, стараясь забавлять и привлекать къ себѣ покупателей и распространять торгъ свой, разными шуточками и остротами.

Но, надобно еще сказать, что Бенедиктъ былъ ужасно-дурень и безобразень: сзади и спереди былъ у него горбъ; горбатый носъ его сходился почти съ крючкообразнымъ подбородкомъ; руки его, не соразмѣрной длины, висѣли по сторонамъ тонкихъ и кривыхъ ногъ; словомъ, бѣднякъ былъ совершенно похожъ на эти куклы, которыя въ цѣломъ мірѣ извѣстны подъ именемъ Полишинелей.

Однажды *Четролла* (тыква: такъ звали Бенедикта, по причинѣ уродливости его), спокойно стоялъ возлѣ цыплятъ своихъ, когда какой-то Неаполитанецъ сталъ торговать пару пулярдокъ, но предлагалъ такую ничтожную цѣну, что Бенедиктъ вскрикнулъ съ благороднымъ негодованіемъ:

— *Se fossono dei pulcinelli me ne dareste mai!*

То-есть: хоть-бы куры мои были меньше *цыплаточенъ* (*pulcinello*), то вы должны-бъ мнѣ дать болѣе.

Слово *Pulcinello* понравилось безпечной толпѣ ладзарони и слава о Бенедиктѣ *Четролла-Пулчинелла* разнеслась вскорѣ не только по всему Неаполю и окрестностямъ его, но даже и по всей Италіи, и наконецъ сохранилась за ширмами скромнаго шарманщика.

Италія осталась вѣрна памяти Бенедикта; Полишинель — неизбѣжное лицо, которымъ театръ овладѣлъ, чтобъ посреди забавнѣйшихъ шутокъ заставить его иногда говорить добрыя истины, которыя попадаютъ очень-мѣтко, не смотря ни на мѣсто, на которомъ говорятся, ни на лицо, которое ихъ говоритъ.

КАЗИМИРЪ ДЕЛАВИНЬ. Литература лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ представителей своихъ, Французская Академія одного изъ достойнѣйшихъ членовъ, Франція одного изъ благороднѣйшихъ своихъ гражданъ.

Казимиръ Делавинь скончался въ Ліонѣ, въ ночь на 12-е декабря

(4-го декабря), въ объятіяхъ вѣжнолюбимой жены и девятилѣтняго сына!

По совѣту докторовъ предпринялъ онъ путешествіе на югъ, для правленія здоровья; но силы его были истощены и смерть застигла его на дорогѣ! Кончина этого знаменитаго писателя и вмѣстѣ добраго, честнаго человѣка, произвела живѣйшее впечатлѣніе на жителей Ліона. И точно, никто болѣе Казимира Делавиня не заслуживалъ всеобщей любви и уваженія.

Делавинь скончался въ такія лѣта, когда талантъ его достигъ высшей степени силы и развитія. Онъ уѣхалъ изъ Парижа съ намѣреніемъ привести въ исполненіе идею, сообщенную имъ уже Французскому Театру; идея эта угасла вмѣстѣ съ жизнью поэта! И сколько славы было уже въ этой жизни, и сколько скромности въ этой славі! :

Делавиню минуло едва 17 лѣтъ, когда уже проявилось поэтическое дарованіе его. Въ 1811 году онъ напечаталъ первые стихи свои, на случай рожденія короля Римскаго, сына Наполеона. Въ 1815 году новая поэма его удостоилась преміи Французской Академіи.

Всѣмъ извѣстенъ блестящій успѣхъ его *Messéniennes*; они доставили ему названіе *поэта отчизны*. Эти трогательныя элегіи, безъ всякой жолчи, въ которыхъ она оплакиваетъ бѣдствія Франціи, приобрѣли ему протекцію герцога Орлеанскаго (теперешняго короля Французовъ) и эта протекція вскорѣ превратилась въ искреннюю и постоянную дружбу.

Въ 1819 году, вышли его *Vêpres Siciliennes* (Сицилійскія вечерни). Въ 1820, *Les Comédiens*, милая, забавная сатира, и *Le Paria*, прелестные стихи котораго приводили въ восторгъ всю Францію, всю Европу. Въ 1821 вышелъ chef-d'œuvre его — *l'Ecole des Veillards* (школа стариковъ), комедія, за которую онъ былъ сдѣланъ членомъ Французской Академіи.

Его трагедіи *Louis XI* и *Don-Juan d'Autriche* — мастерскія произведенія. Къ прочимъ замѣчательнымъ сочиненіямъ его можно отнести еще слѣдующія піесы: *La Princesse Aurelie*, *Les Enfants d'Edouard*, *Une famille de Luther*, *La Fille du Cid*, *Marino Faliero*, *la Popularité* и множество легкихъ стихотвореній, отличающихся остроуміемъ и шуткой, всегда изящной.

Гостепримный Ліонъ оспаривалъ драгоценныя останки у Парижа, но послѣдній одержалъ верхъ, и 15-го (4-го) декабря тѣло умершаго выѣхало изъ Ліона; большая часть жителей проводила гробъ за градскія ворота.

21-го (10-го) декабря были похороны Казимира Делавиня, при огромномъ стеченіи народа. Всѣ классы народа прислали нѣсколько представителей къ этому грустному торжеству: болѣе 6000 человѣкъ сопровождали гробъ. Всѣ литературныя, артистическія и политическія знаменитости посѣщили явиться отдать послѣдній долгъ знаменитому поэту и добродѣтельному гражданину.

Въ 11 часовъ прибылъ погребальный поѣздъ въ церковь. Впереди

шоль сынъ умершаго, братья его Жерменъ и Фортюнѣ Делавинъ и племянники г. Дезиль. Балдахинъ поддерживали: графъ Монталивѣ, Викторъ Гюгѣ, какъ директоръ Французской Академіи, Мельвиль какъ вице-президентъ Общества драматическихъ писателей и наконецъ Сансонъ, старшина общниковъ Французскаго Королевскаго Театра.

Въ церкви, три пансіонера консерваторіи исполнили *Pie Jesu*, сочиненное г. Антони Эльвартомъ, и произведшее глубочайшее впечатлѣніе на присутствовавшихъ.

Двѣ кареты Короля и карета Герцога Немурскаго, наследника престола, слѣдовали немедленно за гробомъ. Г. Бертоа, г. Мадьеръ, адъютанты Людовика Филиппа, были въ поѣздѣ представителями его.

Въ числѣ шедшихъ за гробомъ были также Вильмень, министръ народнаго просвѣщенія, Дюпень, генеральный прокуроръ и Беранжѣ.

Французская академія, Комиссія драматическихъ писателей, всѣ члены Французскаго Театра и множество перовъ и депутатовъ, слѣдовали за гробомъ, направлявшимся къ кладбищу *отца-Лачеза* (*Père-Lachaise*), между двумя рядами собравшагося народа.

На всѣхъ гауптвахтахъ и караулахъ отдана была честь покойнику, какъ кавалеру почетнаго легіона.

На могилѣ Казимира Делавина прочли рѣчи: графъ Монталивѣ; Викторъ Гюгѣ, отъ имени Французской Академіи; Фредерикъ Сулье, отъ имени Общества драматическихъ писателей; Тиссо, какъ бывший профессоръ Казимира Делавина; Сансонъ, отъ имени Французскаго Театра и проч.

Особенно хороша рѣчь Виктора-Гюго. Вотъ она:

«Въ какихъ-бы обстоятельствахъ не находился человѣкъ, почтенный званіемъ Президента Академіи, но онъ не можетъ ни отлучиться въ подобный день, ни молчать на могилѣ такого человѣка, каковъ былъ Казимиръ Делавинъ.

«Онъ долженъ забыть личную горестъ, чтобы раздѣлить общую горестъ; онъ долженъ заставить умолкнуть тягостный эгоизмъ собственнаго несчастья, чтобы оплакивать вмѣстѣ со всѣми общее горе. Повинуемтесь, увы! съ безропотною покорностью таинственной волѣ Провидѣнія, умножающаго около насъ число огорченныхъ вдовъ и матерей и заставляющаго, въ непроницаемомъ всемогуществѣ своемъ, утѣшать ребенка, лишившагося отца, отцомъ, лишившимся ребенка!»

«Утѣшать! Да. Пусть ребенокъ, внимающій словамъ нашимъ, пусть онъ сочтетъ высочайшимъ утѣшеніемъ воспоминаніе о томъ, что былъ отецъ его! Пусть прекрасная жизнь его, наполненная высокими, благороднѣйшими дѣяніями, предстанетъ теперь юному уму ребенка, съ тѣмъ неизъяснимымъ величіемъ и тою полнотою, окончен-

* Викторъ Гюгѣ недавно лишился дочери, которую любилъ со всею горячностью души своей, доступной благодѣлнѣйшимъ и пѣжнѣйшимъ чувствованіямъ.

ностію, которую смерть придаетъ угасшей жизни! Придетъ время и мы еще болѣе поймемъ, какую, ничѣмъ невознаградимую потерю претерпѣли мы. Французская Академія публичной похвалою почтитъ эту чистую и возвышенную душу, это кроткое и доброе сердце, этотъ высокій умъ, этотъ великій талантъ!.. Мало писателей такъ-хорошо исполнили назначеніе свое, какъ Казимиръ Делавинъ; мало людей такъ трудолюбиво занимались, не-смотря на тѣлесныя страданія и на краткую жизнь. Делавинъ дважды поэтъ, будучи одаренъ могуществомъ лирическимъ и могуществомъ драматическимъ; онъ все узналъ, до всего достигъ, все испыталъ, все прошолъ — народность, рукоплесканія, восклицанія толпы, театральныя торжества, столь-блестящія и всегда оспориваемыя! Подобно всѣмъ возвышеннымъ умамъ, онъ безпрестанно имѣлъ въ виду цѣль важную, серьезную; онъ почувствовалъ ту истину, что талантъ есть долгъ, возлагаемый на насъ свыше; онъ глубоко постигъ, и съ чувствомъ собственной отвѣтственности, ту высокую власть, которую мысль имѣетъ надъ людьми, поэтъ надъ умами. Онъ любилъ народъ, изъ среды котораго вышелъ, и инстинктивно предчувствовалъ величественную будущность труда и согласія, которая настанетъ для человѣчества. Какъ юноша, привѣтствовалъ онъ энтузіазмомъ своимъ то блестящее и славное правленіе, которое увеличиваетъ силы государства и возвышаетъ народъ воинскими подвигами; какъ мужъ, принималъ онъ участіе въ умномъ и твердомъ правленіи, просвѣщающимъ государство постояннымъ миромъ!..

• Онъ трудился съ пользой. Пусть-же покоится теперь! Да умолкнуть предъ могилой поэта, отшедшаго въ лучшій міръ, всѣ мелочныя ненависти, преслѣдующія великихъ, всѣ толки партій, всѣ литературныя страстишки и неблагодарности! Несправедливости, жалобы, борьбы, страданія, все, что беспокоитъ и возмущаетъ людей замѣчательныхъ, должно умолкнуть въ этотъ священный часъ. Смерть — это торжество для праведника. За смертью отъ поэта остается одна слава, отъ человѣка душа, отъ міра сего — Богъ!..

Будетъ открыта подписка для сооруженія монумента великому поэту, котораго лишилась Франція. Всѣ театры, и особенно *Théâtre Français*, дадутъ нѣсколько представленій въ пользу этого національнаго намѣренія.

ХОРИСТЪ И ФИГУРАНТКА. — (Разсказъ). Это было въ 1788 году. На одномъ изъ второстепенныхъ парижскихъ театровъ дебютировала въ оперѣ-балетѣ *Тезей и Ариадна* молодая фигурантка, мамзель Лижье. Молодежь приняла ее очень-благоклонно. На сцену сыпались вѣнки и букеты, и когда дебютантка вышла изъ театра, чтобы самымъ скромнымъ образомъ, пѣшкомъ отправиться въ глухую и грязную улицу Тюрениа, одинъ изъ самыхъ блестящихъ маркизовъ предложилъ ей свою карету и шумная толпа далеко провожала ее со смѣхомъ и восклицаніями.

Когда она вошла въ свою скромную комнатку и сѣла на диванъ, подъ

вліяніемъ сладкаго воспоминанія недавняго торжества, дверь отворилась снова и въ комнату вошла молодая блѣлая женщина. Она его не замѣтила.

— Довольны-ли вы своимъ дебютомъ, мамзель Лижье? сказала она звучнымъ и приятнымъ голосомъ, глядя на нее съ какимъ-то глубокимъ, неизъяснимымъ чувствомъ.

Она отвѣчала ему какъ-бы нехотя.

— Не очень! Много шума и мало истиннаго чувства, аплодировали безъ толку, лучшія позы остались незамѣченными, а въ восторгъ приводило ихъ самое простое па.

— Потому-что причиною восторга было не одно эстетическое чувство. Тутъ было и другое... Молодой человекъ грустно опустилъ голову.

Дебютантка ничего не отвѣчала ему. Наступило долгое молчаніе.

Наконецъ онъ прервалъ его.

— Мамзель Клара, говорилъ онъ нетвердымъ голосомъ: мы приѣхали вмѣстѣ изъ нашего роднаго Лиможа, гдѣ росли подъ одною кровлею. Мы вступили вмѣстѣ на сцену, я—блѣднымъ хористомъ, вы фигуранткой. Я остался на своихъ 400 франковъ жалованья, вы перешли въ первые сюжеты; но я увѣренъ, что сердце ваше все тоже и что вы не забыли словъ вашей матери, сказанныхъ ею при-смерти...

На лицѣ танцовки появилось какое-то неприятное выраженіе. Хористъ продолжалъ:

— Не думайте, чтобы я хотѣлъ васъ принудить выйти за меня замужъ мамзель Клара. Одно ваше слово — и я готовъ отказаться отъ всѣхъ правъ моихъ; забудьте, что вы дали обѣщаніе при постели вашей умирающей матери, забудьте, что вы сами повторили его по приѣздѣ нашемъ въ Парижъ, и слѣдуйте однимъ внушеніямъ своего сердца. Съ-этихъ-поръ я перестану надѣлать вамъ напомианіемъ прошедшаго.

Въ голосѣ его было много ироніи и грусти. Танцовка отвѣчала съ смущеніемъ:

— Не думайте, чтобы я хотѣла отказаться отъ своего слова. Жакъ. Я никогда не забуду всего, чѣмъ вамъ обязана, но мы оба еще такъ молоды... мнѣ семнадцать лѣтъ, вамъ двадцать... впереди еще такъ много времени... обстоятельства могутъ перемениться.

— Я понимаю васъ, мамзель Клара: вамъ вскружили голову похвалы нашихъ маркизовъ и виконтовъ. Любимицѣ парижской публики смѣшно соединить судьбу свою съ судьбою невѣстнаго и жалкаго хориста. Вы правы. Окончимъ этотъ разговоръ, который, какъ я вижу, вамъ очень неприятенъ. Я освобождаю васъ отъ всѣхъ обѣщаній. Съ-этихъ-поръ, вы совершенно свободны. Теперь вы будете и богаты и счастливы; но когда судьба переменится, когда вы узнаете все непостоянство счастья и почестей, вспомните, что Жакъ Бриссо всегда готовъ жертвовать для васъ жизнью и никогда не откажется исполнить обѣщаніе, данное имъ вашей матери, въ какомъ-бы вы положеніи ни находились.

Произнеся эти послѣднія слова съ особеннымъ выраженіемъ. Хористъ вышелъ изъ комнаты. Фигурантка' тотчасъ-же позабыла объ немъ, потому-что черезъ полчаса явился къ ней маркизь Сенкуръ, одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ повѣсь своего времени.

На другой день мамзель Лижье, послѣ втораго дебюта, который былъ вдвое блистательнѣе перваго, поѣхала въ богатой каретѣ съ гербами маркиза Сенкура, прямо въ его великолѣпный отель. Садясь въ карету, она нашла на парчевой подушкѣ маленькую записочку:

«Я не могу видѣть вашего позора и оставляю сцену. Это не заставляетъ меня однако отказаться отъ моего слова — жениться на васъ, если вы когда-нибудь согласитесь на это.»

— Какое благородство чувствъ! сказала танцорка, и забыла объ немъ. Жакъ Вриссо пропалъ безъ вѣсти.

Недолго парижская публика восхищалась своею любимицею. Опустѣли театры, обезлюдѣли народныя гулянья и зрѣлища. Кровавая драма стала разыгрываться въ Парижѣ. Первый актъ ея кончился 24-го января 1793 года, на Гревской площади, при бѣшеныхъ крикахъ развирѣпѣвшаго народа.

Въ тотъ-же вечеръ, толпа бѣшеныхъ канибаловъ встрѣтила на поворотѣ мужчину, который подъ-руку съ женщиною пробирался вдоль стѣны. Оба они закутаны были въ ветхіе плащи.

— Стой, заревѣли санкюлоты: кто вы? куда вы? кричи: да здравствуетъ республика!

Трепещущимъ голосомъ повторили они это ужасное восклицаніе.

— Постой-ка, братъ, сказалъ одинъ фанатикъ: я вижу у тебя на ногахъ прекрасные сапоги! Они мнѣ очень нравятся. Равенство и свобода. Всѣ мы братья! Подавай сюда сапоги!

Молодой человѣкъ, молча, снялъ сапоги и отдалъ ихъ санкюлоту, который съ видимымъ удовольствіемъ надѣлъ ихъ на свои изуродованныя ноги.

— Кстати, сказалъ другой: у тебя, какъ я вижу, славная гражданка. Свобода и равенство! Между братьями все должно быть общее. Подавай сюда гражданку!

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ и, молча, отнялъ отъ нея свою руку, но женщина съ крикомъ ухватилась за него.

— Артуръ! Боже мой! Неужели ты отдашь меня! Артуръ! Спасите!.. О! это низко!..

Въ этомъ голосѣ было столько мольбы и чувства, что незнакомецъ собрался немножко съ духомъ и слабымъ голосомъ началъ просить о пощадѣ. Злодѣи, которымъ покорность молодого человѣка придала еще больше дерзости, бросились цѣловать бѣдную женщину, другіе сорвали все платье съ ея спутника, и, увидя на немъ тонкое бѣлье, завопили: Это аристократъ! это ройялистъ! На фонарь его!

Въ то время, когда они навязывали ему на шею веревку, изъ-за угла показался человѣкъ высокаго роста, стройный и бѣлокурый, въ фригійскомъ колпакѣ. «Стойте!» заревѣлъ онъ громовымъ голосомъ.

Санкюлоты остановились. «Что вы тут дѣлаете?» кричалъ онъ: «грабите прохожихъ, а на площади рѣжутъ вашихъ согражданъ. Буль ворвался въ Парижъ съ толпой эмигрантовъ. Къ оружію, ребята!»

И бѣшеная толпа съ крикомъ бросилась вслѣдъ за незнакомцемъ. Только двое изъ нихъ не хотѣли оставить своихъ жертвъ. Одинъ обиралъ женщину, упавшую въ обморокъ, другой тащилъ на фонарь ея спутника, ворча: «А все-таки я успѣю повѣсить еще одного аристократа». Онъ уже затыгивалъ конецъ веревки на шеѣ несчастнаго, какъ вдругъ..... тихій стонъ заставилъ санкюлота обернуться.. Онъ вскричалъ, увидя собрата своего плавающего въ крови, и хотѣлъ бѣжать, но второй ударъ повергнулъ и его мертвымъ къ ногамъ того-же самаго человѣка, который за минуту передъ тѣмъ увлекъ за собою бѣшеную толпу. Въ ту-же минуту неизвѣстный избавитель схватилъ женщину, все еще лежащую въ обморокъ, взбросилъ ее на плечо, и поддерживая одною рукою, другою взявъ за руку растерявшагося ея спутника и побѣжалъ съ ними по темнымъ переулкамъ Парижа, избѣгая большихъ улицъ, съ которыхъ доносились до нихъ неистовые крики санкюлотовъ.

Клара пришла въ себя въ маленькой комнаткѣ, которая казалась ей знакомою. Въ ногахъ ея постели сидѣлъ маркизъ, опустивъ голову и сложа руки. Передъ нею, стоялъ въ полномъ костюмѣ самаго отчаяннаго республиканца, Жакъ Бриссо. Онъ говорилъ съ холодной и ѣдкой улыбкой, видя, что Клара осматривается вокругъ себя.

— Вы не узнаете этой комнаты? И не мудрено: она та самая, въ которой вы жили до перваго дебюта. Я ждалъ, когда вы придете въ себя, чтобы узнать, что вы намѣрены дѣлать? Сегодня мнѣ удалось обмануть эту сумасшедшую толпу, которая, я думаю, и теперь не можетъ понять, куда исчезъ ея предводитель. Но завтра та-же сцена можетъ повториться съ новыми измѣненіями — и кто знаетъ, можетъ-быть, и меня ужъ не будетъ на свѣтѣ!

И потомъ, обратившись къ маркизу, Жакъ Бриссо сказалъ ему съ глубокимъ презрѣніемъ.

— Вы, господинъ маркизъ, не имѣете ни малѣйшей нужды эмигрировать. Я замѣтилъ въ васъ всѣ свойства настоящаго санкюлота: трусость и подлость.

Маркизъ даже не мигнулъ при этой обидѣ и бессмысленными глазами смотрѣлъ на своего обвинителя.

— Вы, мамзель Клара, также имѣете очень-сильнаго покровителя въ особѣ главнаго обвинителя революціоннаго судилища, который не разъ посылалъ вамъ изъ партера самые страстные взгляды. Конечно, тогда вы и не замѣчали ихъ, но теперь времена перемѣнились и вамъ не худо-бы быть къ нему немножко поблагосклоннѣе. Впрочемъ, въ вашей волѣ выбрать другое званіе и быть женою солдата Рейнской арміи, Жака Бриссо, который завтра-же отправляется къ своему посту.

Клара отвѣчала ему слабымъ голосомъ, въ которомъ однакоже ясно просвѣчивала ненависть.

— Вы спасли меня, но еслибы я знала, что за это спасеніе должна буду отдать вамъ свою руку, то скорѣе согласилась-бы принадлежать первому-же санкюлоту

Губы Бриссо задрожали. Она продолжала.

— Въ такомъ случаѣ, счастливо оставаться. Этой комнатой вы можете располагать до тѣхъ-поръ, покамѣсть, по праву сильнаго, кто-нибудь не вздумаетъ отнять ее у васъ. Это уже будетъ не моя вина. Во всякомъ случаѣ я не-отказываюсь отъ своего обѣщанія. Можетъ-быть и придетъ время, когда вы образумитесь. До свиданія.

И онъ исчезъ за дверью.

На другой день мамзель Клара сдѣлалась любовницею Фукье Тенвиля, а бывший маркизъ — однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ младшаго Робеспьера.

А революція все шла да шла впередъ быстрыми шагами. Бывшая фигурантка удостоилась во время этой траги-комедіи играть роль «богини разума», и, сидя на пьедесталѣ, принимать плоды и цвѣты изъ рукъ обогранныхъ кровью согражданъ, и слушать гимны изъ тѣхъ самыхъ устъ, которыя съ такимъ наслажденіемъ ревели сумасшедшую Marseillaise. Бывшій маркизъ не дождался одного конца этой знаменитой революціи. Онъ погибъ 18-го термидора вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ. Бывшая фигурантка перешла на руки къ Баррасу и послѣдовала за нимъ въ Голландію, когда бывшій директоръ долженъ былъ бѣжать отъ гнѣва маленькаго Корсиканца. Но быстро летѣло впередъ неумолимое время, промелькнуло желѣзное царствование Наполеона, и когда мамзель Клара, послѣ разныхъ приключеній и несчастій, устарѣвшая и обѣдѣвшая, возвращалась въ Парижъ, вѣтренный народъ криками радости привѣтствовалъ Людовика XVIII-го. На другой день ея прибытія, бывшую фигурантку, по доносу одного изъ *дѣтей революціи*, вели въ тюрьму, какъ бывшую «богиню разума». На дорогѣ встрѣтился съ нею бригадный генералъ съ перевязанной рукою.

— Клара Лижье! вскричалъ онъ съ какимъ-то восторгомъ.

— Жакъ Бриссо! едва слышнымъ голосомъ сказала она, опуская голову къ землѣ.

— Друзья мои! сказалъ генералъ, обращаясь къ народу: эта женщина богѣ несчастна, чѣмъ преступна; я беру ее подъ свое поручительство.

И народъ почтительно разступился.

Жакъ Бриссо взялъ ее за руку. Она насилу держалась на ногахъ.

— Ободришь, Клара. Я живу недалеко отсюда. Можешь-ли ты идти за мною?

— Нѣтъ! отвѣчала несчастная, падая на землю. Я третій день ничего не ѣла!...

Генералъ поднялъ ее на руки и безъ чувствъ перенесъ въ фіакръ.

Когда она пришла въ себя, первымъ словомъ генерала было:

— Клара! хочешь-ли ты теперь выдти за меня за-мужъ?

Бѣдная женщина заплакала горькими слезами.

— Пѣтъ, Жакъ! я не стою тебя! Оставь меня моей жалкой участи. Я теперь дурна и стара... я должна искупить грѣхи и заблужденія моей молодости.

Генераль молча сжалъ ей руку.

— Клара! у Бельвильской заставы есть у меня маленькій домикъ. Тамъ можешь ты жить въ совершенномъ уединеніи. Онъ твой. Я немного приобрѣлъ, сражаясь за мое отечество, но подѣлюсь съ тобою тѣмъ, что имѣю. Ты будешь получать 4.000 франковъ.

— О, ни зачѣмъ на свѣтъ я не рѣшусь принять ихъ.

— Даже съ моей рукою, Клара?

— Жакъ! Жакъ! Попадали меня!... Такое благородство выше всего на свѣтъ.

Разговоръ этотъ кончился тѣмъ, что бывший хористъ женился на бывшей фигуранткѣ!

Не смѣшно ли это?

НОВАГО РОДА ДОЛЖНОСТЬ ПРИ ТЕАТРѢ. *Сцена въ (парижскомъ мирномъ судѣ)* Истецъ—мужчина довольно-плохой наружности, отвѣтчица—прекрасно-одѣтая дама. На вопросы мирнаго судьи, истецъ объявилъ, что онъ театральнй агентъ Рапико, что онъ заключилъ контрактъ съ г-жою Бераръ, но что она совершенно-неспособна къ назначенной ей роли, и что онъ требуетъ теперь уничтоженія контракта.

Мирный судья. Г-жа Бераръ, ваше ремесло?

Г-жа Бераръ. Мнѣ дурно.

Мирный судья (съ участіемъ.) Выдите на воздухъ, освѣжитесь.

Г-жа Бераръ. Вы ошибаетесь, г-нъ судья; вы спрашиваете меня о моемъ ремеслѣ, я отвѣчаю: мнѣ дурно.

Судья. Но г-нъ Рапико говорилъ о какой-то должности при театрѣ.

Рапико. Да, именно, это-то и есть должность, и самая необходимая для поддержки театра; у насъ непременно должны быть актеры и не на сценѣ. Надобно вамъ сказать, что у насъ есть особенные наемные, зрители, въ изорванныхъ и запачканныхъ блузахъ, которыхъ мы сажаемъ въ партеръ, подъ самую лампу, для того, чтобы они не жались, если ихъ обольетъ масломъ. Къ числу такихъ-то наемныхъ зрителей принадлежить и г-жа Бераръ.

Судья. Это невѣроятно!

Рапико. Однакожь справедливо. Только должность ея въ другомъ родѣ. Блузы обязаны прилежно работать руками и потому у нихъ часто доходитъ до рукопашныхъ схватокъ съ сосѣдями; должность же г-жи Бераръ, просто, дѣтская игра, мало этого, должность эта, можно сказать, наслажденіе для сентиментальной женщины. Вся роль ея состоитъ въ томъ, чтобы въ трогательныхъ мѣстахъ пьесы громко вскрикивать «ахъ!» а въ концѣ ватастрофы падать въ обморокъ. Кажется, что можетъ быть легче этого? Стоитъ только притвориться хорошенько и допустить спокойно хлопотать около себя. Притомъ-же и шурки для

корсета отпусаются отъ дирекціи. Но г-жа Бераръ совершенно не умѣетъ падать въ обморокъ; она не заслуживаетъ своего жалованья.

Г-жа Бераръ. У меня есть законный контрактъ; я исполняю свою обязанность, слѣдовательно, вы не имѣете права нарушить его. Впрочемъ и должность моя не такъ-то легка, какъ говорить г-нъ Рапико, особенно при ихъ гадкомъ театришкѣ. Объ удобствахъ они нисколько не позаботились: спинки скамеекъ у нихъ, просто, ничѣмъ необиты: прощу тутъ хорошо падать въ обморокъ? да къ-тому-же часто шиуровку вашу распускаютъ грубыя и грязныя руки какого-нибудь блузника — это просто невыносимо! Будь это въ оперѣ, такъ конечно можно-бы съ удовольствіемъ выполнять роль свою! — Г-ну Рапико отказано въ его жалобѣ.

АРЕТИНЪ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЙ «ВИЧЪ СИЛЬНЫХЪ». 20 апрѣля 1490 года, въ Ареццо, узрѣлъ въ первый разъ свѣтъ этотъ прославившійся своимъ безславіемъ сатирикъ шестнадцатаго столѣтія. Онъ былъ сынъ честнаго дворянина. Плохія обстоятельства его семейства принудили его вступить въ ученье къ переплетчику. Однакожъ онъ скоро покинулъ это поприще, и вознамѣрился жить на счетъ людской глупости; этотъ источникъ казался ему неисощимымъ, въ чемъ онъ и не ошибся. Ареттино тѣмъ легче было выполнять свое намѣреніе, что онъ еще мальчикомъ отличался дерзостью, безсовѣстностію и не уваженіемъ ничего священнаго; въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ хвалился даже тѣмъ, что никогда ни отъ чего не краснѣлъ. Такимъ-образомъ безстыдство-же было и музою, одушевлявшею его во всѣхъ написанныхъ имъ комедіяхъ, советахъ, разговорахъ, и даже религиозныхъ статьяxъ. Перо его попеременно напитано было, то жолчью сатирой, то грязью безнравственности. Говорятъ что онъ въ одно и тоже время писалъ свое толкованіе на первую книгу Моисея и свои безстыдные советы, доставившіе ему безславную знаменитость въ потомствѣ. Эти «Sonetti lussuriari», числомъ шестнадцать, составляютъ теперь очень-рѣдкую книжку въ 32 страницы; книжка эта служила комментариемъ къ гравированнымъ доскамъ, вырѣзаннымъ Маркомъ Антоніемъ (Marcus Antonius) по рисункамъ Юлія Романуса; доски эти купилъ за чрезвычайно-дорогую цѣну богатый парижскій купецъ Жалленъ, съ прекраснымъ намѣреніемъ уничтожить ихъ. Безстыдство Ареттино, разумѣется, равнялось его безнравственности. То истощалъ онъ весь свой геній въ самой низкой лести и ласкательствахъ, то вдругъ мазалъ грязью и постыдными клеветами то-же самое лицо, которому такъ усердно кадилъ виміамъ. Самыя сильныя особы, даже владѣтельные князья его времени боялись ядовитаго пера Ареттино и открыто искали его благосклонности, покупая ее дорогими подарками. Карлъ V и Францискъ I, соперничествовавшіе за Римскую Императорскую корону, оба искали его дружбы, и Аретинъ, сначала льстившій обоимъ, наконецъ перешелъ на сторону Карла V, который подкупилъ его значительнымъ ежегоднымъ пенсіономъ. Вотъ-что отвѣчалъ Аретинъ од-

ному французскому офицеру, упрекавшему его за эту измѣну: «Мои сочиненія возвѣстили всему свѣту добродѣтели вашего повелителя, но еминимомъ сытъ не будешь, а король не позаботился освѣдомиться, есть-ли у меня что ѣсть. Цѣпь, которую вы мнѣ общаете, уже три года куется, и теперь опоздала. Францискъ долго былъ кумиромъ моего сердца; я создалъ тамъ ему алтарь; но пылавшій на этомъ алтарѣ огонь погасъ отъ недостатка въ пищѣ. Императоръ Карлъ V, очень-хорошо знавшій корыстолюбие Аретина, тотчасъ же послѣ окончанія своего несчастнаго похода въ Африку, по легко понятнымъ причинамъ, послалъ ему золотую цѣпь. Аретинъ, принимая цѣпь, взвѣсилъ ее на рукѣ и сказалъ посланному: «Довольно-лека для такой *тяжолой* ошибки.» Напыщенный благосклонностію такихъ лицъ, Аретинъ составилъ себѣ высокое мнѣніе о своихъ сочиненіяхъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на всѣхъ поэтовъ и писателей своего времени. Это тщестловіе обратилось наконецъ въ безумное самоослѣпленіе. Онъ вообразилъ, что, назвавъ одну изъ дочерей своихъ Adria, онъ дастъ тѣмъ Австрійскому двору доказательство своего уваженія. Самаго-себя, на своихъ сочиненіяхъ, онъ называлъ, подобно владѣтельнымъ особамъ. «*Divus Petrus Aretinus, divina gratia, homo liber, accerrimus virtutum demonstrator.*» Мало того, онъ приказалъ выбить въ честь свою медали и дарилъ ихъ многимъ владѣтельнымъ князьямъ. Такъ-какъ онъ самъ хвалился, что онъ, подобно Юпитеру, мечетъ громовыя стрѣлы на головы сильныхъ, то и выбралъ девизомъ для своихъ медалей слѣдующую надпись: *Divus Petrus Aretinus, flagellum Principum* (Божественный Петръ Аретинъ, бичъ князей). Однакожъ не всѣ боялись этого бича, и нѣкоторые италіанскіе дворяне, которые не въ состояніи были принудить къ молчанію ядовитый языкъ Аретина золотомъ и драгоценностями, употребили другое средство: они заставили отсчитать ему сотню палочныхъ ударовъ,—и средство это не осталось безъ успѣха. Что подобное средство съ Аретиномъ употребляли довольно-часто, доказывается тѣмъ, что современники его обыкновенно о всякомъ пустомелѣ въ тоглашнемъ литературномъ мірѣ говорили: «онъ богаче словами, чѣмъ Аретинъ палочными ударами.» Палокъ было недовольно,—ему угрожали даже смертныя: такъ между-прочимъ, извѣстный живописецъ Тинторето, оскорбленный Аретиномъ, твердо рѣшился проучить его хорошенько. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ однажды, Аретина къ себѣ, подъ предлогомъ, что будто-бы ему многими важными особами заказанъ былъ портретъ Аретина. Обольщенной этимъ Аретинъ принялъ приглашеніе и явился къ Тинторето; но едва только онъ успѣлъ сѣсть, какъ Тинторето явился не съ кистью и палитрою, а съ пистолетомъ въ рукахъ. «Что вы хотите дѣлать, маэстро Джакобо, вскричалъ попавшійся въ засаду сатирикъ?» — «Я хочу только смѣрять васъ», отвѣчалъ Тинторето. Потомъ, смѣривъ его пистолетомъ, сказалъ хладнокровно, но выразительно: «Вы въ два пистолета длиною.» Аретинъ хорошо понялъ значеніе этихъ словъ и съ-тѣхъ-поръ не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывался объ этомъ ху-

ложникѣ, который впрочемъ все-таки не такую опасностію угрожалъ жизни сатирика, какъ нѣкто Петръ Строцци, служившій во французской арміи. Этотъ Строцци отнялъ у венгерскаго короля Фердинанда замокъ Мурано. Аретину надобно было, по своимъ расчетамъ, выставить этого храбраго и немного-суроваго воина на всеобщее посмѣшище, и онъ, разумѣется, не пощадилъ ни клеветы, ни остроумія. Строцци взбѣсился и велѣлъ сказать своему сатирику, что онъ убьетъ его въ собственной его постель. Аретинъ, зная, что Строцци свято держитъ свое слово, закупорился въ своемъ жилищѣ и не смѣлъ выдти дотѣхъ-поръ, пока Строцци не выѣхалъ изъ венеціанскихъ владѣній. По словамъ Лоревинни, Аретинъ умеръ въ 1556 году, 66-лѣтъ отъ роду и необыкновенною смертію: ему рассказали забавную хитрость, сыгранную его сестрою съ своимъ обожателемъ, и онъ такъ расхохотался при этомъ, что упалъ со стула и повредилъ опасно голову. Духъ сарказма не оставлялъ его до послѣдней минуты; и онъ умеръ съ сатирою на губахъ. Его похоронили въ церкви С. Луки, въ Венеціи. По смерти его на него полился потокъ сатирическихъ стиховъ. Всѣ враги, при жизни его молчавшіе изъ боязни злаго пера его, теперь возвысили голоса свои. Слѣдующая эпиграмма, прекрасно характеризующая Аретина, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ думали о немъ его современники:

Condit Aretini cineres, lapis 'iste, sepultos,
 Mortales atro, qui sale perficuit.
 Intactus Deus est illi causamque rogatus,
 Hanc dedit: ille, inquit, non mihi notus erat.

• Аретина прахъ покрываетъ этотъ камень. Итакъ могила скрыла того, кто всѣхъ смертныхъ мылъ своимъ сатирическимъ щолокомъ. Только Бога не касался онъ; и если спросите почему, онъ отвѣтитъ: Я никогда не былъ съ нимъ знакомъ. •

НАПОЛЕОНЪ-ЭСТЕТИКЪ. По словамъ однихъ Наполеонъ очень хорошо зналъ музыку, а по словамъ другихъ не понималъ въ ней совершенно ничего. Извѣстно только, что онъ обо всемъ высказывалъ рѣшительныя мнѣнія и часто судилъ о такихъ предметахъ, которые почти вовсе не были ему знакомы. Въ его положеніи, разумѣется, все было хорошо и к стати. — Императоръ Сигизмундъ отвѣчалъ же кардиналу хотѣвшему поправить его haec schisma: «Я, какъ Римскій Императоръ, повѣлеваю, чтобы schisma была женскаго рода». — А одинъ какой-то философъ, съ которымъ началъ спорить императоръ Адрианъ, благоразумно сказалъ: «Конечно я поостерегусь спорить съ ученымъ, у котораго въ распоряженіи тридцать легіоновъ.» Годъ спустя послѣ Амьенскаго мира и не задолго до открытія опять военныхъ дѣйствій, Первому консулу вздумалось однажды въ государственномъ своемъ совѣтѣ (9 Февраля 1803) выступить на поприще эстетики, и для чего-же? единственно для униженія нетерпимой имъ Англіи. «Мы обыкновен-

но върнимъ на слово панегеристамъ Англій, даже и въ литературномъ отношеніи, сказалъ онъ: «на-примѣръ, вотъ уже двѣсти лѣтъ, какъ Шекспиръ забытъ и въ самой Англій; вдругъ Вольтеру, жившему въ Женевѣ и имѣвшему сношенія со многими Англичанами, что-бы польстить имъ, вздумалось похвалить этого писателя, и вотъ всѣ хоромъ начали повторять, что Шекспиръ первый писатель (*ecrivain*) въ мірѣ. Я читалъ его (?); въ немъ нѣтъ ничего, что хотя-бы нѣсколько приближалось къ Корнелю и Расину. Ниодну его пьесу невозможно дочитать до конца; онъ просто, жалки. (*Il n'y auras moyen de lire une de ses piéces; elles font pitié.*) Что касается до Мильтона, то только его Воззвание къ солнцу, да два, три другіе отрывка заслуживаютъ вниманія, все прочее вздоръ. Вели нравится мнѣ гораздо больше Юма. Франціи рѣшительно не въ чемъ завидовать Англій, землѣ, которую покинуть собственные ея жители, какъ только найдутъ къ тому возможность. Уже и теперь ихъ болѣе сорока тысячъ на материкѣ.» — Статистика вездѣ видно: сорокъ тысячъ солдатъ разобьютъ или напугаютъ непріятеля, и сорокъ тысячъ Англичанъ на материкѣ доказываютъ, что Англія отвратительная земля, и что Расинъ гораздо выше Шекспира. Впрочемъ, дѣйствительно Шекспиръ много обязанъ своею европейскою славою фернейскому философу, который однако ни чуть ни былъ такимъ услужливымъ панегеристомъ, какъ утверждалъ коронованный критикъ. Вольтеръ конечно умѣлъ цѣнить Шекспира и Кальдерона, но однудь не такъ такъ нѣмецкіе эстетики двадцатцатыхъ годовъ, которые упрекали Англичанъ, что будто-бы они не понимаютъ собственного своего писателя, потому-что они не боготворятъ его.

БАНКИРЪ И ПОЭТЪ. Недавно умершій Марсельскій банкиръ Н... дѣлалъ изъ своего огромнаго состоянія чрезвычайно похвальное употребленіе. Онъ очень любилъ литературу, а въ молодости и самъ занимался ею. У него почти ежедневно собирался кружокъ художниковъ и артистовъ, и онъ всѣхъ принималъ съ любезнымъ гостепримствомъ и охотно оказывалъ услуги и покровительство. Однажды прославленный поэтъ Мери, послѣ долгаго пребыванія въ Парижѣ, возвратился въ Марсель. Банкиръ вздумалъ отпраздновать его возвращеніе блестящимъ обѣдомъ, къ которому пригласилъ всѣ знаменитости Марселя. Общая веселость царствовала за обѣдомъ, и потомъ когда большая часть гостей разъѣхалась, и остались одни ближніе друзья, Н... сказалъ поэту, въ честь котораго данъ былъ праздникъ: «Любезный Мери, вы, можетъ-быть, заботитесь о своей будущности: будьте спокойны, это забота друзей вашихъ. Слѣдовательно, выкиньте изъ головы эти прозаическія мысли и предайтесь вполне влеченію вашего гения.» Въ доказательство-же того, что это были не пустыя только слова, банкиръ открылъ свое бюро и вынулъ оттуда бумагу. — «Вотъ актъ, сказалъ онъ, которымъ я предоставляю вамъ сто тысячъ франковъ.» Всѣ присутствовавшіе съ восторгомъ приняли этотъ прекрасный поступокъ, и Мери отъ души благодарилъ великодушнаго банкира, онъ

объявилъ, что онъ не принимаетъ подарка, потому-что у банкира есть дѣти, и слѣдовательно, состояніе его принадлежитъ имъ. Тщетно банкиръ увѣрялъ, что каждый изъ его дѣтей получить по два милліона и что слѣдовательно такая ничтожная сумма ничего для нихъ не значить, поэтъ твердо стоялъ въ своемъ отказѣ и чтобы положить конецъ спору, который, казалось, затягивался вдаль, взялъ и разорвалъ даровой актъ. — Вскорѣ послѣ того банкиръ умеръ. Смерть этого уважаемаго челоѣка опечалила весь городъ. На похоронахъ Мери, который былъ чрезвычайно-зябкой природы, сидѣлъ передъ каминомъ и грѣлся. Одинъ изъ друзей его подошелъ къ нему и сказалъ: «Взять-бы тебѣ тогда сто тысячь франковъ!» «Я очень-хорошо сдѣлалъ, спокойно отвѣчалъ поэтъ, что не взялъ. Посмотри, кака я нынче скверная погода! Если-бы я принялъ подарокъ, мнѣ необходимо надобно-бы было провозжать покойника до кладбища и я не отдѣлался-бы отъ насморку.

МУЗЫКАЛЬНОЕ НѢЧТО. Много, очень-много было толковъ о происхожденіи слова надъ звукомъ. Теперь, кажется, объ этомъ спорять только полумудные. Вопросъ давно рѣшонъ. Можно-ли спорить о томъ, что выше—слово или звукъ, когда они идутъ въ мірѣ рядомъ и независимо одно отъ другаго. Девизомъ обоимъ служить изящное. Странное дѣло, однакожъ: говорятъ, что мысли и чувствованія выражаются только словами. Спрашивается, какимъ образомъ выразить волненіе крови, самодовольное біеніе сердца, когда васъ посѣщаетъ новая мысль? Какъ передать словами стремительное обращеніе крови, которое томить вѣсь, — ни пріятно, ни весело, ни радостно и выне хотѣли-бы разстаться съ нимъ? Какъ объяснить волненіе груди, которое съ каждымъ движеніемъ мѣняетъ ваше состояніе; —истому сердца, которое сильно бьется, тозамираетъ отъ полноты ощущенія, неопредѣленнаго, но пріятнаго? — Нѣтъ, въ подобныхъ положеніяхъ слово — безсильно, чтобы уловить то, что можно передать только сотрясеніемъ цѣлаго организма. — Опишите морскую бурю, шумъ валовъ, плескъ разсыпающихся волнъ: вы опишете величіе моря; вызванными изъ души сравненіями перенесете въ нравственный міръ, — но одна только музыка можетъ выразить звуки бури. Въ выраженіи чувствованія слово не передастъ безотчетнаго біенія сердца, волненія крови, колебанія груди, — все это можетъ передать одинъ только музыкантъ, который изъ гармоническихъ сочетаній звуковъ составитъ пѣніе, своими переживаниями приближающееся къ волненіямъ души. Слово не можетъ быть такъ чисто, какъ звукъ музыкальный: всякое слово напоминаетъ что-нибудь земное; одинъ звукъ является на землѣ всемірнымъ гостемъ, чтобы напомнить небо. — Природа говорить звуками и выраженія ея понятны, — только не для всѣхъ. — Музыка тѣсно соединена съ жизнью народною: пѣсни, выражающія характеръ пѣвцовъ, не показываютъ-ли ясно, что жизнь и музыка нераздѣлимы? Музыка имѣетъ свою элегію — пѣсню; свою оду — ораторію; свою драму — оперу... Сверхъ-сего есть музыка концертная; — музыка комнатная...

Все это такъ ничего, а самое *нѣчто* это появившійся въ 1843 году *Вальсъ — рондо* соч. г-на Пашенки, молодого, очень-молодого музыканта, занимающагося изученіемъ музыки съ неутомимымъ усердіемъ. По нашему мнѣнію вальсъ г-на Пашенки есть, просто, вѣнецъ всѣхъ музыкальныхъ новостей, въ этомъ родѣ изданныхъ нашими композиторами въ прошломъ году, для фортепіано. Вальсы писали Бетховенъ и Веберъ — такіе вальсы, съ которыми, конечно, трудно потягаться. Но представьте себѣ, каково было наше удивленіе, когда мы разсмотрѣли вальсъ г-на Пашенки. При общемъ единодушномъ стремленіи нашихъ молодыхъ мастери къ чисто плавовой, балаганной музыкѣ для фортепіано, — ничего невыражающей, — мы въ вальсѣ г-на Пашенки нашли и идею и соотвѣтствующее развитіе, такъ-что, не обинуясь, вальсъ этотъ должно отнести къ разряду тѣхъ-же произведеній, какія, въ этомъ родѣ, вышли изъ-подъ пера Бетговена и Вебера. Любители и любительницы отличной комнатной музыки, воспользуйтесь нашимъ открытіемъ и мы напередъ уже увѣрены, что вы поблагодарите отъ души г-на Пашенку, подарившаго васъ прекраснѣйшею піеосою. — При томъ же вамъ, вѣроятно, уже порядочно прискутились и всѣ эти хроматическіе и паровозные галопы, всѣ эти фантазіи и воспоминанія о *чомъ-то*, — интродукціи къ *чему-то*, неизвѣстно впрочемъ къ чему, — наизбытка темы Беллини и Доницетти и тому подобный анти-музыкальный бредъ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ НОВОСТЬ. Спѣшимъ извѣстить любителей музыки, что въ музыкальныхъ магазинахъ *Миллера* и *Летольда*, въ Москвѣ, у *Бернарда* и *Пеца*, въ С. Петербургѣ, принимается подписка на имѣющіяся издаваться въ Москвѣ съ 1844 года — «Сочиненія А. Алябьева».

Сочиненія сіи будутъ выходить ежемѣсячно тетрадами. Каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ по два, и иногда и по три № *Пьесы*, *Романсы*, *Элегии*, *Дуэтовъ*, *Хоровъ* и проч., съ русскими, французскими и нѣмецкими словами извѣстныхъ авторовъ. Музыка нѣкоторыхъ изъ сихъ сочиненій будетъ арранжирована изъ азійскихъ мотивовъ.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти тетрадей, 35 руб. ас., а съ пересылкою 40 руб. ас.

Мы твердо увѣрены, что многочисленные почитатели любимаго нашего композитора съ искреннимъ удовольствіемъ узнаютъ о предпріятіи Г. Алябьева. Талантъ его снискалъ всеобщую и — правду сказать — заслуженную извѣстность; многіе изъ первоклассныхъ артистовъ Европы пользовались произведеніями Алябьева, а его *Соловей* долго и долго будетъ восхищать любителей изящнаго. Намъ извѣстно, что Алябевъ написалъ уже, между прочимъ, двѣ Оперы *Аммалатъ-Бекъ*, въ 4-хъ дѣйствіяхъ и *Рыбакъ и Русалка*, волшебная опера — балетъ, тоже въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Мотивы первой — подслушаны имъ на мѣстѣ — на Кавказѣ, а послѣдней — чисто русскіе, національные. Ждемъ

съ нетерпѣніемъ появленія сихъ произведеній на сценѣ, надѣясь, что Театральная Дирекція не откажетъ украсить ими свой оперный репертуаръ и доставить истинное наслажденіе знатокамъ и любителямъ музыки.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Маркизь Сенньере считался въ свое время оракуломъ по части музыки. Опера «Эрмелинда», либретто которой написано Пуансонетомъ, а музыка Филадельмомъ, чрезвычайно нравилась ему. Ему хотѣлось изъявить лично свое удовольствіе композитору; но такъ какъ онъ былъ слѣпой, то и приказалъ челоуѣку, который водилъ его, чтобы онъ предварилъ его, когда они встрѣтятся съ сочинителемъ оперы. На другой день послѣ перваго представленія, маркизь пришелъ въ фойе Оперы; тамъ былъ и Пуансонетъ. Сочинитель оперы здѣсь, сказалъ вожатыи маркизу. Критикъ приказалъ подвести себя къ нему и сказалъ: «Ахъ, любезный другъ, какой драгоценный вечеръ доставили вы мнѣ вчера. Ваша опера, просто, мастерское произведеніе и достоинство ея тѣмъ важнѣе, что никогда еще для такой превосходнѣйшей музыки не было писано такого жалчайшаго либретто.» Разумѣется всѣ присутствовавшіе при этомъ похвальному слову расхохотались; взбѣшонный поэтъ бросился бѣжать отъ критика, да и самъ критикъ не меньше сконфузился, узнавши, что вожатыи подвелъ его къ автору, да не къ тому, котораго ему было надобно.

— При бракосочетаніи Дофина, въ 1745-мъ году, любимая пѣвица Леморъ (Lemaure) приглашена была въ Версаль, для украшенія придворнаго праздника ея очаровательнымъ пѣніемъ. D-Ле Леморъ чрезвычайно какъ возгордилась этимъ приглашеніемъ и, считала себя уже необходимою для королевскаго праздника, объявила неслыханное требованіе, чтобы за него присланъ была королевскій экипажъ и что бы придворный камергеръ сопровождалъ ее изъ Парижа въ Версаль и обратно. Король согласился на это желаніе. Пѣвица сѣла въ королевскую коляску и виѣ себя отъ удовольствованнаго самолюбія, воскликнула: «Ахъ, еслибы я стояла теперь у окна и видѣла, какъ ѣду!»

— У пятидесяти-двухъ-лѣтняго Скриба считается не менѣе 48-ми сострудниковъ въ его разныхъ піесахъ, и нѣкоторыя сцены и даже цѣлыя акты этихъ піесъ ему вовсе и незнакомы.

— Кто не знаетъ стиховъ Гете не нѣмецкихъ рецензентовъ? Однакожь парижскіе критики, по-крайней-мѣрѣ, театральные, кажутся, еще получше будутъ нѣмецкихъ. Вотъ самый новѣйшій примѣръ тому. Одинъ актеръ, намѣреваясь дебютировать въ новой роли, вздумалъ вадобрить извѣстнаго рецензента и послалъ ему въ подарокъ прекрасную лампу. На другой день своего дебюта онъ съ сладкими надеждами беретъ газету — и что-же находить? — Разруганъ, да какъ еще!

Взбѣшонный и напуганный, онъ бѣжитъ къ рецензенту съ упреками-но тотъ прехладнокровно отвѣчаетъ ему: Чего вы требуете? Ваша лампа такъ хороша, что я охотно хотѣлъ-бы имѣть двѣ такія. — Актеръ послалъ другую лампу и въ слѣдующемъ-же номерѣ критикъ приваляся изо-всей мочи хвалить его. — Къ этому же самому журналисту явился недавно молодой артистъ, вступившій на амплу первыхъ любителей, и сказалъ ему: «Государь мой, а на-дняхъ дебютирую натакомъ-то театрѣ; я думаю, что у меня есть талантъ, но до-сихъ поръ у меня только и есть, что этотъ талантъ: не нападайте на меня въ вашихъ рецензіяхъ, поддержите меня, обещаю вамъ, что въ-послѣдствіи расквитаюсь съ вами...» Спустя нѣсколько дней въ газетѣ напечатано было: Вчера дебютировалъ господинъ Артуръ.....; этотъ молодой артистъ общается нѣчто. Молодой актеръ понялъ этотъ намекъ и поспѣшилъ исполнить свое *обещаніе*.

— Съ новаго года заведены въ Парижѣ ночные сторожа. Сигналы этихъ сторожей свистки. Въ одной парижской газетѣ сказано по этому случаю, что «лучше играть за полночь на театрахъ, потому что нынче большая часть піесъ бываетъ освистана, слѣдовательно меньше понадобится сторожей. На томъ же основаніи допустить-бы и чтеніе ночью нѣкоторыхъ профессорскихъ лекцій.»

— Одинъ извѣстный актеръ въ Парижѣ купилъ у виноторговца два ведра краснаго вина; вино это оказалось поддѣльнымъ и никуда негоднымъ; но деньги за него уже заплачены: какъ отмстить обманщику? Обманутый актеръ приказалъ отвезти это вино назадъ и вылить его передъ погребомъ виноторговца. Мостовая, разумѣется, покрасѣла, но Богъ знаетъ покрасѣла-ли виноторговецъ.

— Репертуаръ пѣмецкаго театра до того офранцузился, что наборщикамъ афишъ вставляя послѣ названія каждой піесы снова съ французскаго вошло уже въ привычку, и потому недавно на афишѣ Манцскаго театра было напечатано: «18-го ноября 1843-го года «Жизнь есть сонъ» соч. Калдерона де-ла Барка. *Переводъ съ французскаго.* Чего добраго? И у насъ можетъ случиться такая продѣлка!

— Извѣстный любимый публикою актеръ парижскаго театра *Be Varieté* Невилль только-что вступилъ на сценическое поприще, какъ ему досталась очередь въ солдаты. Тяжело было послѣ перваго и довольно-удачнаго дебюта вдругъ оставить опять сцену и сдѣлаться солдатомъ, а дѣлать нечего: нанять засебя рекрута Невиллю было не начто. Съ большимъ трудомъ удалось ему выпросить у дирекціи театра, къ которому онъ тогда былъ ангажированъ бенефисъ себѣ. Выпросивъ его, онъ тотчасъ-же написалъ къ королю: «Ваше величество, всеподданнѣйше прошу В. В. подписаться на бенефисъ, который доставитъ мнѣ возможность нанять за себя рекруга; и притомъ осмѣливаюсь замѣтить, что мнѣ еще много надобно, чтобы имѣть средство не служить Вашему Величеству.» Король подписалъ 300 франк. и бенефисъ Невилля былъ такъ блистателенъ, что ему легко было нанять рекрута

и спокойно продолжать свое поприще, на которомъ онъ теперь постоянно собираетъ блестящія лавры.

— Сообщаемъ любопытныя черты нравовъ женщинъ въ разныхъ земляхъ. Въ Японіи замужнія женщины имѣютъ то преимущество передъ дѣвушками, что имъ дано право чернить зубы и выпщипывать брови. — Въ Багарѣ, въ Индіи, кредиторъ часто беретъ въ залогъ жену должника и владѣетъ ею пока не получитъ своего долга; но если этотъ залогъ у заимодавца удвоится, то половина прибыли принадлежитъ ему, а половина должнику. У афганскаго племени дѣвушка посылаетъ къ избранному ея сердцемъ барабанщика съ кускомъ сукна и съ булавою, которой она затыкала свои волосы. Барабанщикъ прикалываетъ этой булавою сукно къ шапкѣ жениха и тотъ; заплатя отцу невѣсты соразмѣрный выкупъ, женится на ней. На островѣ Суматрѣ уличенныхъ въ нарушеніи брака убиваютъ и сѣдаютъ. — Въ Бамбукѣ за жену платится корова или нѣсколько фунтовъ соли. На берегахъ Сиерры Леоны законная жена умерла-бы со скуки, если-бы у мужа ея не было наложницъ. Въ Абиссиніи принцессы мѣняютъ своихъ супруговъ сколько и когда имъ вздумается. (Онѣ, какъ видно, принадлежатъ къ послѣдователямъ секты свободной женщины) Въ области Гварани, въ Южной Америкѣ, если европейскому зрителю невольниковъ понадобится наказать женщину, онъ приказываетъ сдѣлать это ей мужу, потому-что никто точиѣе не выполнитъ его желанія. Въ Вавилонѣ, по словамъ Геродота, въ его время дѣвушки слѣдующимъ образомъ выходили за-мужъ: разъ въ годъ онѣ собирались въ известномъ мѣсто; мужчины становились вокругъ ихъ; публичный кликунъ вызывалъ сначала самыхъ красивыхъ, потомъ постепенно похуже похуже и продавалъ ихъ, съ аукціономъ. Наконецъ доходило дѣло до самыхъ дурныхъ. Никто не покупаетъ ихъ; тогда кликунъ начиналъ предлагать ихъ уже съ придачею и тоже аукціоннымъ порядкомъ. т. е. кто меньше возьметъ. Придача же эта составлялась изъ денегъ, собранныхъ за красавицъ.

— Теперь въ модѣ всегда и во всемъ опѣзывать. Въ Парижѣ, по примѣру Англій, утро продолжается теперь уже до 6-ти и до 7-ми часовъ. Парижскіе театры не могутъ раньше 8-ми часовъ начинать спектаклей, потому-что въ 7-мъ часовъ Парижане только-что обѣдаютъ. Одна остроумная парижанка сказала: «Если такъ продолжится, то мы скоро будемъ обѣдать не сегодня, а ужъ на другой день!»

— Публика флорентійскаго театра раздѣлилась теперь на двѣ партіи за двухъ танцовщицъ, за великую и за маленькую. Обѣ партіи наперывъ стараются одна передъ другой какъ-бы доставить своему кумиру торжество блистательнѣе торжества ея соперницы. Сперва, какъ обыкновенно, началось съ цвѣтовъ, потомъ дѣло дошло до букетовъ, потомъ до огромныхъ букетовъ и наконецъ до вѣнковъ. Мало простыхъ вѣнковъ! Какой-то почитатель великой т. е. длинной танцовщицы бросилъ на сцену вѣнокъ съ листьями изъ чистаго серебра; въ слѣдующій-же разъ партія маленькой танцовщицы бросила вѣнокъ съ

листьями изъ чистаго золота. Въ первый за тѣмъ спектакль полетѣлъ на сцену узелъ съ бархатнымъ платьемъ. Противная партія однако не сконфузилась и при первомъ случаѣ бросила своей танцовщицѣ настоящую кашемирскую шаль. Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось эта борьба, еслибы не кончился тетральный сезонъ.

Что значить, подумаешь, остроуміе водевиллиста! Оно вездѣ найдетъ-еебѣ мѣсто и случай выказаться. Ну, какъ-бы вы, напримѣръ, выказали свое остроуміе на визитныхъ карточкахъ? Вы-бы могли выказать свой вкусъ, придумать что-нибудь изящное и т. п. Нѣтъ, а намъ попалась недавно визитная карточка одного водевиллиста истинно остроумная. Онъ напечаталъ N. N. N. (имя, отечество и фамилія, какъ слѣдуетъ), а внизу прибавляетъ «лишенный удовольствія васъ видѣть». Остроуміе, удивительное остроуміе!

Въ первое представленіе піесы подъ названіемъ: *Слуги, обезьяны господъ своихъ* (Les valets, singes de leurs maitres), игранный въ 1786 году, въ старинномъ театрѣ des Variétés, раздался рѣзкій свистъ изъ залы зрителей въ то самое время, когда театръ представлялъ людскую, въ которой обѣдали слуги. Актеры и зрители были поражены этимъ свистомъ. Одинъ Бордье, игравшій роль слуги, передразнивающаго господина своего, сохранилъ присутствіе духа и прехладнокровно обратившись къ Метръ-д'отелю, сказалъ?

— Другъ мой, закрой пожалуйста окно: свистъ вѣтра беспокоитъ меня.

Эта выходка актера, чрезвычайно любимаго публикой, была принята продолжительными рукоплесканіямъ и піеса была прослушана внимательно.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

I.

ПАРИЖСКІЕ.

THÉÂTRE ROYAL-ITALIEN.

IL FANTASMA (Привидѣніе), мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка г. Персіани.

Новая опера Персіани, названная мелодрамой по причинѣ весьма-сложнаго и драматическаго дѣйствія своего, имѣла большой успѣхъ, и Персіани доказалъ ею, что онъ не только *мужъ знаменитой 1-же Персіани*, но и умный композиторъ. Расскажемъ сначала, въ нѣсколькихъ словахъ, содержаніе этой оперы:

Ернестъ, Герцогъ Силлійскій, убилъ брата своего и принялъ послѣ него правленіе. Дочь убитаго, Ерминія, страстно любитъ Адольфа, котораго Ернестъ обвиняетъ въ преступленіи, имъ-самимъ сдѣланномъ. Ерминія не можетъ сдѣлаться женою убійцы отца своего, а потому соглашается отдать руку Ерману, сыну Ернеста. Вотъ взаимное положеніе чetyрехъ лицъ, на которыхъ основанъ весь интересъ этой оперы.

Т. V. — Отд. II.

мелодрамы. Лодочникъ Дженнаро вѣчто въ родѣ лазарони, однакоже честный малый, принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ невинно-обвиняемаго и осужденнаго на смерть Ернеста.

Несмотря на строгое наказаніе, которому неминуемо подвергнется человѣкъ, давшій убѣжище убійцѣ покойнаго Герцога, Дженнаро принимаетъ къ себѣ въ домъ несчастнаго Адольфа и рѣшается помочь ему, доказать невинность свою и свидѣться съ Ерминіей, которую молодой человѣкъ любитъ по-прежнему.

Всякій легко пойметъ къ сколькимъ приключеніямъ можетъ повести подобная рѣшимость. Адольфъ видится съ Ерминіей, ихъ застаютъ вмѣстѣ, молодого человѣка схватываютъ, бросаютъ въ тюрьму и самъ Ернестъ осуждаетъ его на смерть.

Въ третьемъ дѣйствіи Ернестъ приходитъ въ темницу, мучимый угрызеніями совѣсти, и хочетъ дать Адольфу средство уйти изъ тюрьмы. Но совѣсть молодого человѣка чиста; *притомъ-же* онъ нашолъ уже средство ѣхать вмѣстѣ

съ Ерминіей, а потому рѣшительно отказывается отъ всѣхъ предложеній Герцога. Тутъ начинается только сцена, отъ которой піеса получила названіе свое. Эрвествъ лунатикъ, и ночью, когда всѣ спятъ, онъ съ закрытыми глазами является на сцену, рассказываетъ всѣ подробности преступленія своего и этимъ добровольнымъ, хотя безсознательнымъ, признавіемъ оканчиваетъ всѣ бѣдствія, причиненныя преступленіемъ и коварствомъ его.

Въ этой оперѣ нѣтъ собственно увертюры. Зававѣсъ поднимается послѣ нѣкоторыхъ аккордовъ, оркестръ продолжаетъ играть нѣчто въ родѣ гармонической прелюдіи. Въ первомъ дѣйствіи болѣе всего понравились два дуо: одно пропѣтое г-жою Персіани и г. Фарназарі, другое г-жою Персіани-же и Маріо; потомъ еще тріо (Ронкони, Фарназарі и г-жа Персіани), въ которомъ послѣдняя съ неимовѣрнымъ искусствомъ умѣла развить все богатство и всю нѣжность рѣдкаго, едва-ли не единственнаго голоса своего.

Тарантелла, служащая темой хору пятой сцены, хорошо развита композиторомъ, и если она не произвела большаго эффекта, то это потому, что Тарантелла принадлежит болѣе къ балету и, следовательно, не будучи сопровождена танцами, теряетъ часть цѣны своей.

Фарназарі, Ронкони и Маріо прекрасно выполнили роли свои. Что-же касается до г-жи Персіани, то можно сказать, что по сію пору она еще видной роли не исполнила съ такимъ совершенствомъ; впрочемъ и самая роль ея такъ прекрасно написана, что должна занять почетное мѣсто между

новѣйшими музыкальными произведеніями.

Всякій разъ, когда артисту удастся побѣдить какую-нибудь трудность, то этимъ самымъ онъ воздвигаетъ въ искусствѣ новую ступень, на которую рано или поздно вступаютъ и соперники его. Двадцать-пять лѣтъ тому назалъ, Каталани въ первый разъ пропѣла въ Парижѣ возвышающіяся и понижающіяся хроматическія гаммы. Это показалось чудомъ. Что же? три года спустя, всѣ парижскіе пѣвцы научились уже подражать этимъ гаммамъ, которыя въ наше время стали уже очень обыкновенны. Каждый два или три года является новый скрипачъ, превосходящій предшественниковъ своихъ; удивительные фортепіанисты теперь не въ рѣдкость, а дѣти-виртуозы нивого уже не удивляютъ, — такъ ихъ много развелось. Въ искусствахъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мы часто ошибаемся насчетъ улучшеній, которыя намѣрены произвести. Но стараясь совершенствовать средства, обыкновенно случается, что мы упускаемъ изъ виду цѣль, точно такъ, какъ тѣ виртуозы, которые, избравъ себѣ прекраснѣйшую тему, до того растягиваютъ, сокращаютъ, измѣняютъ и перерабатываютъ ее, что подъ конецъ выходитъ вещь изуродованная, въ которой не остается и слѣдовъ прежнихъ красоть.

Нѣтъ, никакихъ улучшеній не можетъ достигнуть музыка этими ничтожными усиліями. Искусство это беретъ начало свое въ душѣ нашей; оно высоко, благородно, прекрасно и должно стремиться только къ тому, чтобы производить вы-

сокія и прекрасныя созданія. Между тѣмъ, нѣтъ ничего ничтожнѣе старанія — превозмочь какую-нибудь трудность, изъ одного тщеславія. Всякій человѣкъ съ неиспорченнымъ вкусомъ, прослушавъ новую оперу Персіани, долженъ по благодарить за то, что, не гоняясь за натянутыми эффектами, онъ сочинилъ музыку чистую, правильную, умяую и исполненную мелодіи.

THÉÂTRE DE L'OPÉRA-COMIQUE.

L'ESCLAVE DE CAMOËNS. (Невольница Камоэнса) опера въ одномъ дѣйствіи Сенъ-Жоржа; музыка Флотава.

Опять Камоэнсъ на сценѣ; его заставляютъ пѣть оперы, каватины, бравурныя аріи, романсы, баркаролы и Богъ вѣсть что еще!... Выходить въ свѣтъ новый переводъ его *Луизиады*; всѣ читаютъ ее, всѣ восхищаются ею, оплакиваютъ судьбу гениальнаго и вмѣстѣ несчастнаго человѣка, перечитываютъ печальную и романическую повѣсть жизни его; всѣ мысленно слѣдуютъ за нимъ въ смѣлое путешествіе его по Индѣйскому Океану, негодуютъ на невниманіе къ нему родной страны его и болѣе еще на ничтожную и жалкую пенсію, которую нищета заставила его принять отъ Короля Португальскаго!

Почти-угасшая слава вновь возрождается... это сѣверное сіяніе памяти Камоэнса...

Но хотябъ эта слава, въ половину возраждающаяся, блеснула ярко, хотябъ эта заря возвѣщала о восхожденіи солнца, то еще болѣе должно сожалѣть о несправедливости и суетности мірскаго суда... Поз-

днее возрожденіе! позднія почести!

Камоэнсъ былъ солдатомъ, смѣлымъ путешественникомъ и поэтомъ; онъ былъ мужественъ, неустранимъ и терпѣливъ; онъ былъ гений, или лучше сказать, онъ принадлежалъ гению, который сдѣлалъ его жертвою своею и бросилъ на встрѣчу бѣдствіямъ и опасностямъ всякаго рода, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему силу бороться съ бурями, опасностями, неизвѣтностью, неблагодарностью, изгнаніемъ и голодомъ. . . . Прострадавъ всю жизнь и не смѣя сказать: «Родина моя повяла и оцѣнила меня; слава моя отразится на ней: она понижаетъ и восхищается твореніями моими! . . . . Благословенно будь высшее могущество, даровавшее мнѣ жизнь!» . . . . онъ умеръ съ грустной улыбкой тѣхъ покорныхъ невольниковъ, которые въ глазахъ Кесаря шли на вѣрную смерть!

И только истлѣвшія кости освѣтили лучъ славы. . . О слава!... Но посмотримъ, какое мѣсто дано этому прекрасному и чудному лицу въ новой оперѣ.

Кароль Португальскій, Донъ-Себастьянъ, молодой и безпечный, любить, какъ Калифъ Багдадскій, прогуливаться по ночамъ, переодѣтый въ платье простаго гражданина или офицера, по улицамъ столицы своей. Пораженный красотой молодой хитавы, очаровывавшей каждый вечеръ народъ своимъ пѣніемъ и плясками на одной изъ площадей Лиссабонскихъ, Кароль приказываетъ одному изъ повѣренныхъ своихъ слѣдовать за нею, и узнаетъ, что она живетъ въ бѣдной гостиницѣ отдаленнаго предмѣстья. Себастьянъ отправляется туда; трусливый хозяинъ гостиницы прини-

масть его за альвазиля и считать нужнымъ скрыть отъ него, что въ домѣ его живетъ молодая дѣвушка. Король сердится и угрожаетъ ему наказаніемъ, какъ вдругъ является человѣкъ, привлеченный шумомъ... это Камозенсъ.

Онъ также утверждаетъ, что въ цѣломъ домѣ нѣтъ другой молодой дѣвушки, кромѣ невольницы, принадлежащей ему. Въ этотъ разъ Король вышелъ въ военномъ костюмѣ, и Камозенсъ, принимая его за одного изъ офицеровъ королевской стражи, проситъ выхлопотать ему званіе и должность офицера; этой просьбой онъ, авторъ сатиры, написанной противъ молодаго Короля, надѣется совершенно отклонить отъ себя подозрѣніе. Незнакомецъ обѣщаетъ дать ему возможность вступить на службу королю и отечеству.

— Отечеству принадлежитъ вся жизнь моя, но королю служить я не согласенъ! восклицаетъ Камозенсъ, не будучи въ силахъ преодолѣть негодованія своего противъ вѣтреннаго и малодушнаго правителя, и самыми яркими красками начинаетъ описывать недостатки и пороки его. Себастьянъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы не измѣнить себѣ; онъ вслѣски старается оправдать короля, приписывая недостатки его неопытности и придворнымъ льстецамъ. Камозенсъ удаляется и на сцену выходитъ невольница его. Увидѣвъ ее, молодой офицеръ узнаетъ въ ней прелестную хитану; щеголо притворяется она, будто ничего не знаетъ про пѣніе и пляски, которыя плѣнили короля: онъ узналъ ее, и въ пылу страсти своей, обѣщая ей почести и богатства, забывается до

того, что открываетъ ей, что онъ — Король Португальскій.

Гризельда (такъ зовутъ невольницу) рѣшается воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы спасти господина своего. Она во всемъ признается королю; да, это она, передѣтая цыганкой, возбуждаетъ каждый вечеръ восторгъ народа: она должна была употребить это средство, чтобы доставить насущный хлѣбъ господину и благодѣтелю своему, бѣдному изгнаннику. Она готова согласиться на всѣ требованія короля, лишь-бы онъ помиловалъ Камозенса. Король обѣщаетъ все исполнить и удаляется.

Тогда Гризельда идетъ къ Камозенсу и открываетъ ему, кто былъ этотъ молодой человѣкъ, съ которымъ онъ говорилъ такъ неуважительно о королѣ.

— Я погибъ! восклицаетъ Камозенсъ и рѣшается опять бѣжать, но до удаленія изъ столицы, онъ еще разъ долженъ поблагодарить невольницу свою за все самоотверженіе ея, и дарить ей свободу. Но что бѣдной Гризельдѣ въ свободѣ, если она разлучитъ ее съ тѣмъ... и она готова открыть, что давно уже втайнѣ любитъ господина своего, который самъ чувствуетъ къ ней нѣжнѣйшую привязанность... Какъ вдругъ является Донъ-Себастьянъ и объявляетъ, что домъ окружатъ солдатами и что никто изъ него не выйдетъ. Но перемѣнивъ вскорѣ грозный видъ на болѣе ласковый, Король снимаетъ шляпу и, обратившись къ свитѣ своей, говоритъ, указывая на Камозенса:

— Господа! преклоните головы предъ этимъ человѣкомъ... это геніи!..

Развязку этой пьесы расска-

зывать нечего; всякій самъ легко пойметъ ее: Король жауетъ Камонса, который женится на Гризельдѣ, и проч. и проч.

Музыка этой оперы проста и граціозна, умно написана и исполнена выразительности. Нѣсколько арій, одинъ романсъ и одно дуо болѣе всего замѣчательны въ ней. Баркаролла оригинальна и характерна.

Опера эта имѣла успѣхъ.

THÉÂTRE-FRANÇAIS.

LA TUTRISE OU EMPLOI DES RICHESSES, (Опекушка или употребленіе богатства). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, Скриба и Дюпора.

Комедія Скриба!... и весь Парижъ свѣпшилъ во Французскій Театръ, чтобы опять посмѣяться тѣмъ невольнымъ и непринужденнымъ смѣхомъ, который такъ хорошо умѣетъ возбуждать *неутомимый* Скрибъ, но увы!.. публика была жестоко разочарована. Посудите сами:

Какой-то молодой человѣкъ, вѣмецкій *левъ* (это худшая порода львовъ) графъ Леопольдъ Фонъ-Вюрцбургъ, разорившись въ пухъ и не имѣя уже ни денегъ, ни кредита, получилъ вдругъ въ наследство послѣ дяди огромное имущество *въ милліонъ годового дохода* (щедрый Скрибъ!)... Впрочемъ, не должно забывать, что въ этой пьесѣ деньги необходимы уже по одному названію ея: *употребленіе богатства*. Чтобы научиться употреблять богатства, надобно имѣть ихъ, по-этому-то-самому Скрибъ и былъ въ плачевной необходимости-дать герою своему не менѣе милліона дохода. Было время, когда

дѣйствующія лица Скриба до-вольствовались маленькимъ доходцемъ въ тысячу франковъ; но вскорѣ дѣло дошло до 10,000, потомъ до 25,000, далѣе до 100,000, а на конецъ и до 1,000,000! Нѣтъ, а вамъ кажется, что гдѣ елишкомъ много денегъ, тамъ не можетъ быть удовольствія...

За то, какъ это огромное богатство испортило сердце и характеръ Леопольда! Дядя умеръ, его не успѣли еще похоронить, а молодой графъ, вмѣсто того, чтобы идти отдать послѣдній долгъ родственнику, которому онъ обязанъ всемъ богатствомъ своимъ, сидитъ въ гостинницѣ, пьетъ, ѣстъ и поджидаетъ какую-то танцовщицу, Фридолину, которую хочетъ похитить у *богатаго* Англичанина. Онъ болѣе всего заботится о томъ, какъ бы *употребить* богатство свое, и между-тѣмъ - какъ онъ придумываетъ разныя средства, входитъ въ гостинницу молодая дама въ черномъ платьѣ, и Вюрцбургъ ни-съ-того, ни-съ-сего, принимается рассказывать ей о своихъ милліонахъ. Вотъ ужъ можно сказать, что въ карманѣ, то и на языкѣ. — Послушайте, милостивый государь, говоритъ молодая дама: вы напрасно хотите такъ дурно употребить огромное имущество, низпосылаемое вамъ самимъ небомъ! Сколькимъ несчастнымъ, нуждающимся и сиротамъ можете вы подать помощь? Неужели вы будете ѣздить скорѣе, когда коляска ваша будетъ запряжена шестью лошадыми? Неужели вы будете счастливѣе, если на столѣ вашемъ будетъ множество блювъ?

Она могла-бъ насказать ему еще множество такихъ прекрасныхъ

наставлений, но бѣдному льву (и фемелю) уже не до того! Извѣстіе внезапное, поразительное, страшное, убійственное, лишило его всей радости, всѣхъ надеждъ!..

Знаете-ли вы, кто молодая дама, которая съ такою граціею и такимъ чувствомъ говорить о золотѣ? Это Амелія Мольдау, приемшишь покойнаго Вюрцбурга и наслѣдница всего его имѣнія, всѣхъ милліоновъ его!.. Такъ-что бѣдный Леопольдъ нашъ опять безъ гроша!.. Прощайте всѣ удовольствія! Прощайте Фридолина и приятели! Однакожъ не умирать-же съ голоду бѣдному Леопольду! Какъ быть? Чтò дѣлать? Не идти-ли въ солдаты?.. Въ солдаты? Какъ-бы нетакъ! Онъ будетъ адвокатомъ!

Сжалившись надъ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, Амелія предлагаетъ ему ежемѣсячную пенсію въ три или четыре тысячи франковъ, съ тѣмъ условіемъ, что если Леопольдъ будетъ себя хорошо вести, то она еще увеличитъ эту пенсію.

— Мнѣ, пенсію! восклицаетъ съ негодованіемъ Леопольдъ: нѣтъ, лучше смерть!.. Развѣ я инвалидъ какой-нибудь? Я молодъ, здоровъ, силенъ, я могу работать!.. И Леопольдъ, гордый Леопольдъ, отказавшись отъ пенсіи, рѣшается однакожъ на дѣло, гораздо болѣе неблагородное: онъ рѣшается жениться на Фридолинѣ, потому-что у нея, неизвѣстно какимъ образомъ, завелись денежки, и она непременно хочетъ сдѣлаться графиней.

— Живую на Фридолинѣ! восклицаетъ Леопольдъ.

— Не женитесь, отвѣчаетъ Амелія.

— Да кто мнѣ запретить?

— Я!

— Вы? такъ вотъ на зло-же женюсь!..

Не туго-то было! Амелія перекупила всѣ векселя и заемныя письма Леопольда, и, какъ несостоятельнаго должника, велитъ его упрятать въ тюрьму.

Два года сидитъ бѣдный Вюрцбургъ въ тюрьмѣ, и отъ ничего дѣлать, для препровожденія времени, принимается изучать законы. Въ то-самое время, когда онъ такъ ознакомился съ законами, что въ состояніи выдержать экзаменъ на званіе адвоката, какимъ-то чудомъ растворяются предъ нимъ двери темницы.

Не имѣя средствъ открыть свою контору, и не желая пользоваться милостями Амеліи, которую онъ ненавидитъ отъ-души, Леопольдъ вступаетъ въ помощники къ адвокату. Тамъ какъ-то случайно попадаетъ ему въ руки процессъ, затѣянный противъ графини Амеліи Фонъ-Мольдау. Наступилъ часъ мщенія.. Леопольдъ торжествуетъ!

Нетеряя минуты, отправляется онъ въ имѣніе, которое должно было бы принадлежать ему и которымъ теперь владѣетъ Амелія. Представьте-жъ себѣ удивленіе его, когда на поляхъ, покрытыхъ рожью, онъ встрѣчаетъ крестьянъ, благословляющихъ господина своего, Вюрцбурга, которому они всѣмъ обязаны, когда даже дѣти знаютъ имя Вюрцбурга!.. Чтò же вы думаете? Этотъ Леопольдъ еще болѣе сердится на Амеліи, принимая всѣ эти изъявленія благодарности за злую насмѣшку!.. Но еще неповатиѣ то, что, не-смотря на всю непримиримую, жестокою ненависть свою къ Амеліи, Леопольдъ

пытаетъ къ ней горячую, пламенную любовь!.. Г. Скрибу можно выдать привилегію за изобрѣтеніе этой смѣси двухъ противоположныхъ страстей.

Не-смотря на любовь свою, Вюрцбургъ жестоко оскорбляетъ Амелію, прочитавъ ей *доносъ*, сдѣланный на нее *ея же кучеромъ!*.. и въ которомъ *кучеръ* обвиняетъ госпожу свою въ томъ, что она просела нѣсколько почей въ домъ префекта полиціи!!! (Иэто — *высокая комедія*, имѣющая высокія притязанія на исправленіе нравовъ!)

— Помилуйте! отвѣчаетъ ему молодая графиня *безъ негодованія*: да вѣдь онъ старикъ!

— Да вы-то слишкомъ молоды! отвѣчаетъ Леопольдъ.

— Но если бы вы знали, зачѣмъ я туда ходила?..

— Кажется, догадаться нетрудно!

— Неблагодарный! Префектъ доставлялъ мнѣ возможность входить къ вамъ и сидѣть у постели вашей, когда вы были такъ опасно больны въ тюрьмѣ!..

— Возможно-ли! О, Амелія!..

Не-смотря на ненависть свою, Вюрцбургъ женился на Амеліи.

Скучно, вяло и натянуто.

Тивере, (Тиверій), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Мса-Жозефа Шенье.

Представленіе этой старинной трагедіи возбуждало много шума и толковъ въ парижскихъ журналахъ. Какъ образецъ *удивительнаго согласія*, существующаго между господами французскими журналистами, мы представимъ читателямъ краткій обзоръ сужденій нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Въ журналѣ *La Réforme*, со всевозмо-

жными подробностями описанъ огромный успѣхъ, который имѣлъ *Тиверій*. Выписавъ послѣдній стихъ трагедіи:

Il est temps de placer César au rang des dieux фельетонистъ восклицаетъ: «И когда занавѣсъ опустился, публика громкими и продолжительными рукоплесканіями какъ-бы хотѣла сказать: пора причислить трагедію Жозефа Шенье къ лучшимъ мастерскимъ произведеніямъ сцены нашей!»

Редакторъ журнала *Le Siecle* обвиняетъ трагедію въ утомительной монотонности, и говоритъ, что публика насилу досидѣла до конца.

Въ газетѣ *Le Globe* сказано:

«Эта трагедія еще не изъ тѣхъ, которыя должны-бы намъ нравиться, но имѣетъ съ-тѣмъ, она уже не изъ тѣхъ, которыя не нравятся намъ. И нельзя не поблагодарить общниковъ Французскихъ Королевскаго Театра за этотъ огромный шагъ къ улучшенію.»

La Quotidienne признаетъ въ Шенье геніальность.

Le Commerce говоритъ, что это одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя можно смотрѣть.

Множество другихъ журналовъ, не зная сами что сказать про Тиверію, промолчали,

Наконецъ въ *Journal des Débats* Жюль Жаненъ очень рѣшительно говоритъ, что пьеса *дурна* и что напрасно возобновили ее.

«Жозефъ Шенье,» говоритъ остроумный фельетонистъ, и многіе другіе поэты этой *шайки*, отжили вѣкъ свой; для нихъ-же выгодно дѣло, если ихъ забудутъ; они всѣ тянулись за Вольтеромъ, но отстали отъ него при самомъ началѣ

«дороги, которую эта блуждающая комета проложила себѣ по всѣмъ направлениямъ!»

— Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ и журналахъ было объявлено, что ставится на сцену Французскаго Театра новая Комедія въ пяти дѣйствіяхъ: «*Les Bâtons flottans*». Несмотря на похвалы этой піесѣ, публика, можетъ быть, не обратила особеннаго вниманія на это объявленіе, но фельетонисты очень ловко замѣтили, что авторъ этой комедіи жалеетъ и употребилъ всѣ средства, чтобы остаться неизвѣстнымъ. Любопытство было возбуждено до высочайшей степени. Пошли разспросы; развѣдыванія, догадки, но все было тщетно. Авторъ новой комедіи предвидѣлъ все это и принялъ всѣ нужныя мѣры.

Піеса была представлена въ Комитетъ Театра молодымъ человекомъ, который самъ не зналъ имени автора. Никому изъ актеровъ не была открыта тайна. Можетъ быть, въ слѣдствіе таинственности, которою окружалъ себя авторъ новой комедіи, ее стали превозносить до небесъ. «Чудо! совершенство! Ничего подобнаго не бывало еще на сценѣ!...»

Роли были выучены, день представленія назначенъ, какъ вдругъ авторъ, не переставая дѣйствовать черезъ третье лицо, присылаетъ сказать, что онъ не хочетъ, чтобы піеса его была играна.

Бѣдные актеры прибѣгнули къ Жюль-Жаненгу, который весьма остроумно попалъ на неизвѣстнаго автора:

«Какъ-бы то ни было», говорить онъ: «но авторъ Комедіи *Les Bâtons flottans* неправъ; онъ от-

далъ піесу свою на театръ, роли заучены, все приготовлено, слѣдовательно, она должна быть играна; Французскій Королевскій Театръ не можетъ быть въ зависимости отъ внутренняго волненія и безпокойствъ поэта, въпервые выступающаго на драматическое поприще. Если онъ дѣйствуетъ изъ трусости, боязливости, то это еще извинительно; еслижъ это одна прихоть, то автора могутъ заставить.... не правда-ли, что это весьма-пріятно? заставить отдать піесу свою на судъ публики, когда столькимъ отказываютъ!»

Нѣсколько дней спустя, таинственный авторъ прислалъ фельетонисту «*Journal des Débats*» отвѣтъ; въ которомъ говорить:

«Напрасно обвиняете вы меня въ трусости, боязливости. Комедія, въ которой смѣло схвачены нѣкоторые нравы наши, но безъ всякаго намека, гдѣ есть характеры, но нѣтъ портретовъ, гдѣ каждая партія имѣетъ честнаго человѣка, такая комедія можетъ бояться только собственныхъ недостатковъ, но никакъ не неувисти партій.

«Намѣреніе мое, не позволить играть эту комедію, имѣетъ другія, уважительнѣшія причины. Одиѣ преждевременныя похвалы, которыми осыпали сочиненіе, охладили весь жаръ автора. Онъ желалъ отдать комедію свою на судъ безпристрастной публики, а не зрителей, привлеченныхъ на *chef d'oeuvre*.»

Кажется, вся эта исторія ничтожное, какъ одинъ изъ тѣхъ *шантскихъ пифффовъ*, которыми преждевременно располагають въ пользу новой піесы и упрочиваютъ славу

автора, впервые выступающего на поприще.

SECOND THÉÂTRE FRANÇAIS.

UNE FÊTE DE NÉRON, (Праздникъ Нерона), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, гг Сульё и Бельмонтё.

Не смотря на прекрасную трагедію Расина, *Britannicus*, гг. Сульё и Бельмонтё счумъли еще разъ рассказать всѣ злодѣянія и отцеубійство Нерона. Они рѣшились не щадить этого чудовища, между-тѣмъ, какъ Расинъ старался нѣсколько скрыть хвостъ и когти хищнаго животнаго, и смѣло приялись за пороки, кровопролитія, отравленія его. Сколько ужасныхъ, позорныхъ подробностей!

Въ новой трагедіи Неронъ влюбленъ не въ чистую, непорочную Юнію, но въ распутную Поппею. Соперникъ его, не благородный Британикъ, но низкій, подлый Отонъ, одно изъ пятенъ этого кроваваго правленія. У Расина всѣ вступаютъ еще во дворецъ Нерона со страхомъ и боязнію; въ новой трагедіи всѣ дурныя страсти и пороки дѣйствуютъ во дворцѣ смѣло, прямо, открыто; тамъ пьютъ и поютъ днемъ и ночью; самъ императоръ подаетъ примѣръ къ величайшему разврату и наконецъ убіеніе Агриппины, этой дочери, жены и матери властителей міра, служить какъ-бы дополненіемъ всѣхъ этихъ злодѣяній!

Зрители были обьяты невольнымъ страхомъ, невольнымъ ужасомъ, но ниодинъ голосъ не возвысился, чтобы обвинить авторовъ, такъ звучны, сильны стихи этой трагедіи, такъ хорошо выражено негодованіе! Каждый стихъ

напоминаетъ знаменитаго автора *Клителместры*.

—LE MÉDECIN DE SON HONNEUR, (Лекаръ собственной чести своей), драма въ трехъ дѣйствіяхъ, г. Ипполита Люка.

Испанскій дворянинъ, донъ Гютьерь, *лекаръ чести своей*—это наследственное родовое званіе его. Онъ женился на доннѣ Менціѣ, одной изъ очаровательнѣйшихъ красавицъ Кастильскихъ. Какъ *лекаръ чести своей*, донъ Гютьерь безпрестанно заботится о томъ, чтобы она не пострадала, но... увы! увы!

Донъ Генрихъ, братъ короля, любить донну Менцію, и что еще хуже, любимъ ею; а всего хуже то, что плутъ лакей, котораго зовутъ Кокеномъ, покровительствуетъ молодымъ любовникамъ.

Первыя два дѣйствія проходятъ очень-весело, въ забавныхъ выходкахъ и остроумныхъ штукахъ: но въ третьемъ горизонтъ помрачается — начинается драма.

Донъ Гютьерь играя на гитарѣ, на балконѣ жены своей, открываетъ всю интригу и рѣшается мстить — виноватъ! *вылечить* честь свою. Отелло задушилъ Дездемону подушкой, но донъ Гютьерь оригинальнѣе его: онъ призываетъ лекаря и грозитъ ему смертью, если онъ не согласится пускать доннѣ Менціѣ кровь до тѣхъ-поръ, пока она умретъ. Лекаръ повинуется, и ревнивый Испанецъ, *вылечивъ* такимъ-образомъ честь свою, отправляется на войну, чтобы погибнуть отъ руки не-пріятеля.

Эта драма, оригинальная по странности, своей, оканчивается

комплиментомъ къ публикѣ, въ ко-
торомъ послѣдній стихъ:

..... en ce cas
Messieurs, l'auteur se nomme Hippo-
lyte Lucas.

— LES RÉPARATIONS (Примиренія),
водевиль въ одномъ дѣйствіи г. Со-
важа.

М-ше Эрмансъ, старая дѣва, вла-
дѣтельница богатаго замка. Цѣ-
лые двадцать лѣтъ любить она г.
Пупине, стараго, почтительнаго и
робкаго холостяка, неосмѣливав-
шагося приступить къ рѣшитель-
ному объясненію. Притомъ-же Эр-
мансъ наследница имѣнія дѣла
молодаго человѣка, Анатоля, и
любя его, какъ сына, она считаетъ
непремѣннымъ долгомъ сдѣлать
его наследникомъ своимъ.

М-ше Эрмансъ взяла къ себѣ
въ домъ молоденькую сироту, Эль-
вину, и воспитала ее вмѣстѣ съ
Анатолемъ. Очень-натурально, что
молодые люди полюбили другъ-
друга.

Въ этомъ водевилѣ есть еще од-
но лицо, адвокатъ Гибуръ, кото-
рому очень хочется жениться на-
Эрмансъ. Онъ думалъ, что ему
удастся устроить такъ дѣла, что
старая вдова выйдетъ за него, Пу-
не женится на Эльвивѣ, а Анатолю
уйдетъ въ Индію. И точно вскорѣ
представляется ему случай пере-
ссорить всѣхъ.

Возлѣ самаго окна комнатки
Эльвины растетъ вишня. Одна-
жды утромъ молодая дѣвушка от-
крываетъ окно, протягиваетъ ру-
ку, чтобы сорвать вишню, какъ
вдругъ кто-то страстно цѣлуетъ
ручку ея. Это Анатолю, который,
какъ воробей, взобрался на ви-
шню и смотрѣлъ въ комнатку мо-

лодой дѣвушки. — А! господинъ
Анатолю, это нескромно!

На бѣду его, въ то самое вре-
мя какъ онъ слѣзалъ съ вишни,
подъ деревомъ проходилъ Гибуръ.
Анатолю упалъ на него, и бѣдный
адвокатъ, не успѣвъ разсмотрѣть
хорошенько, что такое упало ему
на голову, растянулся на землѣ;
между-тѣмъ молодой человѣкъ
успѣлъ убѣжать.

— Ага! говоритъ Гибуръ, вотъ
нынче какія вишенки падаютъ
съ этого дерева, или лучше ска-
зать, изъ комнатки Эльвины!....

Пошли толки, клеветы, ссоры.
Но Анатолю удастся поправить
все дѣло. Онъ женить Пупинѣ
на Эрмансъ, самъ испрашиваетъ
у послѣдней согласіе на бракъ
своей съ Эльвиной и прогоняетъ
адвоката.

Довольно-забавный водевиль.

THÉÂTRE DU VAUDEVILLE.

LE NOÛVEAU VASÉ (Пресыщенный),
водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ,
Гг. Дювѣра и Лозана.

Пьеръ - Понсу Нантульѣ трид-
цать два года; у него 200,000
лировъ ежегоднаго дохода, ве-
ликолѣпный домъ въ столицѣ,
предѣстная дача на берегахъ Се-
ны, множество друзей; онъ хо-
рошо образованъ, здоровъ, си-
ленъ, словомъ, онъ обладаетъ
всѣмъ, чтобы быть счастливымъ
въ полномъ смыслѣ этого слова.
Не-смотря на то, все надоѣло
ему, все утомляетъ его, онъ пре-
сытился всеми благами мірекими.

Нантульѣ былъ членомъ Жюкей-
клуба, но скачки надоѣли ему;
онъ былъ очень-счастливъ ган-

повицами, но онъ показались ему пьявицами, немѣющими даже врачебнаго свойства; за столомъ у него нѣтъ аппетита, шампанское производит на него дѣйствіе стараго пріятеля, съ которымъ мы все переговорили; онъ путешествовалъ: Англія показала ему кузницей, Швейцарія ледникомъ; онъ сталъ бросать деньги пригоршнями, въ годъ истратилъ 50,000 ливровъ доходу своего, но и это не произвело въ немъ нисколько ощущенія.

Что дѣлать? Прибѣгнуть къ самоубійству, *ultima ratio*, лишкомъ счастливыхъ людей? Глупо, Притомъ-же всѣ пріатели совѣтуютъ ему не принимать еще этой рѣшительной мѣры.

— Да что же прикажете мнѣ дѣлать? — спрашиваетъ Пьеръ-Понсъ.

— Выдумай что-нибудь новенькое.

— Какое новенькое?

— Дѣлай противное тому, что до-сихъ-поръ дѣлалъ.

— Экой вздоръ! Могу-ли я скакать верхомъ на танцовщицахъ, волочиться за лошадьми, пить трюфли и ѣсть шампанское?

— Нѣтъ, но ты можешь жениться.

— Жениться? восклицаетъ Нантулье. — А что-же? вѣдь и въ-самомъ-дѣлѣ! Конечно! Женюсь на первой женщинѣ, которая попадется мнѣ на глаза.

Въ это самое время входитъ вдова, еще довольно-свѣжая, г-жа Канари; она живетъ по сосѣдству и пришла просить миллионера, чтобъ онъ взялъ нѣсколько билетовъ на лотерею, въ пользу бѣдныхъ. Пьеръ-Понсъ тутъ-же пред-

лагаетъ руку, сердце, имущество свое и дѣлетъ двѣнадцать минутъ на размышленіе.

— Ни минуты! отвѣчаетъ модистка, которая между друзьями Нантулье встрѣчаетъ множество знакомыхъ. Одинъ напоминаетъ ей о загородной прогулкѣ, другой о балѣ, третій объ ужинѣ *tête à tête*... Вы видите, что г-жа Канари, вдовушка опытная,

По истеченіи двѣнадцати минутъ, зовутъ Пьеръ-Понса, который на это время удалился въ другую компанію; онъ не отвѣчаетъ на зовъ пріателей; тогда одинъ изъ нихъ идетъ къ нему и застаётъ его крѣпко спящимъ.

— Нѣтъ, говоритъ Нантулье, зѣвая и потягиваясь, и женитьба не выведетъ меня изъ затрудненія!

Женихъ остается одинъ съ невѣстой своей, но совѣщаніе ихъ продолжается недолго, по милости Равинара, слесаря, страстно влюбленнаго въ г-жу Канари. Два года тому назадъ обѣщала она отдать ему руку и сердце свое, но вдругъ исчезла.

— Такъ вотъ соперникъ мой! восклицаетъ Равинаръ, являясь на сцену съ балкона, на которомъ чинилъ перила.

Нантулье въ восторгѣ: этого-то ему и нужно было! Онъ чувствуетъ, что сердце его начинаетъ биться сильнѣе. Сбросивъ съ себя наскоро платье, вступаетъ онъ въ рукопашный бой со слесаремъ; то нападая, то отступая доходятъ они до балкона... но перилы еще неутверждены, и оба съ балкона падаютъ въ рѣку! Прибѣгаютъ слуги, ищутъ, бросаютъ сѣти, новсе тщетно. Оба погибли!..

Однакожъ нѣтъ, Нантулье уда-

лось спастись; онъ вышелъ на противоположный берегъ... сердце его билось сильно, слишкомъ-сильно, потому-что онъ сдѣлался убійцей. Мучимый угрызеніями совѣсти и страхомъ, прибѣгаетъ онъ къ престланной крестьяночкѣ, Луизѣ, крестницѣ своей, и проситъ, чтобъ она спасла его. Благодаря стараніямъ и рекомендаціи Лузы, Пьеру-Понсу удается вступить, подъ именемъ Жака, пастухомъ къ одному изъ фермеровъ своихъ.

И нашъ добрый Нантулье, скрывающійся отъ преслѣдованій правосудія, долженъ вставать до восхода солнечнаго, ѣсть утромъ и вечеромъ чорствый хлѣбъ да капусту, и пасти стадо. Но за то какъ измѣнился *пресыщенный*: малѣйшая вещь радуется его; онъ устааетъ до нельзя, возвращается каждый вечеръ домой съ неимовернымъ аппетитомъ, спитъ крѣпко, хотя страшныя видѣнія часто тревожатъ его. Слесарь, жертва, является каждую ночь къ изголоvery убійцы своего.

Но не одно чувство страха тревожитъ Пчерь-Понса; любовь въ первый разъ вкралась въ сердце его. Онъ влюбился въ крестницу свою. Кажется ужъ довольно различныхъ ощущеній волнуютъ душу Нантулье, но это еще не все.

На ферму прибѣгаетъ судья, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей, наслѣдниковъ, друзей и товарищей Нантулье, которыми онъ оставилъ по духовной все имѣніе свое. Бѣдный Жакъ-Нантулье долженъ много претерпѣть; его заставляютъ прислуживать прежнимъ приятелямъ своимъ, которые теперь насмѣхаются

надъ мнимымъ покойникомъ и бранятъ его; даже самъ фермеръ позволяетъ себѣ нѣкоторыя шутки на счетъ его. Несчастный переноситъ все это стоически — что-же дѣлать? Вѣдь онъ самъ желалъ сильныхъ ощущеній!

По-счастью вскорѣ представляется ему средство отомстить за себя. Наслѣдники, вмѣстѣ съ судьей, пошли осматривать ферму, оставивъ на столѣ всѣ бумаги; Пьерь-Понсъ схватываетъ перо и приписываетъ къ духовной:

«Такъ-какъ очень можетъ стать-ся, что завтра я утоплюсь, то и измѣню прежнія распоряженія свои и назначаю наслѣдницею всего моего имѣнія крестницу Луизу.»

Нельзя представить себѣ изумленія и досады молодыхъ людей, когда судья прочелъ эти слова. Всѣ начинаютъ ухаживать за молоденькой наслѣдницею, даже самъ старый фермеръ. Надѣясь спасти Пьерь-Понса, Луиза почти соглашается отдать руку одному изъ осаждающихъ сердце и имѣніе ея. Тогда Нантулье уже не въ силахъ удерживаться и откровенно всѣмъ присутствующимъ.

— Вы сами предаете себя въ руки правосудія! восклицаетъ судья: — именемъ законовъ арестую васъ, какъ убійцу Равинара.

Бѣдняка запираютъ до прибытія префекта, за которымъ посылаютъ. Пьерь-Понсъ начинаетъ находить, что послѣднее ощущеніе его уже черезъ-чуръ сильно и рѣшается бѣжать, но какъ? У каждой двери стоитъ жандармъ. Вдругъ замѣчаетъ онъ въ полу траппъ... О счастье! Нантулье спасенъ. Не теряя ни минуты, спускается онъ въ подвалъ, но

почти въ тоже мгновеніе оттуда слышатся крики, вопли, стоны! Блѣдный, съ выраженіемъ высочайшаго ужаса на лицѣ, выбѣгаетъ оттуда Нантулье. Почти вслѣдъ за нимъ изъ траппы подымается блѣдная фигура Равинара... Пьеръ-Понсъ почти сходитъ съ ума.. Куда ни бросится, куда ни поворотится онъ, вездѣ предъ нимъ является блѣдное, грустное, но вмѣстѣ грозное лицо Равинара... Нантулье бросается на привидѣніе жертвы своей, но силы измѣняютъ ему и онъ лишается чувствъ...

Вскорѣ все дѣло объясняется. Равинаръ, полагавшій также какъ и Нантулье, что утопилъ противника своего, искалъ убѣжища въ той-же самой фермѣ, на которой Пьеръ-Понсъ сдѣлался пастухомъ.

Нантулье женится на Луизѣ.

Давно на французскихъ театрахъ не было такой забавной, остроумной и интересной отъ начала до конца, пьесы, и давно ни одна пьеса не заслужила такого блистательнаго успѣха. Арналь, въ роли Пьеръ-Понса Нантулье превосходитъ, тѣмъ - болѣе, что тутъ есть сцены драматическія; съ совершенствомъ отгнѣвивъ малѣйшія подробности этою богатой и весьма-трудной роли, Арналь сталъ на ряду съ *Верне* и *Буффѣ*, знаменитѣйшими французскими комиками.

Желательно-бъ было видѣть эту пьесу и на сценѣ Михайловскаго Театра.

THEATRE DU GYMNASIUM-DRAMATIQUE.

DANIEL LE TAMBOUR, (Барабанщикъ Даніель), водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Оврѣ.

Барабанщикъ Даніель, красивый и умный мальчикъ, тайно женился на сестрѣ маркиза де Санвиля — но увы! четыре года спустя, бѣдный Даніель долженъ разстаться съ женой и трехлѣтней дочерью: его зовутъ долгъ службы. Проходитъ много лѣтъ, барабанщикъ получаетъ извѣстіе о смерти жены, но участь дочери ему неизвѣстна. Съ сокрушеннымъ сердцемъ, возвращается Даніель на родину и тщетно ищетъ дочь свою. Остановившись въ одномъ селеніи, Даніель случайно встрѣчаетъ молодую дѣвушку, дочь помощника мера. Какое-то неизъяснимое, симпатическое чувство влечетъ его къ этой дѣвушкѣ. Но бѣдная Луиза не счастлива—она любитъ графа Густавъ, а отецъ принуждаетъ ее выйти за капитана Этьена. Луиза готова покориться волѣ отца, но Даніель, принимая живѣйшее участіе въ судьбѣ молодой дѣвушки, рѣшается во-что бы-то ни стало, препятствовать этому браку и помочь ей выйти за того, кого она любитъ.

— Можеть-быть, говорить онъ со слезами на глазахъ: Господь вознаградитъ меня за это и пошлетъ защитника дочери моей!

Въ то самое время, когда всѣ офицеры собрались, чтобы подписать свадебный контрактъ, раздается барабанный бой и всѣ офицеры оставляютъ нотариуса одного съ Луизой и отцомъ ея.

Это была одна пустая тревога — хитрость Даніеля, которая могла только отсрочить злополучную минуту; но графъ де Санвиль, тотъ самый, на сестрѣ котораго женился барабанщикъ, шутить не любить. Хотя этотъ графъ очень богатъ, однакожъ ему еще хочется

овладеть двумя или тремя миллионами, оставленными Луизой в наследство матерью ее. Вот почему он заставил агента своего, Жиродо, приваить къ себѣ въ домъ Луизу и назвать ея дочерью своею. Отцовское сердце не обмануло бѣднаго барабанщика!

Графъ непременно хочет выдать Луизу за капитана Этьенъ, потому что онъ удовольствуется 200.000 франковъ приданого, а не за графа Густава, которому лучше известны дѣла и который, можетъ-быть, захочетъ узнать настоящую фамилію невесты своей.

По счастью Даніель опять приходитъ на помощь молодымъ любовникамъ; онъ угрожаетъ графу Жиродо, плачетъ, смѣется, узнаетъ дочь свою и хочетъ уже сказать ей:

— Я отецъ твой! но удерживается... онъ бонитъ разстроить этимъ бракъ ея. Впрочемъ, до возвращенія въ подкъ ему остается одно утѣшеніе. Луиза позволяетъ ему поцѣловать себя!

Очень-милый, трогательный водевиль, имѣвшій успѣхъ.

L'ITALIEN ET LE BAS-BRETON, водевиль въ одномъ дѣйствіи, г. Армана Дюрантѣя.

Добракъ г. Боннаръ очень заботится о воспитаніи единственной дочери своей, Анны. Однажды онъ приводитъ къ ней учителя итальянскаго языка. Керкадекъ, Бретанецъ, и ни слова не знаетъ по-итальянски, но за то онъ крѣпко влюбленъ въ хорошенькую Анну. А вѣдь вы знаете, какъ молодые влюбленные хорошо понимаютъ *нѣмой* языкъ... одного жеста, одного взгляда достаточно, чтобы

передать другъ другу цѣлую поэму! По этому-то самому Керкадекъ и не заботится о языкѣ Ариоста, Данта и Тасса!

Вдругъ, на бѣду молодыхъ людей, приѣзжаетъ изъ Италіи племянникъ Г. Боннара, Франсисъ. Старикъ въ восторгѣ; наконецъ дочери его будетъ съ кѣмъ поговорить по итальянски. Керкадекъ очень безпокоится, потому что теперь все откроется. Но... о радость! о счастье! Франсисъ самъ ни слова не знаетъ по-итальянски; онъ даже не выѣзжалъ изъ Франціи, а женился, и теперь ищетъ въ родномъ языкѣ своемъ самыя мягкія, нѣжныя слова, чтобы выпросить прощенія у дядюшки. Керкадекъ въ восторгѣ, но радость его не продолжительна, потому что къ Г. Боннару приѣзжаетъ наконецъ изъ Италіи настоящій Итальянецъ, *italianissimo*!

Трое пріятелей нашихъ совѣщаются и наконецъ находятъ довольно забавное средство выпутаться изъ бѣды. И вотъ снова Керкадекъ и Франсисъ принимаются доказывать несчастному Николини, что онъ не Итальянецъ, что онъ, просто, обманщикъ, *рег Вассо*! они не позволяютъ издѣваться надъ собою!

Итальянца выгоняютъ, Керкадекъ женится на Аннѣ, а Франсисъ испрашиваетъ прощеніе у дядюшки и получаетъ позволеніе представить ему жену свою. Живою, остроумненькой водевилъ.

MANON (Манонъ), водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Г. Жюля и Премарѣ.

Въ этой піесѣ Г. Премарѣ мѣтеть уже на высокую драму; онъ берется за исторію, ему нужны героини, принцессы. Драма начи-

нается въ Арльерѣ, на берегу Нормандіи, у Г. Лабордена, аптекаря позаватію, приверженца Мазарена по мнѣнію. Дочь Аптекаря, Юлія, и молодой адвокатъ Нормандскаго Парламента, Делоне, очень-заняты взаимною любовью своею. Но Г. Делоне не только адвокатъ, онъ и поэтъ; доказательствомъ тому служить героическая поэма, которую онъ написалъ въ честь герцогини де-Лонгвиль. Онъ читаетъ эту поэму съ такимъ восторгомъ, что проходившая служанка, Манонъ, испугалась, уронила и разбила блюдо, которое держала въ рукахъ. Но кто эта Манонъ? Эта величественная красавица съ гордымъ, повелительнымъ взглядомъ и нѣжной бѣлой ручкой? Это сама Герцогиня де-Лонгвиль! она переодѣлась въ грубое платье служанки для того, чтобы избѣгнуть опасности, которую угрожаютъ ей преслѣдованія Мазарена.

И точно, во второмъ дѣйствіи Манонъ опять превратилась въ Герцогиню, служанка аптекаря опять слѣзлась открытой неприятельницей Королевы. Между-тѣмъ Королева какъ-то случайно увидала адвоката Делоне, поэма котораго такъ понравилась Герцогинѣ; молодой поэтъ-красавецъ очень понравился Королевы и она улыбнулась ему очень-ласково. Это весьма не понравилась ревнивой герцогинѣ, и она рѣшается отправить адвоката куда нибудь подальше, хоть на край свѣта. Де-Ларошфуко, постоянный поклонникъ герцогини, очень беспокоится объ участіи, оказываемомъ ею адвокату, и онъ имѣетъ съ ней объясненіе, послѣ котораго довольно-нѣжливо поступаетъ съ молодымъ человѣкомъ. Обида Гер-

цога чрезвычайно оскорбляетъ молодого адвоката. Но что дѣлать? Онъ, неимѣющій никакого титула, не можетъ-же вызвать на дуэль Герцога Но Г-жа де-Лонгвиль не перестаетъ заботиться объ немъ и доставляетъ ему графское достоинство

Все идетъ хорошо. Делоне Графъ, слѣдовательно можетъ вызвать на поединокъ Герцога; онъ любитъ Герцогиню де-Лонгвиль и любимъ ею! Но прибытіе семейства аптекаря опять разстроиваетъ все дѣло. Въ сердцѣ Делоне опять пробуждается любовь къ хорошенькой дочери аптекаря; онъ колеблется между молодою дѣвушкою и знатной дамою, не зная, которой отдать преимущество; но Г-жа де Лангвиль шутить не любитъ, и видя нерѣшительность молодого человѣка, изъ ревности передаетъ его въ руки Мазареновскихъ шпионовъ, какъ человѣка, принимавшаго дѣятельное участіе въ заговорѣ противъ перваго министра. Делоне могъ-бы отомстить за себя, открывъ Кардиналу тайны дѣйствія Герцогини, но, какъ человѣкъ благородный, онъ этого не дѣлаетъ. Такимъ великодушіемъ, онъ приобретаетъ всеобщее уваженіе; ему возвращаютъ свободу, и отказавшись отъ званія графа, Делоне возвращается въ Арльеръ, гдѣ женится на дочери аптекаря. Въ водевилѣ этомъ на каждомъ шагу проявляется неопытность молодого автора; впрочемъ въ немъ есть нѣкоторыя хорошія сцены.

THÉÂTRE DU PALAIS-ROYAL.

UNE INVASION DE QRISSETTES, (Нашествіе гризетокъ), водевилъ въ двухъ

дѣйствіяхъ Гг. Вареня и Этьеня Араго.

Луиза, молоденькая шестнадцатилѣтняя сирота, похищена изъ сословія раскрашивальщицъ, — которому она служила лучшимъ украшеніемъ, — однимъ молодымъ человѣкомъ, другомъ покойнаго брата ея, убитаго на дуэли. Леонаръ — такъ зовутъ молодаго человѣка — велѣтъ когда самую безпорядочную жизнь; но теперь онъ исправился, онъ любить Луизу и поклялся брату ея, служить ей защитникомъ и покровителемъ.

Чтобы выполнить достойнымъ образомъ возложенную на него обязанность, онъ началъ съ того, что, помѣстивъ Луизу въ семействѣ одного почтеннаго учителя словесности, возложилъ на него обязанность заботиться объ образованіи ея.

Но бывшія подруги Луизы вскорѣ открыли убѣжище ея и сговорились исторгнуть ее изъ рукъ того, котораго онѣ называли тираномъ ея. И вскорѣ толпа этихъ беззаботныхъ, безпечныхъ гризетокъ вторгается въ домъ добраго учителя, съ громкимъ шумомъ требуя выдачи прежней подруги ихъ, и не прежде удаляется, пока Луиза не удается увѣрить ихъ, что она очень счастлива.

Довольно — забавный водевилъ, хотя не совсѣмъ благопристойный, но милости неумѣренныхъ шуточекъ гризетокъ.

— *LES MÉMOIRES DE DEUX JEUNES MARIEES*, (*Записки двухъ молодыхъ женъ*), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. г. Деннери и Клервиля.

Матильда недавно вышла за Г. Дюмонтеля, но уже раскаивается

въ томъ. Мужъ ея гораздо старѣе ея; какъ человѣкъ положительный, негодіантъ въ душѣ, онъ гордится тѣмъ, что не знаетъ никакого толку ни въ поэзии, ни въ изящныхъ искусствахъ; вздохи Вертера, сантиментальность Абелярда, жадобы Антони усыпляютъ его; но за то, Г. Дюмонтель человѣкъ добрый, честный, прямодушный и кроткій. Много женщинъ удовольствовались бы этими качествами, но Матильда оплакиваетъ потерю свободы своей, и, какъ бы для препровожденія времени, внимаетъ Г. Делиньи, молодому адвокату, замысловато — излагающему теоріи любви и удовольствія. Сверхъ того, она сама записываетъ ежедневно свои практическія идеи о замужствѣ, неприятныя ощущенія, разочарованія свои.

Эти записки, назначаемыя Матильдой подругѣ ея, Амеліи, тщательно скрыты въ бюро, отъ котораго Дюмонтель имѣетъ однакожъ двойной ключъ. Обезпокоенный постоянной грустью жены, онъ отворяетъ бюро, находитъ драгоценную рукопись, читаетъ ее и съ ужасомъ видитъ, какая страшная опасность угрожаетъ ему.

Начинается борьба: жена слаба, любовникъ предприимчивъ, мужъ хитеръ; отсюда множество хитростей, интригъ и остроумныхъ quiproquo.

Между тѣмъ Дюмонтелю удается перехватить письмо Амеліи къ Матильдѣ — также въ родѣ записокъ. Изъ этого письма явствуетъ, что 1) Делиньи, чтобы легче было овладѣть Матильдой, выдаетъ себя за холостяка, между тѣмъ какъ онъ только недавно женился на

Амелин; 2) что Амелия, обманутая мужемъ вскорѣ послѣ замужства, искала утѣшителя, и нашла его въ одномъ изъ кузеновъ своихъ, который покуда только еще оплакивалъ съ нею несчастный союзъ ея; но вѣдь нельзя-же все плакать, а потому..... Делинья самъ находится въ опасности сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ сдѣлать Дюомьтеля.

Послѣдній въ восторгѣ отъ этого открытія и совѣтуетъ адвокату не поджигать чужаго дома, когда въ своемъ дому горитъ!

Делинья самъ находитъ, что негодичантъ правъ. Отказавшись отъ нападательной системы, онъ долженъ приняться за оборонительную, и потому, не теряя ни минуты, бѣжитъ къ желѣзной дорогѣ, чтобы ѣхать изъ Руана въ Парижъ, гдѣ живетъ жена его; но увы! машина уже отправилась, надобно ждать до другаго дня!

А ночь чрезвычайно-дълга... устоитъ-ли еще добродѣтель Амелин до слѣдующаго утра? Въ этомъ вопросѣ заключается вся мораль этой хорошенькой пьесы.

THÉÂTRE DE LA PORTE SAINT-MARTIN.

L'OMBRE (ТѢНЬ), балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, братьевъ Коньяръ.

Въ живописной тирольской деревушкѣ живутъ два отца — у одного сынъ, котораго зовутъ Максомъ, у другаго — дочь Кретли.

Старики — большіе приятели, и имъ-бы очень хотѣлось соединиться еще тѣснѣйшими, родственными узами, женивъ дѣтей своихъ. Кретли не прочь отъ того, но у Макса на совѣсти лежитъ маленькій розовый плодъ любви его, съ

бѣдною дѣвушкою той-же деревушки, прелестной Маріей.

Однако, подобно всѣмъ обольстителемъ, онъ заставляетъ умолкнуть голосъ совѣсти своей и готовъ уже подписать актъ, который долженъ на-вѣки соединить его съ Кретли, какъ вдругъ является Марія, блѣдная, съ заплаканными глазами; она кладетъ ребенка своего къ ногамъ вѣроломнаго и исчезаетъ... платокъ, найденный на скалѣ, на краю глубокой пропасти, свидѣтельствуетъ о гибели ея.

Бѣдный Максъ сходитъ съ ума!..

Но Марія не погибла... какой-то цыганъ спасъ ее, и чрезъ нѣсколько времени, она возвращается на родину. Максъ, увидѣвъ ту, которую онъ нѣкогда любилъ, принимаетъ ее за привидѣніе, за тѣнь; бросается вслѣдъ за нею, преслѣдуется, зоветъ ее и мало-по-малу тѣнь позволяетъ ему приблизиться къ себѣ... тогда разсудокъ возвращается къ Максу... Марія жива и будетъ его женою!

Милыя декорации, разнообразныя и граціозныя картины, доставили этому балету успѣхъ.

— LES ILES MARQUISES (МАРКИЗСКІЕ Острова), обзорѣніе въ двухъ дѣйствіяхъ, гг. братьевъ Коньяръ и Теодора Мюрѣ.

Г. Пуфѣръ отправляется на Маркизскіе Острова съ подарками разнаго рода. Всѣ эти подарки ничто иное, какъ пародіи на пьесы и вообще событія надѣлавшія въ 1843 году шуму.

Это одинъ изъ тѣхъ фарсовъ à propos, которые являются обыкновенно въ концѣ каждаго года на парижскихъ театрахъ.

THEATRE DU CIRQUE-OLYMPIQUE.

LE VENGEUR (Мститель), морская драма въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Фердинанда Жалю и Лабрусса.

Циркъ, на фронтисписѣ котораго съ 1830 года сдѣлана надпись *Национальный - Театръ*, въ послѣднее время съ огромнымъ успѣхомъ выполнилъ назначеніе свое. Всѣ чудеса и самоотверженіе героизма временъ республики и правленія Наполеона передаются въ немъ съ невообразимымъ великолѣпіемъ.

Сюжетомъ новой драмы служитъ изумительное самоотверженіе французскаго корабля *Le Vengeur*, могущее стать на ряду съ славнѣйшими дѣяніями древнихъ временъ.

28-го мая 1794 года, флотъ, отправившійся изъ Бреста, встрѣтилъ англійскую эскадру, крейсировавшую около береговъ Франціи. Адмиралъ Вилларе-Жоаёзъ получилъ приказаніе избѣгать битвы; но какъ повиноваться этому повелѣнію, встрѣтившись съ неприятелемъ?

Дѣло завязалось 1-го іюня. Обѣ стороны дрались съ ожесточеніемъ, съ яростью народной ненависти. Французскіе моряки погибли со славою.

— Дай Богъ, говорили нѣкоторые, чтобъ смерть ваша была полезна отчизнѣ!

— Мужайтесь, друзья! восклицали другіе; мстите за смерть нашу!

Не-смотря на то, что неприятель былъ сильнѣе и многочисленнѣе, *Мститель*, разбитый, впускавшій въ себя воду со всѣхъ сторонъ, отстаивалъ героически каждый шагъ и не допускалъ неприятеля къ абордажу.

Ничто не можетъ сравниться съ эффектомъ, произведеннымъ на зрителей третьимъ дѣйствіемъ!

Ночь. Свѣтъ луны изрѣдка пробивается сквозь густой дымъ, и яркіе огни изъ пушекъ, безпрестанно прорѣзываютъ воздухъ... *Мститель*, готовый лучше погибнуть, нежели сдать, медленно тонетъ... На палубѣ его собрался весь экипажъ; на мѣстѣ разбитой мачты, водрузили они знамя республики; руки всѣхъ подняты къ небу... Еще разъ страшный залпъ изъ всѣхъ пушекъ погибающаго корабля наводитъ на неприятеля ужасъ, и *Мститель* погружается въ пучину!.. Вода съ шумомъ кружится и пѣнится; потомъ мало-по-малу сглаживается и только вдаль виднѣется торжествующая англійская эскадра!..

Обстановка этого величественнаго, патріотическаго сюжета великолѣпна. Дирекція Цирка ничего не пожалѣла для усовершенствованія декорацій, костюмовъ и всѣхъ прочихъ подробностей, могущихъ содѣйствовать успѣху представленія.

И успѣхъ былъ самый блистательный и залужонный.

II.

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ.

THEATER AN DER WIEN.

Ein Abend, eine Nacht und ein Morgen in Paris. (Вечеръ, ночь и утро въ Парижѣ.) Водевиль въ четырехъ картинахъ, Фридриха Кейзера.

Водевиль этотъ принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ пьесъ

« съ великолѣпнымъ спектаклемъ т. е. такихъ, въ которыхъ главное составляютъ декораціи, обстановка, спектакли. Съ-годъ тому назадъ, онъ производилъ фуроръ въ Парижѣ, и теперь, передѣланный на нѣмецкую сцену талантливымъ драматургомъ Ф. Кейзеромъ и обставленный здѣшнимъ декораторомъ, господиномъ де-Шанъ, доставилъ этому послѣднему блестящій приемъ многочисленной публики. Что касается до самой пьесы, то она не хуже и не лучше всѣхъ такого рода пьесъ, не лучше потому, что въ ней также, какъ и во всѣхъ подобныхъ пьесахъ, немного дѣйствія и нѣтъ почти никакого плана; не хуже потому, что она вообще исполнена веселости и остроумія. Содержаніе ея слѣдующее: Дядя, честный деревенскій помѣщикъ, старается спасти своего племянника изъ пучины всемірной столицы, въ которой тотъ по молодости, и легкомыслію, легко можетъ погибнуть и чуть-чуть уже не погибаетъ. Племянничекъ, понадѣлавъ долговъ, не въ состояніи заплатить ихъ и въ-слѣдствіе этого, подпадаетъ опасности познакомиться съ тюрьмою. Дядя тщетно отыскиваетъ своего племянника по Парижу; племянникъ безпрестанно выдумываетъ разныя новыя хитрости для укрывательства отъ своихъ кредиторовъ. Наконецъ счастливый случай сводитъ обоихъ. Дядя платитъ долги племянника; племянникъ женится на любимой имъ дѣвушкѣ и всѣ возвращаются подъ мирный деревенскій кровъ свой, который хотя и не представляетъ такихъ развлеченій, но въ которомъ зато и нѣтъ

такихъ опасностей, какъ въ веселой столицѣ міра.

POFTHEATER NAESCHT DER BURG.

DIE UNSICHTBARE BESCHÜTZERIN.
(Невидимая покровительница.) Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго Гейрихомъ Бронштейномъ.

Не совсѣмъ-удачно переведенная комедія Александра Дюма: «Les demoiselles de Saint-Cyr.»

III.

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Новый балетъ: «The Devil in Love» (Влюбленный дьяволъ), поставленный 20-го ноября на Дрюлиенскомъ театрѣ, чрезвычайно понравился. Новая шутка: «Landing a Ghost», давняя въ тотъ-же вечеръ на Геймаркетскомъ театрѣ, хотя и не отличается особенными достоинствами, но принята была очень-хорошо. — Новая двухъ-актная шутка: «The mysterious family», представленная въ первый разъ на Adelphi-театрѣ, не смотря на свою посредственность, хорошо была принята большинствомъ публики, жадно требующей новаго и новаго. При такомъ изобиліи новостей, назначенныхъ большею частию лондонскихъ театровъ на 20-е ноября, разумѣется, не могли отставать также и театры Принцессы и Adelphi. Первый далъ небольшую шутку: «Out for a Lark», а послѣдній комедію «Game and Game» и «An armful of Bluss», и всѣ эти пьесы приняты довольно-снисходительно. Но самый блиста-

тельнѣйшій успѣхъ имѣла данная на театрѣ Astley новая пѣса: «The victories of Murat, the soldier of France; of the General, Prince and King», пѣса, въ которой представлена цѣлая жизнь этого замѣчательнаго человѣка. Успѣхъ ея былъ неимоверенъ. — Новый балетъ: «Le rêve du Pygmalion», представляемый юными артистами господина Кастелли, на театрѣ Сен-Жемсъ, доставляетъ чрезвычайное удовольствіе дѣтямъ. Концерты-променады г-на Жюльена въ Англійской Оперѣ идутъ чрезвычайно-удачно.

27-го ноября н. с. представлена была въ первый разъ на Дрюиленскомъ театрѣ, давно ожидаемая новая опера Балфи: «The Bohemian Girl». Опера эта, о которой уже заранѣе говорили, какъ о превосходнѣйшемъ произведеніи англійскаго композитора, дѣйствительно имѣла блестящій успѣхъ. Либрето оперы нечто иное, какъ передѣлка прославленнаго незабвенною Фанни Эльслеръ балета «Gipsy». Авторъ его, Бунизъ, не отступалъ ни на шагъ

отъ программы балета, кромѣ того только, что перенесъ мѣсто дѣйствія изъ Шотландіи въ Венгрію, и трагическую развязку обратилъ въ веселую. Музыка чрезвычайно-близка къ новой итадіанской школѣ. Великолѣпіе декорацій превосходитъ все доселѣ видѣнное. Главныя роли занимаютъ миссъ Райнфортъ (Rainforth), г-жа Гаррисонъ и Боррани — Новый комическій балетъ «Frolics of Humen», представленный 27-го ноября на театрѣ Adelphi, не понравился; напротивъ того, передѣланная съ французскаго шутка: «The Merchant and his Clerks» имѣла чрезвычайный успѣхъ. — Небольшая новая шутка Мовкрейфа: «Wowing a Husband» въ которой дебютировала извѣстная артистическая чета: г-нъ и г-жа Келей, принята была публикою театра Принцессы съ большимъ одобреніемъ — Французская дѣтская труппа, дававшая представленія свои на театрѣ St. James, 30 ноября кончила свой сезонъ и отправилась обратно въ Парижъ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ.

1) ЕКАТЕРИНБУРГСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Письмо къ редактору).

Со всѣхъ сторонъ православной Руси шлютъ въ Репертуаръ и Пантеонъ вѣсти о провинціальныхъ театрахъ, объ ихъ достоинствахъ, недостаткахъ, успѣхахъ и неудачахъ; но никогда еще, кажется, на листахъ Репертуара и Пантеона не помѣщалось извѣстій изъ-за Уральскихъ горъ, изъ Азіи, хотя и здѣсь та-же Русь, тотъ же народъ русской, пріятливый, радушный, которому также нечуждо чувство изящнаго. И здѣсь, какъ и въ Россіи (такъ называютъ въ Сибири всѣ европейскія русскія губерніи) также быстро стремленіе къ просвѣщенію, образованности и европейской гражданственности; но при этомъ стремленіи не забываютъ однако-жъ и любви къ отечеству, не пренебрегаютъ ни ѣмъ русскимъ и Русскими, не представляютъ хорошее отечественное худымъ, а посредственное сквернымъ. Конечно и у насъ не безъ фанфароновъ и не безъ подражаній львиному племени, она-грамъ и другимъ племенамъ разныхъ породъ звѣрей человѣковъ; но, слава Богу, такія явленія рѣдки и на нихъ смотрятъ *простодушные* (по выраженію столичныхъ жителей) провинціалы, какъ на заморскихъ звѣрей и разныхъ чудовищныхъ гадовъ, привозимыхъ иноземцами на показъ въ Россію, наравнѣ съ фокусъ-покусами, съ тою только разницею, что однихъ

смотреть съ любопытствомъ и за деньги, а другихъ съ отвращеніемъ и даромъ.

Но все это въ сторону. Сообщи лучше вамъ о нашей небывалой новости, о нашей радости, о нашихъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ. Вы смѣетесь и говорите, можетъ быть, милостивый государь: «Фил въ провинціи удовольствія и наслажденія!!» Да, да, милостивый государь, мы хотя и далекіе провинціалы, но также вѣдь люди; и въ насъ также сердца, въ простотѣ своей, могутъ чувствовать прекрасное, изящное, и, можетъ-быть, бьются эти сердца теплѣе и сильнѣе еще, чѣмъ у нѣкоторыхъ столичныхъ русскихъ европейцовъ. Не правда-ли, что прекрасное всегда должно быть прекрасно, и должно быть одно и тоже для всѣхъ, съ тою разницею, что ивдѣ оно бываетъ прекрасно, а въ другомъ мѣстѣ прекраснѣе, и такъ дальѣе, по степенямъ сравненія? Слѣдовательно, и судить объ немъ или измѣрять его должно по этимъ степенямъ; но какъ-бы ни была низка степень, а все-таки прекрасное останется прекраснымъ. Оно находится вездѣ, гдѣ есть природа, — а гдѣ нѣтъ природы? Гдѣ есть природа и человѣкъ, тамъ есть и подражаніе ей, а гдѣ подражаніе, тамъ и искусство, опять — прекрасное. А гдѣ прекрасное, тамъ и удовольствіе и наслажденіе. Не отвергайте же у насъ въ далекой за-Уральской провинціи прекраснаго и, не-

необходимого съ нимъ удовольствія для человѣка.

Екатеринбургъ, красивый, многолюдный и лучшій изъ городовъ во всей Сибири, расположенъ на р. Исети, въ 50 ти почти верстахъ отъ черты, означющей самое высокое возвышеніе Уральскаго хребта, которая и составляетъ раздѣленіе водныхъ системъ, западной европейской и восточной сибирской. Въ настоящее время считается въ немъ до 18 тысячъ жителей. Онъ обстроены и обстроивается весьма-многими прекрасными каменными зданіями, принадлежащими казнѣ, а болѣею частью частнымъ людямъ. Въ немъ находится обширный монетный дворъ, гранитная фабрика, мѣсто пребываніе Главнаго Управленія Горными заводами всего хребта Уральскаго и Управленія Екатеринбургскими заводами. Многочисленное кучество ведетъ обширную торговлю, и притомъ болѣешая часть купцовъ золотопромышленники. Жаль только, что всѣ они почти старообрядцы или раскольники, впрочемъ это не мешаетъ имъ быть достойными гражданами и людьми нечуждыми общественныхъ удовольствій. Въ Екатеринбургѣ отъ его основанія (а основанъ онъ 120 лѣтъ), никогда не бывало театра. Жители его слыхали о театрѣ и о сценическомъ искусствѣ отъ бывальцовъ въ столицахъ и отъ приѣзжихъ изъ нихъ, или читали драматическія сочиненія, а сцены никакъ не видали; вышѣ же, о чудо чудное! театральнѣйшій духъ самъ залетѣлъ за Уральскій хребетъ. Русское спасибо ему, что онъ не побоялся ни трескучихъ морозовъ, ни глубокихъ снѣговъ,

ни мрачныхъ лѣсовъ, ни угрюмыхъ горъ, ни дикихъ пустынь, ни лютыхъ звѣрей, ни диковинныхъ людей, представляемыхъ нѣкоторыми борзыми раскачками-нелюдимами или чуть-ли не вѣдождами. Его пригрѣли здѣсь тепломъ русскимъ, приласкали, приголубили русскимъ радушіемъ. Ему весело и раздольно теперь. Онъ радуется и ему отаѣчаютъ тѣмъ-же. Словомъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ къ нимъ прибыла театральная труппа П. А. Соколова. Устройство временный театръ и начался представленія съ 5 ноября. Помѣщеніе, хотя недостаточное по числу желающихъ зрителей, но по возможности удобное и со всѣми необходимыми принадлежноостями. Содержатель театра, Г. Соколовъ, человѣкъ съ благородной душою, съ примѣрнымъ безкорыстіемъ и честностію, весь преданный своему искусству, живущій уже болѣе 30 лѣтъ въ театральномъ мѣрѣ, и живущій только для театра, исполняющій всѣ свои обязанности къ публикѣ и къ своей труппѣ добросовѣстно и съ усердіемъ, какъ хозяинъ театра, или болѣе какъ отецъ, любимый своею труппою, заслуживаетъ всего вниманія и уваженія просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ любителей театра.

По первому объявленію его публикѣ, когда устроивалось еще театральное зданіе, всѣ мѣста, занимающія ложи, цѣною по 75 к. сереб., и всѣ кресла, кромѣ послѣднихъ двухъ рядовъ, были уже абонированы, такъ что за недѣлю до перваго представленія въ счетъ абонимента, невозможно было купить мѣста въ остальныхъ послѣд-

нихъ рядахъ. Такое явленіе въ исторіи театровъ кажется очень-удивительнымъ, особенно въ провинціи. Къ-чему отнестись такую жажду желаній видѣть представленія? Не ввая ни труппы, ни достоинства играемыхъ Г. Соколовымъ пьесъ, абонировать почти весь театръ на всю зиму — удивительно!!

Впрочемъ надобно признаться, что когда шли театральныя представленія, то многие изъ любителей, въ томъ числѣ и я нижеподписавшійся, думали себѣ, а иногда и говорили: «Что-то будетъ; едвали что выйдеть порядочное; должно-быть какой-нибудь шарлатанъ захалъ къ намъ морочить честной народъ, и на счетъ легковѣрныхъ и не взыскательныхъ, хочеть пожить, или даже, если можно, и понажится.» Такія думы западали, говорю, и въ моей головѣ до самаго перваго представленія 5 ноября. Наконецъ насталъ и этотъ день и часъ представленія. Отправляемся, колеблемые все еще сомнѣніемъ и невѣріемъ. Наружность зданія довольно-благообразная, но это къ Г. Соколову не относится: строеніе старое. Входимъ. Входы защищены отъ холоднаго воздуха особеннымъ устройствомъ. Озвѣщеніе прекрасное, устройство мѣстъ для креселъ, для ложъ и для партера, рассчитано съ математическою аккуратностію, красиво, удобно, уютно, какъ нельзя лучше. Прорѣзъ на сцену убранъ и отдѣланъ со вкусомъ. Сперва оркестръ, хотя немногочисленный (9 человекъ), но сформированный *somme il faut* для театра, поразилъ насъ пріятнымъ образомъ своею гармоніею. Театръ наполнился зрителями въ 10 минутъ. Въ назначенный

по афишѣ часъ поднимается занавѣсъ; начинается представленіе; изумленіе и глубокое молчаніе царствуютъ въ театрѣ; дѣйствіе продолжается; даѣе показалась въ своей роли примадонна, пропѣла нѣсколько куплетовъ, и мертвая тишина переходитъ въ оглушительныя рукоплесканія, которыя уже сопровождають обѣ пьесы до конца представленія. Восторгъ зрителей былъ истинный, а торжество Г. Соколова полное и заслуженное.

Послѣ такого блистательнаго дебюта и послѣ нѣсколькихъ слѣдовавшихъ представленій, купеческое общество дѣлаетъ подписку и предполагаетъ выстроить будущимъ лѣтомъ непремѣнно новый каменный театръ со всеми принадлежностями, удобный, просторный, и эта подписка состоялась не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ: необходимая сумма денегъ для этого тотчасъ-же была собрана. Г. Соколовъ съ своей стороны даетъ обѣщаніе увеличить еще свою труппу, вызвавъ къ себѣ лучшихъ актеровъ и актрисъ.

Чему приписать такіе блистательные успѣхи Екатеринбургскаго театра и такой блистательный пріемъ Г. Соколову?? Говорите-же послѣ этого: За Ураломъ (горами), въ Сибири, живутъ медвѣди, или хотя не медвѣди, но люди-же, да только ходящіе на четырехъ лапахъ, и выдумывайте другія небывалыя диковинки.

Если вы, милостивый государь, столько благосклонны, что не откажетесь и на будущее время помѣщать въ вашемъ изданіи статьи о нашемъ зауральскомъ театрѣ*, то

* Съ удовольствіемъ и благодарностію. *Ред.*

я буду доставлять их вамъ, съ разборомъ игры актеровъ, а теперь, ограничиваясь этою, скажу еще нѣсколько словъ о труппѣ Г. Соколова и кое-о-чемъ кромѣ труппы.

Самъ Г. Соколовъ участвуетъ иногда, хотя и рѣдко, въ нѣкоторыхъ пьесахъ. Игра его свободна, отчетлива, благородна и естественна и въ приемахъ, и въ голосѣ, и въ словахъ, и въ выраженіи разнаго состоянія духа и различныхъ страстей; однимъ словомъ онъ, кромѣ того, что содержатель театра, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и первый артистъ въ своей труппѣ.

За нимъ слѣдуетъ даровитый актеръ и отличный пѣвецъ Г. Головинскій. Прекрасно-сложенный физически, онъ занимаетъ самое обширное амбуа, играетъ почти во всѣхъ пьесахъ и всегда первыя роли. Онъ обладаетъ прекраснымъ талантомъ, приятнымъ органомъ слова, естественною, свободою манерою, и выполняетъ роли свои прекрасно. Однимъ-словомъ онъ составляетъ украшеніе и славу провинціальныхъ театровъ.

Г-жа Иванова одарена также большимъ талантомъ: она и прекрасная актриса, и превосходная пѣвица. Голосъ имѣетъ сильный, полный, чистый, свободный. Роли свои (и также всегда первыя, какъ и Г. Головинскій) тщательно выученныя и приготовленныя, выполняетъ чудесно. Она внимательна ко всему въ своихъ роляхъ, даже въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ, начиная съ костюма. Всѣ трудныя положенія и переходы изъ одного состоянія духа въ другое выполняетъ отлично. Она держиваетъ характеры какъ ак-

триса умная, опытная и искусная. Игра ея отъ начала до конца пьесы ровна, свободна и увлекательна.

Г. Поляковъ въ своихъ роляхъ играетъ также естественно, свободно, прекрасно, но только амбуа его не такъ обширно.

Изъ прочихъ актеровъ заслуживаютъ еще особенное вниманіе Гг. Левашевъ, Дмитріевъ, Васильевъ, Шумиловъ, а изъ актрисъ Г-жа Головинская, Ефимова и дѣвица Качевская, воздающая прекрасныя надежды.

Подробный разборъ игры всѣхъ актеровъ я отлагаю до будущаго времени, когда мы болѣе всмотримся въ игру ихъ, а труппа болѣе выполнитъ пьесъ.

Говоря о провинціальномъ театрѣ должно-ли приводить въ сравненіе столичныя сцены? Кажется ни въ какомъ случаѣ не должно: что столица и что провинціальный городъ? Тамъ какія средства и здѣсь какія? Но если при всемъ томъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ актеры играютъ такъ, что хотя-бы и на столичную сцену, то уже этого много, особенно для содержателя счастнаго театра, существующаго собственными средствами, безъ всякой посторонней помощи а труппою Г. Соколова играется такихъ пьесъ болѣе, чѣмъ на половину. Чего послѣ этого желать еще?

Конечно и у насъ не безъ критиковъ, не безъ порицателей, не безъ крикуновъ, по русской пословицѣ: въ семьѣ не безъ урода; но кто эти критики и крикуны, и какое они имѣютъ на то право? — Людивскормленные на домашней кашѣ, безъ всякаго образованія, знающіе только про себя русскую грамоту; но имѣвшіе случай побывать кое-гдѣ

и даже въ столицахъ, поглазѣть на разныя разности, разумѣтся, и на театрѣ, и въ слѣдствіе этого забравшіе себѣ въ голову, что они-де люди бывалые и выдавшіе кое-что многое и лучшее, а потому-де и должны быть судьями съ рѣшительными приговорами, особенно же порицать все; а между-тѣмъ главная у нихъ мысль—себя выказать и похвастаться. Другіе критики состоятъ изъ молодежи, убоившейся премурости и поступившей въ члены общества, по-мѣрѣ возможности. Эти критики имѣютъ сильное притязаніе на умъ и эстетической вкусъ, по пословицѣ: чего нѣтъ, того и хочется, а потому они рубятъ съ плеча все, что ни попадетъ. Изъ этого-то разряда людей образуются провинціальные львѣнки, и другіе звѣрки въ подражаніе европейскимъ львамъ. Впрочемъ они не заслуживаютъ, чтобъ говорить о нихъ, а если я распространился о нихъ, то какъ-то къ слову, а болѣе потому, что къ этому разряду людей принадлежатъ нѣкоторые и пожилые неучи или недучи. Третьи критики, люди довольно-умные и образованные, но смотрящіе на свѣтъ Божій въ какое-то тусклое стекло, съ пренебреженіемъ ко всему, ихъ окружающему, и съ пристрастіемъ къ извозному, отсутствующему. Этотъ разрядъ людей производитъ провинціальныхъ европейцовъ и провинціальныхъ львовъ. Не распространяясь болѣе объ этомъ, лучше приведу справедливыя слова, сказанныя одною просвѣщенною и образованною особою отруцѣ Г. Соколова: «что если кто будетъ порицать Екатеринбургскій театрѣ, то это или фанфароны или

невѣжды.» Какая золотая истина! Съ истиннымъ уваженіемъ и пр.

В. СИБИРЯКОВЪ.

Екатеринбургъ

20 Ноября 1843 года.

2) ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

25-го Ноября, въ *benefice* г-жи Лавиной, дана быда драматическая повѣсть *Ломоносовъ или Жизнь и Поэзія*, соч. Н. А. Полеваго.

«Могутъ-ли жизнь и дѣла Ломоносова быть предметомъ художнической обработки? Если вы разумѣте подъ этимъ романъ и повѣсть, мы рѣшительно скажемъ: нѣтъ. Романъ не могъ-бы объхватить всей жизни Ломоносова, а Ломоносовъ драгоценнѣе именно своею цѣлою жизнію, и не слѣдуя за нимъ отъ его Холмогорской хижины до могилы въ Александроневскомъ монастырѣ, вы не выразите его, даже какъ человѣка. Выхвативъ что-нибудь отдѣльно, вы напишете, можетъ-быть, прекрасный романъ; но для чего вамъ тутъ Ломоносовъ? Назовите лучше вашего героя NN. назовите его А. Б. В. — все равно!» Такъ говоритъ Н. А. Полевой, разсматривая жизнь Ломоносова. Но вотъ является драматическая повѣсть г. Полеваго, предметомъ которой — Ломоносовъ. Авторъ ведетъ своего героя отъ «Холмогорской хижины» почти до могилы, и называетъ его не А., не Б., не В., а просто — Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. — Если жизнь этого человѣка не можетъ помѣститься въ предѣлахъ романа и не-драматической повѣсти, то тѣмъ болѣе повѣсти драматической, назначенной для театра, котораа должна быть представлена въ продолженіе какихъ-нибудь

трехъ, четырехъ часовъ и, сверхъ-того, стѣсняется условіями сцены.

Мы не хотимъ указывать на это произведеніе г. Полеваго, какъ на противорѣчіе тѣмъ его словамъ, которыя мы привели выше, и потому думаемъ, что онъ, сочиняя свою повѣсть, не имѣлъ въ виду полнаго развитія жизни Ломоносова, — художническаго воссозданія этого характера. Онъ хотѣлъ только вывести на сцену перваго поэта русскаго; представить славные очерки того пути, по которому шолъ онъ, въ борьбѣ съ обстоятельствами, людьми, временемъ, въ борьбѣ съ самимъ-собою, познакомиться съ этими тѣхъ, кому лѣтъ или некогда изслѣдовать это нравственное явленіе русскаго міра, показать его тѣмъ, кто не имѣетъ средствъ узнать его. Мысль прекрасная! Каково-бы ни было исполненіе ея — она достойна благодарности со стороны каждаго Русскаго. И гдѣ привести эту мысль въ исполненіе, какъ не въ театрѣ, куда приходитъ и знатный баринъ, и простолюдинъ, гдѣ всѣ ищутъ удовольствія; а между тѣмъ, узнаютъ, научаются...

Мы сказали, что піесу г. Полеваго нельзя разсматривать, какъ художническое воссозданіе всей жизни Ломоносова; въ ней также нельзя искать драмы: въ Ломоносовѣ немного элементовъ для этого. Прибавимъ: г. Полевой, избравши для своего сочиненія предметъ столь важный, драгоцѣнный для важдаго Русскаго, сдѣлалъ уже значительный шагъ къ успѣху. При всемъ этомъ нужно много искусства для-того, чтобы оживить занимательностью всѣ пять огромныхъ отдѣленій, лишенныхъ дра-

матическаго интереса, и быть въ-рными истинѣ. — Чтобы показать, какова драматическая повѣсть г. Полеваго въ отношеніи ея къ искусству, мы бросимъ бѣглый взглядъ на ея содержаніе.

Въ первомъ отдѣленіи вы видите Михайлу — рыбака, шестнадцатилѣтняго юношу. Душа его тоскуетъ о чомъ-то, его тревожатъ неясныя думы: онъ томится жаждою познаний. Его товарищи, его родные не понимаютъ причины этой грусти: одни считаютъ ее за сумашествіе, за дьявольское навожденіе; другіе думаютъ, что Михайло влюбленъ. И вотъ затѣвается сватовство, суровый отецъ приступаетъ къ юношѣ съ жалобами, съ угрозами, принуждаетъ его жениться. Михайло рѣшается бѣжать... Но куда?.. въ Москву! Тамъ найдетъ онъ средства утолить жажду своей души, тамъ, какъ слышалъ онъ, *заставляютъ учиться*. — Второе отдѣленіе, которое начинается спустя слишкомъ десять лѣтъ послѣ перваго, представляетъ вамъ германскаго студента Ломоносова. Онъ сочиняетъ русскіе стихи и пропускаетъ университетскія лекціи, занимается разнообразными науками и кутитъ на разгульных пирушкахъ товарищей, пишетъ диссертациі и волочится за Нѣмочкою, дочерью своей хозяйки, влюбленъ и рѣшается жениться. — Третье отдѣленіе. Ломоносовъ женатъ; у него есть дочь. Но онъ борется съ страшною бѣдностью. У него долги и ни куска хлѣба. Занятія его останавливаются, ему отказываютъ отъ Университета... Томимый тоскою по родинѣ и тѣснимый заимодавцами, Ломоносовъ покидаетъ жену, дочь и бѣжитъ изъ

Германіи. На дорогѣ попадется онъ въ руки Прусскихъ вербовщиковъ и они обманомъ принуждаютъ его надѣть солдатскій мундиръ. Ломоносова спасаетъ Фрицъ Штольпе, его товарищъ. Студентъ, пьяница, лѣтній, выгнанный изъ Университета, Фрицъ идетъ въ солдаты за Ломоносова. — Отдѣленіе четвертое. Дѣйствіе въ Петербургѣ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, — профессоръ Академіи; ему уже пятьдесятъ лѣтъ. Труды его разнообразны; много замысловъ, предприятий киивтъ въ его головѣ... Но жизнь коротка, силы человѣка ограничены, препятствія на каждомъ шагу. Правда, Ломоносову покровительствуетъ знатный вельможа, Ломоносова принимаетъ и ласкаетъ знать, ему удивляются... Но онъ окруженъ и недоброжелателями, завистниками, некому познать его обширныхъ плановъ, подать ему руку помбщи. Въ послѣдней половинѣ этого отдѣленія авторъ приводитъ Ломоносова на балъ русскаго вельможи, гдѣ толпа знати, блескъ великолѣпія, гдѣ Сумароковъ встрѣчному и поперечному читаетъ свои трагедіи, а Тредьяковскій поетъ и пляшетъ при громкомъ хохотѣ гостей. Тяжело видѣть это Ломоносову, негодованіе и страхъ за себя сжимаютъ его душу: что если и его заставить пѣть и плясать?... — Дѣйствіе пятого отдѣленія происходитъ въ 1695 году — годъ кончины Ломоносова. Ломоносовъ печаленъ; онъ чувствуетъ приближеніе смерти, и не столько эта мысль тревожитъ его, сколько горькая дума: «что я сдѣлалъ и что могъ-бы сдѣлать!». Но послѣдніе дни страдалъ-

ца освѣщаются радостью: онъ соединяетъ свою дочь съ тѣмъ, кого она любила и къмъ была любима. Императрица Екатерина почтила русскаго поэта своимъ посѣщеніемъ, участіемъ...

Въ этомъ краткомъ очеркѣ содержанія «Ломоносова», мы пропустили множество подробностей, наполняющихъ піесу г. Полеваго, о которыхъ скажемъ послѣ. — Нѣкоторыя черты характера Ломоносова схвачены довольно-вѣрно; авторъ представилъ почти всѣ главныя обстоятельства жизни своего героя и развилъ ихъ очень-удачно. Но многое выражено не въ дѣйствіи, а въ словахъ, въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ ходѣ повѣсти есть слишкомъ-быстрые, неожиданные скачки: Холмогорскій рыбакъ вдругъ является германскимъ студентомъ. Какимъ образомъ сдѣлалось это превращеніе — объ этомъ повѣсть не говоритъ ни слова. Правда, событія жизни Ломоносова неудобны для полнаго, непрерывнаго развитія ихъ въ сценическомъ произведеніи; но приходъ Ломоносова въ Москву, поступленіе его въ Заиконоспасское Училищѣ — это могло бы составить цѣлое, чрезвычайно-занимательное отдѣленіе повѣсти, между-тѣмъ какъ два послѣднія отдѣленія повѣсти г. Полеваго заключаютъ въ себѣ много лишняго. Мы не видимъ невозможности соединить ихъ въ одно, выпустивъ нѣкоторыя подробности. Въдъ г. Полевой писалъ не біографію, гдѣ требуется строгая хронологическая точность; притомъ же и онъ, въ другихъ мѣстахъ своей піесы, позволялъ себѣ отступленіе отъ ис-

тины. Такъ, въ третьемъ отдѣленіи онъ выѣстилъ то, что дѣлалось въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а можетъ-быть и недѣль — и за это нельзя упрекнуть автора, все-же потому, что его сочиненіе не биография.

При всемъ томъ, повѣсть г. Полеваго чрезвычайно-занимательна. Ея главное лицо обставлено множествомъ лицъ второстепенныхъ; почти всѣ они обрисованы живо и составляютъ разнообразную картину, не затемняя главнаго предмета. Есть много любопытныхъ эпизодовъ, введенныхъ очень-удачно и искусно приуроченныхъ къ дѣлу. Таковы: рассказъ о Вавилѣ Удаломъ, Фонѣ Кляузѣ, Фрицѣ Штольбе. Особенно занимателенъ Фрицъ Штольбе, этотъ лѣнинецъ, гуляка. Онъ не умѣетъ ни о чемъ думать, но умѣетъ чувствовать; онъ даетъ Ломоносову послѣдній талеръ, когда у того не начто было купить хлѣба; потомъ, выгнанный изъ университета, онъ идетъ за Ломоносова въ солдаты, утѣшая себя такъ: «моя голова ни къ чему не годится, кромѣ пули, а твоя...» И потомъ, какъ трогательна та сцена, гдѣ они сходятся послѣ многихъ лѣтъ: одинъ фельдмаршалъ и безъ ноги, другой профессоръ, — оба сѣдые... — Разговоръ въ повѣсти г. Полеваго ведется быстро, естественно, а преимущественно въ первомъ отдѣленіи. Все сочиненіе оживлено особенною любовью автора къ своему предмету, русскимъ духомъ и какимъ-то юношескимъ, пламеннымъ чувствомъ.

Г-жа Ладина выбрала «Ломоносова» на свой бенефисъ... Нельзя упрекнуть ее за этотъ выборъ. При выборѣ піесъ для бенефиса

актеръ долженъ обращать вниманіе, во-первыхъ на то, чтобы доставить удовольствіе образованной публикѣ; во-вторыхъ, въ избираемой имъ піесѣ должна быть такая роль, въ которой онъ могъ-бы показать свой талантъ съ самой выгодной стороны. Если онъ обязанъ заботиться о послѣднемъ и всегда, то тѣмъ болѣе во-время своего бенефиса, потому что въ календарѣ его театральной жизни этотъ вечеръ можетъ назваться праздникомъ, которымъ актеръ угощаетъ публику. — Имя Полеваго ручалось за достоинство піесы; въ ней была роль, въ которой талантъ г-жи Ладина могъ проявиться довольно-австственно.

Лицо М. В. Ломоносова представлялъ г. Ленскій. Вообще, онъ сыгралъ эту роль очень-неудурно; въ двухъ послѣднихъ отдѣленіяхъ даже очень-хорошо. Но игра его была не ровна; онъ какъ-будто не вникнулъ въ характеръ представляемаго имъ лица; верѣдко его мимика не соответствовала тому состоянію духа, тому положенію, въ которыхъ онъ находился. Рыбакъ Ломоносовъ, то говорилъ шопотомъ, то вдругъ, Богъ знаетъ почему, быстро переходилъ къ горячности и ловко хлопалъ себя рукою по лбу, по груди. Укажемъ на одно мѣсто піесы, въ которомъ г. Ленскій былъ сколько хорошъ, столько и страненъ. Это во второмъ отдѣленіи, когда Ломоносовъ, выходя на сцену, читаетъ только-что сочиненные имъ стихи. Г. Ленскій прочелъ ихъ прекрасно, съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ; его рука, поднятая на воздухъ, неподвижная, какъ-будто указывала на то видѣніе, которое предстало поэту

и которое описываетъ онъ въ стихахъ.

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ!
Ведеть на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ дѣсахъ шумѣтъ забылъ,
Долина въ тишинѣ глубокой...»

Вся эта сцена была выполнена съ большимъ искусствомъ; но когда дѣло дошло до словъ: «А вы, герои русскіе, неужели не вспомните, что рядъ пѣвцовъ, которые восхваляютъ ваши подвиги, открылъ — Ломоносовъ!» Последнее слово г. Ленскій произнесъ отрывисто, полушопотомъ и съ какимъ-то забавнымъ удальствомъ. И эта выходка была непоследняя... У г. Ленскаго есть заучоныя поэмы, восклицанія, жесты для выраженія извѣстныхъ состояній души, и онъ ихъ бережетъ и лелѣетъ, какъ драгоценность, а между-тѣмъ многія изъ этихъ привычекъ никуда не годятся, не говоря уже о томъ, что онъ утомляютъ зрителя своимъ однообразіемъ. Г. Ленскій въ различныхъ роляхъ, а особенно въ трагическихъ всегда одинаково выступить на сцену, всегда одинаково сердится, у него всегда одинаковы средства для выраженія отчаянія... Рѣдко удаются ему патетическія мѣста его ролей. За то рѣдкая патетическая роль выполняется имъ слабо. — Виѣсто двухъ старыхъ книжекъ г. Ленскій, въ первомъ отдѣленіи, навязалъ въ платокъ чуть-ли не полдесятка томовъ въ новѣйшихъ переплетахъ... Это, конечно, мелочи; но онъ показываетъ, какъ мало вниманія обратилъ г. Ленскій на свою роль. Истинный артистъ, безкорыстно привязанный къ своему искусству, звавшійся играть лицо историческое, не долженъ довольствоваться

тѣмъ, что узнаетъ изъ своей роли; по крайней мѣрѣ, этого можно требовать отъ артиста въ такомъ случаѣ, когда ему легко приобрести подробнѣйшія свѣдѣнія о томъ лицѣ, роль котораго онъ принимаетъ на себя. — О жизни Ломоносова узнать очень нетрудно.

Г-жа Ленская занимала роль Христины. Въ этой роли нѣтъ ничего такого, въ чомъ-бы артистка могла развернуть свое дарованіе. Г-жа Ленская сдѣлала изъ нея все, что можно было сдѣлать. Въ четвертомъ и последнемъ отдѣленіяхъ, когда г-жѣ Ломоносовой должно быть около сорока-пяти лѣтъ, г-жа Ленская была прежнею, молоденькою Христиною. Чепецъ съ большими оборками ни сколько не сдѣлалъ ее старухою: Виноградскій, поелъ долгой разлуки съ Ломоносовымъ, является къ нему и спрашиваетъ между прочимъ о Христинѣ, называя ее, по старой привычкѣ, прелестною Ломоносовъ смѣется; кличетъ свою устарѣлую подругу и говоритъ иронически: «Рекомендую мою прелестную супругу.» Появленіе г-жи Ленской на сцену сдѣлало то, что провія и смѣхъ Ломоносова были некетати. Г. Соколовъ сыгралъ двѣ роли: Василія Ломоносова и Меценатова. Въ первой мы не узнали этого талантливаго артиста. Василій Ломоносовъ изображенъ у г. Полеваго старикомъ упрямымъ, крутаго нрава, а вовсе не весельчакомъ, какимъ г. Соколову угодно было сдѣлать его. Г. Соколовъ даже въ тѣхъ сценахъ, гдѣ старикъ выходитъ трезвымъ, вертѣлся, присѣдалъ и старался распотѣшить кого-то. Г-жа Ладина (Хавронья Лукишна) была въ этотъ ве-

черь истинною артисткою. Она не только ни на шагъ не отступала отъ той Хавроньи Лукишны, какую изобразилъ г. Полевой, но и придала еще этому лицу много живости и оригинальности. Ея игра, это поперебънное олицетвореніе то лукавства, то корыстолюбія, то лицемерія, доставила намъ много наслажденія, также-какъ и игра г. Соленика въ роли Фрица Штольца. Сколько было въ немъ простодушія, доброты, беззаботности и разгульнаго веселья! Какъ хорошъ былъ г. Соленикъ въ четвертомъ отдѣленіи, когда онъ выходитъ на деревьяхъ, покрытый сѣдинами! Наружность его измѣнилась, движенія потеряли юношескую живость; но въ голосѣ слышался прежній, беззаботно-веселый Фрицъ, хотя къ этой веселости примѣшалось теперь что-то грустное, тихая улыбка была полупечальна... — Г. Лисицынъ, въ лицѣ Вавилы Удалаго, былъ очень, очень-недурень. Онъ дѣйствовалъ такъ свободно, просто и натурально. — Фонъ-Кляузъ и Тредьяковскій — эти двѣ роли были сыграны г. Бобровымъ, который не позаботился положить между ними значительнаго различія. Съ перебъною костюма онъ не перебънилъ своихъ приемомъ; а это въ подобномъ случаѣ нужнѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ, потому-что впечатлѣніе, произведенное въ зрителѣ г. Бобровымъ — Кляузомъ, было еще живо въ то время, когда на сцену вышелъ г. Бобровъ — Тредьяковскій, и зритель легко могъ сравнить два эти лица. Впрочемъ, какъ Фонъ-Кляузъ, такъ и Тредьяковскій были очень-забавны. Намъ однакожъ не приятно было смотрѣть на послѣд-

няго, когда онъ на балѣ пляшетъ и распѣваетъ:

Поютъ птички со сипички.

Разумѣется, это уже вина не г. Боброва. — Г-жа Соленикъ сыграла маленькую роль княгини W. W. и показала въ своей игрѣ много ума и благородства.

Послѣ «Домоносова» данъ былъ небольшой дивертисманъ. Объ немъ нечего распространяться. Можно сказать, что онъ, не-смотря на свое названіе, былъ довольно-однообразенъ, какъ и всѣ наши дивертисманы. Упомянемъ о pas de deux, протанцованномъ дѣвицами Якубовскою и Нарышкиною. Мы смотрѣли на него съ удовольствіемъ, особенно на ловкіе па, быстрые и легкіе пируеты дѣвицы Якубовской.

Рымовъ*.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ

Ферзингъ, любимецъ московской публики давалъ въ свой бенефисъ оперу Боальде die weisse Dame, и нѣсколько сценъ изъ «Гугенотовъ». Опера не понравилась. Исполнена была она весьма-слабо; кромѣ Ферзинга, всѣ были очень-плохи: Г-жа Леонова спала съ голосу, Г. Голландъ всегда не въ голосѣ... Бейеръ тоже слабъ... «Гугеноты», судя по тремъ сценамъ, очень понравились. Г-жа Валькеръ была прекрасна и какъ пѣвица и какъ актриса. Услышимъ-ли мы когда-нибудь цѣлую оперу!...

Когда объявили, что въ бенефисъ Г-жи Сабуровой 1-й будетъ дана новая драма Кукольника «Монументъ», мы съ удовольствіемъ и съ

* Изъ «Прибавленій къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ».

нетерпѣніемъ ждали спектакля. Кукольникъ безспорно лучшій русскій драматическій писатель, и не-смотря на неблагопріятствующій отзывъ журналовъ о его новой піесѣ... мы хотѣли видѣть драму т. е. историческій анекдотъ въ 3-хъ картинахъ, какъ называлъ ее авторъ не безъ основанія. Піеса сыграна, и мы, положивъ руку на сердце говорить, что она рѣшительно не стоитъ Кукольника, рѣшительно ему не удалась. Не-смотря на прекрасную цѣль, не-смотря на то, что по сюжету она интересна для всякаго Русскаго, піеса скучна, растянута, лишена единства и исключая одной сцены, рѣшительно незанимательна. Разыграна была она, какъ нельзя лучше. Г. Потанчиковъ въ роли Князя, Г-жа Кавалерова въ роли салонницы, а Гг. Орловъ и В. Степановъ (матросы) были очень-хороши. Жаль, что мы не можемъ сказать этого о Г. Усачевѣ, занимавшемъ главную роль... роль Голикова. Онъ выполнилъ хорошо только одну сцену съ братомъ въ тюрьмѣ... послѣдняя-же сцена передъ памятникомъ совершенно-погибла. Весь монологъ онъ прокричалъ такимъ однообразнымъ монотоннымъ голосомъ, что совершенно разхолодилъ публику и не произвелъ никакого впечатленія.. впрочемъ, нѣкоторымъ образомъ виноватъ и авторъ: монологъ слишкомъ-длинненъ, по-этому и неестественъ: кому неизвѣстно, что сильные порывы души бываютъ непродолжительны? Декорация, изображающая монументъ Петру Великому, рисованная Шеньяномъ, хороша.. Декораторъ былъ вызванъ. Комедія «Актеръ-докторъ» прошла благополучно.

Водевиль «Демокритъ и Гераклитъ», при игрѣ Г. Щепкина (Живчикъ), Г. Живокини (Кислый) и Г-жи Сабуровой (жена Живчика), понравился публикѣ. Въ заключеніе былъ данъ водевиль Г. Каратыгина «Первое Іюля въ Петергофѣ», въ которомъ, кромѣ Г. Садовскаго, прекрасно исполнившаго роль кантониста Лычкина, всѣ были изъ-рукъ-вонъ дурны.

— *Бенефисъ Поль-Жене*. Roquelaure ou l'homme le plus laid de France, водевиль въ 4-хъ дѣйствіяхъ; Quand l'amour s'en va, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи (второй дебютъ Г. Алерма); Le magasin de la grain de lin, водевиль. — «Roquelaure» — піеса, исполненная занимательности, ума веселости и остроты; куплетовъ много, есть много сценъ, которыя заставляютъ смѣяться невольно. Піеса ведена прекрасно, идея піесы прекрасна. Авторы хотѣли доказать что не одна наружность можетъ нравиться женщинамъ, а что умъ, любезность и добрыя качества имѣють тоже свои преимущества, и что красота душевная часто беретъ верхъ надъ красивою наружностію. Жене былъ хорошъ въ роли Roquelaure, а Валье къ роли Нарциса. Водевиль, не-смотря на нѣкоторыя фарсы, понравился публикѣ. Второй водевиль былъ данъ для втораго дебюта Г. Алерма на роли jeunes premiers. Онъ занималъ роль мужа, Капитана корветъ...

Но сперва расскажемъ содержаніе піесы. Были два счастливые супруга, Жюль де - Мориньи (Алермъ) и Эмма (Креси). Жили они такъ согласно, какъ пара голубокъ: чего хотѣтъ Жюль, того желала Эмма, что нравилось Эммѣ.

то любилъ Жюль. Онъ любилъ ее безъ памяти, велъ себя какъ красная дѣвушка, былъ такъ скромнень... сидить, бывало, воды не замутить и только знаетъ, это помогать шить по канвѣ своей дражайшей супругѣ. Но счастье на землѣ непродолжительно: служба отозвала его и онъ отправился въ море. Черезъ нѣсколько времени онъ возвращается въ нѣдра своего семейства, но учы? уже совершенно-непрежнимъ Жюлемъ. Вояжъ преобразилъ его. Онъ привыкъ повѣселять, кричать, шумѣть, пить въ день по нѣсколькку рюмокъ рому и курить табакъ; онъ въ отсутствіе свое изъ дому завелъ шпаци съ какоюто танцовщицей поохладѣлъ къ своей супругѣ, которая любила его по-прежнему и ждала съ нетерпѣніемъ. Бѣдный Жюль неохотно возвращался домой: онъ боялся семейныхъ стыбкѣ, теперешнія его привычки не могли понравится женѣ и ея почтенной тетусшкѣ; онъ боялся, что ему не дадутъ вина, не позволять курить и засадятъ за палцы. Всѣ опасенія его сбылись: жена стала вѣшатся къ нему на шею, надоѣла ему до смерти воупоминаніемъ о *быломъ*, и предложила шить по канвѣ. Какъ онъ ни старался скрыть своего неудовольствія, но не могъ... взбѣсился, побранился съ женою, и распекъ тетусшку, понавщуюся ему подругу. Все пошло верхъ-дномъ: жена потребовала развода, къ небольшой радости тетусшки... но разводъ не состоялся; жена убѣдилась, въ-послѣдствіи, что онъ все еще ее любитъ, хоть сивершенно не по-прежнему, согласилась позволить ему пить для подпрѣпле-

нія силъ и сама зажгла сѣрную спичку и разкурила ему трубку.

Водевиль хорошъ. Г-жа Креси выполнила роль Эммы весьма-отчетливо. Эта актриса съ замѣчательнымъ талантомъ, и, вѣрно, скоро сдѣлается фавориткой публики. Что сказать о Г. Алермѣ? подождемъ слѣдующихъ дебютовъ, а теперь... теперь мы смолчимъ. Послѣдняго водевиля мы не видали.

— Давно-ли мы видѣли «Герту», восхищались Г. Андреяновой въ «Хитанѣ»? Давноли Дирекція поставила «Хромаго колдуна», гдѣ такъ прекрасна Санговская 1-я? И вотъ еще новыи баетъ, несравненно-превосходящій первые и постановкой, и декораціями, и самымъ сюжетомъ. Баетъ «Жизель» обставленъ и выполненъ прекрасно. Мы съ сожалѣніемъ прочли на афишѣ, что баетъ дается въ послѣдній разъ предъотѣздомъ Г-жи Андреяновой, и послѣшили еще разъ взглянуть и на нашу даровитую гостю. Послѣ такого объявленія вы сами можете судить, какого труда стоило достать билеты, которые за день были уже всѣ проданы. Перель баетомъ дана была новая пѣса Полеваго «Волшебный бочонокъ или сонъ наяву». Читатели наши могутъ сами судить о достоинствѣ пѣсы, ибо она помѣщена въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ». Объ исполненіи-же ея мы сказать ничего не можемъ: большая часть зрителей не слыжала и не видала пѣсы, которая была играна при шумѣ съѣзжающейей публики. Обратимся къ баету. Содержаніе его уже извѣстно; декораціи прекрасны, всѣ полеты устроены очень-хорошо. Г-жа Андреянова и Югансонъ были вызваны нѣсколько разъ. Также бы-

ли почтены вызовомъ Г-жа Воронина-Иванова 3-я и Манохина. За балетомъ слѣдовалъ дивертисманъ, въ которомъ между прочимъ Г-жа Андриянова протанцовала Лезгинскій танецъ, и на этотъ разъ доволь-но-слабо. Мы, видѣвшіе ее въ «Русланъ и Людмилъ» немогли узнать ея. Впрочемъ и невозможно требо-вать: послѣ такой роли въ балетѣ ей-бы не слѣдовало танцовать. Спектакль кончился весьма поздно.

Бенефисы Г. Живокини въ про-долженіе нѣсколькихъ лѣтъ отли-чются необыкновенною пустотою содержанія и необыкновеннымъ безвкусіемъ въ выборѣ пьесъ. Кро-мѣ «Булочная», прекраснаго воде-виля П. А. Каратыгина, всѣ пьесы были ничтожны: «Помѣшанный» драма въ двухъ дѣйствіяхъ, пере-дѣланная съ французскаго; «Жен-щина - разбойникъ», водевиль; «Невѣста рѣки» водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ — пьесы ниже всякой посредственности. «Булочная» без-спорно одинъ изъ лучшихъ водеви-лей П. Каратыгина. Водевиль этотъ имѣлъ большой успѣхъ на петер-бургской сценѣ; у насъ-же въ Мос-квѣ онъ былъ разыгранъ недурно, только-что недурно, а мы охотно вѣримъ, что при игрѣ Г. Марты-нова и самаго автора пьеса имѣетъ новую прелесть и занимательность. Роль Карлуши весьма-удовлетво-рительно сыгралъ Шубертъ. Нѣм-ца булочника П. Степановъ сы-гралъ хорошо... но, вѣрно, далеко, нетакъ, какъ его играетъ Караты-гинъ. П. Каратыгинъ въ типиче-скихъ роляхъ прекрасенъ.. Роль чиновника занималъ Г. Щепкинъ. Тутъ-же мы видѣли еще Г. Коло-сова. Жаль, что онъ не хочетъ слу-шать нашихъ совѣтовъ... нату-

ральности въ игрѣ его нѣтъ ни на каплю... онъ вѣчно въ чужой шкурѣ и вѣчно говоритъ чужимъ голосомъ; жаль, а мы такъ бѣдны актерами для ампула молодыхъ людей, что съ охотою-бы посмотрѣли и на Коло-сова, если-бы онъ былъ хоть не-много поестественнѣе. Еще досад-но было намъ видѣть въ водевилѣ опять чиновника девятаго класса.. Дались нашимъ водевилистамъ Ти-тулярные Совѣтники! Ужъ гдѣ, какъ, и въ какомъ видѣ не являлись на сценѣ эти бѣдныя чиновники 9-го класса? Ужъ не принимають-ли это безвѣстное лицо наши воде-вилисты за Жокрисовъ, Полиши-нелей?.. Чего добраго!..

— Въ послѣднѣ время въ нашемъ репертуарѣ стали появляться ста-рыя пьесы: это очень-приятно, по-тому-что изъ стараго репертуара можно выбрать много пьесъ, кото-рыя, не-смотря на то, что нѣсколько лѣтъ мирно покоились на полкахъ библіотеки, могутъ быть играны съ успѣхомъ. 12 числа давали въ первый разъ по возобновеніи «Тере-зу Женевскую Сироту». Главную роль Вальтера занималъ Г. Орловъ. Вы можете судить, что отъ этого любой пьесѣ не поздоровится.... Мы сказали-бы здѣсь кое-что Г. Орлову касательно исполненія дра-матическихъ ролей, но ужъ это будетъ не ново: десятокъ лѣтъ всѣ и всегда говорятъ ему, что онъ не созданъ для драмы, да у него стой-кій характеръ, а разувѣрять его мы не беремъ и не хотимъ. Г-жа Орлова роль Терезы тоже не могла исполнить удовлетворительно... роль требуетъ именно того, чего у ней нѣтъ или въ чемъ у ней недо-статокъ.... Публика была пра-здничная, шумная и многочислен-

ная. крику и вызовомъ было бездна. Лучше всѣхъ въ піесѣ былъ Г. Садовскій: онъ выполнилъ небольшую роль мызника, какъ нельзя лучше. Жаль что онъ рѣдко играетъ...

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Большой театръ.

Въ настоящую минуту все вниманіе образованнѣйшей части петербургской публики исключительно сосредоточено на Большомъ Театрѣ: итальянская опера открыла для нея новый міръ наслажденій. Прошедшій годъ въ летописи петербургскихъ театровъ долженъ быть отмѣченъ красными чернилами, ибо имъ начинается новая эпоха въ мірѣ русскаго искусства: нѣтъ сомнѣнія, что итальянская опера будетъ имѣть сильное вліяніе на вкусъ публики русской, на ходъ и развитіе музыки въ нашемъ отечествѣ, на усовершенствованіе дарованій пѣвцовъ и пѣвицъ нашихъ. Мы обѣщали читателямъ «Репертуара и Пантеона» представить по-возможности подробный отчетъ обо всѣхъ представленіяхъ итальянскихъ оперъ; не зависящія отъ насъ причины помѣшали намъ исполнить данное обѣщаніе въ прошедшей книгѣ нашего изданія: исполняемъ его теперь. Въ нашей статьѣ читатели найдутъ полный отчетъ обо всѣхъ операхъ, данныхъ на сценѣ Большаго Театра, начиная съ перваго представленія 13-го октября.

Наша итальянская опера составлена изъ слѣдующихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: Рубини, Тамбурины, Віардо-Гарсія, Ассандри, Пазини и Талини — всего шесть артистовъ; прочія роли занимаютъ наши пѣв-

цы — Петровъ, Този, Михайловъ, Артемовскій и проч. Нѣкоторые, слишкомъ-взыскательные любители театра и строгіе судьи, находятъ составъ этой труппы не совсемъ полнымъ; можетъ-быть, они и правы; но не надобно забывать, что итальянская опера въ нынѣшнемъ году въ петербургѣ есть совершенная новостъ, можно сказать, первый опытъ. И не смотря на то, мы уже имѣемъ первыхъ пѣвцовъ въ Европѣ, каковы Рубини, Тамбурины, Віардо-Гарсія. Какою глубокою благодарностію обязаны мы заботливой Дирекціи Императорскихъ Театровъ, которая ничего не щадитъ для удовольствія публики. Уже посята приятные слухи о новыхъ приобретеніяхъ, которыя будутъ сдѣланы нашею итальянскою оперою для будущаго сезона. Не торопитесь осуждать и съ благодарностію наслаждайтесь тѣмъ, чего прежде вы вовсе не имѣли. Петербургъ не отстанетъ отъ Парижа, ибо и нынѣ онъ имѣетъ уже то, чего въ Парижѣ нѣтъ, и чему Парижане очень завидуютъ, хотя и не хотятъ признаться въ томъ...

Пиратъ. Музыка Беллини. (Первое представленіе 13-го октября).

О музыкѣ «Пирата», какъ и о музыкѣ Беллини вообще, въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» было говорено довольно-подробно, а потому считаемъ излишнимъ повторять однажды сказанное. О Рубини (*Гвальтіеро*) мы, въ свое время, также изложили наше мнѣніе; и потому теперь скажемъ только, что онъ партію Гвальтіеро исполнилъ, отъ-начала до-конца, превосходно, и оживилъ скучную, монотонную, избитую музыку этой

оперы. Если въ первомъ актѣ даже самъ Рубини не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на публику, то въ этомъ, кажется, должно винить не пѣвца, а композитора, который писалъ эту оперу для Рубини. Во второмъ актѣ, въ дуэтѣ въ Имоджевою, равно какъ и послѣдней своей арією, Рубини привелъ публику въ восторгъ.

Тамбурины — Эрнесто. Сперва скажемъ нѣсколько словъ о Тамбурины, какъ о пѣвцѣ вообще. Тамбурины имѣетъ полный баритонъ, пространство котораго слѣдующее: онъ беретъ отъ *la* низшаго до *fa* высшаго, всего тринадцать звуковъ, т. е. октава съ квинтою. Голосъ его имѣетъ силу, звучность, полноту и обработанность до *pes plus uiga*. Высочайшее качество его голоса есть гибкость, легкость, игривость. Но звукъ его голоса и ровность, которыми онъ также обладалъ, по мнѣнію людей, слышавшихъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ будто нѣсколько поколебались. Въ звукѣ его голоса мы не замѣчаемъ особенной чистоты, свѣжести, сребристости, а также ровности: средніе и низшіе тоны еще очень сильны, тогда какъ верхіе, сравнительно, слабы. Интонація его вѣрна; голосомъ онъ владѣетъ удивительно; его издаваніе звука, раскрытіе дыханія, произношеніе, исполненіе украшеній, доведены до совершенства. Но между тѣмъ намъ кажется, что, при легкости вокализациі, онъ не обладаетъ въ такой мѣрѣ артистическимъ вкусомъ, какъ Рубини; иногда онъ прибѣгаетъ къ излишествахъ, распространяя до вѣроятной степени украшенія въ пѣніи. Въ этомъ

отношеніи мы находимъ болѣе эстетики у Рубини, который, обладая легкостію вокализациі, можетъ быть, болѣе самого Тамбурины, — по крайней мѣрѣ на мѣстѣ, — почти никогда не прибѣгаетъ къ преувеличенію, никогда не дѣлаетъ ни одной лишней нотки, ни одного украшенія безъ того, чтобы оно не имѣло какой-либо цѣли и чего-либо не выражало; Тамбурины напротивъ: у него руглады, цѣлыя гаммы, трели сыплются иногда безпрерывно. Все это, конечно, удивительно, но однакожь такая манера пѣнія показываетъ, что Тамбурины не постигъ таинства искусства своего въ такой степени, какъ Рубини, который, въ этомъ отношеніи, истинно-великій пѣвецъ. Однимъ словомъ, если что можно назвать недостаткомъ въ пѣніи Тамбурины, такъ это страсть къ украшеніямъ, отчего иногда измѣняется смыслъ и характеръ мелодіи, а драматическое дѣйствіе ослабляется. У Рубини есть свой конекъ — часто усиливать звуки до *fortissimo* и ослаблять до нѣжвѣйшихъ отбѣнковъ *pianissimo*, искусство, которымъ пѣвецъ этотъ обладаетъ вполне; у Тамбурины — распространять украшенія. Первое отчасти извинительно, потому что это труднѣйшая, и вмѣстѣ изящнѣйшая сторона пѣнія; послѣднее, нѣкоторымъ образомъ, клонится къ разрушенію искусства. Мы предпочтемъ тысячѣ бравурныхъ пассажей, особенно у баса, одну чистую, вѣрно-взятую ноту: послѣднее бываетъ иногда труднѣе всякихъ блестящихъ узоровъ. Притомъ же все хорошо на своемъ мѣстѣ: есть музыка, которая требуетъ чрезвычайнаго развитія

средствъ пѣвца, и есть музыка, которая не терпитъ украшеній.

Само собою разумѣется, что сужденіе наше о Тамбурини есть общее; что талантъ Тамбурини разнообразенъ, и что есть роли, въ которыхъ онъ поетъ просто, воздерживаясь отъ украшеній. Тамбурини — артистъ превосходный въ своемъ родѣ, и заслуживаетъ полное уваженіе, какъ пѣвецъ, и какъ прекраснѣйшій актеръ.

Роль *Эрнеста* собственно не Тамбурини: она написана для баса. Тамбурини щедро разсыпалъ въ своемъ пѣніи множество руладъ, трелей и вообще бравурныхъ пассажей, чѣмъ конечно доставилъ немалое удовольствіе публикѣ, никогда ничего подобнаго неслыхавшей. Что касается до речитативовъ, мы, въ этомъ отношеніи, увидѣли рѣзкое отличіе Рубини, который передаетъ регитативы съ неподражаемымъ, можетъ-быть, только ему одному свойственнымъ искусствомъ...

Тадини — *Имоджена*. Роль Имоджены — большая, трудная роль, которая въ пору хотя-бы для Гризи или Персіани. Г-жа Тадини, молодая пѣвица, не испугалась трудности этой роли. Голосъ г-жи Тадини свѣжій, звучный и довольно обширный. Звукъ ея голоса есть звукъ перваго сопрано. Г-жа Тадини исполнила роль Имоджены, какъ могла лучше. Но и то сказать, какая начинающая пѣвица не останется въ тѣни тамъ, гдѣ поютъ Рубини и Тамбурини?

— *Севильскій Цирюльникъ*. Музыка Россини. (*Первое представленіе 22 октября*) О музыкѣ «Севильскаго Цирюльника» мы изложили мнѣніе наше выше. Скажемъ те-

перь нѣсколько словъ объ исполненіи его.

Въ этомъ спектаклѣ, (22-го октября) въ первый разъ явилась передъ нами Віардо-Гарсія, въ роли *Розины*. Віардо-Гарсія имѣетъ контральтъ въ соединеніи съ высокимъ сопрано; пространство ея голоса слѣдующее: она беретъ отъ *fa* низшаго до *re* высшаго, слѣдовательно, въ обѣихъ отрасляхъ, какъ контральтъ, и какъ сопрано, голосъ ея обнимаетъ двѣ октавы съ квинтою. По качеству звука голосъ Гарсії принадлежитъ болѣе къ превосходнымъ меццо-сопрано и имѣетъ звучность, чистоту, приятность, особенную прелесть, въ высшей октавѣ. Одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ ея голоса — свѣжесть. Метода ея превосходна: издаваніе звука, раскрытіе дыханія, произношеніе, исполненіе украшеній пѣнія, приближаются къ совершенству. Интонація вѣрная, легкость вокализации изумительная, и при всемъ этомъ она поетъ по большей части съ истиннымъ выраженіемъ, не прибѣгая, сколько мы могли замѣтить, къ излишествамъ и преувеличенію. Вообще въ пѣніи Віардо есть огонь, пламенное чувство, много вкуса, граціи, иногда увлеченія и, если можно такъ выразиться, — *задушевности*. — Вотъ общій очеркъ Віардо-Гарсії, какъ пѣвицы.

Роль Розины она исполнила, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходно. Съ истиннымъ совершенствомъ она передала намъ прелественную каватину «*una voce rose fa*» и рондо изъ «*Черверентолы*», хотя вообще піесы эти спѣты были ею *по-своему*, иначе, нежели какъ пѣли ихъ другія первоклассныя артистки. Ве-

здѣ видѣнъ былъ вкусъ, грація, вѣрность и легкость въ отдѣлкѣ всевозможныхъ пассажей. Не менѣе прелестна была она и въ дуэтѣ съ Фигаро и въ терцетѣ втораго акта, который вообще былъ исполненъ превосходно; всѣ три артиста — Виардо, Рубини и Тамбурини — какъ-будто оспаривали здѣсь пальму первенства въ искусствѣ. Игра ея достойна была ея пѣнія. Мы видѣли настоящую Розину — милую, умную, живую. Словомъ, эта роль совершенно по ней и едва-ли гдѣ-либо талантъ ея можетъ явиться въ такомъ блескѣ и полнотѣ, какъ въ «Севильскомъ Цирюльникѣ».

Рубини — *Альмавива*. Онъ исполнилъ роль свою, въ отношеніи къ пѣнію — прекрасно, съ достоинствомъ, свойственнымъ великому пѣвцу. Прелестный романсъ Гарсія, которымъ онъ подарилъ насъ въ первомъ актѣ, послѣ серенады, носить на себѣ отпечатокъ вкуса. За всѣмъ тѣмъ, мы желали-бы видѣть въ Рубини и болѣе живости, веселости, и болѣе движенія, особенно въ игрѣ, чего требуетъ характеръ самой роли Графа Альмавивы. И здѣсь невольно вспомнишь Гарсія (отца Виардо), который умѣлъ быть великимъ какъ въ трагическомъ, такъ и въ комическомъ родѣ.

Тамбурини — *Фиаро*. Въ лицѣ Тамбурини, мы видѣли и слышали настоящаго Фигаро. Едва-ли теперь отыщется въ Италіи другой актеръ — цѣвецъ, который исполнилъ-бы роль Фигаро съ такимъ, можно сказать по всей справедливости, совершенствомъ и въ отношеніи къ игрѣ. Вотъ роль, въ которой Тамбурини является въ

полномъ блескѣ своего таланта. Сколько веселости, игривости и самаго неподдѣльнаго комизма въ его пѣніи и въ каждомъ движеніи! Едва-ли найдется другая роль, въ которой Тамбурини былъ-бы такъ хорошъ и которая во-всѣхъ частяхъ и положеніяхъ, столь хорошо соответствовали бы качествамъ его таланта. Однимъ словомъ роль Фигаро какъ-будто создана для Тамбурини и онъ для этой роли. Мы вынесли полное очарованіе, отъ пѣнія и игры Тамбурини.

Петровъ — Базиль исполнилъ свою роль, какъ слѣдуетъ. Арію «Клеветы» онъ пропѣлъ прекрасно. Изъ всѣхъ лицъ оперы остались въ тѣни — Бартоло и Марцелина, доставшіяся на долю г-на Този и г-жи Каратыгиной. Впрочемъ вообще исполненіе «Севильскаго Цирюльника», даже и въ цѣломъ, заслуживаетъ похвалы. Честь и слава артистамъ, которые умѣли передать намъ это образцовое произведеніе, въ достойномъ его видѣ...

— *Отелло*. Музыка Россини, (*Первое представленіе 17 ноября*).

О музыкѣ «Отелло» мы сказали уже свое мнѣніе.....

Лючія, Музыка Довидветти. (*Первое представленіе 30 ноября*).

Сперва скажемъ нѣсколько словъ объ исполненіи вообще. По нашему мнѣнію, если что-либо въ этой оперѣ заслуживаетъ особенное вниманіе, такъ это финаль втораго акта. Исполненіе этого мѣста въ общемъ было такъ хорошо, такъ хорошо, что недостаетъ похвалъ артистамъ, особенно Рубини и Тамбурини. Здѣсь именно въ самомъ исполненіи проявлялась истина, требуемая искусствомъ. Словомъ,

финалъ въ всѣхъ отношеніяхъ шолъ превосходно.

Затѣмъ вездѣ въ прочихъ мѣстахъ Рубини — *Эдгаръ* былъ, какъ и всегда въ этой оперѣ, великимъ артистомъ по своему пѣнію, равно и по самой игрѣ. *Тамбурины* — *Геррихъ* явилъ себя высокою артистомъ. Пѣніе его и игра исполнены были истинны и заслуживаютъ величайшей похвалы.

Петровъ — *Раймондъ* исполнилъ свою партію очень-хорошо. Отъ всей души благодаримъ русскаго артиста, который употребляетъ все свое стараніе, чтобы по-возможности способствовать лучшему исполненію въ цѣломъ почти каждой оперы.

— *Невѣста-лунатикъ*. (Соннамбула). Музыка Беллини: (*Первое представленіе 17 ноября*)...

Что сказать объ исполненіи «Соннамбулы»? Кажется болѣе ничего, какъ только похвалить его.

Рубини — *Эльвино*. Партія Эльвино есть одна изъ лучшихъ ролей Рубини и онъ превосходно ее исполнилъ. Сколько чувства, сколько истиннаго выраженія проявлено было имъ въ первомъ дуэтѣ съ Аминою, въ финалѣ перваго акта и, наконецъ, въ аріи втораго! Словомъ, Рубини былъ вездѣ восхитителенъ и истинно-великій пѣвецъ. Надобно правду сказать, что въ прежнее время «Соннамбула» тогда только и имѣла успѣхъ, и производила впечатлѣніе на массу, когда въ этой оперѣ пѣли Рубини и Паста.

Віардо-Гарсія — *Амина*, была, во всѣхъ отношеніяхъ, увлекательна, какъ по своему пѣнію, такъ равно и по игрѣ, исполненной живости, граціи и изящности. Она прелестно

пропѣла первую свою каватинну и не менѣе была прекрасна въ первомъ дуэтѣ съ Рубини; трогательно въ финалѣ перваго акта, равно какъ въ речитативѣ и финальной аріи втораго, гдѣ явилась кромѣ того удивительною артисткою.

Тамбурины — *Рудольфъ*, въ свою очередь способствовалъ отличному исполненію оперы. Счастливъ, необыкновенно-счастливъ композиторъ, музыка котораго является въ исполненіи такого триумвирата артистовъ. При такихъ славныхъ представителяхъ кака я музыка не покажется отличною!..

— *Норма*. Музыка Беллини. (*Первое представленіе 8 ноября*).

«Норму» итальянскіе артисты давали на нашей сценѣ три раза, въ первые два участвовали въ этой оперѣ г-жа Ассандри (*Норма*), Талини (*Адализа*) и Пазини (*Полюна*); въ третій — г-жа Шюцъ играла вмѣсто г-жи Ассандри. Ни въ одно изъ этихъ преставленій не удалось намъ быть въ театрѣ, а потому мы и сказать объ нихъ ничего не можемъ.....

Велизарій. Музыка Доницетти. (*Первое представленіе 18 ноября*).

Кажется Велизарію не совсѣмъ-то посчастливилось; да и правду надобно сказать, музыка этой оперы такъ слаба, что едва-ли заслуживаетъ отличнаго исполненія. Думаемъ, что потери все-бы не было, если-бы «Велизарій» остался въ давно-забытомъ репертуарѣ.

Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ *Тамбуринамъ*, который исполнялъ роль Велизарія. Партія эта первая въ оперѣ и, по-видимому, требуетъ значительныхъ условій для отличнаго исполненія всѣхъ частяхъ какъ въ отношеніи къ пѣ-

нію, такъ и къ игрѣ, особенно-же чувства, выраженія и трагизма. Тамбурины выполнили свою роль, можно сказать, прекрасно; пѣлъ, просто, не прибѣгая къ украшеніямъ; сильно, въ иныхъ мѣстахъ, особенно въ дуэтѣ съ Преною, проявлено было имъ много чувства и выраженія. Но за всѣмъ тѣмъ Тамбурины не совсѣмъ Велизарій, какого мы желали-бы видѣть. Роль эта скорѣе роль Форназаръ, Ронконии тому подобвхъ новѣйшихъ артистовъ. Все время своего артистическаго поврища Тамбурины ни гдѣ не исполнялъ партіи Велизарія и явился въ этой оперѣ на нашей сценѣ въ первый разъ. Притомъ-же считаемъ излишнимъ замѣтить, что изъ партіи Велизарія кое-что было и выпущено. Впрочемъ, все-таки Тамбурины цѣлюю оперу, можно сказать, вынесъ на своихъ плечахъ и доставилъ много, очень-много удовольствія.....

Донъ-Жуанъ, Музыка Моцарта (Первое представленіе 13-го октября).

Въ нынѣшней книжкѣ «Репертуара и Пантеона» много и подробно говорено о «Донъ-Жуанѣ». Мы боимся утомить вниманіе читателей, обращая его снова на тотъ-же предметъ, хотя въ другомъ отношеніи, а потому отсылаемъ ихъ къ прекрасной статьѣ г-на Улыбышева, гдѣ они прочтутъ о томъ, какъ должно ставить на сцену и играть «Донъ Жуанъ», и, слѣдовательно, по этимъ даннымъ могутъ самисудить, какъ она поставлена и сыграна на нашей сценѣ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

1. Мѣщанинъ-дворянинъ, комедія Мольера.

2. Не бывать-бы счастьемъ, да несчастье помогло, комедія-водевиль П. С. Оедорова.

3. Складчина на ложу въ итальянской оперы, водевиль-à-propos, соч. П. Григорьева.

3. Между небомъ и землей, шутка-водевиль, переведенный съ французскаго.

Бенефисъ г-на Мартынова.

Театръ былъ полонъ, какъ бываетъ не у всякаго бенефицианта Александринскаго театра: это насъ вдвойнѣ порадовало—за артиста, котораго талантъ мы любимъ и уважаемъ всею душою; за Мольера, которому новѣйшая же-критика отказываетъ чуть-чуть не въ здоровомъ смыслѣ. Мы уже забыли и имена этихъ знаменитыхъ умниковъ, критикующихъ Мольера, а комедія Мольера не только живутъ на нашей сценѣ, но и доставляютъ величайшее наслажденіе публикѣ, и хорошіе сборы театру. И повѣрьте, комедія Мольера дотѣхъ-поръ не сойдутъ со сцены, пока у людей будетъ вкусъ и здравый смыслъ.

Комедія «Мѣщанинъ-дворянинъ» (Le Bourgeois Gentilhomme) въ первый разъ представлена была передъ Людовикомъ XIV, въ Шамборѣ, 13-го октября 1670 года. Во время спектакля, король не изъясилъ никакакого знака своего удовольствія, и вечеромъ, за ужиномъ, ни сло ва не сказалъ Мольеру. Это молчаніе государя придворные сочли признакомъ неудовольствія, и стали обходиться съ

Мольеромъ, какъ съ человѣкомъ, который впаде въ немилость, т. е. терзать его.

— За кого считаетъ васъ Мольеръ? говорилъ одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ того времени: неужели онъ думаетъ забавлять насъ такими вздорами? Что онъ хотѣлъ сказать своимъ *галаба, мамуши*? Бѣдвякъ, знать выписалси, и теперь ничего, кромѣ вздорѹ, написать не можѣтъ. Да, если театръ не попадетъ въ добрыя руки, плохо будетъ. Мольеръ пустился въ италянскій фарсъ.

Между первымъ и вторымъ представленіемъ пьесы прошло пять или шесть дней, и во все это время Мольеръ, убитый духомъ, не выходилъ изъ своей комнаты. Однакожъ пьесу сыграли во второй разъ. Послѣ этого представленія Людовикъ XIV сказалъ Мольеру: «Я ничего не сказалъ про твою пьесу послѣ перваго представленія, потому что я думалъ, не увлекла меня игра актеровъ: но теперь я убѣдился, что ты еще не написалъ ни-одной пьесы, которая насмѣшила-бы меня болѣе: комедія твоя прекрасна».

Такой отзывъ короля оживилъ Мольера. Придворные въ одинъ голосъ стали превозносить его новую комедію, повторяя слова Людовика XIV, и тотъ-же вельможа, который боялся за упадокъ театра, громко говорилъ: «Мольеръ неподражаемъ! У него есть какалято *vis comica* (сила комическая) во всемъ, что онъ ни напишетъ...»

Спустя мѣсяцъ послѣ этого, «Мѣщанинъ-дворянинъ» явился передъ публикою, на парижской сценѣ. *Восемдесятъ четыре* представленія сряду доказали Мольеру,

что публика не совсѣмъ раздѣляла мнѣніе придворныхъ насчетъ его новой комедіи.

Не принадлежа къ числу театральныхъ старожилѹвъ, мы не можемъ сказать, когда комедія эта впервые авилась на русской сценѣ; знаемъ только, что во-время она имѣла огромный успѣхъ въ Москвѣ, гдѣ въ роли Журдена отличался М. С. Щепкинъ. — Кто-то передѣлалъ эту комедію, и очень-удачно, для домашняго театра, выпустивъ изъ нея всѣ женскія роли; эта передѣлка напечатана подъ названіемъ «Мошенички», комедія въ пяти дѣйствійхъ, соч. С. Обтемперанцева» (вѣроятно, псевдонимъ?). Москва. Въ тип. Воейкова и Ком. 1811 г. въ 8 д. л.

Нельзя не поблагодарить г-на Мартынова за возобновленіе этой комедіи на нашей сценѣ. Мольеръ не смотря на то-что родился почти двумя столѣтіями прежде насъ, нисколько не устарѣлъ для нашего времени, именно потому, что онъ изображалъ человѣка вообще, съ его страстями и пороками, а не человѣка своего времени или своего народа. Оглянитесь кругомъ себя: сколько *Журденей* попадетъ вамъ на глаза!

«Мѣщанинъ-дворянинъ» напечатанъ въ «Репертуарѣ и Павтеонѣ», и потому мы не станемъ распространяться объ немъ.

Что касается до исполненія этой комедіи на сценѣ, скажемъ откровенно, мы неполнѣ довольны имъ. Главную роль занималъ бенефициантъ: по нашему мнѣнію онъ *сыгралъ* эту роль, но не *создалъ* ее, какъ создавалъ многія роли. Г-нъ Мартыновъ впадалъ иногда въ фарсы, *хотѣлъ* смѣшить, а этого-

то и не должно было дѣлать. Журденъ именно тѣмъ и смѣшонъ, что всѣ свои глупости дѣлаетъ самымъ сорьезнымъ образомъ, со всею важною челоуѣка, глубоко-увѣреннаго въ необыкновенномъ умѣ своемъ. Самый костюмъ г-на Мартынова не соотвѣтствовалъ роли: онъ былъ не довольно пышенъ, не довольно безвкусенъ и смѣшонъ. Лучше всѣхъ выполнила роль свою г-жа Сосницкая — *Николета*. Не дуренъ былъ г-нъ Марковевкій (*Жакъ*). За то г-жа Лоиская (*жена Журдена*) и г. Петровъ (*фактовальный учитель*) были изъ рукъ вонъ плохи.

Эту комедию, по-всей вѣроятности, ожидаетъ большой успѣхъ въ Москвѣ, гдѣ Мольеръ имѣетъ превосходнаго истолкователя себѣ въ М. С. Щенкинѣ.

Водевилъ П. С. Оедорова — «Не бывать-бы счастью, да несчастье помогло» очень-забавелъ по содержанию и милъ по куплетамъ. Прочтите его въ нынѣшней книжкѣ «Репертуара и Пантеона» и вы убѣдитесь въ томъ сами. Г-нъ Мартыновъ выполнилъ въ немъ роль *Алаона*, стараго ворчуна-лакея, прекрасно.

Ели чему посчастливилось въ бенефисѣ г-на Мартынова, такъ это фарсу г-на Григорьева: «Складчина на ложу въ итальянскія оперы». Мольеръ съ своей забавной комедіей чуть-ли уже не отправляется на покой, а фарсъ г-на Григорьева живетъ и повторяется безпрестанно, при неумолкаемомъ хохотѣ зрителей Александринскаго театра. Эта пьеса есть сколокъ съ «Ложи перваго яруса» П. А. Каратыгина, но далеко не можетъ идти съ тѣмъ водевилемъ въ срав-

неніе. Впрочемъ, въ этомъ водевилѣ есть очень-хорошенькій куплетъ, который поетъ г-жа Сосницкая (*Чернушкина*), упрасивающая мужа, чтобъ онъ по смерти ея не ставилъ-бы надъ ней монумента, но только-бы *не лишилъ абонемент* и уморительный разсказъ г-на Григорьева 2-го о *Соннамбуль*. Этими разсказами купца со Щукина-двора болѣе всего держится пьеса. Во всякомъ случаѣ, какъ фарсъ-кетати водевилъ г-на Григорьева пользуется законнымъ успѣхомъ.

«Между небомъ и землей» — есть также фарсъ-à propos, написанный по случаю изобрѣтенія воздухоплавательной машины — если она только изобрѣтена. Съ удовольствіемъ можемъ сказать, что авторъ русскій шутки далеко превзошелъ сочинителя этого пошлаго и нелѣпаго французскаго фарса.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Нельзя не удивляться чрезмѣрной дѣятельности французскихъ драматическихъ писателей, между которыми и въ этомъ случаѣ пальма первенства безспорно, принадлежитъ *Александру Дюма*. Давно-ли вышли его *Demoiselles de Sain-Cyr*, *Le Mariage au tambour*, *Louise Bernard* и вотъ уже опять на сценѣ *Втораяго Французскаго Театра* ставится новая драма его: *Laird Dumbiky*. Роли были уже розданы, начались репетиціи, какъ вдругъ старая знакомка и любимца посѣгителей Михайловскаго театра, *Виржини Бурбье*, ангажированная теперь при *Второмъ Французскомъ Театрѣ*, отказалась принимать участіе въ этой пьесѣ. Дюма однакожъ умѣлъ уго-

ворить ее весьма-простымъ образомъ : онъ нѣсколько увеличилъ роль г-жи Бурбье, а именно прибавилъ только 400 строкъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ! Устроивъ такимъ-образомъ дѣло съ этой стороны, Дюма вскорѣ отправился въ комитетъ *Перваго Французскаго театра*. Зачѣмъ?... Чтобы прочесть предъ общниками этого театра новую комедію въ пяти дѣйствіяхъ, названную имъ : *Une Conspiration sous la Régence* Непостижимо! — Комедія его была принята единогласно.

— Понсаръ, авторъ прославленной «*Лукреціи*», сдѣлавъ членомъ Лійонской Академіи наукъ и искусствъ. Онъ написалъ новую трагедію, которая вскорѣ будетъ играна на *Второмъ Французскомъ Театрѣ*.

— На театрѣ *Комической Оперы* въ Парижѣ ставится новая опера въ трехъ дѣйствіяхъ : *Кальостро*, слова *Скриба*, музыка *Адама*. Главныя роли будутъ заняты пѣвицами : Анной Тилльонъ, Помье, Беранже и пѣвцами : Шолле, Мокеромъ, Граромъ и Анри. На этомъ-же театрѣ ставится еще другая опера, въ трехъ-же дѣйствіяхъ : *Les Syrenes*, слова *Скриба*, музыка *Обера*. Первое представленіе обѣщано къ январю мѣсяцу.

— *Фредерикъ Сулье* отдалъ на театрѣ *l'Ambigu-Comique* новую драму свою : *Le Siège de Murcie*. День представленія ея еще неназначенъ.

— Въ то время, какъ миролюбивый теноръ Маріо собираетъ лавры и лундоры въ парижской Италіанской Оперѣ, лондонскій подицейскій судъ приговариваетъ его

къ значительной пѣнѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: одинъ огородникъ принесъ въ судъ слѣдующую жалобу: 2 іюля вечеромъ огородникъ этотъ ѣхалъ съ сыномъ своимъ въ городъ; встрѣтившійся ему экипажъ Маріо задѣлъ и опрокинулъ его телегу, причомъ сынъ его довольно-опасно ушибся, и теперь огородникъ требовалъ за это вознагражденія. Судъ рѣшилъ, что хотя въ экипажѣ сидѣли только поваръ и камердинеръ Маріо, но онъ все-таки обязанъ отвѣчать за произведенный его людьми безпорядокъ, и потому долженъ заплатить огороднику 50 фунтовъ стерлинговъ.

— Въ «*Sup*» напечатано слѣдующее: объявленіе «*Къ Рождеству Фанъ-Амбургъ* съ своею *труппою* займетъ Ковентгарденскій театръ. Бѣдный Шекспиръ! Въ нашъ образованный вѣкъ для тебя вѣтъ болѣе мѣста между операми и звѣрями — Стыдись, гордая Англія!

— Вотъ что пишугъ въ нѣмецкихъ газетахъ о нашей италіанской оперѣ : «*Молодая пѣвица Тадина*, много лѣтъ пользовавшаяся уроками Рубини, и въ прошедшемъ году выступившая въ Туринѣ въ первый разъ на сцену, сдѣлалась теперь любимницею петербургскихъ оперныхъ делеттантовъ. Одно первое появленіе ея въ главной роли оперы «*Пиратъ*» доставило уже ей названіе *первой пвицы*. (!!) Тамбурины и Рубини во все время пребыванія своего въ Петербургѣ почти ежедневно поютъ въ приватныхъ концертахъ. Въ числѣ подарковъ, полученныхъ Рубини, особенно-замѣчательны *санки, украшенныя чистою платиною и запряженныя двумя оленями, и дра-*

ющьяя шуба изъ бѣлыхъ соболей. Каково!!!

— Дѣвицы Берта и Полина Браунсъ, обѣ слѣпыя, производятъ фуроре въ Стокгольмѣ, первая какъ пѣвица, вторая какъ пианистка. Онѣ воспитывались въ Институтѣ слѣпыхъ, г-на Юлиха, въ Гамбургѣ и, говорятъ, дѣйствительно обѣ одарены замѣчательными талантами.

— Въ послѣднее время Лиштъ давалъ концерты въ Карлсруэ, Гейдельбергѣ и Мангеймѣ. Князь Гогенцоллернъ-Хегингенскій пожаловалъ ему чинъ *надворнаго советника* и княжескій Гогенцоллернскій орденъ третьей степени. Радуйтеся господа *Надворные Советники!*

— Въ одномъ изъ парижскихъ театровъ скоро будетъ дебютировать сынъ какого-то чрезвычайно богатого банкира. Говорятъ, что дебютантъ этотъ, намѣренъ котораго поступить на сцену взволновало весь финансовый и закулисный міръ; хорошъ какъ Антиной, богатъ какъ Родшильдъ и любезенъ, какъ Ришелье. Этихъ достоинствъ больше чѣмъ нужно для того, чтобы вскружить головы и актрисамъ и зрительницамъ. И ужъ вѣроятно этотъ артистъ никогда не будетъ освистанъ: нѣтъ, въ наше время на миліоны не свищутъ!

— Въ парижскихъ музыкальныхъ салонахъ идутъ теперь толки о новомъ молодомъ композиторѣ. Это новое музыкальное чудо, новый гевій; называется Рено де-Вильбахъ и только 14-ти лѣтъ еще отъ роду. Онъ ученикъ Галеви и давно уже сочинилъ двухъ-актную оперу, изъ которой нѣкоторые отрывки пѣты уже Бар-

руазе и первыми пѣвцами Королевской Академіи.

— Проживающіе въ Парижѣ Англичане хотятъ основать тамъ англійскій театръ, какъ скоро наберется денегъ на покрытіе издержекъ этого опаснаго предпріятія. «Если они рассчитываютъ и на помощь Французовъ», говорятъ французскіе журналы, «то планъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, не будетъ приведенъ въ исполненіе.

— 19-го ноября и с. въ Берлинѣ давали новое драматическое произведеніе Принцессы Амалии Саксонской, а именно «Регину», комедію въ 5 дѣйствіяхъ. Успѣхъ былъ довольно-значительный.

— Миссъ Клара Новелло, знаменитая британская пѣвица, 21-го прошедшаго ноября праздновала въ Лондонѣ свадьбу свою съ графомъ Джиглиуччи (Gigliucci), у котораго въ Романы находятся большія помѣстья; послѣ чего молодая чета тотчасъ-же отправилась на твердую землю. Это значитъ, что прекрасная пѣвица навсегда покидаетъ сцену, которой въ послѣдніе два года она была лучшимъ украшеніемъ.

— Про Бальзака рассказываютъ слѣдующій анекдотъ: Въ одномъ обществѣ ему расточали похвалы за его «Vicaire des Ardennes и Annette et le criminel»; онъ усмѣхнулся и объявилъ, что обѣ эти книги не его, что кто-то другой воспользовался его именемъ, и что такъ-какъ книги были недурны, то онъ и не спорилъ противъ такого злоупотребленія. Во Франціи знаютъ это.

— Въ Парижѣ давно уже есть улица Мегюля; теперь и въ Вѣнѣ, въ Аалеръ-Форштадтѣ есть улица

Бегговена, и этимъ обязана Вѣна честному книгопродавцу Диррбену, который скупилъ множество домовъ и открылъ новую улицу.

Въ Gazette des Théâtres напечатанъ слѣдующій реэстръ пенсій, которыя Французская Комедія выплачиваетъ выслужившимъ свои лѣта и удалившимся со сцены своимъ общникамъ: Г-мъ: Дюпошту, 4,000 фр. — Арману, 7,000 фр. — Лафону, 7,200 фр. — Мишелю, 6,400 фр. — Картивьи, 5,000 фр. — Фирмену, 5,000 фр. — Жоанни, 5,000 фр. — Давиду 5,000 фр. — Гио 5,000 фр. — Арману Дельи 5,000 фр. — Демуссо 6,800 фр. — Менью 5,000 фр. — С-тъ Олеру 5,000 фр. — Веделю, эксъ-директору, 5,000 фр. — Г-жмъ: Тальма 5,200 фр. — Деброссъ 4,000 фр. — Тенаръ 7,600 фр. — Эмилии Конта, 6,200 фр. — Дюмерсанъ 5,000 фр. — Марсъ 8,400 фр. — Дюлонъ 7,000 фр. — Менью, 500 фр. — Дюпонъ, 7,000 фр. — Тузе, 6,400 фр. — Брокаръ, 5,000 фр. — Гервей 4,850 фр. — В-его, 148,250 фр. Къ этой суммѣ надобно еще прибавить до 200,000 фр., раздаваемыхъ другимъ пансіонерамъ и служащимъ при театрѣ.

— На домѣ, въ которомъ, 15 января 1662 года, родился Мольеръ, слѣлаи надпись, но про могилу, гдѣ покоятся останки этого великаго писателя, кажется, совершенно забыли. До 93 года она была въ церкви св. Роша; но въ эту эпоху Ленуаръ вынулъ прахъ великаго Мольера и положилъ его въ особой гробницѣ, которую онъ воздвигнулъ въ своемъ музеемѣ въ улицѣ Des Petits - Augustins. При образованіи Школы изящныхъ искусствъ, въ первые годы реставраціи, гробница Мольера перевесена была на кладбище отца Лашеза, гдѣ, также какъ и Лафонтенова, заросла терновникомъ и сорною травою.

— 14 будущаго января открытъ

будеть окончательно фонтанъ Мольера, построенный на перекресткѣ улицы Richelieu и старинной улицы Traversière-Saint - Honore. 14 января 1844 года—канунъ двѣсти-двадцать-втораго дня рожденія Моцарта. Программа церемоніи уже написана. Начальникомъ церемоніи будетъ министръ внутреннихъ дѣлъ; въ ней будутъ участвовать депутаты отъ всѣхъ Академій и литературныхъ Обществъ Парижа. Статуя Мольера отлита уже въ заведеніи Дюрана и К. Великій комикъ представленъ сидящимъ въ креслѣ, въ положеніи человѣка размышляющаго. Фигура эта слѣлана г-мъ Серроксъ. Она поставится намѣсто 3-го января. Аллегорическія статуи, которыя помѣщены будутъ по обѣимъ сторонамъ Мольера, тоже кончены, и одна изъ нихъ уже на мѣстѣ, а на дняхъ поставится другая. Обѣ фигуры эти, изъ коихъ одна представляетъ комедію классическую, а другая комедію лирическую, принадлежать рѣзцу Прадье,

— 19-го ноября н. с. дана была на театрѣ della Scala новая лирическая драма Жанетти «L'assedio di Brescia, (осада Бресчии) музыка Баджетти. Таможняя музыкальная газета хвалитъ основательныя познанія композитора, но сомнѣвается въ продолжительномъ успѣхѣ оперы, стиль инструментовки которой, по словамъ ея, несколько неоригиналенъ и довольно въ легкомъ родѣ. — На театрѣ San Carlo, въ Неаполѣ, съ большимъ успѣхомъ поставлена была новая опера маэстро Лилло: «L'osteria di Andujarn, (Андуярская гостиница.) Неапольская театральная газета хвалитъ богатство фантазіи композитора, не забывая притомъ и до стоипствъ автора либретто Таронтини.

— D-ле Черито, пользующаяся такимъ огромнымъ успѣхомъ на

театръ Alibert въ Римѣ, выбрана въ члены знаменитой римской музыкальной Академіи св. Цециліи — почесте, какой до-сихъ-поръ еще не достигала ниодна танцовщица. Сочиненный г-жею Черитто, собственно для этой сцены, второй балетъ, «L'allieva d'Amore» также чрезвычайно расхвалена тамошними журналами. Известный, какъ отличный танпоръ и какъ превосходный скрипачъ, Ст. Леонъ, занимая въ этомъ балетѣ роль пастуха, имѣлъ случай выказать оба свои таланта, съ самой блистательной стороны. — Опера Мобеллини: «il Conte di Lavagna», въ которой дѣвица Брамбилла и г-жа Барбіери-Нини, обѣ пользуются чрезвычайно благодарными ролями, очень-благоклонно принята публикою театра Aliberti.

— Въ то-самое время, какъ мы, сидя въ типографіи, заключаемъ нашу книжку, прощаясь на-всегда съ старымъ домомъ, любители театра, болѣе насъ счастливые въ этомъ случаѣ, провожаютъ старый годъ въ итальянской оперѣ, гдѣ даютъ въ этотъ вечеръ *Севильскаго цирюльника*, котораго, право, нельзя несмотрѣться и послушаться.

— Въ Александринскомъ театрѣ, въ этотъ вечеръ, 31-го декабря даютъ по возобновленіи въ первый разъ комедію *Адольфъ и Клара*, переведенную съ французскаго П. А. Каратыгинымъ. Роль Клары въ первый разъ занимаетъ дѣвица М. Шелехова, которая недавно съ большимъ успѣхомъ дебютировала на сценѣ.

— Каемся передъ читателями въ одной объмѣлкѣ: въ фельетонѣ 12-й кн. «Репертуара и Пантеона», говоря о дебютахъ на нашей сценѣ г-жи *Куликовой-Сабуровой*, мы

сказали, что ея мать, г-жа Сабурова, есть родная сестра покойнаго Лаврова: это несправедливо; г-жа Сабурова — урожденная *Окулева*, была съ-родни Лаврову по-мужу своему. Она изъ воспитанницъ Петербургской театральнаго школы.

— Основатель «Пантеона» книгопродавецъ Поляковъ, и первый редакторъ его г. Кони, недодавший еще по-сие-время нѣсколько книжекъ, далъ ему титула «Пантеонъ русскаго всѣхъ европейскихъ театровъ» какъ будто русской театр — *не европейскій!* Новый редакторъ, принявшій это изданіе съ 1-й книжки 1843 года, считая театръ русскій столько-же европейскимъ, какъ французскій, нѣмецкій и проч. замѣнилъ слова «европейскихъ» гораздо приличнѣйшимъ «иностранныхъ», тѣмъ-болѣе что «Репертуаръ и Пантеонъ» говоритъ и объ американскихъ, и объ азіатскихъ, и объ африканскихъ театрахъ: съ нынѣшняго-же года для краткости изданіе наше называется просто «*Репертуаръ и Пантеонъ, театральное обозрѣніе*» и будетъ такъ называться, пока будетъ жить и здравствовать. Между-тѣмъ г-да книгопродавцы, объявляя о подпискѣ на него, не перестаютъ писать и печатать: «Репертуаръ русскаго и Пантеонъ всѣхъ европейскихъ театровъ!!» Иные изъ нихъ обѣщаютъ даже 24 книжки въ годъ!! Почему мы покорнѣе просимъ ихъ на будущее время — *во-первыхъ*, у насъ издателей, *природныхъ русскихъ* и у нашего *русскаго* театра не отнимать права на на званіе *Европейцевъ и европейскаго*, а во-вторыхъ, объявляемъ, что выдадимъ только *двѣнадцать* книжекъ, а остальные, ими обѣщанныя двѣнадцать, ужъ пустьони потрудятся издать сами...

ОПЕЧАТКИ.

По причинѣ поспѣшности, съ какою книжка эта печаталась, вклялись нѣкоторыя ошибки, которыя мы просимъ покорнѣйше исправить:

<i>Стр.</i>	<i>Стрк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
4	15	съ 1787	въ 1787
—	—	композиторъ	композитора
тамъ же	I	страннымъ думамъ	мрачнымъ думамъ
	снизу		
25	13	что Донъ-Жуанъ рыцарь, что онъ дворянинъ	что Донъ-Жуанъ кавалеръ, человекъ высшаго круга
тамъ же	15	высшаго круга	высшаго круга
27	24	Луэрбахскаго	Луэрбахскаго
тамъ же	35	усиленной сексты	увеличенной сексты
		противъ басоваго гѣ	противъ простаго басоваго гѣ
31	13	се — minor	гѣ — minor
40	1	рыцарь допустилъ	кавалеръ допустилъ
	снизу		
41	30	прекраснаго рыцаря	прекраснаго кавалера
42	7	въ allegro	allegro въ
44	25	существованія	сосуществованія
46	3	заклятія	заклинанія
48	2	dall' altro	dall' altro
49	9	бѣдной дурочки	бѣднаго дурочка
50	1	и берутъ въ полголоса	и жужжатъ
51	8	рыцаря	кавалера
52	1	столь-различныхъ	столь-различными

